

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

КОНДРАТЕНКО Полина Игоревна

КАТЕГОРИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ (НА
МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ И РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научная специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские
языки)

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Нефедов Сергей Трофимович

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОЦЕНОК В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	15
<i>1.1. Функционально-семантический подход к изучению оценки.....</i>	<i>16</i>
1.1.1. Обще- и частнооценочные значения с позиций функционально-семантического подхода.....	16
1.1.2. Параметрические свойства оценки как объекта рассмотрения в рамках функционально-семантического подхода.....	20
1.1.3. Итоги функционально-семантического изучения оценок.....	24
<i>1.2. Текстотрические подходы к изучению оценок.....</i>	<i>25</i>
1.2.1. Рассмотрение оценок в научных текстах с позиций отечественной функциональной стилистики.....	25
1.2.2. Текстотипологическое исследование оценки у М. Рипфель.....	31
1.2.3. Основные достижения текстотрического изучения оценок.....	32
<i>1.3. Лингвопрагматическое, социолингвистическое и лингводискурсивное изучение языковой оценки.....</i>	<i>35</i>
1.3.1. Особый оценочный план научных текстов в работах отечественных лингвистов.....	36
1.3.2. Оценка в зеркале немецкой лингвопрагматики.....	43
1.3.3. Междисциплинарный лингвосociологический подход: вовлечение оценки в жизнедеятельность функционально дифференцированных систем социума.....	47
1.3.4. Модель описания оценки Дж. Мартина и П. Уайта (Appraisal Framework): обращение к дискурсивной перспективе.....	52
1.3.5. Актуальные тенденции социолингвистического и лингводискурсивного изучения оценки в отечественной и зарубежной лингвистике.....	57
1.3.6. Итоги лингвопрагматического, лингводискурсивного и социокоммуникативного изучения оценок.....	63
Выводы по Главе 1.....	66

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ОЦЕНОК В НАУЧНО-ЭКСПЕРТНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ.....	67
2.1. Роль экспертизы и экспертного знания в науке.....	67
2.2. Рецензия как ядерный тип текста в научно-экспертной коммуникативной практике.....	70
2.2.1. Разновидности научных рецензий.....	71
2.2.2. Типовое содержание журнальной научной рецензии.....	73
2.2.3. Коммуникативные параметры журнальной научной рецензии.....	75
2.3. Понятие экспертной оценки в научных рецензиях.....	79
2.4. Материал исследования.....	81
2.5. Методология исследования.....	86
2.6. Языковое маркирование основных коммуникативных параметров научно-экспертной практики в немецко- и русскоязычном подкорпусах.....	88
2.7. Эксплицитные оценочно-квалифицирующие средства немецко- и русскоязычного экспертно-научных дискурсов.....	94
2.7.1. Средства эксплицитной рациональной оценки.....	94
2.7.2. Средства эксплицитной эмоциональной оценки.....	99
2.8. Стратегии имплицитного оценивания в научно-экспертных текстах на немецком и русском языках.....	102
2.8.1. Оценка, реализованная посредством констатации фактов.....	104
2.8.2. Оценка, имплицитная посредством выражения (не)согласия с позицией автора рецензируемого труда.....	106
2.8.3. Оценка посредством рекомендации, адресованной автору рецензируемого труда.....	109
2.8.4. Оценка посредством рекомендации, адресованной реципиенту рецензии.....	110
2.8.5. Оценка, реализованная в рамках стратегии «от обратного».....	112
2.8.6. Оценка авторского вклада на фоне ранее опубликованных научных результатов.....	116
2.8.7. Оценка посредством прямого или косвенного вопроса.....	117
2.8.8. Оценка профессионализма автора рецензируемого труда.....	119
2.9. Макростратегии имплицитной экспертной оценки.....	121
2.9.1. Оценка, имплицитная посредством экспрессивных речевых актов.....	122
2.9.2. Макростратегия полярной компенсации в оценочных кластерах.....	123
Выводы по Главе 2.....	127

ГЛАВА 3. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОЦЕНОК В НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО-ЭКСПЕРТНОМ ДИСКУРСАХ.....	129
3.1. Научная коммуникация в межъязыковом и межкультурном сопоставлении.....	129
3.2. Направления сопоставительного количественного анализа оценок в немецко- и русскоязычных лингвистических рецензиях.....	135
3.3. Средняя плотность эксплицитных и имплицитных оценок.....	137
3.4. Средняя плотность положительных и отрицательных оценок.....	141
3.5. Средняя плотность рациональных и эмоциональных оценок.....	143
3.5.1. Средняя плотность положительных и отрицательных эмоциональных оценок.....	144
3.5.2. Средняя плотность эмоциональных оценок в кластерной и изолированной реализации.....	145
3.5.3. Частотные маркеры эмоциональности в немецко- и русскоязычных рецензиях.....	148
3.5.4. Характерные основания рационально-мотивированных оценок в немецко- и русскоязычных рецензиях.....	152
3.6. Средняя плотность интенсифицированных и деинтенсифицированных оценок.....	155
Выводы по Главе 3.....	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	166
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	169
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	184

ВВЕДЕНИЕ

Выражение в языке «ценностного отношения между мыслью и её объектом» [Ивин 2016: 21] неразрывно связано с инициатором оценочного действия — субъектом оценки, который приписывает объектам действительности ценности, исходя из сформированных в языковом коллективе ценностных представлений. Социальную обусловленность оценочного значения и его многогранную связь с личными предпочтениями, воззрениями и целенаправленной волей субъекта речи не раз отмечали исследователи — в частности, Н. Д. Арутюнова в монографии «Типы языковых значений. Оценка, событие, факт» [Арутюнова 1988: 6]. Связь оценки с субъектами оценивания можно рассматривать как двустороннюю: речевая деятельность субъекта сама по себе носит отнюдь не нейтральный характер, в ней неизбежно воспроизводятся оценочные суждения, так как речь подчиняется интересам говорящего и коллективно закреплённым ценностям [Hunston 2011: 19].

Тесная взаимосвязь оценивающего субъекта и оценки вводит последнюю в поле зрения гуманитарных наук. Так, оценка активно изучается в философии — в рамках аксиологии, логики оценок и норм [Ивин 1970, 2006, 2016], этики и эстетики, особенно когда речь идёт об эстетически и этически мотивированном оценивании [Воеводин 2010]. Оценка получает рассмотрение в психологии [Батулин 2008; Выбойщик 2003] в силу двойственной психофизической природы. Психический компонент оценки включает в себя когнитивные процессы, которые протекают в сознании участников общения — оценивающих субъектов и адресатов оценочных действий; под физическим компонентом понимается языковое выражение оценки в соответствии с нормами и конвенциями, принятыми в конкретном языковом сообществе [Sager 1982: 40; Keller 2002: 3]. Лингвистическое изучение оценки естественным образом во многом концентрируется на средствах и способах её выражения, однако уделяет внимание и когнитивной составляющей оценочных операций.

«Высказывания без оценки не построишь. Каждое высказывание есть прежде всего оценивающая ориентация», — замечает В. Н. Волошинов [Волошинов 1972: 107], и к нему присоединяются другие исследователи [Hyland 2005: 4]. На фоне неразрывной связи оценки с фигурой оценивающего субъекта и её включённости во все сферы деятельности человека, необходимо отметить особую значимость, которую процедуры оценивания приобретают в такой

социальной подсистеме как наука. Благодаря оценкам и целым системам оценочных актов, задействованных в процессе производства научного знания, становится возможным выбор перспективных направлений научной мысли, определяющих дальнейшее развитие той или иной дисциплины [Malrieu 1999: 11].

Настоящее исследование посвящено оценке в научно-экспертной коммуникации, языковым и культурно-обусловленным особенностям её выражения в текстах академических рецензий лингвистической тематики на немецком и русском языках.

Актуальность представленной диссертации обусловлена тем, что она выполнена в русле современных лингвистических исследований социокоммуникативной и лингводискурсивной направленности. В соответствии с ориентацией данных направлений на комплексный, антропоцентрический подход к изучению языковых явлений в употреблении оценка рассматривается в работе как речемыслительная и прагматическая макрокатегория, функционирование которой зависит не только от возможностей конкретной языковой системы, но в значительной мере определяется параметрами коммуникативных ситуаций, присущих практикам профессионального общения. Повышению актуальности исследования дополнительно способствует избранная сопоставительная перспектива, которая позволяет включить настоящую диссертацию в ряд исследований, посвящённых сравнительному изучению академической коммуникации на материале разных языков.

Несмотря на то, что прагматический поворот (*pragmatic turn*), положивший начало лингвистическому изучению деятельностного и социального аспектов коммуникации (в т. ч. оценочности в языке), произошёл в 70-х гг. XX в., в исследовании оценок до сих пор остаются некоторые пробелы. Так, по-прежнему недостаточно учитываются особенности конкретной коммуникативной ситуации для изучения оценок. В частности, подробно рассматриваются лексико-грамматические единицы, обладающие эксплицитно выраженной оценочной семантикой, в то время как контексты с имплицитной оценкой реже привлекаются к анализу. Оценочные высказывания в научном дискурсе нередко изучаются без акцентирования связи оценок с целями и намерениями авторов сообщений — участников научно-исследовательского, научно-экспертного или научно-учебного субдискурсов. Недостаточно чётко отражается понимание того, что существующие теоретические модели, используемые для описания оценки как таковой (например, известная модель *Appraisal Framework* [Martin, White 2005]), находят лишь ограниченное применение в исследованиях аксиологически-насыщенной коммуникации участников научного дискурса. Между тем далеко не все составляющие подобных теоретических конструктов в одинаковой мере — представлены в научных текстах. Учёт обозначенных выше аспектов в диссертации демонстрирует её **научную новизну**.

Объектом исследования выступает категория экспертной оценки, средства и способы её языкового выражения в немецко- и русскоязычных текстах научно-экспертного дискурса.

Рабочая гипотеза. Исходно предполагается, что средства и способы реализации оценки в научных рецензиях подчинены особым коммуникативным целям, которые преследуют авторы текстов именно научно-экспертного дискурса. Научно-исследовательская коммуникативная практика во всей совокупности экстралингвистических параметров и обстоятельств конфигурирует все компоненты оценочной матрицы, в том числе объекты и основания оценивания, которые в научных рецензиях выступают в специфическом виде. Кроме того, выдвигается гипотеза о наличии лингвокультурной специфики в выборе оценочных стратегий и средств их манифестации представителями немецко- и русскоязычных лингвистических сообществ. Предполагается, среди прочего, что плотность оценочно-насыщенных контекстов в немецко- и русскоязычных рецензиях может оказаться различной. Более того, не исключаются различия в количественных показателях эмоциональной и рациональной оценочности. Вполне вероятным представляется разная степень тяготения немецких и российских рецензентов к выбору положительной или отрицательной, категоричной или некатегоричной оценки. Ожидается, что различия будут наблюдаться не только в количественных показателях, но и в оперировании разнообразными стратегиями импликации оценок. Такого рода данные, полученные в результате комплексного качественно-количественного анализа научно-экспертных текстов, позволят доказать или опровергнуть существование лингвокультурных особенностей реализации экспертной оценки в немецко- и русскоязычных лингвистических рецензиях.

Целью исследования является изучение языковых средств и способов конструирования оценочности в лингвистических рецензиях на немецком и русском языках, а также установление лингвокультурологической специфики оценивания в научно-экспертных текстах.

Поставленная цель подразумевает решение следующих конкретных **задач**:

- 1) описать актуальные лингвистические подходы к изучению оценочной семантики и языка оценок в научном дискурсе и его разновидностях; уточнить понятие *экспертной оценки* применительно к текстотипу *журнальная научная рецензия*;
- 2) определить критерии создания репрезентативных текстовых корпусов для исследования; произвести предикационную структурную сегментацию языкового материала для подготовки данных к количественной обработке;
- 3) провести контекстно-семантический анализ и выявить высказывания с эксплицитно и имплицитно реализованным оценочным отношением рецензента к рассматриваемой им публикации; выявить средства и определить способы оценивания в выделенных контекстах;

- 4) провести лингвоаксиологический и лингводискурсивный анализ, позволяющий учесть ценностную составляющую и особенности языкового выражения элементов логической структуры оценок (объектов, оснований, субъектов и адресатов);
- 5) провести структурно-грамматический анализ, выявить типичные лексико-грамматические средства, используемые для контекстуального построения оценочных смыслов, определить частеречную принадлежность и семантику выделенных средств, проанализировать средства модификации оценок из общих в частные, а также средства интенсификации и деинтенсификации, полемического заострения и смягчения оценок в тексте;
- 6) провести функционально-прагматический, коммуникативный анализ высказываний с включением оценок, выделить типичные оценочные стратегии, описать механизмы оценивания и зафиксировать типичные средства в рамках данных стратегий;
- 7) провести статистические подсчёты, сопоставить данные количественной обработки материала на немецком и русском языках для повышения репрезентативности и достоверности выводов о наблюдаемой лингвокультурной специфике оценивания в обследованных текстах.

В качестве **материала исследования** были использованы 100 рецензий из научных журналов по лингвистике на немецком и русском языках. В немецкоязычный корпус вошли 50 рецензий, опубликованные с 2016 по 2020 гг. в высокорейтинговых академических изданиях «Zeitschrift für Angewandte Linguistik», «Zeitschrift für Rezensionen» и «Zeitschrift für Sprachwissenschaft» (общий объём: 6843 текстовые предикации). Русскоязычный корпус составили 50 рецензий, опубликованных в тот же временной период в профильных журналах: «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика» (новое название — «Russian Journal of Linguistics»), «Вопросы ономастики» и «Вопросы языкознания» (общий объём: 8312 текстовых предикаций). Суммарный объём двух корпусов, таким образом, насчитывает 15 155 предикаций или 621 печатную страницу.

В теоретико-методологическом плане исследование опирается на 1) работы представителей функционально-грамматического подхода к изучению языковых явлений [Halliday 1978; Hannappel, Melenk 1981; Бирюлин, Корди 1990; Бондарко 1990; Swales 1990; Bublitz 2009; Starfield, Paltridge 2015; Liedtke 2016; Hood 2016]; 2) работы, посвящённые оценке, оценочной логике, оценочной семантике и экспрессивному значению [Арутюнова 1976, 1988; Malrieu 1999; Телия 1991; Вольф 2002; Martin, White 2005; Hunston 2011; Молодыхенко 2015a,b; Баженова 2016; Ивин 2016; Алексеева 2019]; 3) статьи и монографии в сфере грамматики и семантики текстов, лингвистики текстотипов [Heinemann 2000a; Heinemann 2000b; Heinemann, Heinemann 2002; Gansel, Jürgens 2009; Нефедов 2013; Филиппов 2018]; 4) научные труды,

систематизирующие принципы лингвистического дискурс-анализа [Gumperz 2002; Warnke, Spitzmüller 2008; Busse 2013; van Dijk 2014; Spitzmüller 2019; Куссе, Чернявская 2019; Нефедов, Чернявская 2020]; 5) труды в области социологии и эпистемологии науки [Fleck 1980; Ильин 1989; Longino 1990; Микешина 2005, 2007; Diaz-Bone 2013; Луман 2016]; 6) работы исследователей, фокусирующие особенности коммуникации в различных жанрах научного дискурса [Рябцева 1996, 1999; Красильникова 1999; Auer, Baßler 2007; Graefen, Thielmann 2007; Котюрова, Баженова 2008; Нефедов 2014a,b, 2017; Чернявская 2016; Brommer 2018], в т. ч. в сопоставительной перспективе [Galtung 1983; Hutz 2001; Baßler 2003; Breitkopf 2006; Ehlich 2006; Hempel 2006; Breitkopf, Vassileva 2007; Kotthoff 2013; Zhao 2015, 2021; Gansel 2018]; 7) публикации, рассматривающие оценку [Воробьева 1985; Троянская 1985; Hyland 2004; Shaw 2004, 2009; Данилевская 2009, 2013; Hood 2010, 2012; Arendt, Schäfer 2015; Nefedov 2019; Нефедов 2020, 2021] и авторское позиционирование [Fløttum 2009; Gray, Biber 2012] в научной коммуникации.

Поставленная цель и сформулированные задачи научно-исследовательской работы, необходимость учёта ценностных ориентиров, стандартов и норм научной коммуникации обуславливают выбор теоретических установок социокоммуникативного и лингводискурсивного направлений в качестве основной **методологии исследования**. В рамках избранного подхода проводится количественно-качественный контент-анализ языкового материала (подробнее см. [Тичер, Мейер 2009]). Комбинированный контент-анализ позволяет рассматривать оценки в контексте — причём не только в непосредственном текстовом окружении, но и в типовых коммуникативных ситуациях. Кроме того, контент-анализ делает возможным подключение к изучению оценок сведений о когнитивных структурах, определяемых общими ценностными установками в профессиональных коллективах. Для обработки материала исследования по основным направлениям контент-анализа был задействован ряд частных аналитических методов: контекстно-семантический, лингвоаксиологический, структурно-грамматический, функционально-прагматический и текстотипологический. Для моделирования оценочного профиля немецко- и русскоязычных лингвистических научных рецензий в сопоставительной перспективе были использованы статистические подсчёты по параметрам, релевантным для характеристики оценок в текстах научно-экспертного дискурса.

Теоретическая значимость проведённого исследования заключается в комплексном прагмасемантическом, лингводискурсивном и структурно-грамматическом аспектах, систематизации микро- и макростратегий оценивания в рецензиях, применении метода комплексного контент-анализа к рассмотрению контекстов с включением оценки. Работа формирует стимул для дальнейших лингвистических исследований оценочных смыслов в разновидностях научного дискурса и вносит вклад в возможное сближение логико-философских

и лингводискурсивных методов изучения оценок. Кроме того, выявленные особенности оперирования оценочными стратегиями в немецко- и русскоязычных рецензиях могут стать отправной точкой для дальнейшей проверки полученных результатов социологическими методами, что открывает дополнительные возможности междисциплинарного изучения оценки как одной из стержневых категорий исследовательской деятельности.

Практическая применимость результатов, представленных в диссертации, не ограничивается их использованием в лекционных курсах и на семинарских занятиях по функциональной стилистике, лингвистической прагматике и академическому письму на немецком и русском языках. Выделенные в ходе исследования лексико-грамматические индикаторы оценивания могут впоследствии применяться для обучения нейронных сетей, специализированных на распознавании оценок. Алгоритмы такого рода могут помочь исследователям в первичной обработке текстов научно-экспертного дискурса, а переводчикам — в поиске межъязыковых соответствий при переводе рецензий.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

- 1) Языковая оценка рассматривается как лингвистический экспонент когнитивно-семантической и социокоммуникативной категории общего порядка, семантические разновидности которой обусловлены параметрами коммуникативной практики и целеустановками субъекта дискурса. В плане выражения экспертная оценка в текстах научно-экспертного дискурса представлена разными способами экспонирования: эксплицитным — с помощью оценочно-заряженных лексем; имплицитным — через взаимодействие содержания высказывания с контекстом; визуально-графическим — посредством типографических ресурсов.
- 2) Для текстов научных рецензий, хоть они и эксплицитно-оценочные, характерно наличие как эксплицитных, так и имплицитных оценок, применяемых для реализации различных стратегий. В результате проведённого контекстно-семантического и функционально-прагматического анализа лингвистических рецензий на немецком и русском языках выделены такие стратегии оценочной импликации, как оценка, реализованная посредством констатации фактов; оценка, имплицитная за счёт выражения (не)согласия с позицией автора рецензируемого труда; оценка в виде рекомендации с указанием возможных корректив, предлагаемых автору рассматриваемой работы; имплицитная оценка, реализованная в рамках стратегии «от обратного»; оценка авторского вклада на фоне ранее опубликованных научных результатов. Доказано, что в рамках вышеперечисленных стратегий (кроме оценивания посредством рекомендации автору рецензируемого труда) оценки могут получать как положительную, так и отрицательную полярность в зависимости от контекста. Помимо

указанных стратегий отмечается также возможность имплицитной реализации позитивных оценок посредством рекомендации, адресованной не автору рецензируемого труда, но реципиенту рецензии. Кроме того, в ряде контекстов выделена стратегия оценивания посредством прямого или косвенного вопроса. Для русскоязычных рецензий установлена культурно специфическая стратегия оценивания профессионализма автора рецензируемого труда, не представленная в немецкоязычных экспертно-оценочных текстах. Объектом оценки в рамках данной стратегии выступают не аспекты рецензируемой публикации, но профессиональные компетенции и личностные характеристики её автора.

3) Установлено, что оценки, реализованные в рамках стратегий имплицитного оценивания, включаются в стратегии более крупного порядка. При этом оценочные импликатуры включены в экспрессивные речевые акты (благодарности, пожелания и т. д.). Кроме того, выделена *стратегия полярной компенсации*, которая подразумевает «уравновешивание» отрицательных и положительных оценок в аксиологических скоплениях. Такая стратегия нацелена на смягчение критики за счёт перечисления положительных аспектов рецензируемого труда. В результате использования *стратегии полярной компенсации* снижаются риски репутационных потерь для автора.

4) Оценки в научно-экспертных текстах стремятся к кластерной реализации, при этом оценочные скопления неравномерно распределяются по компонентам текстовой структуры. В аксиологических кластерах могут взаимодействовать разнополярные оценки, выраженные как эксплицитно, так и имплицитно. Кластерное употребление оценок характерно в равной мере как для немецко-, так и для русскоязычных рецензий. Различная полярность оценок в кластерах может приводить к различным коммуникативным эффектам: как к смягчению отрицательных оценок за счёт контекстуальной близости с положительными, так и к полемической интенсификации отрицательных оценок в контекстах, где позитивная оценка открывает развёрнутый текстовый блок критики. Оценки в аксиологических кластерах могут быть не только разнополярными, но и различно-мотивированными. При этом эмоциональным оценкам в немецко- и русскоязычных рецензиях свойственно тяготение к взаимному употреблению с рациональными.

5) Культурно-специфические особенности оценивания в научных рецензиях могут проявляться на разных уровнях аксиологической структуры оценок. Так как экспертная оценка нормоцентрична, в текстах рецензий как на немецком, так и на русском языках доминируют рациональные оценки. Однако статистическими методами подтверждаются культурно-специфические различия, касающиеся выбора тех или иных оснований в качестве предпочтительных для экспертных оценок. Немецкие рецензенты базируют оценочные высказывания преимущественно на требованиях полноты и чёткости, ясности и точности,

релевантности сообщаемых научных результатов. Так как вышеперечисленные критерии реферируют к результатам, достигнутым автором рецензируемого труда, выбор оснований для рациональной оценки в немецкоязычных рецензиях можно в целом назвать результатом-ориентированным. Напротив, российские рецензенты активно оперируют не только результатом-ориентированным выбором критериев научности для оценочных оснований (критериями новизны и актуальности), но и используют критерии, относящиеся к процессуальному характеру приращения нового знания в науке (критериями достоверности и обоснованности).

6) Характерные культурно-специфические особенности касаются и плотности рационально- и эмоционально-мотивированных оценок в рецензиях. Если показатели средней плотности рациональных и эмоциональных оценок в немецко- и русскоязычных рецензиях оказались приблизительно на одном уровне, то расчёт плотности положительно- и отрицательно-поляризованных эмоциональных оценок в двух корпусах исследования показал различные процентные значения. В немецкоязычном корпусе средняя плотность позитивных и негативных эмоциональных оценок составляет 53% и 47% от суммы предикаций с включением эмоционально-оценочных компонентов. В русскоязычном корпусе средняя плотность положительных эмоциональных оценок оказывается на уровне 73%, в то время как средняя плотность отрицательных эмоциональных оценок имеет процентный показатель 27%.

7) Для ряда текстов анализируемых исследовательских корпусов выделены мультимодальные способы экспликации экспертной оценки. В таких текстах языковая оценка сопровождается визуально-графическими/типографическим маркированием. Особенно это касается выражения эмоциональности рецензента при экспликации рационально-мотивированных оценок. Внутреннее состояние рецензента в таком случае маркируется следующими типичными визуально-графическими способами: скобками, вводящими эмоционально-оценочные комментарии; эмфатическим выделением фрагментов текста курсивом; характерными пометами — в частности, вопросительным знаком в круглых скобках и пометой (sic!) в эмоциональном употреблении.

Структура работы включает введение, три главы, заключение, библиографию и список источников иллюстративного материала. Во *введении* уточняется объект научного исследования, обосновываются актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая применимость результатов научно-исследовательской работы, производится постановка целей и конкретных задач исследования, приводится описание эмпирического материала и методологии. В *первой главе* приведён аналитический обзор актуальных лингвистических подходов к осмыслению оценки как значимой социокоммуникативной категории, представленных в отечественных и

зарубежных публикациях последних десятилетий. Во *второй главе* научная рецензия рассматривается как эксплицитно-оценочный тип текста в институциональной научной коммуникации, специализированный на актах экспертного оценивания. Обстоятельно рассматривается наполнение логической структуры оценок в научно-экспертных текстах на немецком и русском языках, выделяются лексико-грамматические средства, задействованные в формулировании оценок, описываются типичные стратегии импликации оценок. В *третьей главе* сопоставляются результаты, полученные в ходе количественной обработки языкового материала. Интерпретация результатов квантитативного анализа дополняется рассмотрением частных примеров оценочных высказываний, типичных для научно-экспертного дискурса на одном языке и нехарактерных для научно-экспертного дискурса на другом языке. В *заключении* обобщаются основные результаты проведённого количественно-качественного контент-анализа научно-экспертных текстов по лингвистике на немецком и русском языках и намечаются перспективы для дальнейших исследований оценок, реализованных в рамках научно-экспертной социокоммуникативной практики.

Апробация работы. Результаты проведённого исследования были представлены в форме докладов на международных конференциях филологической и мультидисциплинарной направленности:

- 1) «Специфика эксплицитной экспертной оценки в научных лингвистических рецензиях на немецком языке», XXVIII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2021» (МГУ, Москва, 12–23.04.2021 г.);
- 2) «Взаимодействие эмоциональных и рациональных оценок в экспертно-научном дискурсе (на материале немецко- и русскоязычных лингвистических рецензий)», 50-я Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой (СПбГУ, Санкт-Петербург, 15–23.03.2022 г.);
- 3) «Языковая оценка в рецензиях как проявление профессиональной идентичности эксперта (на материале немецко- и русскоязычной лингвистики)», Всероссийская научная конференция с международным участием «Цифровая идентичность и цифровая репутация» (СпбПУ, Санкт-Петербург, 24–25.03.2022 г.);
- 4) «(Де)интенсификация оценок в научно-экспертной коммуникации (на материале немецко- и русскоязычных рецензий по лингвистике и социологии), Всероссийская научная конференция «Язык современной науки в междисциплинарном аспекте» в рамках Международного научного форума «Инновации и технологии в междисциплинарных приложениях» (ПГНИУ, Пермь, 27–28.10.2022 г.).

Результаты работы неоднократно обсуждались на аспирантском семинаре кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета и на заседаниях аспирантского коллоквиума в рамках научной стажировки в университете г. Грайфсвальда в Германии (Universität Greifswald) (совместная стипендиальная программа СПбГУ и DAAD «Дмитрий Менделеев», 01 октября 2020 г. — 01 февраля 2021 г.).

Ключевые положения исследования нашли отражение в 6 публикациях, индексируемых в наукометрических базах РИНЦ, Scopus и Web of Science:

- 1) Кондратенко П.И. Коммуникативно-прагматический потенциал высказываний с маркерами верифицированного знания в немецкоязычном лингвистическом дискурсе. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. 17(2). С. 254–270. DOI:10.21638/spbu09.2020.206.
- 2) Кондратенко П.И. ИмPLICITная экспертная оценка «от обратного» в текстах немецких лингвистических рецензий // Германистика в современном научном пространстве. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2021. Кубанский государственный университет. С. 89–98.
- 3) Кондратенко П.И. Стратегии имPLICITной экспертной оценки в немецкоязычных лингвистических рецензиях // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2021. Вып. 6 (218). С. 49–59. DOI:10.23951/1609-624X-2021-6-49-59.
- 4) Кондратенко П.И. Лингвокультурные особенности оценивания в научно-экспертной коммуникации (на материале немецко- и русскоязычных лингвистических рецензий) // Terra Linguistica (Общество. Коммуникация. Образование). 2022а. Т. 13. Вып. 2. С. 66–74. DOI: 10.18721/JHSS.13207.
- 5) Кондратенко П.И. «Основной недостаток книги проистекает из её главного достоинства»: оценочная стратегия полярной компенсации в рецензиях немецких и российских лингвистов // Неофилология. 2022б. Вып. 8 (3). С. 530–539. DOI:10.20310/2587-6953-2022-8-3-530-539.
- 6) Кондратенко П.И. Типографическое маркирование эмоциональности при выражении экспертной оценки в немецко- и русскоязычных рецензиях по лингвистике // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2022с. Т. 12 С. 102–115. DOI:10.21638/spbu33.2022.105.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОЦЕНОК В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Антропоцентрическая переориентация лингвистики второй половины XX и начала XXI вв. от внутренней к внешней и, как результат, бóльшая открытость науки о языке для других дисциплин привели к освоению логико-философских и когнитивно-психологических подходов к изучению оценки и их адаптации к решению лингвистических задач. Изначальная сосредоточенность лингвофилософских научных трудов о языковой оценке на ценностях, нормах и абстрактных логических схемах, описывающих оценочные операции, дополнилась фокусом на вербальное выражение оценок — средства и способы конструирования оценочных смыслов на языковом срезе, анализ которого даёт представление о практиках оценивания, характерных для типовых коммуникативных ситуаций.

Двойственная психофизическая природа оценивания оправдывает взгляд на вербальное выражение оценок как на своеобразный «спутник» ментальных процессов. Эти процессы, в силу общих ценностей и стандартов, разделяемых участниками коммуникации, могут следовать повторяющимся культурно-специфическим «сценариям». В этой связи немалый интерес для лингвистов представляет социокультурный контекст речевых оценочных действий, о чём свидетельствуют существующая традиция изучения оценок в текстах институциональных дискурсов. Помимо теорий, описывающих оценку в общем виде, в отвлечении от конкретной сферы коммуникации, настоящая глава включает в себя рассмотрение инструментальных подходов к исследованию оценочных смыслов в текстах научного дискурса — в том числе, в сопоставительной перспективе. Цель главы — представить изучение языковой оценки в отечественной и зарубежной (немецкой и англо-американской) лингвистике последних десятилетий и выделить аспекты, на которые обращается особое внимание в работах, посвящённых оценке как таковой и построению оценочных смыслов в текстах профессиональной научной коммуникации. Намечается ряд подходов к изучению речемыслительной операции оценивания: 1) функционально-семантический; 2) текстоцентрический; 3) социолингвистический/лингводискурсивный.

Особое рассмотрение получают социолингвистические и лингводискурсивные исследования, посвящённые различным проявлениям авторской субъективности и в т. ч. выражению оценки в текстах. Кроме того, уделяется внимание междисциплинарному лингвосоциологическому подходу, фокусирующему роль процедур оценивания в обеспечении эффективного функционирования науки как социальной системы.

1.1. Функционально-семантический подход к изучению оценки

Как уже отмечалось выше, произошедший в лингвистике 70-х гг. прагматический поворот (pragmatic turn) поставил в фокус зрения исследователей деятельностный и социальный аспект коммуникации в проекции на человека, действующего и воздействующего словом [Feilke 2000: 64]. На передний план выходит смысл высказываний, фигура субъекта речи, контекстуальное, прагматическое значение. Сходное движение мысли наблюдалось и в логической традиции тех лет, отмеченной переориентацией перспективы от «объективного смысла» к смыслу, который выстраивается говорящим субъектом во взаимодействии с адресатом высказывания (см., в частности то, как соотносится понятие *ценность* с составляющими ситуации оценивания в рамках концептуального анализа оценки, а также рассуждения о ценностях в проекции на социокультурные параметры научной деятельности в эпистемологических изысканиях [Микешина 2007: 104]). Переход от объективного принципа истинности высказывания к субъективному принципу его «искренности» привёл к тому, что высказывания стали верифицироваться «не только путём обращения к внешнему миру или применения правил логического вывода, но и через выяснение „истинных“ мыслей, чувств и намерений говорящего» [Арутюнова 1976: 55]. Неудивительно, что подобный теоретико-идеологический фон обусловил внимание лингвистов к оценке как наиболее характерному представителю прагматического значения [Арутюнова 1988: 5]. В результате появились фундаментальные труды Н. Д. Арутюновой и Е. М. Вольф, к которым мы обратимся в дальнейшем.

1.1.1. Обще- и частнооценочные значения с позиций функционально-семантического подхода

Наиболее полно достижения логико-философской традиции изучения оценок — выделение абсолютных и относительных оценок, создание шкалы для их градуирования, рассмотрение многозначного понятия ценности (в т. ч. его конкретизация в отношении научного дискурса) и

перспектива применения эпистемологического анализа для определения значимости аксиологической деятельности субъекта научного познания — раскрываются в работах отечественных лингвистов Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1976, 1988] и Е. М. Вольф [Вольф 2002, 1-е изд. 1985]. В фундаментальном труде Н. Д. Арутюновой «Типы языковых значений. Оценка, событие, факт» приводится краткий обзор важнейших философских теорий, в которых обнаруживаются элементы концептуального анализа оценочных слов и логического анализа ценностных и нормативных суждений. При характеристике теорий учитываются такие содержательные моменты, как, например, формальная структура определений предикатов (оценочных и деонтических), относительный характер «хорошего» и «плохого», связь оценок с естественными свойствами объекта, модальность оценки, оценочная и нормативная лексика в коммуникации, речевые функции оценочных предикатов, непротиворечивость текста, в котором фиксируются оценочные и деонтические понятия, структура и особенности рассуждения [Арутюнова 1988: 11]. Историческая перспектива, хронологическая упорядоченность теорий и сформированный детальный «растр» параметров, на которые автор обращает внимание при рассмотрении, позволили систематизировать разнообразные логико-философские концепции (от Аристотеля до Дж. Мура и Р. Хэара), сохранив их цельность.

Обзор логико-философских теорий позволяет сделать ряд выводов относительно природы оценки. Наблюдения Н. Д. Арутюновой органично дополняют рассуждения об оценочности у А. А. Ивина [Ивин 2016: 75–76] и субъективном/объективном у Л. А. Микешинной [Микешина 2007: 107]: в частности, то, что оценочное значение противостоит дескриптивной фиксации объективного мира на семантическом уровне, а ценности парадоксальным образом одновременно зависят и не зависят от объективной реальности [Арутюнова 1988: 57–58]. Раскрываются новые аспекты разграничения оценочного и неоценочного. Так, акцентируется конструктивная природа оценки: в отличие от дескриптивных предикатов оценка не верифицируется, но *мотивируется*. Оцениваемый объект реальной действительности соотносится в сознании субъекта с идеализированной моделью мира, которую сам же субъект создаёт из норм, изменчивых и устойчивых, эксплицируемых в отношении тех или иных объектов и имплицитных за счёт взаимодействия содержания высказывания с контекстом [Арутюнова 1988: 58]. Отдаётся предпочтение нормативному определению оценочного значения: в зависимости от того, насколько оцениваемый объект соответствует построенной идеальной модели мира, он может оцениваться как «хороший» (в случае соответствия модели) или «плохой» (в случае несоответствия модели по одному или ряду признаков) [Арутюнова 1988: 60].

Изложив результаты рассмотрения логико-философских подходов к изучению оценок, Н. Д. Арутюнова сосредоточивает внимание на самом феномене оценки и развивает мысль о

существовании двух основополагающих типов аксиологических значений — общеоценочного и частнооценочного. Общеоценочные значения реализуются посредством прилагательных, выражающих полную, *холистическую* оценку, в то время как частнооценочный тип представлен значениями, которые используются для оценочной характеристики отдельных аспектов объекта [Арутюнова 1988: 75]. Частному случаю выражения общеоценочных значений — наречиям общей оценки «хорошо» и «плохо» — исследователь посвящает отдельную главу монографии, в которой устанавливается круг сочетаемости упомянутых наречий, определяются критерии общей оценки и её область действия, изучаются модификации общей оценки с помощью интенсификаторов и негаторов [Арутюнова 1988: 199–229].

Рассуждая об обще- и частнооценочных значениях, Н. Д. Арутюнова приводит разновидности общих оценок, выведенные финским логиком Г. Х. фон Вригтом. Утверждается, что выделенные типы оценок являют собой наиболее полную классификацию общеоценочных значений, представляющую немалый интерес для лингвистики [Арутюнова 1988: 65]. В основании классификации Г. Х. фон Вригта лежит концептуальный анализ употребления английского прилагательного *good* и антонимичных ему выражений. Анализируя разные категории квалифицируемых объектов, автор выделяет следующие оценки — *формы* или *концепты добра*: 1) инструментальные (конкретный пример: *хороший нож*); 2) технические или оценки мастерства (*хороший администратор*); 3) оценки благоприятствования (*хороший / плохой для здоровья*); 4) утилитарные (*хороший совет, плохой план*); 5) медицинские (*хорошее сердце, плохая память*); 6) гедонистические (*хороший обед, плохая шутка*) [Арутюнова 1988: 66–71].

Собственную классификацию частнооценочных значений Н. Д. Арутюнова базирует на характере мотивации / основания оценки и на специфике объекта оценивания, так как оценки из той или иной группы могут относиться к объектам, различным по своей природе [Арутюнова 1988: 75], причём «чем более специфична оценка, тем более определённые требования предъявляет она к выбору объекта» [Арутюнова 1976: 127]. Похожие наблюдения встречаем и в работах представителей коммуникативно-функционального подхода к изучению оценок, см., например [Sager 1982: 48–49]. Н. Д. Арутюновой выделяются следующие группы частнооценочных значений: 1) сенсорно-вкусовые / гедонистические: *приятный / неприятный, вкусный / не вкусный*; 2) психологические, отражающие осмысление мотивов оценки — *интересный, скучный, глубокий, поверхностный*; 3) эстетические: *красивый / некрасивый*; 4) утилитарные: *полезный / вредный*; 5) нормативные: *правильный / неправильный*; 6) телеологические: *эффективный / неэффективный, целесообразный / нецелесообразный* [Арутюнова 1988: 75–77]. Как видим, между данной классификацией и классификацией общих оценок у Г. Х. фон Вригта можно проследить некоторые параллели (например, выделение утилитарных и гедонистических оценок).

Рассуждая о том, как выведение общих оценок соотносится с аспектами языка в системном рассмотрении и живом употреблении, Н. Д. Арутюнова делает наблюдение относительно смысловой организации аксиологически ориентированных текстов, важное для последующего изучения текстов научного экспертного дискурса. Автором отмечается, что монологические аксиологические тексты, нацеленные на определение общей ценности оцениваемого объекта (например, рецензии), организованы так, что любые утверждения получают аксиологическую «заряженность» и, соответственно, позитивную или негативную полярность [Арутюнова 1988: 74].

Вопрос об оценочном и неоценочном отражён и в «Функциональной семантике оценки» Е. М. Вольф: Опираясь на постулаты логики оценок, автор указывает на целесообразность различения оценки в узком смысле слова — как характеристики объекта по признаку «хорошо/плохо» и квалификации предмета в широком смысле, в которую может включаться как собственно оценка, так и другие (в т. ч. параметрические) свойства объекта. Именно узкое понимание оценки как положительной или отрицательной характеристики, а не как квалификации объекта, по мнению Вольф, предполагает высказывания о ценностях, которым свойственна аксиологичность в чистом виде [Вольф 2002: 8]. На этот момент стоит обратить внимание при изучении специфики оценок в экспертно-оценочных текстах научного дискурса. Возвратившись к пониманию смысловой организации аксиологически ориентированных текстов у Н. Д. Арутюновой, заметим, что номинации, не имеющие оценочных сем в значении и описывающие признаки и свойства объектов, нередко включаются в акты оценивания в тексты научных рецензий. Акцентуацию определённых параметрических свойств объектов в таких случаях можно объяснить целенаправленным стремлением автора текста апеллировать к принятым в коллективе представлениям о том, с каким знаком квалифицируются те или иные свойства объекта оценки. В результате имплицитно реализованные оценки вступают во взаимодействие с широким контекстом научно-экспертной коммуникативной ситуации и интерпретируются потенциальным реципиентом научной рецензии в оценочном ключе, приобретают социальное значение в проекции на социальные обстоятельства своего использования¹.

---

¹ Подробнее о социальном значении см. [Leech 1981: 14; Nefedov, Chernyavskaya 2021: 1559].

1.1.2. Параметрические свойства оценки как объекта рассмотрения в рамках функционально-семантического подхода

Изучение логики оценок в лингвистическом преломлении дало ряд значимых результатов, которые заложили основу новейших подходов к изучению оценочных смыслов в коммуникации. Так, было выделено главное свойство оценки как характерного представителя прагматического значения, а именно, неопределённость, **зависимость оценок от текстового окружения** и коммуникативной ситуации. О рождении эмоционального, оценочного и экспрессивного в живом употреблении языка пишет М. М. Бахтин [Бахтин 1986: 281]. На невозможность интерпретации оценок вне контекста употребления оценочных высказываний указывает А. А. Ивин [Ивин 2016: 76]. Н. Д. Арутюнова объясняет неопределённость, информативную недостаточность оценочных предикатов вариативностью их смыслового объёма и нестабильностью норм, мотивирующих оценку. При этом отмечается, что смысловая неполнота оценочных предикатов как таковых восполняется в контексте [Арутюнова 1988: 92]. Е. М. Вольф, говоря об интерпретации оценок, также подчёркивает, что полярность оценки — знак «+» или «-» не определяется на уровне семантики конкретных слов и словосочетаний, но детерминируется текстовым окружением и местом коммуникативной ситуации оценивания в ценностной картине мира конкретного сообщества [Вольф 2002: 19].

Одним из несомненных и основополагающих достижений функционально-семантического подхода следует считать моделирование **универсальной логической структуры** оценки, получающей различное конкретное наполнение в контексте. Так, Е. М. Вольф рассматривает оценку как специфическую оценочную модальность, в основе которой лежит формула $A \ r \ B$, где A — субъект оценки, который может по-разному эксплицироваться в тексте — в т. ч. с помощью индикаторов авторской позиции [Вольф 2002: 70], B — объект, а r — эмоциональное или рациональное оценочное отношение со знаком «+» или «-», которое в естественном языке может быть представлено как отдельными словами, так и семантикой целого высказывания [Вольф 2002: 9–12]. В модальную рамку оценки также включаются шкалы оценок и стереотипы — в качестве социальных представлений, на которые ориентируются участники коммуникативной ситуации при вынесении оценочных суждений. Помимо обязательных элементов модальной рамки оценки Е. М. Вольф выделяет факультативные компоненты: аксиологические предикаты (предикаты мнения, ощущения, восприятия), соединяющие субъект и объект оценки, разного

рода мотивировки, классификаторы, широкий спектр средств интенсификации и деинтенсификации оценочных значений [Вольф 2002: 12–13].

Н. Д. Арутюнова производит уточнение модели оценки на уровне объектов. Это уточнение следует признать релевантным, если учесть, что изменения объекта отражаются на всей логической структуре оценочного высказывания. Множество объектов, на которые может быть направлена оценка, составляют не только предметы в узком смысле (или их отдельные свойства), но и «действия, процессы, состояния, ситуации, положения дел, факты и возможности» [Арутюнова 1988: 7]. В то время как объекты оценок нередко реализуются в речи эксплицитно, ряд компонентов логической структуры может не находить явного выражения в актах оценивания. О возможной имплицитной реализации субъектов, шкал и стереотипов оценки пишет Е. М. Вольф [Вольф 2002: 12], когда как Н. Д. Арутюнова указывает на необязательный характер эксплицитной передачи мотивов (оснований) оценки в случае, если они уже известны говорящим из опыта, предтекстов или других источников [Арутюнова 1988: 83–84].

Впоследствии логическая структура оценки будет неоднократно обсуждаться представителями других направлений изучения аксиологической коммуникации. Задача проследить, как именно развиваются представления об универсальной модели оценки, в каком ключе рассматривается взаимосвязь логических компонентов и их конкретного оформления языковыми средствами, потребовала бы отдельного междисциплинарно ориентированного исследования. В настоящем обзоре мы вынуждены ограничиться недискуссионным перечислением актуальных лингвистических трудов, которые не обошли стороной универсальную логическую структуру оценочных высказываний. Назовём, в первую очередь, монографии англоязычных лингвистов Ф. Шоу [Shaw 2004: 6], С. Ханстон [Hunston 2011: 17–18], работы немецких представителей лингвосоциологического подхода к изучению оценки как социально релевантной категории Р. Штокмана и В. Майера [Stockmann, Meyer 2010: 66–67], Т. Видмера и Т. Де Роччи [Widmer, De Rocchi 2012: 25], Й. Эрпенбека [Erpenbeck 2018: 13], Г. Бирнкраут [Birnkraut 2019: 14] и др. Интересна и концепция риторических ролей (*rhetorical roles*) норвежского исследователя К. Флёттум, в основе которой лежит мысль о неоднородности субъекта оценки в текстах, регулирующих академическое общение [Fløttum 2012: 224].

Следующим характерным свойством оценок, выделенным теоретиками функционально-семантического подхода, является направленность оценочных высказываний на убеждение реципиента и воздействие на него, подобно **скрытому императиву**. В логико-философских трудах постулируется, что «оценка в широком смысле слова» представляет собой «не просто выражение каких-то состояний души субъекта или его чувств, а волевые установки субъекта, его мотивы, намерения» [Ивин 2016: 35], направленные на других участников аксиологической коммуникации. Об обращённости оценки на адресата говорит и Н. Д. Арутюнова, подчёркивая,

что оценочное высказывание «само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения» [Арутюнова 1988: 6]. В рамках социо- и прагмалингвистически ориентированных подходов к исследованию оценочных смыслов эта мысль получит дальнейшее развитие: языковая оценка будет трактоваться как вербально выраженное отношение субъекта к объекту оценивания, приобретённое в результате сформированного предпочтения одних объектов другим на основании конкретных критериев и транслирующее это субъективное предпочтение на последующие речевые акты оценивания [Sager 1982: 40–41]. Императивный характер оценок следует из отношений долженствования, посредством которых оценки связываются с объектами окружающей действительности. Как уже отмечалось, оценочные высказывания не верифицируются как истинные или ложные, но квалифицируются как соответствующие или несоответствующие идеальной картине мира. По меткому определению А. А. Ивина, позитивно ценной оказывается ситуация, «какой она должна быть в соответствии с существующим в данном обществе образцом, или стандартом, объектов рассматриваемого рода или в соответствии с представлениями субъекта о совершенстве таких объектов» [Ивин 2016: 29]. Иными словами, оценочные высказывания не описывают действительное положение вещей, но стремятся приспособить его под заданные стандарты — в лингвопрагматической терминологии, речевые акты, содержащие оценки, направлены «от слова к миру», а не «от мира к слову», как в случае с высказываниями, описывающими реальное положение дел (подробнее о направлении приспособления иллокутивных актов см., например, [Liedtke 2016: 59]).

Необходимо также упомянуть **нормоцентричность** оценок, отмеченную в работах исследователей-логиков и -лингвистов. Н. Д. Арутюнова сравнивает два различных понимания нормы: в классической логике норма трактуется как середина шкалы оценок, главная точка отсчёта, отклонения от которой получают характеристику со знаком «+» или «-». В логике оценок, напротив, понятие нормы совпадает с положительным полюсом аксиологической шкалы [Арутюнова 1988: 234–235]. Похожим образом рассуждает А. А. Ивин, когда видит в норме не что иное, как частный случай оценок, и полемизирует с распространённым утверждением о том, что оценки составляют основу норм и приводят к их установлению [Ивин 2016: 15, 198]. Интересно, что представители коммуникативно-функциональных и дискурсивно-коммуникативных подходов, получивших распространение позднее, склонны придерживаться противоположной точки зрения относительно норм. Так, например, С. Ф. Загер отказывается от понимания системы норм как изначально предзаданной, утверждая, что норма постулируется как социально-приемлемая и актуальная для конкретного сообщества как раз в ходе совершения субъектом акта эксплицитного оценивания [Sager 1982: 47]. Сходных конструктивистских позиций придерживается К. Хайленд: в понимании учёного каждый акт оценивания отражает и

в то же время конструирует внутродисциплинарную (у Хайленда — научную) систему ценностей и норм [Nyland 2004: 13]. Аналогичные рассуждения находим также у Б. Арндт и П. Шефер, которые приписывают процессу оценивания нормоустанавливающую функцию [Arendt, Schäfer 2015: 103], и многих других исследователей последнего десятилетия [Agha 2007: 15].

Отмечается, что выраженность положительного или отрицательного признака у объекта оценивания может соотноситься с разными точками на аксиологической оси. В. Н. Телия замечает, что «не-нейтральность» экспрессивных и, в частности, оценочных выражений уточняется в проекции на различные шкалы, определяемые полюсами. Выделяется целый ряд таких полюсов: «интеллектуальность, бесстрастность отображения мира/отображение, сопровождающееся эмоциональными реакциями <...>; выбор, безразличный для манеры речи/выбор, индивидуализирующий речевое поведение субъекта речи; количественная или качественная норма, характерная для картины мира данного языкового коллектива/отклонение от этой нормы; безобразная/ассоциативно-образная номинация...» [Телия 1991: 8]. Смещаясь ближе к полюсам, расположенным в крайних точках шкалы, и отдаляясь от них, оценка может **градуироваться** в зависимости от прагматических факторов [Арутюнова 1988: 247] — подвергаться усилению и смягчению с помощью специализированных языковых средств и способов интенсификации. Н. Д. Арутюнова приводит интенсификаторы и деинтенсификаторы в опоре на публикацию Д. Болинджера, который выделил четыре категории средств с данным функционалом: 1) *усилители (boosters)*, «указывающие на возрастание признака в направлении к максимуму»; 2) *усреднители (compromizers)*, «передвигающие значение в направлении к центру и допускающие иногда двоякую (в сторону усиления и уменьшения) интерпретацию»; 3) *уменьшители (diminishers)*, «указывающие на убывание признака» и 4) *минимизаторы (minimizers)*, «передвигающие значение к нижнему пределу и граничащие с отрицанием». [Арутюнова 1988: 246]. Расположенность оценок к градуированию в дальнейшем станет распространённым предметом обсуждений наряду с конкретными средствами и способами, используемыми для повышения и снижения «градуса», степени оценок — см., в частности, обособление градуирования (*graduation*) в отдельный уровень модели оценки Дж. Р. Мартина и П. Р. Р. Уайта, широко известной в современной англо-американской лингвистике [Martin, White 2005: 136–151].

1.1.3. Итоги функционально-семантического изучения оценок

Подводя промежуточные итоги, назовём среди достоинств функционально-семантического подхода к изучению оценок детальное обсуждение общих вопросов, касающихся оценочных выражений. Большое теоретическое значение имеют попытки разграничить оценочное и описательное/дескриптивное. Создаются коммуникативно ориентированные классификации оценочных значений (в опоре на реальное употребление языка выделяются разновидности обще- и частнооценочных значений); обсуждаются понятия *ценности* и *нормы*, обладающие потенциалом для самой широкой интерпретации; моделируется обобщённая логическая структура оценочных выражений, конкретизируется её наполнение неотъемлемыми и факультативными элементами; даётся характеристика основополагающим свойствам оценок, таким как зависимость от контекста, нормоцентричность, градуированность. Если рассуждения об обще- и частнооценочных значениях соотносятся с логикой и семантикой средств построения оценочных смыслов, то наблюдения относительно иллокутивной силы средств выражений оценок [Арутюнова 1988: 71] и систематический акцент на контекстной связанности оценочных выражений обладают большой практической ценностью и фактически открывают выход в лингвопрагматическое изучение языковых оценок.

Однако недостатком функционально-семантического подхода явилось то, что многоаспектное рассмотрение языковых оценок как таковых в монографиях Н. Д. Арутюновой и Е. М. Вольф производится безотносительно к коммуникативным практикам оценивания в различных дискурсах.

В целом можно констатировать методологический разворот в отечественной лингвистической традиции, происходивший на срезе в 80-х и 90-х гг. Оценка, ранее получавшая рассмотрение в рамках других гуманитарных дисциплин, вошла в лингвистику вследствие возросшей открытости науки о языке по отношению к другим отраслям человеческого знания и повышенного интереса исследователей к говорящему и мыслящему субъекту. Однако, хотя в ряде случаев и наблюдается тяготение работ к лингвопрагматической постановке вопроса, рассмотрение оценочных значений происходит преимущественно в отрыве от коммуникативно-дискурсивных функций оценок.

1.2. Текстocентрические подходы к изучению оценок

С функционально-семантическим подходом хронологически сближается рассмотрение оценок с позиций функциональной стилистики и лингвистики текста. В фокусе исследований оказываются оценки, интегрированные в тексты ядерных и периферийных жанров научного функционального стиля. Функционально-стилистический подход получил отражение в статьях М. Б. Воробьёвой и Е. С. Троянской, вошедших в коллективную монографию «Научная литература. Язык, стиль, жанры» [Воробьёва 1985, Троянская 1985], а также в монографии Л. В. Красильниковой «Жанр научной рецензии: семантика и прагматика» [Красильникова 1999]. Рассмотрение оценок в их текстотипологической связанности представлено в монографии М. Рипфель «Wörterbuchkritik. Eine empirische Analyse von Wörterbuchrezensionen» [Ripfel 1989], которая продолжает ряд исследований профессионального научного общения с позиции лингвистики текста и лингвистики типов текста, активно развивавшейся в немецком языкознании параллельно с развитием функциональной стилистики в отечественной лингвистике.

1.2.1. Рассмотрение оценок в научных текстах с позиций отечественной функциональной стилистики

Вышеуказанные работы М. Б. Воробьёвой и Е. С. Троянской представляют особый интерес для нашего исследования, так как в них отражено изучение оценок в рецензиях как особом научном жанре, в котором функционально направленный «*оценочный момент*» проявляется наиболее чётко, часто эксплицитно [Воробьёва 1985: 47]. Так же, как и Н. Д. Аругюнова, М. Б. Воробьёва отмечает, что описательные элементы в текстах, функционально специализированных на выражении оценок, могут использоваться / трактоваться как выразители авторской позиции и, как следствие, функционировать как акты оценивания [Воробьёва 1985: 55–56]. Впервые оценка рассматривается как: 1) особая авторская модальность, свойственная

любому научному произведению и процессу научного познания как таковому [Воробьёва 1985: 47]; 2) характерная категория научного текста, тесно связанная с категорией диалогичности: ведь новые научные факты, равно как и отношение к ним (будь то субъективное отношение автора текста к излагаемым им положениям или же отношение научного сообщества к представленным сведениям) формируются постепенно в процессе научного диалога [Воробьёва 1985: 48]. Заметим, что выявленная взаимосвязь диалектики научного познания и оценочного отношения субъектов науки к представляемому ими материалу получит дальнейшее развитие в рамках социолингвистических подходов, представители которых отводят оценке особую роль в приращении структур научного знания.

С представлениями о сложноорганизованной структуре научного знания соотносится и выделенная М. Б. Воробьёвой разновидность оценивания в текстах научного стиля — оценка места объекта в развитии научной дисциплины. Объект такой оценки получает квалификацию по следующим критериям: 1) актуальность; 2) важность, значимость; 3) продвинутость, разработанность; 4) точность; 5) целесообразность, перспективность; 6) способность к конкретным действиям; 7) трудность или лёгкость реализации каких-либо действий [Воробьёва 1985: 49]. Не менее плодотворным и новаторским оказывается и меткое наблюдение М. Б. Воробьёвой относительно преобладания различных способов выражения оценочных значений в разных жанрах научного стиля [Воробьёва 1985: 48].

Помимо оценки места объекта в структуре научной дисциплины, М. Б. Воробьёва выделяет другой тип оценивания, характерный для профессиональной научной коммуникации, — оценку по достоверности — и связывает его широкое распространение со специфическим объектом оценивания со стороны автора и адресата научных рецензий — новым знанием: суждениями, фактами, результатами, представленными в рецензируемых публикациях. Для оценок по достоверности приводятся следующие точки градуирования по аксиологической шкале: 1) невозможность; 2) редкость; 3) неясность, неопределённость, сомнительность, необязательность; 4) уместность, ответственность; 5) допустимость, возможность, вероятность, предположительность; 6) обычность; 7) обоснованность; 8) достоверность; 9) уверенность; 10) необходимость, неизбежность; 11) очевидность; 12) обязательность [Воробьёва 1985: 49]. Несмотря на высокий уровень детализации градационных параметров, заданная М. Б. Воробьёвой шкала производит впечатление недостаточно сбалансированного схематического представления. С одной стороны, можно констатировать сближение выделенной разновидности оценок с модальностью достоверности в классическом [Бирюлин, Корди 1990: 68] её понимании или, в опоре на актуальные социо-коммуникативные исследования научного дискурса, эпистемической модальностью [Нефедов 2017: 601] научного текста. С другой стороны, некоторые точки аксиологического градуирования, например, 1) невозможность; 5)

возможность и 10) необходимость неизбежно отсылают нас к другим модальным значениям (собственно, возможности и необходимости). В этой связи градуирование оценки по достоверности по всем заданным точкам не представляется возможным.

Е. С. Троянская в своей статье рассматривает рецензию как периферийный жанр научного функционального стиля [Троянская 1985: 67]. Противопоставление ядерных и периферийных жанров научного функционального стиля находит своё продолжение в оценке доли эмоциональности и субъективности текстов научных рецензий. Субъективность в данном случае понимается достаточно узко, это следует из акцентированного Е. С. Троянской расхождения между лингвистическим пониманием объективности и трактовкой этого понятия, принятой в философии науки: «В лингвистике объективность понимается как качество, полярное субъективной оценочности: это изложение, где автор и его оценка отодвигаются на задний план, на переднем же — сам процесс; в общепринятом научном понимании объективность — это соответствие действительности» [Троянская 1985: 80]. Автор отмечает, что образность и эмоциональность в большей степени свойственна рецензиям, чем статьям и монографиям: в большей субъективности рецензий видится специфика этого научного жанра. Подчёркивается, что ярко выраженная субъективность оформления авторской мысли в рецензиях не согласуется с некоторыми императивами научного стиля — а именно, со сжатостью или правилом экономичности изложения [см. Троянская 1989: 61]. Вышеперечисленное позволяет Е. С. Троянской сделать вывод, что жанровая специфика рецензий наиболее отчётливо проявляется именно в функционировании «образного, субъективно-оценочного и эмоционального и в проявлении индивидуального стиля» [Троянская 1985: 77]. Позднее мысль о выраженной субъективности рецензий найдёт отражение в словарной статье о жанрах научной литературы, вошедшей в Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Авторы статьи Е. А. Баженова и М. П. Котюрова добавляют, что посредством использования специализированных языковых единиц «рецензент обнаруживает себя как субъект речи, субъект сознания, субъект эмоций, т. е. индивидуальная языковая личность» [Баженова, Котюрова 2016: 63].

Характерно, что наблюдения в работе Е. С. Троянской носят не обобщённый, умозрительный характер, но исходят из специфики эмпирического материала, выбранного для анализа. Так, в статье даются и интерпретируются некоторые статистические показатели, позволяющие сделать выводы о частотности оценочных высказываний в немецкоязычных научных рецензиях. В частности, отмечается преобладание положительно поляризованных оценок, выраженных на уровне лексической семантики — в качестве примеров исследователь приводит наречия *ausgezeichnet*, *vorzüglich*, *hervorragend*, *schön* [Троянская 1985: 78].

Остаётся, однако, открытым вопрос о пределах распространения зафиксированной в рецензиях тенденции к выражению позитивно поляризованных оценок. Следует ли полагать, что это свойство научной коммуникации как таковой, или же склонность к положительному оцениванию оказывается в разной степени свойственной различным языковым и институциональным культурам? Поставленный вопрос делает необходимым последующее обсуждение имеющихся на данный момент лингвистических подходов к сопоставительному изучению явлений аксиологического плана в текстах научных произведений.

В отвлечении от исследования научной коммуникации в сопоставительном ключе, Е. С. Троянская связывает преобладание положительных оценок в обследованных текстах с целеустановкой на производство некатегоричных высказываний, «особенно если речь идет об отрицательной оценке», которую «принято смягчать, прибегая к различного рода эвфемизмам» или выражению негативной оценки посредством рекомендаций, «в которых вместо прилагательного с отрицательной оценкой употреблено прилагательное с положительной оценкой (в сравнительной степени)» [Троянская 1985: 77]. Обсуждая некатегоричность вербального выражения научной мысли в более поздней монографии, автор обращается к лингвопрагматическому наследию Дж. Лича и его максимам вежливости [Троянская 1989: 43]. Здесь следует особо остановиться на двух существенных моментах, которые получают преломление в последующих работах, посвящённых аксиологической составляющей научных текстов. С одной стороны, внимание к имплицитно реализованным экспертным оценкам позволит поставить под сомнение абсолютный характер вывода о преобладании положительных оценок в рецензиях [Nefedov 2019: 1882]. С другой стороны, средства и способы смягчения отрицательных оценок, критики, выраженной в научных публикациях, будет обстоятельно обсуждаться в англоязычной лингвистике в проекции на стандарты коммуникации, принятые в научных сообществах — см. ряд работ К. Хайленда, посвящённых в т. ч. хеджированию, — средствам и способам смягчения категоричности высказываний в текстах научного дискурса [Hyland 2004, 2005; Hyland, Tse 2009].

Функционально-стилистического подхода к изучению оценок в научных текстах придерживается и Л. В. Красильникова в своей монографии [Красильникова 1999]. Автор концентрирует внимание на жанре научной рецензии и выделяет две её разновидности: нормативно-оценочную и диалогическую (отражающую динамику научной полемики вокруг нового знания). Утверждается, что нормативно-оценочный тип рецензий квалифицирует научный труд на основании нормативных требований к содержанию и оформлению научных исследований. С этой точки зрения рецензент репрезентирует себя в тексте как источник нормативного знания и носитель идеализированных представлений о научных публикациях, а текст рецензии в дополнение к оценке реализует информирующую функцию — сообщает

читателям о новом знании в интересующей его сфере [Красильникова 1999: 45]. Тем не менее, оценочная составляющая приобретает в рецензиях немалую силу, что приводит к максимально широкому определению оценки, которое неоднократно встречается в исследованиях, посвящённых аксиологическому плану научной коммуникации: «<...> оценочное поле жанра научной рецензии так сильно, что само изложение содержания первоисточника несёт положительный заряд даже в том случае, если невозможно обнаружить ни эксплицитных, ни имплицитных оценок» [Красильникова 1999: 121].

К несомненным достоинствам монографии можно отнести конкретизацию объекта оценивания за счёт обращения к эмпирическому материалу — 110 русскоязычным рецензиям из различных академических изданий. По результатам анализа внушительного корпуса исследования выделяются три группы объектов оценок: 1) работа в целом / рецензируемая работа, обозначенная через жанр или её часть; 2) отдельные аспекты, методы исследовательской деятельности учёного; 3) выделенная научная задача; 4) материал исследования; 5) характер стиля [Красильникова 1999: 49–50].

Помимо различных объектов оценки выделены и описаны четыре разновидности оценок научного произведения в целом и отдельных его аспектов:

1) общая аксиологическая оценка, градуируемая по шкале «хорошо / плохо», а также близкие к общей аксиологической оценке прилагательные, которые выражают одобрение / неодобрение;

2) ментальная оценка и её подтипы: а) психолого-интеллектуальная оценка, выраженная прилагательными и существительными с семантикой значимости, содержательности, своеобразия, разумности, понятности, истинности, доказательности, правильности, сомнительности; б) эмоционально-интеллектуальная оценка;

3) практическая оценка, основанная на отношении к: а) норме/стандарту; б) традиции; в) полноте; г) наличию/отсутствию релевантных признаков; д) актуальности; е) удачности, эффективности (телеологическая оценка); е) сложности; ж) пригодности (функциональная оценка); з) разного рода модальностям (необходимости, желательности и т. п.) 4) эмоциональная оценка, обозначающая психологические состояния и реакции [Красильникова 1999: 51–52].

Отмечается, что оценки могут быть направлены не только на текст рецензируемой публикации, но и на фигуру самого автора-исследователя. Проявлениям разнонаправленной (на автора рецензируемого труда и на читателей рецензии), множественной адресованности рецензий посвящены отдельные содержательные части монографии [Красильникова 1999: 105–109]. Среди конкретных оценок, направленных на фигуру автора рецензируемого текста, различают: 1) общие оценки мастерства; 2) профессиональные оценки, направленные на

характеристику профессиональных компетенций автора; 3) этико-психологические оценки личностных качеств автора рецензируемого труда [Красильникова 1999: 52].

Из подробного рассмотрения разновидностей оценочных отношений и объектов оценки можно заключить, что Л. В. Красильникова не только обращается к абстрактной структуре оценки, всесторонне представленной в трудах идеологов логико-философского подхода, но и наполняет теоретические построения конкретными выражениями, включёнными в оценочную деятельность авторов опубликованных научных рецензий. Особо подчеркнём, что конкретизация модальной рамки оценок производится не за счёт подключения словарной лексики, но в результате обращения к реальному словоупотреблению. Впечатляющая подробность классификаций и последовательность в имплементации результатов анализа сближает монографию Л. В. Красильниковой с современными исследованиями, использующими методологию корпусной лингвистики (см., например, [Hunston 2011; Brommer 2018]).

В ходе описания рецензии как особого жанра функционального научного стиля Л. В. Красильникова выдвигает понятие *коммуникативной рамки* рецензии в качестве одного из способов включения в анализ экстралингвистических параметров научно-оценочной коммуникации. Моделирование коммуникативной рамки рецензии приближает исследование Л. В. Красильниковой к лингвопрагматическим. Акцентируется определяющая роль субъекта научно-оценочной коммуникации, задающего адресованность речевых актов в её рамках [Красильникова 1999: 105], и даётся развёрнутая характеристика фигуры рецензента. Так, отмечается двойное «присутствие» рецензента в тексте: с одной стороны, рецензент получает текстовую актуализацию как субъект «суждения о суждении» (оценки), проявляющий себя как субъект понимания и интерпретатор критически рассматриваемого труда [Красильникова 1999: 86]. С другой стороны, рецензент актуализируется и как субъект изложения содержания первоисточника и «построения всего текста рецензии, нацеленного на поддержание контакта с читателем» [Красильникова 1999: 81]. На уровне конкретных языковых средств, сопровождающих контекстуальное воплощение субъекта оценочной коммуникации, фиксируется, что рецензент вносит в суждения единицы субъективной модальности (уверенности / неуверенности, желательности, вероятности, возможности, необходимости) [Красильникова 1999: 90]. Делаются наблюдения о возможности разноуровневой текстовой реализации эмоционального отношения рецензента к объектам оценивания [Красильникова 1999: 96], а также о проявлении субъектной индивидуальности на уровне стиля, которое выражается в отказе от типичных для жанра средств в пользу индивидуального словоупотребления [Красильникова 1999: 98].

1.2.2. Текстотипологическое исследование оценки у М. Рипфель

В немецкой германистике 80-х гг. заметное развитие получает лингвистика текста и лингвистика *типов текста* (Textsortenlinguistik) — некоторого множества текстовых экземпляров, сходных по формальным, содержательным и коммуникативно-функциональным аспектам (подробнее о дискуссионном понятии *Textsorte* и известных концепциях лингвистики типов текста см. [Heinemann 2000a: 513]). В то же время начинают появляться исследования, посвящённые типам текстов, регулирующих общение в академической среде. Для описания текстотипов научной коммуникации активно применяется понятие текстовых функций.

Функциям научных рецензий уделяет внимание и М. Рипфель в монографии «Wörterbuchkritik. Eine empirische Analyse von Wörterbuchrezensionen» [Ripfel 1989], предлагающей чисто инструментальный текстотипологический подход к исследованию текстов в академической профессиональной коммуникации. Так, в числе основных функций научной рецензии названы обязательные: 1) описание; 2) оценка и факультативные: 3) обоснование; 4) рекомендация / отказ от рекомендации текстовые функции [Ripfel 1989: 42]. Обсуждая функциональный план научных рецензий, М. Рипфель соотносит выделенные функции с тематическим развёртыванием текстов. Утверждается, что изложение авторской мысли в рецензиях начинается с описания библиографических данных рецензируемого труда, затем продолжается описанием и оценкой иных его аспектов. Оценка, в свою очередь, может сопровождаться обоснованием, которое формулируется по типовым схемам аргументации, характерным для научных рецензий. В заключительной (факультативно — во вступительной) части рецензии, как правило, выражается общая оценка рецензируемой книги, совмещённая с рекомендацией или отказом от рекомендации конкретного научного труда для потенциального реципиента [Ripfel 1989: 43]. На наш взгляд, представленное М. Рипфель тематическое развёртывание экспертно-оценочного текста скорее следует воспринимать как предельно обобщённое, прототипическое для научных рецензий. Текстотипологический анализ реальных текстовых экземпляров позволяет выявить большее композиционное многообразие рецензий, чем то, которое вписывается в рамки схематичного отображения тематического развёртывания у М. Рипфель.

Ожидаемо, что в монографии, помимо текстовых функций, рассматривается и логическая структура оценивания. Сравнивая академические журнальные рецензии с рецензиями публицистического стиля, исследователь дополняет абстрактную структуру оценки фигурой её реципиента и конкретизирует содержание этого элемента в опоре на тексты научных рецензий.

Не менее ожидаемым оказывается замечание о полиадресатности экспертно-оценочных текстов: утверждается, что среди широкого круга адресатов из числа представителей научного сообщества особое место занимает автор и / или издатель рецензируемого труда, заинтересованный в положительной оценке своей работы [Ripfel 1989: 37]. Помимо введения адресата в структуру оценки, М. Рипфель уточняет объекты оценивания и дополняет устоявшийся перечень из содержательных и формальных особенностей рецензируемого труда субъектоориентированными аспектами, которые задействуются при оценке, направленной на автора рассматриваемой монографии (*Verfasser des Rezensionsgegenstandes*) и ответственного за её оформление (*Verfasser der Rezensionsvorlage*) [Ripfel 1989: 44].

Характерно, что отдельное рассмотрение получают экстралингвистические параметры коммуникативной ситуации, в которую включаются рецензии: 1) констатируется публичный и монологический характер коммуникации; 2) отмечается, что рецензент — специалист в области, к которой относится рецензируемая монография, — чаще всего эксплицитно обозначается в тексте посредством имени собственного; 3) повторно уточняется, что в круг реципиентов научных рецензий входят как специалисты из конкретной области знаний, так и сам автор рецензируемого труда (вероятно, лично знакомый с рецензентом); 4) называется основной орган публикации научных рецензий — академические журналы; 5) подчёркивается, что влияние редакции научного журнала на то, как структурирован и оформлен текст рецензии, достаточно незначительно [Ripfel 1989: 41]. Детальные характеристики участников коммуникации с акцентом на межличностные отношения и включённость коммуникантов в профессиональный контекст, а также учёт общественных институтов, обеспечивающих распространение научных сведений, позволяют нам установить перспективные связи исследования М. Рипфель с работами представителей коммуникативно-функционального, лингвопрагматического и социолингвистического подходов к изучению оценок в текстах, сопровождающих процесс получения нового научного знания.

1.2.3. Основные достижения текстоцентрического изучения оценок

В представленных выше работах отечественных и зарубежных исследователей акцент смещается на изучение оценок в функционально-стилистических подсистемах. В той или иной

мере начинает учитываться коммуникативная ситуация экспертно-оценочного общения, её экстралингвистические параметры. Оценка получает рассмотрение не только в рамках конкретного функционального стиля, но и на материале конкретного языка: например, французского в статье М. Б. Воробьёвой или немецкого в работах Е. С. Троянской.

Конкретные наблюдения, сделанные на основании анализа обширного эмпирического материала на разных языках, закладывают основу для последующих исследований оценки в научной коммуникации. Основными достижениями функционально-стилистического и текстотипологического подходов можно считать следующие результаты:

- 1) понимание оценки как особой авторской модальности, пронизывающей весь научный текст²;
- 2) выделение разновидностей оценивания, характерных непосредственно для научной коммуникации, например, оценки по достоверности и оценки места объекта в истории научной дисциплины;
- 3) представление о полевой структуре жанров функционального научного стиля, доказательство многообразия типов научных рецензий;
- 4) рассмотрение оценки как одной из обязательных, основополагающих функций научной рецензии;
- 5) акцент на жанровом своеобразии рецензии: выявление отклонений от норм научного стиля в экспертно-оценочных текстах, наблюдение фиксации относительно большей субъективности рецензий, зафиксированная четкая тенденция к выражению не только рациональных, но и эмоциональных оценок;
- 6) конкретизация логической структуры оценок в опоре на репрезентативные выборки текстов;
- 7) наблюдения о множественном характере адресации оценок в рецензиях, замечание о том, что оценка может быть направлена как на формальные и содержательные аспекты рецензируемого произведения, так и на его автора/издателя.

Обобщая проведённый обзор, мы вынуждены, однако, констатировать выбор сугубо инструментального подхода исследователями оценки в рамках изучения функциональных

---

² В дальнейшем эта мысль развивается в коммуникативно-ориентированных исследованиях, авторы которых выделяют особый аксиологический план научных текстов и акцентируют роль оценок в организации взаимодействия различных пластов научного знания.

стилей. Несмотря на несомненные достоинства функционально-стилистического и текстотипологического рассмотрения оценочных выражений, предлагаемый инструментарий следует признать недостаточным для объяснения роли и места оценки в языке, в его живом (в т. ч. институционально регламентированном) употреблении. Так как оценочное значение неопределённо, его интерпретация невозможна без обращения к контексту и совокупности контекстуальных параметров (таких как тип текста, коммуникативная ситуация, характеристики коммуникантов: их статус, цели и взаимоотношения), образующих рамку восприятия высказываний [Bublitz 2009: 180]. Характерно, что аналогичную мысль в отношении оценок можно найти уже у Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1988: 5]. Особое же значение рассуждения о контекстуальной связанности оценок приобретают в проекции на оценочные высказывания, в состав которых входят элементы, не используемые для прямого выражения оценки. Образующийся оценочный смысл в таких случаях возникает в результате взаимодействия системного значения языковых единиц и параметрами ситуативного контекста [подробнее см. Нефедов, Чернявская 2020: 83–84].

Учитывая сложную связь оценки с контекстом, наиболее эффективным решением следует признать обращение к многоуровневому пониманию контекста, учитывающему иерархию мыслительных структур, в которых «упаковано» знание. Например, к модели Й. Майбауэра, в которой выделяются четыре уровня контекста: 1) интратекстуальный (непосредственно текстовое окружение высказываний); 2) инфратекстуальный (соотношение текстового фрагмента и цельного текстового произведения); 3) интертекстуальный (отношение текста к другим текстовым экземплярам); 4) экстратекстуальный (ситуативный контекст) [Meibauer 2012: 11].

Для того, чтобы привлечь к изучению оценочных выражений сведения о когнитивных структурах, задействованных в процессе производства и восприятия научных текстов, необходимо рассматривать контекст не только как многоуровневое, но и как динамическое построение. В этой связи следует положительно оценить введение фигуры адресата оценочных высказываний, которое мы наблюдаем в функционально-стилистических и текстотипологических исследованиях. Ведь интерпретация высказывания — двусторонний процесс [Bublitz 2009: 44], определяемый не только автором, но и реципиентами высказывания, их социальной идентичностью, ролью в коммуникации, воззрениями, эмоциями и коммуникативными целями, которые могут изменяться по мере развёртывания контекста [van Dijk 2014: 54].

Упоминание целей, преследуемых коммуникантами, на наш взгляд, стоит отметить особо в связи с тем, что акт оценивания, как и любой речевой акт, совершается целенаправленно. Иными словами, оценка наследует в своей структуре интенциональный компонент речевого акта и совершается в соответствии с целями общения. Для учёта телеологического измерения оценок

представляется необходимым рассматривать оценочные выражения в лингвопрагматической перспективе. В этой связи присоединение категории адресата к модели оценки видится прогрессивным изменением угла исследовательского зрения, но недостаточным для изучения оценки в интеграции с социокультурно- и институционально-обусловленными параметрами коммуникации.

1.3. Лингвопрагматическое, социолингвистическое и лингводискурсивное изучение языковой оценки

Необходимость изучения оценок в их обусловленности экстралингвистическими параметрами коммуникативной ситуации привела к распространению исследований оценочных смыслов с лингвопрагматических позиций. Лингвопрагматическая постановка проблем, как правило, требует применения известных нам методов текстолингвистического и лингвоэпистемологического анализа языковых оценок, однако основной акцент переносится на участников профессиональной научной коммуникации, их цели и коммуникативные установки, влияющие на вербализацию речевых актов оценивания.

В ряде работ отечественных лингвистов [Рябцева 1996; Котурова, Баженова 2008; Баженова 2016; Данилевская 2009, 2013; Чернявская 2016] оценка концептуализируется как особый аксиологический план научного текста. Немецкоязычные авторы продолжают выстраивать характеристику оценок в научной коммуникации на основании положений лингвистики текста. С текстолингвистических позиций знание о том, как именно (с помощью каких средств и способов, в ориентации на какие ценности и нормы) оцениваются сведения, сообщаемые в экспертных текстах, может рассматриваться как интеракциональное знание (*Handlungswissen / Interaktionswissen*) о коммуникативной деятельности в процессе производства и восприятия научных текста. Этот тип знания традиционно выделяется наряду с другими типами — энциклопедическим и языковым знанием [Heinemann, Heinemann 2002: 125]. Кроме того, статьи немецкоязычных лингвистов отличает особое внимание к речевой реализации оценок в рамках соответствующих актов [Hannappel, Melenk 1981; Sager 1982; Keller 2002; Zhao 2015; Arendt, Schäfer 2015].

В последние годы наблюдается увеличение числа исследований оценки в социолингвистической и лингводискурсивной перспективе, что неудивительно, если принимать во внимание высокий статус социолингвистической и дискурсивно-когнитивной парадигм в современной лингвистике. Современных исследователей интересуют не сами средства выражения оценки в изолированном употреблении и отнюдь не лексическая семантика оценочных единиц как таковая, равно как и частные случаи использования изучаемых средств с сохранением словарного значения. Напротив, актуальные исследования сконцентрированы на особенностях взаимодействия оценочных средств в различных коммуникативных контекстах, на том, каким образом осуществляется включение этих средств в авторские коммуникативные стратегии и тактики и как именно оценочные средства задействуются автором для реализации поставленных коммуникативных целей.

1.3.1. Особый оценочный план научных текстов в работах отечественных лингвистов

Труды отечественных исследователей, обсуждаемые в дальнейшем, объединяет представление об особом оценочном плане научных текстов и особом лингвоэпистемическом функционале оценки. Этот функционал проявляется в том, что оценка, совершаемая авторами научных статей, монографий и рецензий, вовлекается в постепенный процесс верификации научного знания и тем самым вносит свой вклад в упорядочивание этих структур, способствует их продвижению из области дискутируемого научного знания к сегментам, образующим *эвидентный базис науки* [Ильин 1989: 98].

Авторы по-разному подходят к освещению оценки как особого плана научных текстов. Н. К. Рябцева рассматривает оценку как один из инструментов характерной субъективной модальности научного текста, источником которой является автор-исследователь — субъект знания и познания, чья авторская индивидуальность и речемыслительное творчество особым образом проявляются в выборе средств организации научного изложения [Рябцева 1996: 10, 15]. Именно субъективный характер научного познания и текстопроизводства, по мнению Н. К. Рябцевой, придаёт излагаемым авторским положениям «необходимую эпистемическую и коммуникативную определённость» [Рябцева 1996: 16]. В очередной раз акцентируется высокая

степень аксиологичности научного текста [Рябцева 1996: 25], впервые эта мысль подтверждается статистическими данными, полученными в ходе работы автора над специализированным словарём-справочником «Научная речь на английском языке. Руководство» [Рябцева 1999]. Обращение к постулатам философии науки позволяет Н. К. Рябцевой сформулировать важное следствие для характеристики оснований оценок в научных текстах. Отмечается, что, несмотря на общепринятое представление о стремлении науки к объективной истине, истина как таковая остаётся предметом философии (в частности, логики). В других областях научного знания оценке подлежит не столько истинность излагаемых авторами положений, сколько аргументированность, правильность, непротиворечивость и значимость авторских рассуждений и выводов [Рябцева 1996: 25]. В отношении оснований Н. К. Рябцева выводит следующую закономерность, которая заключается во взаимообусловленности характера основания и конкретного объекта оценки. Как следствие, для теоретических объектов и речемыслительных операций, на которые направлена оценка познающего субъекта, выделяются особые классы. Каждому классу соответствуют свои аксиологические критерии: 1) выводному знанию (авторским гипотезам и методологии) — обоснованность; 2) обобщениям (теориям и концепциям) — объяснительная сила; 3) классификациям — основания, на которых они построены; 4) событиям — вероятность их возникновения; 5) законам — область действия; 6) построениям — сложность; 7) рассуждению и изложению — непротиворечивость, объективность, глубина, полнота и ясность; 8) результатам — новизна и значимость [Рябцева 1996: 29]. В этой же связи говорится об особой, *перспективирующей* функции оценки в научном изложении.

М. П. Котюрова и Е. А. Баженова также развивают мысль об особом аксиологическом плане научного текста, когда говорят о «сетке оценок», которая «покрывает текст с разной степенью плотности» [Котюрова, Баженова 2008: 89]. Авторы предлагают термин *аксиологическое поле* для обозначения вербального выражения аксиологического компонента *эпистемической (познавательной) ситуации*, который соотнесён с оценочной сущностью познавательной деятельности как таковой и с «ценностной ориентацией учёного-автора в наличном (старом) и получаемом (новом) знании» [Котюрова, Баженова 2008: 81]. Упоминание разновидностей научного знания здесь также не случайно, ведь с точки зрения исследователей, функционал оценки в научных текстах включает в себя регулирование систематизации, рецепции и структурных преобразований сегментов дисциплинарного знания от момента его возникновения вплоть до текстовой фиксации [Котюрова, Баженова 2008: 81].

Познавательная ситуация в понимании М. П. Котюровой и Е. А. Баженовой связывает воедино субъект оценки, оцениваемый объект и оценочные средства [Котюрова, Баженова 2008: 82]. Аксиологическая активность субъекта в процессе научного познания обеспечивается двумя

типами оценок: рациональными (логическими) и иррациональными (эмоциональными). Рациональные оценки служат выразителями отношения автора-исследователя к новому или уже существующему научному знанию, при этом сегменты знания квалифицируются автором на основании соответствия или несоответствия стандартам, принятым в процессе становления конкретной научной дисциплины [Котюрова, Баженова 2008: 81]. Уточняется, что к сообщаемому научному знанию обычно применимы критерии новизны, значимости и достоверности, приводятся примеры аксиологических шкал для рациональных оценок [Котюрова, Баженова 2008: 82], которые свидетельствуют о довольно широком понимании оценки авторами (ср. рассуждения в разделах выше о сближении оценок по достоверности с модальностью).

Помимо рациональных оценок, обсуждаются оценки, выражающие психическое состояние оценивающего субъекта, и приводятся конкретные наблюдения относительно распределения рациональных и эмоциональных оценок в научных текстах. Согласно этим наблюдениям, средства эмоциональной оценки, как правило, используются для отрицательной квалификации старого знания в полемически заострённых частях научного произведения [Котюрова, Баженова 2008: 83]. Обращаясь к материалу исследования в целом, авторы констатируют преобладание оценок старого знания над оценками других сегментов научного знания [Котюрова, Баженова 2008: 86], что связано с функционированием оценок как своеобразных индикаторов познавательной ценности сообщаемого знания. Кроме того, наблюдается более высокая доля позитивно поляризованных оценок по сравнению с негативно поляризованными, что связывается преимущественно с принципом некатегоричного изложения, которого придерживаются авторы научных текстов [Котюрова, Баженова 2008: 87]. Что касается оценок нового знания, то они, по результатам анализа М. П. Котюровой и Е. А. Баженовой, зачастую направлены на научную методологию, понятийный аппарат, используемый авторами, и иные составляющие «дизайна исследований» — гипотетические построения, проблемы, конкретные задачи. Основание таких оценок образуют критерии значимости, обоснованности и новизны [Котюрова, Баженова 2008: 87–88].

Для всех разновидностей оценок в научных текстах авторы выстраивают матрицу оценочных средств, которую составляют лексические (существительные, прилагательные, наречия, фразеологизированные сочетания) и синтаксические единицы (словосочетания-клише, безличные конструкции с различными модальностями, конструкции с отрицательной / противительной семантикой, вопросительные и восклицательные предложения) [Котюрова, Баженова 2008: 84–85]. Вместе с тем отмечается возможность имплицитной реализации оценок (старого знания) посредством констатации фактов: утверждается, что «формально безоценочную» передачу чужой речи следует интерпретировать как: 1) выражение полной

уверенности автора в истинности цитаты и 2) положительную оценку цитируемого [Котюрова, Баженова 2008: 85, 87]. Об определённости авторской позиции может свидетельствовать и интенсификация оценок, повышающая убедительность изложения, в то время как градуирование оценок в сторону ослабления сигнализирует о нежелании автора формулировать категоричные, беспелляционные оценочные суждения [Котюрова, Баженова 2008: 85].

Ценные практические наблюдения суммированы в более поздней публикации Е. А. Баженовой. Автор снова привлекает к анализу статистические показатели плотности оценок в научных текстах и по результатам интерпретации акцентирует сквозной характер аксиологической плотности научного текста, что позволяет продолжить разговор об особом *субтексте оценки* (термин Е. А. Баженовой, сходный по объёму значения с термином М. П. Котюровой *аксиологическое поле*). *Субтекст оценки* представлен множеством языковых единиц разного уровня, связанных оценочной семантикой и функцией оценочной характеристики структур знания [Баженова 2016: 141], что кажется нам особенно релевантным и характерным для коммуникативно-функционального изучения оценочных выражений. При этом сквозная аксиологическая плотность в действительности оказывается неравномерной: отмечается тенденция к скоплению оценок в определённых композиционно-содержательных частях произведения — введении, изложении истории дискутируемого вопроса, постановке проблемы, обосновании исследовательской методологии [Баженова 2016: 142].

Некоторые теоретические положения, на которых Е. А. Баженова основывает интерпретацию эмпирического анализа, позволяют провести ряд параллелей между статьёй автора и исследованиями предшественников. Как и представители логико-философского и лингвоаксиологического подходов к изучению языковых оценок, Е. А. Баженова трактует модальную рамку оценки в проекции на экстралингвистические параметры коммуникации и выделяет субъект оценки (лицо или социум), объект оценки (лицо, предмет или событие) и оценочные шкалы и стереотипы [Баженова 2016: 140]. В том же теоретическом русле производится: 1) выделение субъективного (ориентированного на субъекта) и объективного (ориентированного на свойства предметов и явлений действительности) компонентов оценок; 2) различение рациональных (основанных на нормах и стереотипах) и эмоциональных (передающих психические реакции субъектов) оценок; 3) указание на смысловую неполноту оценок [Баженова 2016: 140–141].

На исследования предшественников во многом опирается и Н. В. Данилевская, апеллируя к функционально-стилистической традиции изучения языковых оценок в жанровых разновидностях функционального научного стиля. Несомненным авторским новаторством на фоне уже известного знания об оценочных выражениях можно считать расширение понятия оценочного субтекста до *комплекса субтекстов*, с которыми соотносится *познавательная*

(интеллектуальная) оценка [Данилевская 2009: 21]. Однако сам термин *интеллектуальная оценка* кажется нам не вполне удачным: если учитывать неотъемлемую когнитивную составляющую оценочных действий, интеллектуальной в широком смысле можно считать любую оценку. В дальнейшем в работе активно используется термин *познавательная оценка (ПО)*, которым Н. В. Данилевская обозначает «когнитивный стержень, объединяющий все частные взаимодействия компонентов знания и подчиняющий это взаимодействие основной цели научного текста — фиксировать процесс созидания нового научного знания» [Данилевская 2009: 22]. Как видим, в этом определении *познавательной оценки* как особой разновидности оценивания акцентируется не только вовлечённость оценок в структурирование сегментов научного знания, но и телеологическая ориентированность оценок, их связь с целями научного текстопроизводства.

Н. В. Данилевская, как и исследователи-предшественники, выделяет объективную и субъективную составляющую оценочных высказываний [Данилевская 2009: 22] и в соответствии с этим делением производит дифференциацию оценок на рациональные (логические) и иррациональные (эмоционально-экспрессивные), уточняя критерии оценок в рамках логического и эмоционально-экспрессивного оценочных полей. Так, утверждается, что объекты оценки, на которые направлено рациональное отношение автора, характеризуются на основании известности, актуальности, важности, целесообразности, обоснованности, уместности, возможности и т. п., в то время как иррациональные оценки подразумевают характеристику объектов с позиций одобрения, восхищения, раздражения, удивления и других состояний, испытываемых автором [Данилевская 2009: 20]. Рассмотрение рациональных и эмоциональных оценочных действий авторов-исследователей приводит к выделению двух планов *познавательной оценки* — когнитивного и эмотивного [Данилевская 2009: 23]. При этом когнитивный план понимается Н. В. Данилевской расширительно: к когнитивной оценке относится довольно широкий спектр познавательных действий учёного — констатация, описание, обобщение, вывод, следствие, уточнение, объяснение и др. [Данилевская 2009: 23]. Сомнительно, что столь широкое понимание оценки окажется продуктивным в аналитической работе с конкретным языковым материалом: понимание большинства речемыслительных действий, совершаемых исследователями, как аксиологически заряженных, ведёт к неизбежной констатации абсолютной оценочности научного текста и оттеснению других релевантных текстовых функций на второй план. Кроме того, максимально широкое понимание оценочного ставит под вопрос изучение конкретных стратегий и средств вербализации оценок в научных текстах. Незащищённым от критики в этой связи нам кажется и последующее предложение Н. В. Данилевской — считать все когнитивные акты в научном тексте априори положительно-полярными [Данилевская 2009: 23].

Заметим, однако, что широкое понимание оценочной деятельности в соотнесении со структурами научного знания используется Н. В. Данилевской в качестве базы для основного тезиса работы — закрепления за оценкой в научных текстах особой текстообразующей функции (о чём, впрочем, говорилось и ранее — см. [Арутюнова 1988: 74]). То, что оценка пронизывает всю текстовую канву, следует из проекции оценки на акт познания / понимания: оценочная характеристика объекта невозможна без понимания его устройства [Данилевская 2009: 21]. Недостаточно полным и не вполне соответствующим реальной исследовательской практике представляется то, что объектом познавательной оценки у Н. В. Данилевской чаще всего выступает старое знание, ведь другие сегменты научного знания также подвергаются оценке (что особенно характерно для рецензий). Помимо этого, нельзя не заметить, что границы понятия *старое научное знание* очерчены недостаточно чётко. Как следствие, этот термин может создавать у читателя ложное впечатление о мнимой однородности структур научного знания, для которых признаётся возможным строгое деление на два поля (старое и новое). В дальнейшем Н. В. Данилевская предпринимает попытку конкретизации сегментов научного знания и характеризует текстовые высказывания с точки зрения отнесённости к структурам научно нового знания (ННЗ), научно старого знания (НСЗ), коммуникативно нового знания (КНЗ) и коммуникативно старого знания (КСЗ) [Данилевская 2009: 24]. Эти категории применяются в эмпирическом анализе, результаты которого подробно излагаются в статье, однако, несмотря на наглядную иллюстрацию текстового взаимодействия некоторых структур научного знания, анализ не всегда проясняет то, какую роль во взаимодействии когнитивных структур играет оценка. Отмеченные спорные места работы кажутся нам следствием расширительного понимания *познавательной оценки* и, в частности, её когнитивного плана: если всем высказываниям в научном тексте изначально приписывать оценочный характер, оценка начинает восприниматься преимущественно как немаркированный элемент текстовой структуры, который легче всего соотнести с основной функцией научных текстов — производством нового знания, не фокусируя внимание на роль оценки во взаимодействии отдельных структур научного знания.

В статье «Об особом статусе оценки в научном тексте» Н. В. Данилевская развивает авторскую теорию *познавательной оценки*, представленную в более ранних публикациях [Данилевская 2009, Данилевская 2005], и поднимает вопрос о воздействии автора на реципиента, подчёркивая актуальность роли этого воздействия в процессе разработки и передачи научного знания [Данилевская 2013: 39]. Интересны авторские размышления о влиянии сферы эмоций и психических состояний оценивающего субъекта на познание [Данилевская 2013: 38]. В статье уделено немало внимания эмоциональной оценке в научных текстах: утверждается важность двух сторон познавательного процесса — как когнитивной (рациональной), так и

эмоциональной, отмечается их тесная взаимосвязь. Исходя из этих утверждений, Н. В. Данилевская формулирует две установки, лежащие в основе понимания *познавательной оценки* как «авторского выбора того или иного познавательного действия». Это 1) «направленность автора на реализацию содержательно адекватного научного диалога», соотносимая с когнитивным планом *познавательной оценки* и 2) «направленность на реализацию коммуникативно адекватного научного диалога», соотносимая с эмотивным планом *познавательной оценки*. [Данилевская 2013: 39].

Рассуждения о связи рационального и эмоционального и роли двух названных планов в процессе производства и распространения научного знания находят выход в понятии *интеллектуальной экспрессии*, которое объясняется Н. В. Данилевской как «отраженный в тексте авторский поиск как самого нового знания, так и способов его наиболее адекватного языкового оформления» [Данилевская 2013: 40]. Текстовым показателем *интеллектуальной экспрессии*, по мнению Н. В. Данилевской, является *плотность знания* — «сгущение» познавательно-оценочных действий автора-исследователя, которое выполняет важную коммуникативную функцию — повышает эффективность научного общения и тем самым способствует дискурсивно-адекватному представлению и верификации нового научного знания [Данилевская 2013: 41–42].

Актуальное осмысление и преломление идей, представленных выше, характеризует работу В. Е. Чернявской, в которой научно-исследовательская статья рассматривается как тип текста, специализирующийся на презентации нового научного результата. На основании ряда российских и зарубежных исследований В. Е. Чернявская делает вывод о возрастании роли экспертной оценки в производстве и представлении нового научного знания [Чернявская 2016: 57]. В отношении структур научного знания предлагается рассматривать дихотомию «старое-новое» как взаимодействие концептуального (непосредственно связанного с новым научным знанием) и неконцептуального (вспомогательного) знания, служащего для оформления концептуального знания. При этом неизменно подчёркивается, что взаимодействие нового и старого в науке связано с познавательно-оценочными действиями субъекта (принятие / отрицание; признание сообщаемого факта объективным / сомнительным / ложным; целесообразным или нецелесообразным и др.) [Чернявская 2016: 59]. Вслед за Н. В. Данилевской В. Е. Чернявская также оперирует понятием *познавательная оценка*, определяя его конкретно как выраженную в тексте авторскую квалификацию компонента научного знания как «имеющего определенную ценность, необходимую для формирования и выражения нового знания» [Чернявская 2016: 59]. Несомненным достоинством статьи можно считать методы анализа эмпирического материала, которые автор определяет как «структурный (качественный) контент-анализ, прагма-семантический анализ языковых единиц, метод реферирования текстового

целого» [Чернявская 2016: 57]. Избранные методы позволяют сочетать лингвистический анализ вербального выражения оценок с рассмотрением когнитивных структур научного знания. Тем самым задаётся лингвоэпистемологическая ориентация анализа, которая, как обсуждалось выше, делает возможным обсуждение функций оценочной деятельности субъекта в рамках научно-познавательного процесса.

1.3.2. Оценка в зеркале немецкой лингвопрагматики

С 80-х гг. прошлого века в работах немецких лингвистов начинает прослеживаться синтез опоры на логико-философское понимание структуры оценок и лингвопрагматической перспективы. Оценка получает рассмотрение как речевое действие, в результате которого в поле зрения учёных оказывается вопрос о включении оценочных средств в речевые акты, и внимание авторов фокусируется на деятельностных, волевых аспектах оценок. Достаточно типичным примером здесь может послужить работа Х. Ханнапеля и Х. Меленка, в которой авторы сначала обобщают свойства, характерные для оценок как таковых, и включают в число этих свойств:

1) полярность — *polare Struktur*, — которая рассматривается практически с позиций теории аргументации в терминах «Dafür- oder Dagegen-sein» (см., например, сходные замечания К. Ханнкен-Иллес об использовании в аргументации одних и тех же топосов для разрешения спорного вопроса как с позиций «за», так и с позиций «против» [Hannken-Illjes 2018: 100–101]);

2) градуируемость — *Graduierbarkeit* — способность оценок занимать точечное положение на шкале между аксиологическими полюсами;

3) групповую обусловленность оценок — *Gruppenbezug* — соотнесённость оценок с коллективно обусловленными нормами и ценностями;

4) критерии оценки — *Bewertungskriterien*, — (возможное, но не обязательное) выражение которых в контексте не сводится к уровню лексем.

5) неоднозначность — *Unschärfe*, — восполняемую в контексте [Hannappel, Melenk 1981: 209–222].

В лингвопрагматическом отношении высказывается актуальная мысль, которая отразится в работах других исследователей [см. Sager 1982; Arendt, Schäfer 2015]: между деятельностным аспектом речи и оценочным отношением устанавливается двусторонняя связь, так как, с одной

стороны, оценке подвергаются уже совершённые действия, с другой стороны, можно утверждать, что оценочный комментарий, нацеленный на совершённые действия, готовит ориентиры для последующих аналогичных действий [Hannappel, Melenk 1981: 211].

Более подробное рассмотрение лингвопрагматических аспектов оценивания приводится в статье С. Ф. Загера, занимающей особое место в немецкоязычной традиции изучения оценки и эмоциональности (что подтверждается многочисленными ссылками, см., в частности, [Jahr 2000; Zhao 2015]). Ожидаемо, что в изложении теории оценки у С. Ф. Загера встречаются традиционно обсуждаемые аспекты языковой оценки как феномена: эмоциональность и рациональность оценок; градуируемость оценок по шкалам и языковые средства усиления оценок; возможность одновременной контекстуальной реализации разных видов оценок; зависимость оценочных высказываний от коммуникативного контекста [Sager 1982: 45]. Вместе с тем акцентируется диалогическая и телеологическая направленность оценок: утверждается, что оценки высказываются с целью воздействовать на собеседника определённым образом, достичь перлокутивного эффекта в результате оценочного высказывания и оказать влияние на то, как именно будут совершаться последующие акты оценивания [Sager 1982: 40–41].

Однозначным новаторством С. Ф. Загера можно считать интеграцию знания об особенностях логической структуры оценок с теорией речевых актов. Так, рассуждая о контекстуальной связанности оценочных действий, исследователь выводит особую разновидность речевых действий — *валюатив* (*Valuativ*). Объектами *валюативов* в понимании С. Ф. Загера выступают отдельные личности, их поступки и черты характера. Что касается оценки «взаимосвязей между сущностями» — объектами в узком смысле и явлениями, то для выражения такой оценки используются другие речевые акты — *эвалюативы* (*Evaluativ*) [Sager 1982: 44]. С одной стороны, выделение двух типов речевых актов в зависимости от экстралингвистических характеристик объектов оценивания представляется более чем оправданным, поскольку различные свойства объектов оценки могут сказаться на выборе средств вербального оформления оценочных действий. С другой стороны, частичная омонимия терминов *Valuativ* и *Evaluativ* не способствует чёткому различению названных разновидностей речевых актов и существенно затрудняет перевод используемой автором терминологии на русский язык.

Особого упоминания заслуживает модель оценки, предложенная С. Ф. Загером. В ней отражаются как традиционные составляющие, описанные в логико-философских и лингвоаксиологических исследованиях, так и авторское видение оценки в четырёх измерениях: 1) количество (*Quantität*); 2) качество (*Qualität*), 3) отношение (*Relation*) и 4) валидность (*Validität*) [Sager 1982: 45–51]. Первое измерение соотносится с классическими представлениями о градуировании оценочных значений в соответствии со шкалами. В центр второго — качественного — измерения оценок автор помещает такой компонент логической структуры, как

основание, и выделяет четыре его разновидности: 1) эстетическое основание (*die ästhetische Basis*), образованное нормативными представлениями о прекрасном; 2) моральное / этическое основание (*die moralische Basis*), представленное нормами этики и морали; 3) функционально-телеологическое основание (*faktisch adaptive Basis*), задействованное в оценке соответствия объекта предписанным ему функциям; 4) сенситивно-экспрессивное основание (*sensitiv expressive Basis*) — обеспечивающее субъективную, эмоциональную оценку объекта [Sager 1982: 46–47]. Следующее измерение оценки — отношение — С. Ф. Загер соотносит с объектами оценивания и указывает на ограниченную способность объектов разного вида сочетаться с теми или иными основаниями [Sager 1982: 48–49]. Позднее сходная мысль будет высказываться Р. Келлером [Keller 2002: 12]. Четвёртое измерение оценки в модели С. Ф. Загера — валидность — определяется исходя из размера коллектива, поддерживающего нормы и стандарты, на которых основывается оценка: индивидуально-валидные оценки (*individuelle Bewertungen*) подразделяются на *приватные* (*privat gültig*) и *эгоморфные* (*egomorph gültig*), в то время как групповая валидность оценок может быть *институциональной* (*institutionell*) и *региональной* (*regional*) в зависимости от институциональной или территориальной закреплённости коллективных норм [Sager 1982: 50–51].

Дифференцирование аксиологических оснований, учёт индивидуальных и коллективных норм в модели оценки, а также использование инструментария грамматики составляющих в анализе эксплицитных и имплицитных оценок [Sager 1982: 51–57] выгодно отличает статью С. Ф. Загера на общем фоне немецкоязычных работ, фокусирующих лингвопрагматические аспекты оценивания. Вместе с тем приходится говорить о ряде недостатков статьи С. Ф. Загера в связи с неоднозначными терминологическими обозначениями и произвольным подбором примеров для анализа оценок в отвлечении от коммуникативных практик, принятых в конкретном сообществе.

В более поздних публикациях на немецком языке рассмотрение оценки чаще производится на материале текстов конкретных типов — например, научных статей в исследовании Ц. Чжао [Zhao 2015]. Несмотря на субъективный характер оценок, в которых сказываются авторские позиции и представления, тексты, представляющие результаты критического осмысления автором научной проблематики, Ц. Чжао предлагает относить к объективным текстотипам [Zhao 2015: 86–87]. В теоретическом отношении статья Ц. Чжао основывается на построениях С. Ф. Загера [Zhao 2015: 89], однако для моделирования оценок в текстах научных статей китайских исследователей автором используется комбинация абстрактной логической структуры (с включением объекта и обоснования оценок) и учёта конкретных средств и способов вербализации оценок с привлечением методов количественного анализа [Zhao 2015: 88]. На основании проведённого анализа делается ряд конкретных практических наблюдений: 1) выявляются контексты, в которых авторы статей выражают косвенную положительную оценку труда посредством

указания на лакуны в публикациях других авторов [Zhao 2015: 89]; 2) выделяются риторические вопросы как средства выражения отрицательной оценки [Zhao 2015: 98]; 3) акцентируется, что оценка создаётся в контексте совокупностью средств [Zhao 2015: 96]. В целом можно утверждать, что моделирование оценки на основании качественного и количественного лингвопрагматического анализа научных статей придаёт работе Ц. Чжао особую методологическую ценность. Однако, необходимо иметь в виду тот факт, что цели и задачи авторов научных статей отличаются от коммуникативных целей и задач рецензентов, — соответственно, различия могут наблюдаться и в том, как и какими средствами оформляются оценочные суждения в конкретных контекстах.

На материале, по своей специфике приближенном к журнальным рецензиям, основывается анализ Б. Арендт и П. Шефер, изучающих оценку в комментариях исследователей-участников процесса «слепого» рецензирования (Peer Review) [Arendt, Schäfer 2015]. Оценивание рассматривается как нормоустанавливающий процесс: в представлении авторов ценности, нормы и шкалы, на основании которых происходит оценивание, зачастую выкристаллизовываются в самом процессе оценивания [Arendt, Schäfer 2015: 103]. При этом нормы трактуются как «ожидание ожиданий» (*Erwartungserwartungen*), нарушение которых отражается в критических комментариях, 1) указывающих на возникшие расхождения действительности с нормами; 2) позволяющих проявить в тексте личность комментаторов, их профессиональную компетентность [Arendt, Schäfer 2015: 104]. Иными словами, совершая оценочные речевые действия, субъект оценки позиционирует себя в том числе и как специалист, вовлечённый в коммуникативные практики научного дискурса.

Логическая структура оценки преломляется в трехуровневой аналитической модели, построенной в русле лингвистической критики языка (*Sprachkritik*) (впервые модель представлена в статье Б. Арендт и Я. Кизендаль [Arendt, Kiesendahl 2015]). На первом уровне модели уточняются объекты оценки. К ним относятся: 1) формальные признаки рецензируемого текста (конкретные формулировки; средства выражения оценки на уровне морфологии, синтаксиса, орфографии; использование различных модальностей и визуально-графических кодов, типографические ресурсы, задействованные в выражении оценок) и 2) содержательные аспекты (использование терминов, интерпретация данных, формулирование выводов, работа с источниками и практики цитирования). На втором уровне конкретизируется тип речевого акта, в который включаются оценки (вопрос, утверждение, просьба, побуждение, похвала и т. д.), и определяются языковые средства и способы, используемые для формулирования оценочных комментариев: 1) прилагательные (в атрибутивном и предикативном употреблении); 2) средства снижения абсолютности высказывания; 3) частицы и прочие средства выражений оценки. На третьем уровне модели отдельно отмечается наличие или отсутствие эксплицитного

предложения внести исправления, которое рецензент адресует автору рецензируемой работы. Завершая теоретические построения, Б. Арндт и П. Шефер реконструируют нормы, на основании которых рецензенты формулируют оценочный комментарий: 1) единообразие на уровне оформления; 2) ясность и точность формулировок; 3) воспроизводимость, аналитическая стройность и убедительность изложенного [Arendt, Schäfer 2015: 118–119].

Помимо вышеописанной аналитической модели, в статье приводятся результаты эмпирического изучения оценочных комментариев. Интересное следствие выводится из анализа отрицательно поляризованных оценок. Авторы рассуждают следующим образом: критические комментарии к рецензируемой работе указывают на то, что текст, поступивший в редакцию академического журнала, требует исправлений. Необходимость корректуры, выраженная рецензентом, в свою очередь, подразумевает принципиальную возможность и целесообразность внесения правок в текст и, следовательно, указывает на то, что рецензируемая работа подойдёт для публикации и будет достойна вовлечения в научную дискуссию. Вышеизложенное позволяет Б. Арндт и П. Шефер говорить об особой функции критических комментариев в процессе «слепого» рецензирования [Arendt, Schäfer 2015: 109]. Что касается позитивно поляризованных оценочных комментариев, то оценки со знаком «+», по наблюдениям исследователей, используются для общей характеристики рецензируемого труда и выполняют контактоустанавливающую функцию в общении между авторами и рецензентами [Arendt, Schäfer 2015: 114].

1.3.3. Междисциплинарный лингвосоциологический подход: вовлечение оценки в жизнедеятельность функционально дифференцированных систем социума

Исходной точкой, которая позволит лучше раскрыть обобщаемую здесь группу частных подходов, можно считать мысль об институциональной связанности типов текста, их включённости в деятельность организаций и структур, наделённых общественно-важными функциями. В лингвистике текста и текстотипов эта мысль получила наиболее эксплицитное выражение у К. Ганзель и Ф. Юргенса, сформулировавших интегральное определение типов текста (*Textsorte*) в проекции на функционально-дифференцированные общественные системы. Согласно исследователям, изучение текстотипов немислимо вне учёта целых областей

коммуникации (*Kommunikationsbereiche*) и их функциональной нагрузки в социальных системах, задающих определённые рамки для текстов, которые поддерживают функционирование этих систем [Gansel, Jürgens 2009: 57]. Понятие функционально-дифференцированной системы используется авторами в опоре на социологическую общую теорию систем в изложении Н. Лумана (обзорное изложение теории систем Н. Лумана см. у [Krause 2005], подробнее о науке как социальной системе см. [Луман 2016]). Несмотря на то, что большинство перечисленных ниже авторов открыто не апеллируют к теории систем Н. Лумана, обращение к лумановскому пониманию социальных систем и институтов позволяет в некоторой степени объяснить скорее социологический, чем собственно лингвистический понятийный аппарат, используемый в рассмотрении оценки с позиций междисциплинарного лингвосociологического подхода.

Обратимся к положениям теории Н. Лумана, наиболее релевантным для лингвистического описания специфики институциональной коммуникации. В рамках упомянутой теории общество понимается как сложносоставная система, в которую интегрированы отдельные подсистемы (религия, право, воспитание, политика, экономика, наука, искусство, СМИ), наделённые специализированными функциями [Gansel, Jürgens 2009: 76]. В границах каждой подсистемы существует своя дифференциация типов текста: 1) *ядерные текстотипы* выполняют конститутивные функции по отношению к системе (пример таких текстотипов в науке — научная статья и монография); 2) *типы текста в институционально согласованной коммуникации* отвечают за коммуникативные реакции в рамках системы (пример: курсовая работа в университете), в то время как 3) *текстотипы структурной связанности* обеспечивают построение прочных коммуникативных взаимосвязей между различными социальными подсистемами (например, на пересечении науки и СМИ находится публицистическая статья о новых научных результатах) [Gansel, Jürgens 2009: 78]. Таким образом, можно говорить о тесной интеграции типов текста с общественными институтами.

В процессе жизнедеятельности общественных подсистем текстотипы становятся передатчиками институционально детерминированных когнитивных структур, так называемого *когнитивного диспозитива*, о котором пишет Р. Диаз-Боне. Автор проводит сравнительный анализ публикаций из областей лингвопрагматики и экономики и находит в них проявления институциональных когнитивных оснований. *Когнитивный диспозитив* общественных институтов составляют представления, разделяемые членами этих институтов, фонд коллективных знаний, принятые в коллективе правила коммуникации — глубинные структуры, обладающие социо-когнитивными функциями, структурирующие мировосприятие представителей института, определяющие их когнитивный стиль и идентичность [Diaz-Bone 2013: 89].

Обобщая обращение к теории систем, подчеркнём, что в работах представителей лингвосociологического подхода к изучению оценивания фокусируется социальное значение оценочных практик, их институциональные рамки. Так, Т. Видмер в качестве исходного пункта для своего изложения выбирает понимание оценки как процесса социального взаимодействия и указывает на то, что в ходе этого взаимодействия так или иначе проявляется социальное положение оценивающего субъекта и ожидания, предъявляемые к его роли и функционалу конкретным сообществом [Widmer 2000: 82]. Эта мысль не теряет своей важности в проекции на фигуру рецензента в научном дискурсе. Представляется, что рецензент как субъект экспертной оценки должен соответствовать высоким коллективным требованиям к экспертизе, выраженным как в чисто формальных показателях (научная степень, звание, публикационная активность и т. д.), так и в знании норм экспертного оценивания, а также в дискурсивных компетенциях, которые проявляются в конкретных текстовых экземплярах типа «рецензия». Для изучения оценок в научных рецензиях актуальным будет также понимание оценки Р. Штокманом и В. Майером. Хотя работа авторов и не посвящена отдельно науке как системе, оценивание рассматривается в ней как инструмент производства нового знания [Stockmann, Meyer 2010: 64], что в очередной раз подтверждает важность понимания оценки как необходимого условия процесса верификации полученного знания и научного прогресса.

Примечательно, что в более поздней работе Т. Видмера (в соавторстве с Т. де Роччи) ведутся рассуждения о владении практиками оценивания, демонстрируемом авторами. В контексте этих рассуждений в качестве конкретного примера приводится Peer Review — процедура анонимного журнального рецензирования. Отмечается, что критерии оценивания для процесса слепого рецензирования не сформулированы явно, чем нарушается принцип прозрачности оценивания, постулируемый Т. Видмером и Т. де Роччи. Несмотря на данную особенность рецензирования потенциальных журнальных публикаций, оценивание в рамках процедуры Peer Review трактуется авторами как необходимый инструмент для саморегулирования науки как системы [Widmer, de Rocchi 2012: 106–107]. Эта мысль возвращает нас к дифференциации типов текстов, обеспечивающих эффективное функционирование различно специализированных общественных подсистем.

В рамках лингвосociологического подхода так же, как и в русле других направлений изучения оценивания, предпринимаются попытки классификации оценок и осмысления оценочной структуры. Т. Видмер выделяет разновидности оценок исходя из специфики объектов, терминологические обозначения следуют той же логике: если оценивается проект, соответствующая разновидность оценки будет именоваться «оценкой проекта» (*Projekt — Projektevaluation*). По аналогии выделяются многие другие виды оценивания — *Produktevaluation, Personalevaluation, Organisationsevaluation* и др. В том числе выделяется

особая категория «оценки оценки» — *Evaluation einer Evaluation*, что позволяет говорить об учёте Т. Видмером метаязыкового аспекта оценочных высказываний, о котором пойдёт речь в дальнейшем [Widmer 2000: 78]. Контекст, в котором совершается оценивание, понимается автором достаточно широко и вписывается в теоретическую модель взаимодействия. Согласно этой модели, контекст оценивания определяется сложением трёх векторов: 1) политики и управления; 2) науки и 3) общественности [Widmer 2000: 82]. В соответствии со спецификой данной трёхвекторной модели определяются и функции оценивания — улучшение качества процессов, повышение ответственности за действия субъектов, приращение научного знания, успешное построение политических стратегий [Widmer 2000: 80; Widmer, de Rocchi 2012: 27–28]. Подчёркивается особое значение оценки для науки. С одной стороны, оценка поддерживает высокий статус науки как общественной системы. С другой стороны, оценка выполняет значимую функцию внутри науки, так как оценочные акты задействуются в производстве эмпирической доказательной базы для научных теорий и методов [Widmer 2000: 83]. Р. Штокман и В. Майер добавляют к функционалу оценки дополнительные общественно значимые функции. Оценка, широко трактуемая как выраженная обратная связь по итогам какой-либо деятельности, по мнению авторов, способствует общественному просвещению, запуску процессов обучения и развития индивидуумов в обществе, легитимизации демократических политических режимов (подразумевающих наличие обратной связи как таковой и её адекватное восприятие адресатами оценок), а также оптимизации ведения проектов и контролю качества [Stockmann, Meyer 2010: 72–73]. К последней функции приложимо определение Г. Бирнкраут, согласно которому оценка понимается как метод, позволяющий определить, насколько продуктивно социальный институт работает над обеспечением собственной эффективности. Результаты такого оценивания служат основанием для дальнейшей общественной дискуссии, которая в прототипическом случае должна привести к социальным изменениям [Birnkraut 2019: 14].

Функции оценок включаются в сетку оценочных измерений, представленную в работе Т. Видмера и Т. де Роччи. По своей сути, предлагаемые авторами измерения являются очередной интерпретацией логической структуры оценки и включают в себя: 1) объект (*Evaluandum*); 2) функции; 3) область действия оценки; 4) взаимоотношения между объектом оценки и оцениванием. В работах других представителей междисциплинарного лингвосоциологического направления в изучении оценочных смыслов применяются аналогичные модели с редкими исключениями и дополнениями. У Р. Штокмана и В. Майера измерения формулируются в виде вопросов: 1) Что оценивается? 2) С какой целью? 3) На основании каких критериев? 4) Кем и 5) Как оценивается? [Stockmann, Meyer 2010: 66]. Ту же систему вопросов для описания структуры оценивания использует Г. Бирнкраут [Birnkraut 2019: 14]. По сути, эта отвлечённая от лингвистики схема совмещает в себе классическую триаду «субъект — объект — основание

оценки» с функциональным аспектом оценочных актов и возможностью включить в схему оценки классификацию характерных оценочных средств.

В связи с частными аспектами, обсуждаемыми в рамках лингвосоциологического подхода, следует несколько подробнее остановиться на теоретических воззрениях Й. Эрпенбека в отношении оценки. Й. Эрпенбек рассуждает об эмоциональной насыщенности знания, руководствуясь при этом кантианскими категориями: по аналогии с *вещью в себе* и *вещью для нас* исследователь выделяет *знание в себе* и *знание для нас*. Как и авторы, выделяющие особый аксиологический пласт в научном тексте и констатирующие важность эмоциональных оценок в процессе выработки нового научного знания, Й. Эрпенбек выражает убежденность в невозможности перехода от *знания в себе* к *знанию для нас* и вовлечения знания в повседневную и профессиональную деятельность без эмоциональной окрашенности познавательных процессов и презентации результатов исследований [Erpenbeck 2018: 107]. Эмоции и мотивировки рассматриваются как результат оценивания объекта конкретным индивидом — субъектом оценки, при этом считается, что основание оценки образовано субъективными потребностями и интересами оценивающего субъекта в масштабе субъектно-объектного взаимоотношения [Erpenbeck 2018: 107–108].

При наблюдаемой абстрактности философских оснований, подведённых Й. Эрпенбеком под понятие оценки, исследователь уделяет внимание конкретным оценочным средствам, вписывая их в аксиологическую модель. Автор выстраивает матрицу языковых оценочных средств, выделяя: 1) лексемы с оценочными компонентами в семантической структуре (*gut, schön, nützlich* и др.); 2) оценочные суждения (целые высказывания); 3) слова, не имеющие оценочных сем в структуре значения, но получающие оценочные коннотации (как правило, отрицательные) в силу социально-культурного контекста, в который они исторически оказываются вписанными, — см., например слова-стигмы (*Stigma-Wörter*) и слова-лозунги (*Fahnen-Wörter*) [Hermanns 1994]; 4) приставки и суффиксы, сообщающие слову оценочные коннотации (*un-, ge-, -erei / -elei, -ling*); 5) композиты с оценочным компонентом (*Hetzrede*); 6) средства выражения оценки на текстовом уровне; 7) прочие средства, с помощью которых можно выразить *идентифицирующее* или *дистанцирующее* отношение к объекту оценки (*unser Direktor — der Herr Direktor*); 8) эвфемизация, ирония, сарказм, сравнение и др. выразительные средства на уровне стилистики [Erpenbeck 2018: 120–121]. С лингвистической точки зрения классификацию Й. Эрпенбека едва ли можно признать стройной и непротиворечивой, однако бесспорным её достоинством можно считать учёт разноуровневых средств выражения оценки. В равной степени положительным следует признать выделение экстралингвистических средств выражения ценностных значений, относящихся к различным модальностям (визуальной, аудиальной, кинестетической) и паралингвистических средств, сопровождающих контекстуальное построение оценочных

смыслов (вспомогательные просодические средства выражения ценностно-насыщенных смыслов) [Eggenbeck 2018: 118–119]. Несмотря на то, что рассмотрение неязыковых ресурсов для конструирования оценок оказывается не столь релевантным для анализа экспертных текстов научного дискурса, классификация пара- и экстралингвистических средств, предложенная Й. Эрпенбеком, намечает перспективы для современных лингвистических исследований оценки в мультимодальной коммуникации.

1.3.4. Модель описания оценки Дж. Мартина и П. Уайта (Appraisal Framework): обращение к дискурсивной перспективе

Направления социо- и дискурсивно-лингвистической мысли, обсуждаемые в дальнейшем, характеризуются привлечением к исследованию оценок методологии и теоретических концепций из смежных с лингвистикой дисциплин. Разноплановость методов научного описания оценочных смыслов находит своё выражение в разнообразии терминов, которые используются авторами для моделирования оценки в конкретном дискурсе. Так, например, Б. Палтридж [Paltridge 2017: 116] по мере выделения теорий языковой оценки, прецедентных для англоязычного лингвистического дискурса, приводит целый ряд терминов, которыми описываются механизмы оценивания: *Evaluation in Text* [Hunston, Thompson 2000; Hunston 2011], *Appraisal* [Martin, White 2005; Hood 2010], *Stance analysis* [Hyland 2005] и др.

Изучение английского языка как языка академического общения, как отмечает С. Худ [Hood 2016: 193], восходит к социальной семиотике языка и системно-функциональной лингвистике (*SFL — systemic functional linguistics*) М. А. К. Халлидея, в фокусе которой оказываются взаимоотношения между языком, значением и контекстом [Starfield, Paltridge 2015: 132]. Концепция М. А. К. Халлидея становится опорой и для многих других социолингвистически- и дискурсивно-ориентированных исследований оценочной коммуникации (преимущественно на английском языке и на материале английского языка). Закладывая основы системно-функциональной лингвистики, М. А. К. Халлидей производит выделение уровней языка как социально-семиотической системы. Отметим, что наряду с интралингвистическими уровнями (текст, языковая система) выделяются также уровни, связанные с социальным контекстом (коммуникативная ситуация, текстовое разнообразие / регистр, код, социальная организация /

структура общества) [Halliday 1978: 108]. Выделение языковых уровней в соответствии с теорией М. А. К. Халлидея нашло отражение в последующих работах, посвящённых особенностям языкового выражения и жанровой связанности оценочного отношения: см., например, [Bhatia 2013: 22]. Отдельного внимания в связи с трудами, продолжающими системно-лингвистическое направление, заслуживает попытка С. Худ упорядочить существующее разнообразие определений и терминов, используемых англо-американскими исследователями для теоретического описания оценки, в проекции на уровни языка, выделенные М. А. К. Халлидеем [Hood 2012: 54–55]. Так, оценка (*appraisal*) как способность самой языковой системы выражать оценочные значения логичным образом соотносится с системным уровнем организации языка как социально-семиотической системы. Оценка как проявление языковой вариативности / как выбор из имеющихся в языке возможностей выражений оценочных значений (*key*) проецируется на уровень регистра. Оценка, понимаемая как аналогичный выбор из возможных средств и способов выражения оценочных значений на уровне текста (*stance*), соответственно, отвечает уровню текста / текстотипов. Перцептивный аспект языковых оценок (*reaction*) — восприятие выраженных в тексте оценочных значений в соответствии с позицией читателя / слушателя, фондом его знаний, личными или коллективными ценностями С. Худ относит к уровню *reading*. Последний вполне сопоставим с уровнем кода у М. А. К. Халлидея, который трактуется как принцип семиотической организации, направляющий выбор значений автором высказывания и адекватную интерпретацию этих значений реципиентом [Halliday 1978: 111].

В контексте социолингвистического изучения оценок следует особо остановиться на уровне языковой системы и, в частности, её семантической подсистемы, для которой М. А. К. Халлидей выделяет три метафункции: понятийную (*ideational*), межличностную (*interpersonal*) и текстовую (*textual*) [Halliday 1978: 112–113]. Текст рассматривается исследователем как результат наложения друг на друга векторов этих трёх функций, как полифоническая композиция, в которой переплетаются различные семантические «мелодии», реализованные посредством взаимосвязанных лексико-грамматических структур. Для изучения оценок немалый интерес представляет межличностный аспект текстовой и дискурсивной семантики, в котором наиболее явно сказывается фигура автора высказывания, выражающего личное отношение и суждения относительно тех или иных объектов, а также стремящегося повлиять на поведение и суждения других коммуникантов [Halliday 1978: 112–113].

В ряду моделей оценивания, основанных на принципах системно-функциональной лингвистики, особого упоминания заслуживает известная теория оценки (*Appraisal Framework*) Дж. Мартина и П. Уайта. Вслед за М. А. К. Халлидеем авторы перенимают сепарирующий, разделительный подход к трактовке модальности и оценки, в рамках которого модальность отделяется от оценочного отношения и обе эти категории включаются в категорию высшего

порядка — межличностное значение (*interpersonal meaning*). В теории Дж. Мартина и П. Уайта категория-гипероним, сама способность языковой системы к выражению оценочных значений, получает обозначение *appraisal* (оценка, оценочность), рассматривается как значимый дискурсивно-семантический ресурс и трактуется довольно широко. Оценка рассматривается как взаимодействие трёх подкатегорий — семантических областей: субъективно-оценочного отношения (*attitude*), представленного эмоциональными реакциями (*affect*), морально-нравственными оценками (*judgement*) и (преимущественно) эстетическими оценками (*appreciation*), с категориями вовлечённости (*engagement*) и градуирования (*graduation*) оценок [Hunston, Thompson 2000: 4; Gray, Biber 2012: 18]. Область эмоциональных реакций соотносится с выражением положительных и отрицательных чувств и психических состояний субъектов, область морально-нравственных социальных суждений квалифицирует действия людей с позиций этических норм, область восприятия (перевод термина приводится по [Алексеева 2019]) включает в себя выраженное языковыми средствами признание ценности объектов и ситуаций [Thomas, Thomas 2015: 27]. Средства выражения оценки, образующие категорию эмоциональных реакций, могут выражать характеристики объектов оценивания, обозначать ментальный процесс, сопровождающийся в сознании субъекта оценки положительными или отрицательными эмоциями, а также функционировать как оценочный комментарий, отнесённый к пропозиции высказывания [Martin, White 2005: 46].

Если в случае с категорией чувственных реакций мы имеем дело с эмоциональными основаниями оценок, то подсистема социальных суждений (*social judgement*) нацелена на характеристику поведения людей на основании принятых в обществе норм. Дж. Мартин и П. Уайт выделяют два вида этически-мотивированных суждений о действиях людей — социальные оценки (*judgements of esteem*) и социальные санкции (*judgements of sanction*). Социальные оценки эксплицируют то, насколько действия людей отвечают сложившимся в обществе представлениям о *нормальности* (*normality*), о способностях (*capacity*) и настойчивости, упорстве в выражении и удержании позиций (*tenacity*). Социальные санкции квалифицируют поведение оцениваемых на основании достоверности, истинности (*veracity*) и уместности, соответствия конкретным действиям общественно-релевантным этическим принципам [Martin, White 2005: 52–53]. Анализируя конкретные средства экспликации аксиологичности, Ф. Шоу проводит дополнительную границу между эмоциональными реакциями и социальными суждениями, различая проактивные (*items*) и реактивные (*responses*) лексико-грамматические средства, задействованные в контекстуальном конструировании оценок. Реактивные оценочные единицы, как это следует из самого русскоязычного обозначения, соотносятся с семантическим полем эмоциональных «ответов» оценивающего субъекта (*affect*), вызванных каким-либо положением дел, в то время как проактивные оценочные единицы

включаются в социальные суждения и акты восприятия объектов и обеспечивают отнесение объекта оценки в категорию хороших или плохих, полезных или бесполезных и проч. объектов [Shaw 2009: 220].

Восприятие, признание ценности объектов в узком понимании (*appreciation*) позволяет квалифицировать объекты действительности и ситуации на основании субъективного впечатления с одной стороны, и на основании структуры и функциональности, пользы объекта с другой стороны [Martin, White 2005: 56]. Дж. Мартин и П. Уайт выделяют три разновидности восприятия в связи с ментальными процессами, протекающими в сознании субъекта оценки: 1) реакцию (*reaction*) с точки зрения эмоционального влияния качеств оцениваемого объекта на субъекта; 2) композицию (*composition*), что соотносится с тем, как субъект воспринимает структуру характеризуемого объекта; 3) суждение о пользе и значимости объекта (*valuation*) [Martin, White 2005: 57]. Заметим, что указанные разновидности подкатегории *appreciation* соотносятся с метафункциональными уровнями семантики у М. А. К. Халлидея (межличностным, текстовым и понятийным соответственно) [Halliday 1978: 112–113], а также встраиваются в современные лингвистические концепции дискурса — в частности, распределяются по уровням модели DIMEAN (уровню акторов, интратекстуальному и транстекстуальному уровням соответственно) [Warnke, Spitzmüller 2008: 25–46].

В систему аксиологических категорий у Дж. Мартина и Уайта включаются также градуирование (*graduation*) и вовлечение (*engagement*) оценок. Подсистема градуирования охватывает механизмы интенсификации и деинтенсификации оценок и описывается двумя параметрами — силы (*force*) и фокуса (*focus*). Градуирование по оси силы касается в первую очередь оценок размера, протяжённости, близости и прочих подобных характеристик оцениваемых объектов, в то время как градуирование по оси фокуса применяется к оценкам, в которых задействуются немасштабируемые признаки объектов [Martin, White 2005: 48, 137]. Градуированности оценок посвящена отдельная глава, в которой подробно рассматриваются и классифицируются средства усиления и смягчения оценок [Martin, White 2005: 142–151]. Управление «полифонией» голосов, носители которых разделяют те или иные ценности [Hood 2010: 25], относится к сфере вовлечения оценок (*engagement*), охватывающей источники субъективного отношения и учитывающей множественный характер позиций акторов конкретного дискурса. Отмечается важность аспекта взаимодействия авторов и текстов, центрального для подсистемы вовлечения оценок [Молодыхенко 2015а: 58; Дмитриева, Самигуллина 2018: 60].

Даже довольно общее рассмотрение теории Дж. Мартина и П. Уайта позволяет сделать вывод о разностороннем и многоаспектном характере разработанной модели оценки. С одной стороны, в теоретических построениях авторов учитываются различные основания и объекты оценок,

выделенные ещё в рамках логико-философских направлений аксиологических исследований. С другой стороны, модель опирается на представление о контексте как динамическом и интерактивном конструкте, тем самым органично продолжает социокоммуникативную и лингводискурсивную линии современных исследований языка в его живом употреблении. Достоинства многоуровневой модели Дж. Мартина и П. Уайта объясняют её популярность в качестве теоретического фундамента для решения конкретных эмпирических проблем, см. соответствующие публикации [Starfield, Paltridge et al. 2013; Thomas, Thomas et al. 2015; Молодыхенко 2015a,b, 2016; Щипицина 2019]. и обеспечивают прочные позиции данной модели в ряду актуальных концепций в лингвоаксиологических исследованиях [Hunston 2011; Gray, Biber 2012; Hood 2012; Paltridge 2017], вплоть до того, что к положениям теории Дж. Мартина и П. Уайта сводят итоги зарубежных исследований оценки в целом [Дмитриева, Самигуллина 2018: 60]. Последнее кажется нам не столь правомерным в силу очевидно большего разнообразия подходов к изучению ценностно-насыщенных выражений, а также, не в последнюю очередь, по причине некоторых несовершенств широко известной концепции. Критическую рецепцию модели Дж. Мартина и П. Уайта находим у А. А. Алексеевой [Алексеева 2019: 6]. Исследователь удачно фокусирует основные недостатки теории, отмечает терминологические противоречия, недостаточную чёткость аналитических категорий, а также обсуждает случаи спорной категоризации на материале конкретных примеров. Кроме того, существенным критическим моментом в теории *Appraisal Framework* нам видится терминологическая синонимия (ср. термины *appraisal, appreciation, valuation, attitude*), которую отчасти можно заметить и в нашем переводе основных понятий-обозначений подсистем оценочного отношения.

В завершение укажем также на то, что учёт максимально широкого спектра параметров в модели Дж. Мартина и П. Уайта в приложении к конкретной исследовательской проблеме (в нашем случае — к исследованию закономерностей оценивания в экспертной научной коммуникации) может обернуться скорее недостатком, чем достоинством. Текстотипологическая специфика научных рецензий и особый набор целей, преследуемых авторами экспертно-оценочных текстов, расширяют спектр языковых вариантов для наполнения одних категорий и практически полностью (за редким исключением) удаляют другие категории из поля зрения исследователя. Например, можно представить, что для изучения оценки в журнальных рецензиях будет важным учитывать наполнение категории градуируемости (в связи с общей тенденцией научного изложения к некатегоричности). Вместе с тем едва ли можно ожидать, что в текстах академических рецензий будут оцениваться поступки и поведение авторов рецензируемых трудов с точки зрения их этичности / неэтичности. Как следствие, из моделирования оценки в экспертно-научном дискурсе изымается категория социальных

суждений, и модель оценки Дж. Мартина и П. Уайта получает лишь фрагментарное использование.

1.3.5. Актуальные тенденции социолингвистического и лингводискурсивного изучения оценки в отечественной и зарубежной лингвистике

Помимо рассмотренной выше теории оценки Дж. Мартина и П. Уайта необходимо выделить ряд других актуальных направлений изучения оценок в русле социолингвистики и анализа дискурса. Среди таких направлений С. Ханстон, в частности, отмечает исследование оценочных смыслов в связи со средствами и способами выражения позиции (*stance*) акторов дискурса и акцентирует метадискурсивный потенциал оценки, её функционирование в качестве инструмента организации дискурсивного взаимодействия [Hunston 2011: 19–23]. Прибавим к выделенному Ханстон ещё два аспекта, которые, на наш взгляд, с необходимостью должны учитываться в обсуждении актуальных тенденций социолингвистического и лингводискурсивного осмысления оценок. Первый аспект — связь работ, посвящённых изучению дискурсивных позиций, с рассуждениями о полифонии (научного) текста и концепцией диалогичности в духе М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова [Бахтин 1986; Волошинов 1972, 1-е изд. 1930]. Кроме того, отдельного рассмотрения заслуживают публикации, в которых предшествующий опыт аксиологических исследований удачно дополнен разнообразием аналитических методов, доказавших свою продуктивность для изучения оценок в академической социокоммуникативной практике.

Отправной точкой для исследований дискурсивной позиции в профессиональном научном общении становятся коллективно разделяемое знание (*shared knowledge*) и общие стандарты (*shared standards*) в социоэпистемологической и дискурс-семантической трактовке Х. Лонджино и Ж.-П. Мальриё [Longino 1990; Malrieu 1999]. Знание (в т. ч. нормативное), принятое в институциональном сообществе, функционирует как гарант объективности научных результатов. Объективный характер новых научных сведений обеспечивают эпистемологические и социальные ценностные установки, такие критерии, как, например, эмпирическая адекватность, истинность, поддержание взаимодействия с миром и с теориями из других

областей знания, доступность пониманию, соответствие конкретным социальным запросам и др. [Longino 1990: 77].

Общее научное знание, производимое в русле коллективных ценностных установок, рассматривается Х. Лонджино как продукт столкновения и структурирования множественных точек зрения [Longino 1990: 69]. Взаимодействие различных позиций акторов научного дискурса отражается на уровне текстов, обеспечивающих коммуникацию в академической среде. В полифонии мнений и борьбе авторских воззрений могут складываться целые системы оценочных суждений. Ж.-П. Мальриё предлагает использовать для обозначения таких систем термин *ideology* — *идеология* [Malrieu 1999: 3], который не раз становился предметом научных дискуссий (замечания о спорном характере обсуждаемого термина мы находим, в частности, у Т. ван Дейка и у С. Мосхонаса [van Dijk 2014: 96–97; Moschonas 2005: 15–16; 113]). Мальриё, однако, обосновывает свой выбор тем, что термин *идеология*: 1) наиболее чётко передаёт нормативное и аксиологическое измерение знания; 2) исключает сводимость оценок к отдельным языковым единицам. Последнее тем более справедливо, если принять во внимание тот факт, что оценочный смысл создаётся не столько за счёт конкретных единиц, сколько в результате контекстуального взаимодействия [Malrieu 1999: 4; 8; 135].

Нейтральное, далёкое от принятого общественно-политического, понимание *идеологии* в контексте упоминаемых исследований нужно соотносить с социокоммуникативными параметрами, которые определяют дискурсивное взаимодействие. *Идеологии* в таком представлении транслируют идентичность, ценности и цели участников определённой социальной группы на уровне когнитивных структур и образуют основу для групповых интересов, которые находят отражение в коммуникации [van Dijk 2014: 96–97]. В результате оценки, включённые в системы воззрений субъектов, могут функционировать как инструменты позиционирования участников дискурса. С другой стороны, то, как авторы квалифицирующих высказываний оценивают объекты, а также то, какие именно объекты оцениваются авторами, позволяет другим участникам коммуникативного взаимодействия реконструировать социальные роли субъектов оценок во взаимоотношениях между индивидуумами в рамках конкретного сообщества. Т. е. средства контекстуального конструирования оценочных смыслов, выбранные в опоре на те или иные нормы и социально преднастроенные ценности, можно рассматривать как своего рода социальные индексы, которые могут «вызывать в сознании членов речевого сообщества стереотипные социальные характеристики и контексты употребления» [Найман 2021: 89].³

---

³ Подробнее о механизмах социальной индексальности см. [Agha 2007: 14; Chernyavskaya, Nefedov 2021: 9; Чернявская 2021: 386].

Дискурсивная позиция участников — *stance* в англоязычном социолингвистическом обиходе — определяется исследователями с учётом различных аспектов. Напомним, что С. Худ рассматривает *stance* применительно к уровням языка в русле системно-функциональной лингвистики М. А. К. Халлидея: *stance* понимается здесь как выбор из существующих возможностей выражения оценочных значений на текстовом уровне [Hood 2012: 54–55]. Е. А. Найман определяет *stance* напрямую как «дискурсивное позиционирование перед аудиторией» [Найман 2021: 97]. Б. Грей и Д. Байбер вводят два параметра для описания *stance* и предлагают учитывать, во-первых, разновидность оценки, включённой в реализацию дискурсивной позиции, и, во-вторых, уровень языка, на котором локализуются единицы, используемые авторами для оформления своей позиции (например, модальные глаголы или же придаточные предложения с квалифицирующим *that*) [Gray, Viber 2012: 15; 19–20]. Дж. Дю Буа рассматривает *дискурсивную позицию* как связующее звено между самим актом позиционирования, субъектом, выражающим своё отношение к объекту, и социокультурными ценностями, важными для субъекта [Du Bois 2007: 173]. В своей модели, известной как *stance triangle* (треугольник позиции), Дж. Дю Буа выделяет три оси: *evaluation* (оценивание); *positioning* (позиционирование) и *alignment* (соотнесение). Сообразно с ними автор высказывания: 1) оценивает объект — приписывает ему ценность на каких-либо основаниях; 2) позиционирует себя относительно оцениваемого объекта (здесь акцентируется категория субъекта в коммуникативной структуре оценивания); 3) соотносит свою позицию с позициями других оценивающих субъектов в коммуникативном взаимодействии (фокусируется категория адресата структуре оценивания) [Du Bois 2007: 162–163; 171]. Несколько иначе, в свете метакоммуникативной рефлексии, разнонаправленность позиционирования понимается А. Джаффе [Jaffe 2009]. Рассуждая о понятиях *stance* и *positionality*, автор отмечает, что субъекты речи неизбежно позиционируют себя по отношению к сказанному, к своим реципиентам и к самому контексту, под который коммуниканты подстраиваются и который они, одновременно, сами же конструируют [Jaffe 2009: 4]. Выражение авторской позиции, обращённое к читателю, К. Хайленд обозначает термином *engagement* и обобщает средства и способы *вовлечения* читателя в дискурсивное взаимодействие — побуждения реципиента к со-мышлению с автором текста, к совместным интерпретациям [Hyland 2004: 13]⁴. Рассматривая конкретные языковые маркеры субъективной позиции, К. Хайленд выделяет четыре класса функционально-специализированных индикаторов

⁴ В контексте изучения академических рецензий можно встретить разделение, аналогичное дихотомии *stance / engagement* у К. Хайленда. Г. Диани, в частности, выделяет *self-projection* (*проекция на фигуру авторского «я»*) — высказывания, нацеленные на самопрезентацию автора и установление контакта с читателем, и *other-projection* (*проекция на других*) — высказывания, соотнесённые с «третьими лицами» — автором рецензируемого труда или научным сообществом [Diani 2009: 90–91].

авторского присутствия в тексте: 1) средства хеджинга (*hedges*) / снижения категоричности высказывания; 2) интенсификаторы (*boosters*) — средства повышения категоричности высказывания; 3) маркеры субъективного отношения (*attitude markers*) и 4) самообозначения автора в тексте (*self mention*) [Hyland 2004; Hyland, Tse 2009: 108; Hyland, Jiang 2017: 145].

Итак, совершая оценку определённых объектов с определённых позиций, руководствуясь принятыми в профессиональном сообществе стратегиями оценивания, авторы рецензий актуализируют себя в контексте как эксперты. Возвращаясь к приведённому ранее аксиоматическому тезису о коллективном характере производства научного знания, обратимся к представлению о полифоническом взаимодействии дискурсивных авторских позиций, которое восходит к диалогической концепции М. М. Бахтина [Бахтин 1986] и меткому комментарию В. Н. Волошинова о диалектической природе текстов, так как «всякое высказывание в той или иной степени, в той или иной форме с чем-то соглашается или что-то отрицает», находясь «в состоянии напряжённого и непрерывного взаимодействия и борьбы» [Волошинов 1972: 82]. В этой связи высказывается мнение, что тексты, содержащие указатели на то, что автор допускает альтернативные точки зрения на те или иные объекты, следует считать гетероглоссическими / полифоническими [Xu, Nesi 2019: 7]. В научных рецензиях выделение *голосов* (*voices*) производится, на первый взгляд, в соответствии с представлением об участниках коммуникации — так, некоторые авторы выделяют три *голоса* — рецензента, автора, научного сообщества [Giannoni 2009: 31; Wang, Nelson 2012: 5]. *Голоса* при этом рассматриваются как дискурсивная реализация авторской идентичности в рамках социокультурного и институционального контекста [Wang, Nelson 2012: 4]. Следующий шаг — выделение в *голосах* «подголосков» — представлен в концепции *риторических ролей* (*rhetorical roles*) К. Флёттум [Fløttum 2009, 2012], которая органично проецируется на знание о гетерогенности субъекта оценки в научных рецензиях. В отношении академической коммуникации в целом К. Флёттум выделяет три основные роли субъекта, которые маркируются на текстовом уровне: 1) исследователь; 2) автор текста; 3) участник дискуссии [Fløttum 2012: 224].

В научно-экспертной коммуникации также возможно выделение различных риторических ролей, ведь от автора рецензии требуется как критическая оценка опубликованного труда (здесь вступает в силу *голос* рецензента), так и описание содержательных моментов рецензируемой книги (*голос* автора рецензируемой книги). Опционально в рецензию могут включаться *голоса* других коллег-исследователей из конкретной области/культуры или за её пределами [Wang, Nelson 2012: 4–5]. Представление о разных ролях рецензента, выражаемых посредством позиционирования себя по отношению к тому или иному объекту, мы находим и у Б. Палтриджа [Paltridge 2017]. В концепции исследователя автор может брать на себя роль *эксперта*, когда занимает какую-либо позицию по отношению к сегменту знания. В роли *субъекта оценки* автор

выступает, когда выносит оценочный комментарий о качестве рецензируемого текста. Наконец, рецензент включается в роль *автора обзора*, когда приводит прямые или косвенные цитаты из рассматриваемой работы [Paltridge 2017: 132–134].

В контексте актуальных социолингвистических и лингводискурсивных исследований оценок в научной и научно-экспертной коммуникации следует обратить внимание на ряд авторских подходов к изучению аксиологического плана академического общения. Работы, представленные ниже, отличает синтез различных теоретических концепций и методов эмпирического анализа языкового материала — в полном соответствии с тенденциями современных лингводискурсивных исследований — методологическим плюрализмом, опорой на обширный эмпирический материал [Fandrych 2018: 160] и пристальным вниманием к социокультурной практике [Нефедов, Чернявская 2020: 86].

В работах С. Ханстон опора на межсубъектность в построении оценочных смыслов и общие нормы и ценности [Hunston 1994: 191] сопровождается введением понятия *common ground* [Hunston, Thompson 2000: 3–4] для обозначения разделяемого знания и стандартов коммуникации в конкретном сообществе. Впоследствии это понятие станет ключевым в работе Дж. Гамперца [Gumperz 2002]. Рассуждая об основаниях оценочных высказываний, С. Ханстон не обходит стороной случаи оценивания без эксплицитных сигналов и описывает механику интерпретации имплицитно-оценочных контекстов исходя из свойств оцениваемых объектов [Hunston 1994: 196–197]. Рассмотрение общих оценок по шкале «хорошо»/«плохо» у Ханстон дополняется размышлениями об оценках по шкале «релевантно»/«нерелевантно». Маркеры релевантности рассматриваются автором как одно из характерных проявлений оценки в академическом дискурсе. Эти маркеры чаще всего появляются в начале или конце важных текстовых сегментов [Hunston 1994: 198] и носят метадискурсивный характер: они осуществляют функцию проспективных или ретроспективных указателей и тем самым информируют реципиента о том, как именно развёртывается дискурс, делают сам дискурс объектом оценочной квалификации [Hunston 1994: 199]. Далее С. Ханстон экстраполирует рассуждения об организационной роли оценок по релевантности в дискурсе на оценки по другим шкалам [Hunston 1994: 210]. Значение оценочных высказываний для организации дискурса находит отражение в работе С. Ханстон и Дж. Томпсона, в которой среди частных функций оценивания выделяются: 1) выражение мнения/личного отношения автора текста, обоснованное коллективными и индивидуальными ценностями; 2) построение и поддержание взаимоотношений между автором высказывания и его реципиентом; 3) организация дискурса [Hunston, Thompson 2000: 6–10]. В обозначенной работе также уделяется внимание интерпретации оценочных высказываний. Так как в основе оценки лежит сравнение, субъективность и опора на ценности, утверждается, что интерпретаторы идентифицируют в коммуникации средства, сигнализирующие сравнение, субъективность и

апелляцию к социальным ценностям [Hunston, Thompson 2000: 13]. Внимание к организующей роли оценок в дискурсе находит отражение и в более поздней публикации С. Ханстон, в которой автор предлагает свой (интегральный) подход к изучению оценки. Постулируется необходимость трёх аналитических шагов в изучении оценочных контекстов: 1) идентификация и классификация объекта оценки; 2) описание ценности, на основании которой производится квалификация объекта; 3) определение дискурсивной релевантности сообщаемой информации (оценки) [Hunston 2011: 21].

Выделенные С. Ханстон шаги сочетаются с корпусными методами лингвистического анализа, особенно эффективными для изучения имплицитных оценок, конструируемых в контексте с помощью средств, не имеющих оценочных сем в своём словарном значении. Использование корпусного метода наблюдается также в междисциплинарно- и дискурсивно-ориентированной статье коллектива авторов [Dalmas, Dobrovolsky 2015], в которой на предмет оценочности рассматриваются коллокации «сущ. + прил.».

Корпусно-обоснованный лингводискурсивный анализ оценок в академических социокоммуникативных практиках отличает работы С. Т. Нефедова. Обобщая опыт исследований специфики профессионального общения в научной сфере, С. Т. Нефедов акцентирует восприятие оценки как «*профессионального императива*» в научной коммуникации, который был сформулирован немецким лингвистом Х. Вайнрихом как *das Rezeptions- und Kritikgebot* [Weinrich 1985]. Отмечается, что в научных трудах, ориентированных на изучение оценки в прагматическом и дискурсивно-аналитическом ключе, находит отражение иное понимание оценки, сосредоточенное на функциональном аспекте оценивания и роли оценок в структуре научной аргументации. Оценка в таких работах рассматривается как прагматический инструмент, используемый исследователем для производства элементов нового знания из пласта наличного знания путём критического восприятия, аргументации и ценностных суждений. Кроме того, акцентируется телеологическая перспектива: оценка видится как ключевая прагматическая цель в аксиологически ориентированных текстах. Вышеперечисленное даёт основание для дифференциации типов текста научного дискурса в соответствии с доминирующей функцией оценивания: 1) научно-теоретические тексты: монографии, научные статьи, тезисы и т. д.; 2) научно-информационные тексты: обзоры — используют оценку в качестве инструмента для приведения убедительных аргументов, оснований в виде научных ценностей для оценочных комментариев автора (положительных или отрицательных). В сравнении с этими категориями научных текстов, в научных экспертных текстах (рецензиях) оценка становится коммуникативной целью и напрямую вовлекается в коллективное критическое рассмотрение сообщаемых сведений, поиск и выбор результатов исследования, релевантных для дальнейшего развития конкретной области знания [Nefedov 2019: 1869–1870].

Объективность и репрезентативность результатов гарантируются используемыми методами: учёт достижений современных исследований оценки соединяется у С. Т. Нефедова с методологией комплексного количественно-качественного контент-анализа, который позволяет реконструировать значимые экстралингвистические параметры коммуникативной ситуации [Нефедов 2018: 106], а также выявить конкретные эксплицитно-оценочные средства и коммуникативные стратегии имплицитной оценки, характерные для научно-экспертной коммуникации [Nefedov 2019]. Подробнее остановимся на них во второй главе диссертации, когда перейдём к обсуждению особенностей оценивания в научно-экспертной коммуникации. Здесь же отметим, что публикации С. Т. Нефедова, помимо комплексного подхода к эмпирическому материалу, характеризует столь необходимое для изучения оценочных смыслов в научной коммуникации внимание к функциональной вариативности оценок в зависимости от типов текста и субдискурсов профессионального академического общения [Нефедов 2020: 124–125; Нефедов 2021: 765–773].

1.3.6. Итоги лингвопрагматического, лингводискурсивного и социокоммуникативного изучения оценок

Коммуникативно-функциональная ориентация актуальных подходов к изучению оценок позволяет акцентировать особую роль оценок в научных текстах (статьях, монографиях, научных рецензиях) и познавательной деятельности в принципе. В отечественных коммуникативно-функциональных исследованиях систематически прослеживается тенденция выделения в научных текстах особого оценочного плана. В этой связи необходимо отметить лингвоэпистемологическую ориентацию ряда исследований, в которых обращается внимание на взаимодействие различных пластов научного знания. Авторы приходят к выводу о том, что оценка участвует в выделении и сопоставлении новых научных идей и уже известных теоретических положений и результатов, тем самым способствуя ориентации автора-исследователя в структурах научного знания. Методологически различные по сути структуры научного знания с разным эпистемологическим статусом выделяются в ходе членения текста на функциональные единицы (*композиционно-прагматические сегменты* [Чернявская 2010: 69] или *коммуникативно-смысловые блоки* [Нефедов 2013: 198, Нефедов 2014а: 37–38]).

Устанавливается междисциплинарный ракурс изучения оценочных высказываний: с одной стороны, коммуникативно-ориентированные исследования опираются на аспекты оценки как объекта логико-философской мысли, с другой стороны, к анализу ситуации оценивания подключается социологическое знание о взаимоотношениях коммуникантов и о процессах, характерных для науки как социальной деятельности (публикация новых научных результатов, процедура рецензирования и т. д.). Обращение к ситуативному контексту оценивания позволяет подключить к анализу сведения о коммуникативных установках и целях участников профессионального научного общения. Уделяется внимание адресату оценочных действий, уточняются экстралингвистические параметры коммуникативных ситуаций, в которых производится оценка.

Анализ работ, рассматривающих оценку с социолингвистических и лингводискурсивных позиций, позволяет выделить ряд общих свойств, приписываемых оценочным смыслам в коммуникации:

- 1) Оценка трактуется как один из способов выражения социальных профессиональных отношений в сфере науки и взаимодействия субъектов научного дискурса при решении поставленных задач. Иными словами, оценка рассматривается как дискурсивная практика, интегрированная в конкретный социум, в «социально окрашенную устную и письменную коммуникацию» [Busse 2013: 75].
- 2) Оценочные смыслы рассматриваются как конструируемые в динамичном контексте.
- 3) Оценка воспринимается как один из способов выражения авторской субъективности в межсубъектном коммуникативном взаимодействии.

Вместе с тем мы вынуждены констатировать, что некоторые аспекты по-прежнему получают чересчур общее рассмотрение в коммуникативно-функциональных исследованиях оценки. Недостаёт ясности обозначения ряда речевых актов, в которых реализуется оценка. Кроме того, дополнительного уточнения требуют понятия «новое» и «старое» научное знание, которыми оперируют авторы, ведь пласты научного знания организованы сложнее, чем представляется на первый взгляд. Как известно, под «старым» знанием можно понимать как верифицированное, так и устаревшее знание, относящееся к *истории науки* в терминах В. В. Ильина [Ильин 1989: 98], в то время как к «новому» знанию могут относиться как дискутируемые положения, недавно представленные научному сообществу и ещё не прошедшие всех ступеней верификации, так и доказанное знание. Сказанное подтверждает необходимость дальнейшей дифференциации разновидностей когнитивных структур в коммуникации новых научных результатов для изучения роли оценки во взаимодействии структур научного знания.

Отмечается, что в рамках подходов, изучающих выражение оценок как один из параметров конкретного дискурса, оценки рассматриваются как результат мотивированного авторского выбора в пользу тех или иных средств языкового оформления квалифицирующих суждений. Выбор средств для вербализации оценок при этом ставится в зависимость от параметров типовых коммуникативных ситуаций (начиная с ролей коммуникантов в ситуации институционального профессионального общения, заканчивая ценностными когнитивными структурами, общими для коммуникантов и необходимыми для достижения взаимопонимания в коммуникации). Можно положительно оценить интерес к оценке как к явлению интеракционного уровня семантики, инструменту регулирования деятельности общественных институтов и коллективов. Оценка, понимаемая авторами не только как конкретное выражение в языке ценности, приписываемой какому-либо объекту, но и как тип текста с доминирующей функцией оценивания, рассматривается как один из гарантов успешного функционирования отдельных социальных систем.

Анализ существующих подходов к изучению оценки мотивирует выбор лингводискурсивного направления в качестве теоретико-методологической основы для дальнейших исследований оценок, не сводимых исключительно к изучению особенностей лексического значения оценочных средств. Лингводискурсивное направление исследований позволяет сосредоточить внимание на том, как те или иные языковые средства взаимодействуют в речи, встраиваются в авторские коммуникативные стратегии и тактики, задействуются в реализации поставленных автором коммуникативных целей. Однако для наиболее достоверных и чётких результатов представляется необходимым обратиться к синтезу подходов, подключив к лингводискурсивному анализу подробное описание логической структуры оценок в зависимости от параметров коммуникативной ситуации. Совмещение инструментария различных подходов к изучению оценивания обеспечивает комплексный характер рассмотрения оценок в научной коммуникации, а изучение экспертно-оценочных практик в немецкоязычном и русскоязычном лингвистическом дискурсах способствует заполнению пробелов в сопоставительном изучении научной коммуникации в рамках данных лингвокультур.

Выводы по Главе 1

В первой главе диссертации были рассмотрены функционально-семантический, текстоцентрический, социокоммуникативный и лингводискурсивный подходы к изучению языковых оценок.

Среди достоинств вышеперечисленных подходов отмечается: 1) ведение дискуссии об оценочном и неоценочном, релевантной для последующего анализа эксплицитно-оценочных средств и стратегий импликации оценок в научных рецензиях; 2) развитие представлений об абстрактной логической структуре оценки; 3) постепенный отход от изучения оценочности на уровне лексической семантики в сторону изучения оценок в коммуникации; 4) выделение особого аксиологического плана, пронизывающего весь научный текст; 5) внимание не только к языковой, но и к когнитивной (психологической) составляющей оценочных высказываний; 6) учёт таких социокоммуникативных параметров, как субъективность, адресация оценок, опора оценочных действий на коллективно-разделяемые ценности; 7) конструктивистское представление о том, что оценочная коммуникация не только опирается на существующие нормы, но и гарантирует их сохранение и развитие; 8) междисциплинарная открытость социолингвистических исследований роли и функций оценок в науке как значимой сфере социального и коммуникативного взаимодействия.

В числе недостатков рассмотренных подходов можно назвать не раз отмеченное построение общих концепций оценок; использование иллюстративных примеров, приводимых в отрыве от реального употребления языка; недостаточное внимание к специфическим параметрам конкретных коммуникативных практик; слабую связь интерпретаций и анализа актов оценивания с коммуникативными установками и социальными взаимоотношениями участников общения.

Тем не менее, проведённое аналитическое сопоставление теорий и концепций позволяет выделить ряд значимых опорных точек для построения архитектуры эмпирического анализа в последующих главах работы. Подходы последних лет к изучению оценки задают дискурсивное направление дальнейших исследований, гарантирующее учёт параметров реальных коммуникативных ситуаций, в то время как методологическая гибкость обеспечивает дополнительное подтверждение выводов статистическими данными, полученными на основании объёмного корпуса эмпирического материала.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ОЦЕНОК В НАУЧНО-ЭКСПЕРТНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Вторая глава диссертации посвящена рецензии как центральному типу текста научно-экспертной коммуникативной практики. В ней обобщаются результаты исследований, в которых фокусируются дискурсивно-коммуникативные и текстолингвистические аспекты обсуждаемого типа текста. По результатам проведённого анализа рассматривается то, как параметры коммуникативной ситуации экспертного взаимодействия влияют на оценивание в лингвистических научных рецензиях на немецком и русском языках. Кроме того, в главе обсуждается использование языковых средств, позволяющих выстроить специфическую рамку восприятия и контекстуализации оценочности в академических журнальных рецензиях.

2.1. Роль экспертизы и экспертного знания в науке

Исследователями неоднократно отмечалось, что производство научных результатов представляет собой сложный постепенный процесс, построенный на диалоге нового и старого знания [Нефедов 2019: 71; Мирский 2004: 97]. В ходе этого процесса новые научные идеи проходят поэтапную апробацию, а ранее известные научные результаты верифицируются или опровергаются [Fløttum 2012: 221], подвергаются критической рецепции, которая наряду с улучшением и распространением получаемых знаний может быть отнесена к числу принципов, имеющих конститутивное значение для науки как сферы социальной деятельности [Черных 2010: 15]. У Т. Глонинга мысль о неотъемлемом значении критического восприятия для динамики научного знания предельно заострена: по мнению исследователя, учёные уже на этапе производства и представления научных результатов должны считаться с тем, что их достижения будут преодолены или, как минимум, рассмотрены коллегами в негативно-критическом ключе (в т. ч. в формате рецензий) [Gloning 2018: 345].

Онтологическое движение нового научного результата от дискуссионного знания к *«твёрдому ядру науки»* [Ильин 1989] сопровождают процедуры экспертного оценивания, в рамках которых логические отношения между сегментами старого и нового знания подвергаются критическому пересмотру и оценочной интерпретации [Баженова 2017: 7]. Ключевая роль в процедурах оценки сегментов старого и нового знания отводится экспертам — представителям научного коллектива,

имеющим бóльший опыт ведения научных исследований и представления их результатов. Экспертные позиции разрешают диалектическое взаимодействие существующих и новых научных положений, определяют лидеров в конкуренции идей и концепций и тем самым способствуют обновлению дисциплинарного знания [Ситникова 2012: 87].

Экспертные заключения, критические обзоры в структуре монографий, комментарии анонимных рецензентов, определяющие жизненный цикл авторской публикации, устные и письменные научные дискуссии (в т. ч. после докладов на конференциях), журнальные рецензии [Gloning 2018: 365] направлены на оценку соответствия сегмента авторского знания критериям, предъявляемым профессиональным сообществом исследователей к научному знанию и отличающим последнее от знания бытового. Эти критерии составляют институционально закреплённый *групповой этос/групповую идеологию* [Sager 1982: 50] исследователей и обобщаются в трудах, посвящённых философии и эпистемологии науки. Так, Л. А. Микешина выделяет три группы когнитивных структур, обладающих ценностным потенциалом в научно-познавательном процессе: 1) интересы, предпочтения и установки, сформированные у представителей научного сообщества под воздействием социокультурных факторов; 2) ориентации внутри познания, на основании которых производится выбор форм и способов описания, доказательства, объяснения (критерии научности, нормы, предъявляемые к исследованиям); 3) объективно истинное предметное знание (факты, гипотезы, теории) и эффективное операциональное знание (научные методы, принципы ведения исследований), обретающие ценность и значимость для общества благодаря истинности и правильности [Микешина 2007: 104]. Непосредственно к критериям научности/*критериям научной рациональности* В. В. Ильин относит, в первую очередь, нетривиальность (новизну), истинность (объективность, достоверность), критицизм, логическую организованность (доказательность) и опытную обоснованность, выделяя вышеперечисленное как основополагающие характеристики научного знания [Ильин: 34–37].

В обсуждении процедур оценочной квалификации научных результатов нельзя обойти стороной ряд спорных моментов. Несмотря на стремление к объективности, определяющее (в прототипическом случае) научный поиск, представление о непредвзятой и независимой фигуре эксперта, теоретические рассуждения о роли этики во взаимоотношениях исследователей и практические рекомендации академических журналов, направленные на поддержание этически выверенной публикационной политики, экспертная оценка оказывается подверженной «человеческому фактору». В этой связи особо отметим критический голос В. Е. Чернявской о существовании двух точек зрения относительно оценки (*эвалюации*) научного знания. Так, автор выделяет две противоположные позиции, распространённые в научной сфере: в то время как одни исследователи постулируют необходимость разработки предельно дифференцированных

критериев, применяемых к научному результату, другие подвергают сомнению принципиальную возможность оценки в науке [Чернявская 2012: 167]. Со ссылкой на работы отечественных и зарубежных исследователей, В. Е. Чернявская фиксирует негативные тенденции в оценивании научного знания: усиление произвольного характера оценок, снижение прозрачности оценочных процедур, отсутствие единых и универсальных стандартов оценивания на практике, а также эффект «*аккумуляции преимуществ*». Действие этого эффекта заключается в том, что работы уже известных и широко цитируемых исследователей имеют больше шансов на место в библиографическом списке новых научных исследований, в то время как работы малоизвестных учёных получают значительно более узкую рецепцию и скромное признание в научном сообществе [Чернявская 2012: 167; 170; 178].

Однако случаи непрозрачности и возможной предвзятости оценочных процедур едва ли могут нивелировать релевантность опоры на критерии научной рациональности и стремление к повышению объективности знания. Заметим, что апелляция к критериям, ценностям и нормам, принятым в профессиональном научном сообществе, имеет решающее значение для конструирования *фреймов интерпретации*⁵. Вербализованное обращение к заданным стандартам представления научных результатов призвано актуализировать в сознании коммуникантов определённую рамку восприятия, «задать» ситуацию, которая будет восприниматься собеседниками именно как ситуация научно-экспертного общения. Даже если на практике невозможно исключить случаи, когда репутация автора значительно влияет на оценку результатов его труда или же когда «свои» эксперты рецензируют «своих» авторов, следует исходить из того, что в экспертно-оценочных текстах *инсценируется* нормативная природа оценок. Такое речевое поведение позволяет соблюсти критерии воспринимаемости и ситуативности по Р.-А. де Богранду и В. Дресслеру [de Beaugrande, Dressler 1981; Филиппов 2016: 27] и добиться того, что экспертно-оценочный текст — в частности, рецензия, — будет удовлетворять читательским ожиданиям. В итоге конкретный текстовый экземпляр будет *считываться*⁶ реципиентом именно как воплощение текстотипа «рецензия», а оценки в опоре на критерии научной рациональности будут функционировать как сигналы, направляющие рецепцию текста в соответствии с коммуникативной ситуацией.

---

⁵ *Фреймы интерпретации* или *рамки восприятия* создаются за счёт связи социального (ситуативно-связанного) значения языковых единиц и типичных контекстов их употребления [Чернявская 2021: 384; Nefedov, Chernyavskaya 2021: 1557–1558].

⁶ Подробнее см. концепцию *Lesbarkeit (считываемости)* X. Хаузендорфа, В. Кессельхайма, X. Като и М. Брайтхольца [Hausendorf, Kesselheim 2017].

2.2. Рецензия как ядерный тип текста в научно-экспертной коммуникативной практике

Апелляция к знанию, разделяемому представителями научного сообщества, и опора на нормативные представления коллектива в отношении научного труда соотносятся с двумя степенями объективности научного знания в изложении Х. Лонджино. Речь идёт об 1) узнаваемых процедурах критики (доказательств, методов, утверждений и аргументации) — способов выражения и площадках для публикации критики — журналов, конференций и т. д.; и 2) использовании разделяемых всеми представителями сообщества стандартов критической рецепции [Longino 1990: 76]. Одна из таких узнаваемых процедур критической рецепции научного знания — журнальная научная рецензия. К её основным текстовым функциям относится оценивание сообщаемых результатов наряду с дескриптивным изложением содержания рецензируемого труда [Ripfel 1989: 42]. Профилирование функции оценивания позволяет исследователям говорить о рецензии как об эксплицитно-оценочном типе текста [Shaw 2004: 3–4] и сообщать коммуникативным актам оценивания, оценочным стратегиям и средствам статус конститутивных текстотипологических признаков научной рецензии [Нефедов 2018: 113], обеспечивающих текстовую связность [Szurawitzki 2011: 124].

Важно отметить, что рецензия — секундарный, вторичный тип текста научного дискурса. Даже если автор рецензии сопровождает оценочную квалификацию рассматриваемого труда собственными идеями и их текстовым развитием, проблематика вторичного текста всё равно остаётся предопределённой тематическим уклоном рецензируемого труда [Heinemann 2000b: 705; Нефедов 2018: 108]. Вместе с тем рецензия, в отличие от других вторичных текстотипов научной коммуникации, не дублирует исходный текст, но выступает как ответная реплика интерпретирующего субъекта в диалоге с автором претекста [Chernyavskaya 2022: 1685]. В. Е. Чернявская характеризует рецензию как научно-критическую⁷ текстовую разновидность и выделяет среди конститутивных признаков рецензии: 1) интертекстуальность; 2) оценочность; 3) интегративность (взаимопроникновение «своего» и «чужого» в тексте рецензии); 4) полисубъектность. О последней следует сказать отдельно: полисубъектность рецензии представлена фигурой рецензента, автора первичного научного труда и потенциального читателя [Чернявская 1995: 3]. Учёт множественного адресата важен для авторов, формулирующих оценки в рецензиях. Предваряя дальнейшие рассуждения, заметим, что полисубъектность в рецензиях

---

⁷ В работе В. Е. Чернявской представлена классификация вторичных текстов в научной литературе исходя из их коммуникативно-функциональной направленности. Так, автор выделяет научно-информационные (реферат, аннотация, резюме/выводы) и научно-критические тексты (рецензия, научный отзыв, критический обзор) [Чернявская 1995: 8].

влияет на специфику оценок на уровне языкового отображения коммуникативно-ситуативных параметров оценок (номинаций того, что, как и в ориентации на кого характеризуется).

2.2.1. Разновидности научных рецензий

В свете того, что оценка первичного научного произведения включается в различные ситуации профессионального общения (ср., например, анонимное рецензирование статей, поступивших в академический журнал, и рецензии на монографии, опубликованные в журнале на тех же условиях, что и научные статьи), кажется более чем оправданным представить рецензию как макрожанр или макротекстотип. Это представление нашло отражение в т. ч. в работах англо-американских исследователей, выполненных в русле сформулированной Дж. Суэйлзом [Swales 1990] теории жанра как целенаправленной социальной деятельности. Рассмотрение оценки в связи с жанровыми характеристиками здесь приближается к лингвистике текста и изучению особенностей функционирования текстотипов в институциональной коммуникации, широко представленному в немецкоязычной лингвистике, однако в качестве теоретической базы используется понятие об уровнях языка как социосемиотической системы, предложенное М. А. К. Халлидеем. В опоре на системно-функциональную лингвистику Халлидея В. Бхатия выделяет уровни лингвистического описания, релевантные для изучения оценок в институциональной коммуникации, и соответствующие этим уровням разновидности контекста:

- 1) текст: текстовое окружение, лексико-грамматические особенности, их функциональный и статистический анализ;
- 2) жанр: культура коммуникации в рамках конкретной дисциплины;
- 3) социальная практика: способы соотнесения аспектов коммуникации с социальными структурами, идентичностями и практиками [Bhatia 2013: 22]. В соответствии с выделенными социосемиотическими уровнями рецензии как институционально закреплённый жанр:
  - 1) отражают культуру дисциплины и реальность, в которую вписан конкретный дискурс;
  - 2) образуются совокупностью конвенционализированных коммуникативных актов, включённых в дисциплинарные практики;
  - 3) обладают целостностью, которая определяется рядом внутритекстовых и внетекстовых (параметры социального контекста, дисциплинарные рамки) факторов;
  - 4) представляют собой воспроизводимые коммуникативные события, мотивированные определёнными коммуникативными целями, которые идентифицируются и дешифруются участниками профессионального сообщества;
  - 5) имеют развитую структуру и включают в себя типичные конструкции, выражающие дискурсивно-детерминированные ценности. Автор высказывает и другие соображения, вполне естественные в контексте

рассмотрения жанровых аспектов институциональной коммуникации: 6) полноправные члены конкретного профессионального сообщества проявляют более глубокое понимание когнитивных структур и более свободное владение дисциплинарными коммуникативными практиками в сравнении с новыми представителями сообщества; 7) несмотря на устойчивый характер жанров отмечается, что эксперты-участники дисциплинарных и профессиональных сообществ часто используют конвенциональные формы и принятые в коллективе коммуникативные нормы общения для выражения «личных», субъективных интенций [Bhatia 2013: 23].

В числе частных разновидностей макрожанра *рецензия* теории жанрового анализа выделяют: 1) анонимные рецензии-результаты процесса *Peer Review* (рецензирования статей, поданных авторами в научные журналы); 2) оценочные комментарии издателей; 3) рекламно-оценочные тексты на (супер)обложках опубликованных книг (*blurbs*) и 4) журнальные рецензии на монографии [Giannoni 2009: 19; Shaw 2009]. Последние рассматриваются как *незаинтересованные / непредвзятые* (*disinterested* — в терминологии Ф. Шоу) тексты, которые, в отличие от *заинтересованных / предвзятых* (*interested*) жанров — различного рода издательских комментариев, нацеленных, помимо прочего, на расширение круга потенциальных читателей и повышение экономической выгоды, — не только выражают интенсифицированные положительные оценки в отношении книги, но и формулируют отрицательно поляризованные комментарии [Shaw 2004: 123–124].

Наряду с разновидностями научных рецензий, выделенными в англо-американской социолингвистике, отметим и другие возможности внутрижанровой классификации рецензий. Фокусируя процессуальный аспект научно-критического текстопроизводства, В. Е. Чернявская намечает два подхода к рецензированию. В рамках первого подхода рецензент следует логике автора первичного произведения при построении своего критического анализа. Второй подход подразумевает рассмотрение первичного произведения рецензентом в опоре на широкий научный контекст и сложившуюся историю изучения обсуждаемых вопросов [Чернявская 1995: 9]. Различные способы взаимодействия с первичным текстом позволяют рецензентам решать разные задачи. В первом случае рецензент даёт представление о концепции первичного текста и оценивает её в проекции на критерии полноты, непротиворечивости и последовательности. Во втором случае определяется место рассматриваемого текста в ряду других исследований, и оценка текста начинает соотноситься с критериями актуальности, научной преемственности и творческой самостоятельности [Чернявская 1995: 9].

Рассматривая научно-оценочные тексты в структуре научных жанров, Л. В. Красильникова выделяет две разновидности рецензий: нормативно-оценочную и диалогическую. Если диалогический тип рецензий отражает динамику научной полемики вокруг нового знания, то нормативно-оценочный тип рецензий квалифицирует научный труд на основании нормативных

требований к содержанию и оформлению научных исследований. С этой точки зрения рецензент репрезентирует себя в тексте как источник нормативного знания и носитель идеализированных представлений о научных публикациях, а текст рецензии в дополнение к оценке реализует информирующую функцию — сообщает читателям о новом знании в интересующей его сфере [Красильникова 1999: 44–45].

Выделение разновидностей научных рецензий в опоре на особенности их текстопроизводства и коммуникативных функций дополняется классификацией рецензий с учётом формальных признаков. Пример такой классификации находим у В. Швайкарда. В зависимости от структуры и объёма рецензий, характеристик рецензируемой монографии, доли описательных и оценочных элементов/аргументативных структур в рецензиях В. Швайкард выделяет: 1) рецензии на одно произведение одного автора (*Einzelbesprechung*); 2) рецензии на сборник/коллективную монографию (*Sammelbesprechung*); 3) рецензии-авторские эссе (*Besprechungsaufsatz*); 4) краткие рецензии (*Kurzanzeige*) [Schweickard 1992: 361].

2.2.2. Типовое содержание журнальной научной рецензии

Сосредоточимся теперь на поджанре журнальной рецензии на научные монографии. Журнальная рецензия обладает типичной, воспроизводимой структурой, в которой можно выделить неотъемлемые составляющие — функционально-тематические [Чернявская 1995] и коммуникативно-смысловые блоки [Нефедов 2018], риторические ходы (*moves*) [Paltridge 2017].

Реконструируя взаимосвязи вторичного научно-критического произведения с исходным текстом, В. Е. Чернявская выделяет введение и заключение как особые (и практически всегда — модально-оценочные) функционально-тематические блоки и отмечает, что в основной части рецензии может быть несколько блоков, как дескриптивных, так и информационно-оценочных [Чернявская 1995: 13; 16].

В статье С. Т. Нефедова представлена более подробная классификация коммуникативно-смысловых блоков, характерных для журнальной научной рецензии, в ней акцентированы фигуры рецензируемого автора и рецензента, а также цели и задачи первичного произведения. Так, исследователем выделяются: 1) блок идентификации автора рецензируемого труда; 2) блок идентификации рецензента; 3) блок описания целей и задач рецензируемого труда; 4) блоки экспертной оценки; 5) блоки представления аспектов содержания рецензируемого труда [Нефедов 2018: 117].

Для описания структурных элементов рецензий на научные монографии Б. Палтридж, вслед за Дж. Суэйлзом [Swales 1990], использует понятие *move* (риторический/коммуникативный ход) и выделяет следующий набор *ходов*, характеризующих журнальные научные рецензии: 1) представление книги читателю (*introducing the book*); 2) эскизное изложение содержания книги (*outlining the book*); 3) акцентирование избранных фрагментов книги (*highlighting parts of the book*) и 4) заключительная оценка книги (*providing closing evaluation of the book*) [Paltridge 2017: 13]. В отношении последнего пункта автор высказывает наблюдение, согласно которому заключительная оценка монографии в целом формулируется на основании распределённых по всему тексту оценок избранных аспектов рецензируемой монографии [Paltridge 2017: 13]. Результаты проведённого нами контекстно-семантического анализа позднее позволят полемизировать с наблюдением Б. Палтриджа: не во всех текстовых экземплярах рецензий полярность итоговой оценки закономерным образом выводится из суммы полярностей отдельных оценок, приведённых в тексте.

При рассмотрении типового содержания журнальных научных рецензий следует уделить особое внимание вопросам контекстуальной связанности оценок и их интерпретации, а также имплицитности и эксплицитности оценок в интересующем нас типе текста. Несмотря на утверждение о том, что практически любой текстовый сегмент рецензии может трактоваться как оценочный [Shaw 2004: 121], Ф. Шоу предпринимает попытку более детального разграничения эксплицитных и имплицитных оценок, выделяя четыре типа оценочных высказываний: 1) выражения с единицами, полярность которых чётко задаётся лексическим значением; 2) выражения, которые апеллируют к общепринятым ценностям и получают различную поляризацию в зависимости от контекста; 3) выражения с доминантой лексических единиц, оценочный характер и полярность которых устанавливаются в процессе реконструкции авторской интенции за счёт знаний интерпретатора высказывания и/или разделяемых автором и адресатом ценностей; 4) выражения, интерпретация которых происходит полностью за счёт подключения знаний адресата о коллективной системе ценностей [Shaw 2004: 123–124]. Последний тип оценок носит имплицитный характер. Дж. Суэйлз рассматривает оценку, особенно имплицитную, как одно из проявлений интертекстуальных взаимосвязей в рецензиях. Вслед за С. Ханстон и Дж. Томпсоном [Hunston, Thompson 2000], исследователь разделяет мысль о том, что оценка участвует в построении идейно-теоретической позиции в рамках конкретного текстового экземпляра/жанра и играет ключевую роль в организации дискурса [Swales 2004: 34]. С точки зрения функционирования в научном дискурсе жанр рецензии на монографию сводит воедино информацию о новых публикациях и подаёт её в краткой и ёмкой форме; производит оценку нового вклада в общий фонд дисциплинарного знания, способствует научной дискуссии в рамках избранной дисциплины; имеет существенное значение для определения центральных

эпистемологических ценностей в рамках конкретного дисциплинарного дискурса [Groom 2009: 124–125]. Акты оценивания в рецензиях служат конститутивными элементами в комплексном коммуникативном взаимодействии рецензента, автора рецензируемого труда и широкой читательской аудитории [Giannoni 2009: 31].

Общие рассуждения о жанровой специфике рецензий, их институциональной роли и дискурсивной значимости дополняются выделением типичных паттернов создания оценочности в текстах, в том числе посредством импликатур, иронии [Shaw 2004: 130–138], метафор и метонимии, а также стратегии «*дискредитирующего*» оценивания (*detractive evaluation*), в рамках которой констатируется отсутствие необходимого признака у объекта оценивания [Giannoni 2009: 20, 26–27]. Эмпирический анализ показывает, что «сигналы» об имплицитно реализованных оценочных смыслах встречаются в контексте не поодиночке, а множественно, при этом в оформлении оценочных высказываний задействуются маркеры разных типов [Shaw 2004: 138]. Из этого положения, наряду с зависимостью от текстового окружения и коммуникативной ситуации, выводится ещё одно важное свойство оценок в журнальных научных рецензиях: их контекстуальная плотность и разнообразное маркирование [Shaw 2004: 140].

2.2.3. Коммуникативные параметры журнальной научной рецензии

Как и любая социокоммуникативная практика, рутинированная, социально- и межсубъектно интегрированная, культурно предзаданная [Günthner, König 2016: 181–182], научно-экспертное общение в рецензиях имеет свои характерные социо-коммуникативные параметры. В их числе М. Рипфель называет: 1) монологическую⁸ организацию текста, его публичный характер; 2) фигуру рецензента-профессионала в той же области знания, что и автор научного труда; 3) гетерогенную целевую аудиторию, включающую в себя особого адресата — автора рецензируемой работы, а также более широкий круг потенциальных реципиентов, заинтересованных в результатах рецензирования, — непосредственных коллег рецензента и автора, других учёных, молодых исследователей и студентов; 4) профильные научные журналы

---

⁸ Здесь подразумевается формальная характеристика. Внутренняя диалогичность рецензии, о которой неоднократно идёт речь в работах, осмысляющих специфику институциональной научной коммуникации, не подвергается сомнению.

в качестве основного публикационного органа для рецензий; 5) незначительный контроль редакции над содержанием и оформлением текста⁹ [Ripfel 1989: 41].

Остановимся подробнее на некоторых коммуникативных параметрах академических журнальных рецензий, связанных с ценностями и фигурами участников научно-экспертной коммуникации — представителей профессионального научного сообщества.

Параметр 1: автор рецензии.

Авторами журнальных рецензий становятся профессиональные представители конкретной области знания — носители научной рациональности [Черных 2010: 4], источники уникальной информации и проблемно-ориентированного, целеполагающего знания [Масленников 2001: 27]; активные участники коллективного взаимодействия между автором рецензируемого текста, рецензентом и читателем, проявляющие высокую творческую активность в процессе восприятия и последующей интеллектуальной переработки научных идей [Чернявская 1995: 11; Масленников 2001: 27]. Автор рецензии-эксперт в своей области обладает комплексным предметным знанием, является носителем таких когнитивных компетенций, как чёткое представление о взаимосвязях между сегментами дисциплинарного знания, способность к обобщениям и выводам. Кроме того, субъект научно-экспертной коммуникации в совершенстве владеет конвенциями, процедурами и правилами научного общения [Чернявская 2012: 171]. Последнее имеет решающее значение для научно-экспертного текстопроизводства: можно утверждать, что от любого специалиста в конкретной области эксперта отличает более высокая степень методологической и метакоммуникативной рефлексии.

Исследователями повсеместно отмечается эксплицитная авторизация рецензий: субъект речи маркируется в тексте с помощью различных языковых средств [Чернявская 1995: 21; Нефедов 2018: 111–112]. Решающее значение для выбора единиц вербального оформления оценочных позиций рецензента имеет бережное отношение к *лицу* других участников общения и тенденция к вежливой коммуникации, зафиксированная для научных текстов в целом [Пономарёва 2018: 128–129]. Внимание к «незащищённым» результатам, находящимся в процессе верификации, требует смягчения авторской позиции — в том числе с помощью средств хеджинга [Graefen, Thielmann 2007: 91–92] и других деинтенсификаторов (негативных) оценок.

---

⁹ Заранее обратим внимание читателя на пятое положение у М. Рипфель и заметим, что к рецензиям, в отличие от научных статей, редко предпосылаются пространные рекомендации, касающиеся структуры, обязательных элементов содержания и оформления. Можно предполагать, что текст рецензии будет сильнее зависеть от логики первичного научного произведения, а также личностной и языковой индивидуальности автора, чем от строгого регламента того или иного академического издания. С этой точки зрения нам кажется не критичным привлечение к общему рассмотрению рецензий из узкоспециальных изданий в рамках одной дисциплины, т. к. влияние редакторских директив окажется пренебрежимо малым.

Параметр 2: адресаты рецензии.

Адресатом рецензий и, соответственно, оценок, реализованных в данном типе текста, становится не только сам автор рассматриваемого труда, но и его коллеги (специализированный научный коллектив), и научное сообщество в целом [Auer, Baßler 2007: 22], в т. ч. его молодые представители — студенты и аспиранты, как это отмечается в некоторых текстовых экземплярах, например (Королёва 2018: 255). Таким образом, можно ещё раз выделить **полиадресатность** как одно из основополагающих свойств научно-экспертной коммуникации. Как и автор рецензии, её непосредственный адресат обозначается в тексте эксплицитно — посредством имени собственного или же имени нарицательного, называющего адресата по его роли, а также с помощью личных местоимений 3-его лица [Нефедов 2018: 110–111]. Прямые номинации автора рецензируемого первичного текста наряду с номинациями автора рецензии включаются в блоки идентификации субъектов научно-экспертного общения, неотъемлемые для структуры академической рецензии [Нефедов 2018: 117].

По сравнению с автором рецензируемого труда рецензент демонстрирует бóльшую экспертность, отражая более узкое понимание экспертности в трактовке В. Е. Чернявской [Чернявская 2012: 171]. При том, что и рецензент, и автор рецензируемого текста, несомненно, являются специалистами в своей сфере, можно говорить о существовании некоторой дистанции в научно-экспертной коммуникации. С одной стороны, субъект речевой деятельности в академических рецензиях выступает на равных правах с адресатом экспертно-оценочных актов. С другой стороны, автор рецензии-эксперт обладает бóльшим опытом и более развитыми компетенциями в выражении критики. Негласная асимметрия в коммуникации и потенциальная угроза статусу рецензируемого автора, в очередной раз объясняет использование средств хеджинга для смягчения «острых краёв» в ситуациях критической рецепции сообщаемого знания, которые, если пользоваться терминологией И. Гофмана, потенциально угрожают собеседнику потерей *лица* [Goffman 1967: 8].

Параметр 3: объекты оценки в рецензиях.

Объектами оценки в научных рецензиях становятся содержательные и формальные аспекты рецензируемого текста.

Так, Б. Палтридж, обсуждая наиболее характерные объекты оценивания в научно-экспертной практике, перечисляет обзор литературы, анализ данных, методологию и результаты исследования, тему работы, качество текста, авторскую аргументацию и ведение дискуссии [Paltridge 2017: 187].

Б. Арендт и П. Шефер подразделяют объекты оценок в рецензиях на две группы. В числе **формальных** объектов авторы называют особенности текстовой структуры, отдельные

формулировки, синтаксические и морфологические характеристики текстов, иллюстрации, типографическое оформление (нумерацию страниц, корректность набора текста и т. д.). Среди **содержательных** аспектов рецензируемого труда оценке могут подвергаться неточные выражения, выбор тех или иных терминологических обозначений, анализ первичных данных, выводы и практики цитирования [Arendt, Schäfer 2015: 110].

Е. С. Троянская конкретизирует множество объектов оценки в научных рецензиях, выделяя: 1) язык и композицию рецензируемого произведения; 2) иллюстративные материалы (примеры, визуально-графические средства, направленные на достижение большей наглядности изложения); 3) техническое оформление книги [Троянская 1985: 70]. При этом акцентируется опора косвенных оценок в рецензиях на фоновые знания читателя, благодаря которым обеспечивается ситуативно верная трактовка оценочных суждений автора текста. В представлении Е. С. Троянской формальным объектом косвенных оценок становятся усилия, прилагаемые автором к производству знания в рамках конкретного научного направления, а также иные характеристики текста, которые, благодаря привлечению знаний коммуникантов к интерпретации актов оценивания, воспринимаются как оценочная квалификация языковой формы рецензируемого труда [Троянская 1985: 70]. Иными словами, косвенные оценки говорят о «тщательной работе автора, редактора над языком произведения», характеризуют рецензируемую публикацию с точки зрения наглядности или недостаточной наглядности изложенных в ней мыслей. Прямые же оценки, по утверждению Е. С. Троянской, характеризуют рецензируемый труд с точки зрения ясности, логичности, понятности [Троянская 1985: 70]. Утверждается, что некоторые лексемы, используемые рецензентами для оценки содержания научного текста, могут одновременно направлять свой вектор оценивания и на форму, в которую облекается содержание [Троянская 1985: 78–79]. Не вполне понятно, насколько оправданно настолько строгое деление: косвенные оценки могут реферировать к другим критериям научной рациональности и обращаться не к форме, но к содержательным аспектам научного труда.

Тем не менее, пусть утверждение Троянской и требует дополнительной проверки, автору удалось показать **многовекторность** оценки, её направленность на качественно различные объекты. В действительности аксиологическая многовекторность оказывается намного более масштабной. В отношении других экспертно-оценочных текстотипов (например, отзывов на диссертации) уже отмечалось, что положительная оценка часто касается не только первичного текста, но и личных качеств его автора [Starfield, Paltridge 2015: 131]. Позднее аналогичное наблюдение было произведено С. Т. Нефедовым на материале академических журнальных рецензий: исследователем установлено, что в качестве объекта оценок в научных рецензиях могут выступать не только формальные и содержательные особенности рецензируемых работ, но и профессиональная компетентность автора в проекции на его текст [Нефедов 2018: 115].

Обобщая вышеизложенное, подчеркнём, что оценку в журнальных научных рецензиях характеризуют скрытая асимметричность, полиадресатность, а также качественная разнородность аксиологических объектов.

2.3. Понятие экспертной оценки в научных рецензиях

Анализ коммуникативных параметров ситуации экспертного научного общения позволяет зафиксировать в научных рецензиях особую дискурсивно-коммуникативную разновидность языковых оценок. В сопоставлении с другими видами оценок в коммуникации исследователей-профессионалов специфика этой разновидности проявляется наиболее ярко, как это следует из статьи С. Т. Нефедова, посвящённой социокоммуникативной вариативности оценок в научном дискурсе. Автор устанавливает зависимость выбора оценочных потенций языковой системы от экстралингвистической ситуации, в которой находятся участники общения, и социальных практик с их акторами, обстоятельствами, ценностями коммуникантов [Нефедов 2021: 765]. В рамках научного дискурса выделяются три значимые социокоммуникативные практики: научно-исследовательская, научно-экспертная и научно-обучающая. Перед участниками этих практик стоят различные задачи. Так, научно-исследовательская практика нацелена на выявление новых аспектов объекта изучения, установление новых взаимосвязей между объектами и новых научных закономерностей. При этом задача участников научно-исследовательской практики не сводится исключительно к выявлению нового знания: необходимо также убедительное его представление. Убедительности способствует автороцентричная *эпистемическая оценка*, которая сообщает положениям научного текста модальность достоверности, выражает **личное** отношение познающего субъекта к исследуемым объектам и явлениям. При этом отношение субъекта градуируется по шкале от полной уверенности до абсолютного сомнения в сообщаемом [Нефедов 2021: 766].

Итак, эпистемическая оценочность признаётся доминантной для текстов, обеспечивающих функционирование научно-исследовательской практики. В других социокоммуникативных практиках, отличающихся спецификой задач и целевых установок акторов, преобладают иные разновидности оценок. Например, в научно-обучающей практике доминирующими оказываются адресатоцентричные *персуазивные оценки*, направленные на структурирование информации в учебнике или учебном пособии и привлечение внимания реципиента к наиболее важным, по мнению автора, фрагментам текста [Нефедов 2021: 772]. Язык оценок сближается здесь с полем единиц метатекстовой навигации и средств фокусирования элементов сообщаемой информации

[Нефедов 2021: 775]. Другая ситуация складывается в научных рецензиях, которые обслуживают научно-экспертную социокоммуникативную практику. Задача, поставленная перед коммуникантами в рамках этой практики, заключается в определении онтологического статуса сообщаемой информации. Необходимо ответить на вопрос, годится ли тот или иной сегмент сообщаемых сведений для включения его в массив дисциплинарного знания. И если *познавательные эпистемические оценки* соотносятся с личным мнением и профессиональным опытом автора-исследователя, то оценки в научно-экспертной практике реферируют к коллективно разделяемым нормам и ценностям, универсальным критериям, на основании которых происходит квалификация знания и последующее определение его статуса [Нефедов 2021: 769].

Таким образом, основное отличие экспертной оценки от познавательной заключается в выборе аксиологических оснований, в **нормоцентричности** оценки [Нефедов 2021: 769]. Именно преобладание нормоцентричных оценок можно ожидать в таких типах текста, как научные рецензии, отзывы рецензентов и оппонентов на квалификационные работы студентов и диссертации.

Однако нельзя исключать и другую особенность экспертной оценки, связанную с пассионарностью рецензента, его индивидуальностью: рациональные оценки в текстах нередко сопровождаются эмоциональными. Как верно замечает В. Е. Чернявская, «познавательные мотивы и интересы [в науке] часто определяются и направляются психологическими, экономическими, институциональными мотивами» [Чернявская 2012: 168]. Влияние множества экстралингвистических параметров на текстовое представление научного знания акцентирует и Е. А. Баженова, называя в числе значимых факторов многоуровневую структуру научно-познавательной деятельности, идиостиль мышления исследователя, коммуникативные целеустановки автора и авторскую речевую манеру [Баженова 2020: 146]. Несмотря на то, что эмоциональные оценки в научно-экспертной коммуникации едва ли окажутся частотнее рациональных — это противоречило бы целям и задачам рецензий — эмоциональная оценочность составляет заметный пласт в аксиологическом поле научно-экспертных текстов. С одной стороны, по сравнению с научными статьями и монографиями, рецензии создают больше поводов для выражения психоэмоционального состояния автора-реципиента первичных текстов. С учётом многовекторной направленности научно-экспертного оценивания, «мишенью» эмоциональных квалифицирующих высказываний могут стать как аспекты рецензируемого труда, так и личностные характеристики его автора. С другой стороны, можно ожидать, что выражение психологических реакций будет подстраиваться под законы научного текстопроизводства, его стремление к объективности и нейтральности изложения. В итоге мыслится возможным достижение компромиссного сочетания различно мотивированных оценок

в тексте. Представляется, что такое сочетание разнородных оценок определит аксиологический профиль журнальной научной рецензии, однако для проверки нашего соображения потребуется привлечение данных количественного и качественного анализа. К ним мы перейдем в дальнейшем.

2.4. Материал исследования

Материал исследования представлен научными рецензиями лингвистической тематики на немецком и русском языках, опубликованными в период с 2016 по 2020 гг.¹⁰ в журналах «Zeitschrift für Rezensionen zur germanistischen Sprachwissenschaft», «Zeitschrift für Angewandte Linguistik» (Scopus Q3), «Zeitschrift für Sprachwissenschaft» (Scopus Q1), «Вестник РУДН. Серия: Лингвистика (Russian Journal of Linguistics)» (Scopus Q1), «Вопросы ономастики» (Scopus Q3), «Вопросы языкознания» (Scopus Q2)¹¹. Выбор журналов обусловлен, в первую очередь, их тематической спецификой (актуальные вопросы теоретического и прикладного языкознания) и высокими рейтингами в международных индексах цитирования. На общем фоне выделяется журнал «Zeitschrift für Rezensionen zur germanistischen Sprachwissenschaft»: он не представлен ни в Scopus, ни в Web of Science, однако позиционирует себя как «первый печатный орган, публикующий рецензии из области германистики и покрывающий тем самым насущную потребность исследователей в такого рода публикациях» [ZRS, De Gruyter]. В действительности у журнала нет аналогов: тематическая спецификация, нацеленность на публикацию исключительно рецензий (на немецком языке), а также открытый доступ к опубликованным материалам оказываются весомыми аргументами в пользу исключительности этого научного издания.

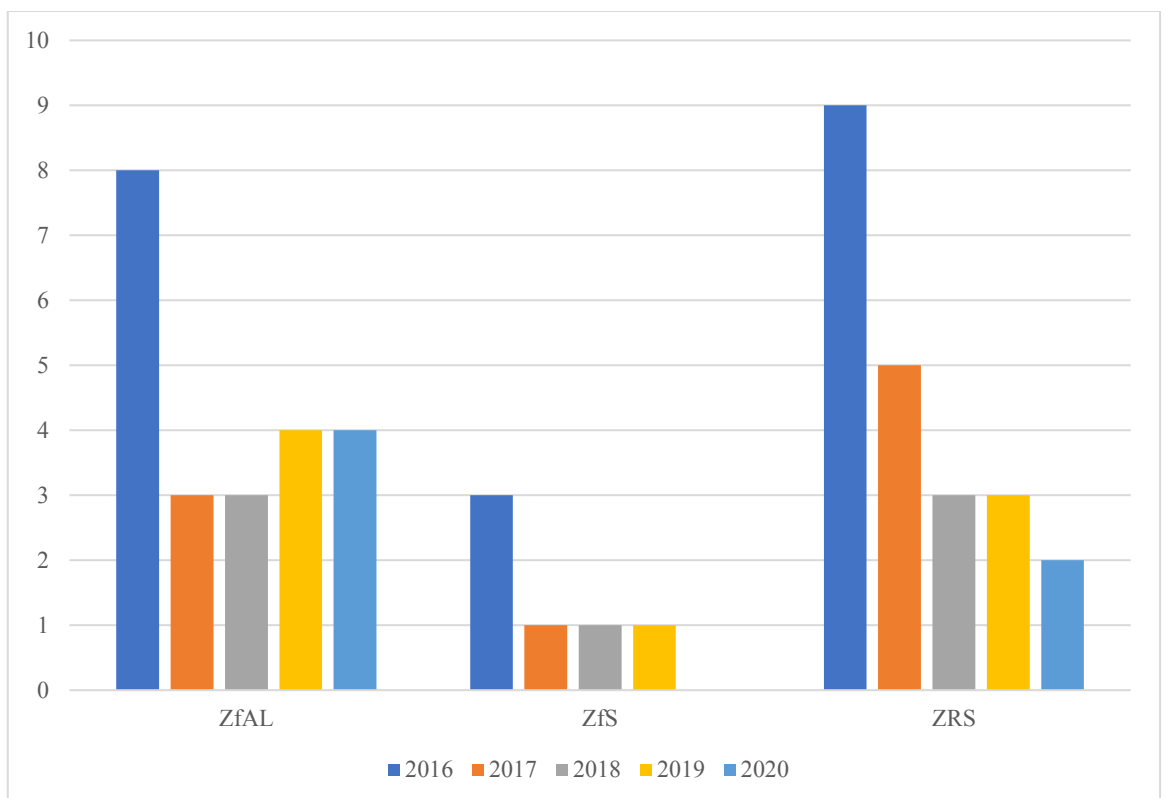
Руководствуясь положительным опытом других исследователей оценки, прибегавших к корпусным методам [Zhao 2015: 87], мы регламентировали отбор текстов рядом критериев, нацеленных на повышение репрезентативности и объективности результатов. Так, в эмпирический корпус исследования включались тексты, созданные носителями немецкого и русского языков, обращалось особое внимание на соблюдение принципа «один текст — один автор». Этот принцип представляется особенно важным для изучения общих закономерностей

¹⁰ В состав русскоязычного подкорпуса также вошли рецензии, опубликованные в 2021 году: по-видимому, выход текстов был запланирован на конец 2020 года, однако рецензии включены в первые номера 2021 года.

¹¹ Метрики по данным сайта Scimago Journal and Country Rank на 2021 г.: <https://www.scimagojr.com/> (дата обращения: 25.08.2022).

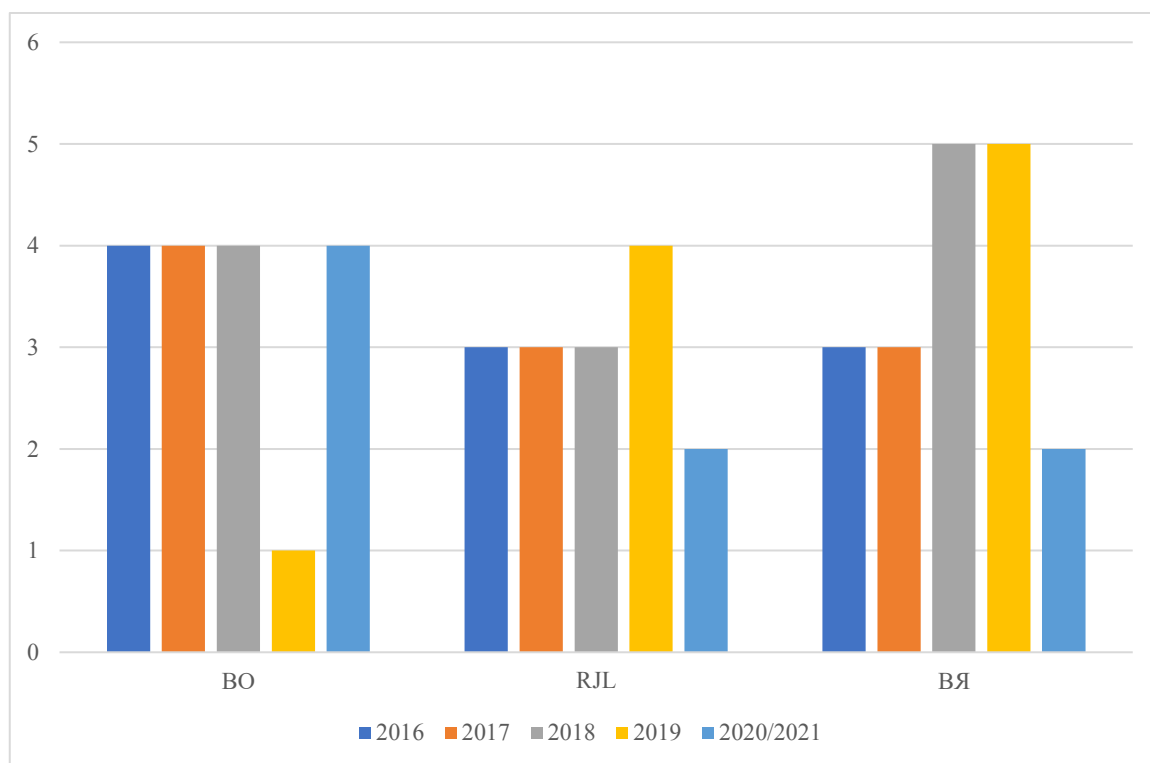
производства оценочных смыслов в контексте, без акцентирования яркой речевой индивидуальности авторов рецензий. Кроме того, необходимо было сбалансировать тексты различных лет/журналов в корпусе исследования. Попытка придерживаться равномерного распределения текстов оказалась, однако, лишь отчасти успешной — в силу того, что не все журналы специализированы на публикации рецензий, как «Zeitschrift für Rezensionen», и рецензии публикуются не в каждом номере тематических изданий. В итоге не удалось избежать некоторой асимметричности распределения рецензий из разных источников в корпусе, связанной с наличием/доступностью необходимого материала. Распределение рецензий по годам и журналам в немецком и русском корпусах исследования представлено на инфографиках ниже (Рисунки 1 и 2).

Рисунок 1 — Распределение рецензий по годам и журналам в немецкоязычном корпусе.¹²

¹² ZfAL — Zeitschrift für Angewandte Linguistik, ZfS — Zeitschrift für Sprachwissenschaft, ZRS — Zeitschrift für Rezensionen.

Рисунок 2 — Распределение рецензий по годам и журналам в русскоязычном корпусе.¹³

Предвосхищая возможные вопросы, которые может вызывать узкая тематическая специфика некоторых журналов, повторно укажем на то, что при выборе источников языкового материала мы ориентировались в первую очередь на метрики журналов в международных базах данных и языки, релевантные для целей и задач нашего исследования (общеизвестно, что многие высокорейтинговые журналы, подходящие по тематике, публикуют рецензии исключительно на английском языке). Как показало изучение официальных требований редколлегий интересующих нас журналов к материалам, тематическая специфика изданий незначительно влияет на текстотипологические особенности рецензий. В ходе обращения к документам из раздела «Для авторов» установлено, что в инструкциях в основном ограничивается объём рецензий и уточняются технические характеристики, которым должно соответствовать типографическое оформление текста [интернет-страницы журналов ZfAL, ZRS, ZfS, Вопросы языкознания]. Более того: рецензии далеко не всегда становятся предметом обсуждения в памятках для авторов. Например, на официальных сайтах «Вестника РУДН» и «Вопросов ономастики» упоминаются только научные статьи, в то время как формат и тем более содержание рецензий никак не регламентируются [интернет-страницы журналов Вестник РУДН, Вопросы ономастики]. Вместе с тем рецензии в журнале «Вопросы ономастики» отличаются от рецензий

¹³ ВО — Вопросы ономастики, RJL — Russian Journal of Linguistics, ВЯ — Вопросы языкознания.

в других изданиях за счёт некоторых особенностей текстовой структуры. Каждой рецензии предпослано название, например: «*Топонимия Калмыкии в историко-географическом и лингвистическом освещении*» (Королева 2018). Некоторые названия уже задают рамку оценочной коммуникации, в частности: «*Прорыв в исследовании мерянской проблемы*» (Напольских 2016), «*“Время собирать камни...”: к рождению новой науки*» (Смирнов 2017). Кроме того, рецензии в «Вопросах ономастики» сопровождаются аннотациями, в которых кратко излагаются основные аспекты содержания рецензий и формулируются метакомментарии, совершаются метаоценочные акты: «*Высоко оценивается и то обстоятельство, что материал извлечен из широкого круга источников <...>*» (Голомидова 2016: 241).

Наиболее подробной и интересной с текстотипологической точки зрения оказывается инструкция на сайте журнала «*Zeitschrift für Rezensionen*»: в ней рекомендуемый объём рецензий устанавливается исходя из частных разновидностей этого типа текстов. Так, составители инструкции выделяют т. наз. «традиционные рецензии» (*traditionelle Rezensionen*), наименьшие по объёму; рецензии на две и более монографий (*Sammelrezensionen*), а также большие обзорные статьи (*Review-Artikel*), в которых исходный авторский текст служит импульсом для собственных рассуждений рецензента на заданную тему [ZRS].

Корпус нашего исследования включает в себя 100 научных рецензий (620 страниц, 15 155 текстовых предикаций). Объём немецкоязычного подкорпуса составляет 50 рецензий (280 страниц, 6843 текстовые предикации). В русскоязычный подкорпус исследования вошли 50 рецензий (340 страниц, 8312 текстовых предикаций). Под текстовыми предикациями мы, вслед за В. Г. Адмони и С. Т. Нефедовым, понимаем двухкомпонентную структуру, состоящую из субъекта и предписываемого субъекту (предикативно определяемого) признака (предиката) [Адмони 1973: 22; 1986: 219; Нефедов 2014b: 59].

Средний объём немецкоязычной рецензии колеблется в пределах 5–6 страниц, русскоязычной — в пределах 6–7 страниц. От журнала к журналу объём рецензий незначительно отличается в большую (Вопросы языкознания) или меньшую сторону (Russian Journal of Linguistics). Текстотипологическая специфика рецензий и их распределение по конкретным микрожанрам представлены на следующих инфографиках (Рисунках 3 и 4):

Рисунок 3 — Текстотипологические разновидности рецензий в немецкоязычном корпусе.

Рисунок 4 — Текстотипологические разновидности рецензий в русскоязычном корпусе.

В выделении типов рецензий мы опирались на опыт текстотипологических исследований научной коммуникации и требования к подаче материалов, опубликованные на сайтах научных журналов. На диаграммах можно видеть, что доминантным типом рецензий оказываются т. наз. традиционные рецензии среднего объёма на одну монографию. Текстовая организация у таких рецензий, однако, варьируется: в корпусе можно найти рецензии, в которых сначала сжато описывается структура монографии, а затем подробнее обсуждаются избранные аспекты рецензируемого труда. Кроме того, можно выделить рецензии, построенные как по-частное подробное обсуждение тех или иных аспектов — в соответствии с каждым конкретным «шагом» структуры.

В немецком подкорпусе наблюдается незначительное количество кратких рецензий и рецензий на несколько монографий. В русском подкорпусе рецензии на несколько монографий не зафиксированы, однако отмечается более высокое содержание рецензий на коллективные монографии в сравнении с немецким подкорпусом.

2.5. Методология исследования

Изучение оценок в текстах, интегрированных в институциональную коммуникацию авторов-исследователей, определяет выбор социокоммуникативного и лингводискурсивного направления для исследования. Избранное направление позволяет учитывать коллективно-разделяемые ценности, стандарты и нормы научной коммуникации в интерпретации контекстов. В качестве магистрального метода для решения поставленных задач был адаптирован метод контент-анализа, представленный в монографии австрийских исследователей дискурса [Тичер, Мейер 2009]. Как подчёркивают авторы-апологеты метода, в случае контент-анализа речь идёт о макростратегии исследования [Тичер, Мейер 2009: 88–89], сочетающей в себе различные частные (количественно- и качественно-ориентированные) исследовательские процедуры (контекстно-семантический анализ, структурно-грамматический анализ языковых средств, функционально-прагматический и коммуникативный анализ и т. д.). Работа с эмпирическим материалом в русле контент-анализа подразумевает построение системы аналитических категорий для фиксации переменных, описывающих объект исследования [Тичер, Мейер 2009: 95]. Категории, в которых кодируется сложноорганизованный объект, связываются авторами с определёнными семиотическими уровнями, среди которых выделяются: 1) синтаксический; 2)

семантико-синтаксический; 3) семантический; 4) прагматико-синтаксический; 5) семантико-прагматический и 6) прагматический уровни [Тичер, Мейер 2009: 101–103].

Рисунок 5 — Пример адаптации уровней контент-анализа для изучения оценок на материале исследования.

Прагматический анализ	Синтаксический (структурно-грамматический анализ)	Синтаксический (структурно-грамматический анализ)	Семантический анализ	Семантический анализ	Прагматический анализ	Семантико-прагматический анализ	Прагматический анализ	Прагматический анализ	Прагматико-синтаксический анализ	Прагматический анализ
Эксплицитная / имплицитная	Конкретные средства	Уровень языковой организации	Семантика	Полярность	Объект оценки	Основание оценки	Субъект оценки	Адресат оценки	Модификация / (де)интенсификация	Оценка в коммуникации: включённость в стратегии
Эксплицитная	relevante (Modelle und Untersuchungen)	Лексика: прилагательное в атрибутивном употреблении	Частная рациональная оценка	«+»	Содержание монографии: модели и реферлируемые исследования.	Критерий научности: релевантность	Не выражает себя эксплицитно.	A1 эксплицитен: sie	—	Вводные замечания, начальная оценка рецензируемой монографии

Рисунок 5 демонстрирует соотнесение уровней, выделяемых идеологами контент-анализа, с основными категориями, в которых кодируется объект нашего исследования — оценка в научно-экспертных текстах. Так, на синтаксическом уровне контент-анализа выделяются разноуровневые средства, участвующие в создании оценочных смыслов. На семантическом уровне в рамках контент-анализа определяется полярность оценочных высказываний и мотивировка оценок (рациональность/эмоциональность). На семантико-прагматическом уровне уточняются основания оценок, в то время как на прагматическом уровне рассматривается языковое выражение коммуникативных параметров экспертных оценок, средства модификации, смягчения оценок и повышения их категоричности, а также особенности интеграции оценок в коммуникативные стратегии.

Кодирование объекта исследования на различных уровнях анализа сопровождается проведением статистических подсчётов, необходимых для выявления лингвокультурной специфики оценивания в рецензиях по лингвистике на немецком и русском языках. В качестве основной единицы количественного анализа выступает текстовая предикация.

Применение метода контент-анализа позволяет фокусироваться не только на эксплицитно-оценочных средствах, но и на дискурсивно-когнитивных основах оценочных действий. Выделение уровней гарантирует постепенность, необходимую для качественно-ориентированного анализа, и возможность «челночных» перемещений между аналитическими стадиями: от рассмотрения языковых единиц эксплицитной оценки и вербальных номинаций экстралингвистических параметров экспертно-оценочной ситуации до выявления стратегий имплицитного оценивания, отображения внутренней структуры квалифицирующих высказываний на текстовом уровне и уточнения ценностных установок акторов дискурса. Таким

образом, становится возможным комплексное моделирование коммуникативной ситуации оценивания в научных рецензиях.

2.6. Языковое маркирование основных коммуникативных параметров научно-экспертной практики в немецко- и русскоязычном подкорпусах

Рассмотрим теперь конкретное наполнение логической структуры оценок в научно-экспертных текстах на немецком и русском языках. Проведённый коммуникативно-прагматический и лингвоэпистемологический анализ позволил выявить характерные лексико-грамматические единицы, используемые для актуализации субъекта, адресата и объектов оценок в экспертно-оценочной коммуникации. Наиболее употребительные средства представлены ниже в виде облаков слов, сгенерированных вручную на основании проведённых статистических подсчётов встречаемости тех или иных единиц в оценочных актах. Высказывания, в которых формулируется оценка, были выявлены в текстах немецкого и русского подкорпусов посредством контекстно-семантического метода. Затем, в ходе прагматического анализа, было установлено итеративное (более 2 употреблений в корпусе исследования) использование языковых средств для выражения коммуникативных параметров экспертных оценок.

Эксплицитная актуализация субъекта экспертной оценки в немецкоязычных рецензиях в большинстве случаев происходит за счёт использования личного местоимения 1 лица, единственного числа *ich* и соответствующего притяжательного местоимения *mein* (Рисунок 6). При этом в оценочных контекстах, выделенных в текстах подкорпуса, не установлено использование личного местоимения 1 лица, множественного числа *wir* и притяжательного местоимения *unsere* для реферирования к субъекту оценки. К периферийным средствам актуализации субъектности экспертной оценки можно отнести номинацию субъекта по его роли. В подкорпусе исследования зафиксировано использование существительного *Rezensentin* в этой функции. Интересно, что в проанализированных оценочных контекстах не отмечается употребление лексемы *Rezensent* для актуализации оценивающего субъекта. Несмотря на то, что данных нашего исследования недостаточно для того, чтобы сделать выводы относительно коммуникативно-функционального потенциала феминитивов в научно-экспертной коммуникации, зафиксированное словоупотребление намечает перспективы для дальнейших исследований гендерной специфики научно-экспертного общения.

Рисунок 6 — Номинации субъекта экспертной оценки в немецкоязычных лингвистических рецензиях.

mein
ich
Rezensentin

Авторы русскоязычного подкорпуса исследования, наоборот, отдают предпочтение личному местоимению 1 лица, множественного числа *мы* и соответствующему притяжательному местоимению в оценочных контекстах (Рисунок 7). Кроме того, фиксируется использование притяжательного местоимения *мой*, особенно характерного для вводных слов и выражения по образу *на мой взгляд, по моему мнению*. В ряде оценочно-насыщенных контекстов рецензент актуализирует себя как *автор (рецензии)*. Кроме того, в функции выразителей субъектности оценки систематически встречается глагол интеллектуальной деятельности *думать* (в том числе в безличном употреблении).

Рисунок 7 — Номинации субъекта экспертной оценки в русскоязычных лингвистических рецензиях.

автор думаю
мой
МЫ
наш думается

Большую вариативность в оценочных контекстах проявляют номинации адресата экспертной оценки, что можно объяснить полиадресатностью актов оценивания, свойственной журнальным научным рецензиям. В соответствии с первоочередной ориентацией журнальных экспертно-

оценочных текстов на автора рецензируемой монографии наиболее характерной номинацией адресата оказываются инициалы рецензируемого автора (более 98 употреблений в оценочных контекстах немецкого подкорпуса), а также существительные *Autor* и *Autorin*, сопровождаемые вариантами *Verfasserin*, *Autoren*, *Autorinnen und Autoren*, *AutorInnen*, а также личными и притяжательными местоимениями *er/sein*, *sie/ihr* (Рисунок 8). По сравнению с лексическими единицами, реферирующими к авторам рецензируемой монографии номинации, относящиеся к фигурам издателей — *HerausgeberInnen*, *Herausgeber*, встречаются реже. Достаточно характерным для оценочных контекстов (более 7 употреблений), однако, оказывается существительное *Leser*, соотносимое с наиболее широким кругом читателей, а также субстантивированное причастие *Studierende* (более 12 употреблений в оценочных контекстах), включающее студентов в число реципиентов выраженной оценки.

Рисунок 8 — Номинации адресата экспертной оценки в немецкоязычных лингвистических рецензиях.

В русскоязычном подкорпусе исследования преобладают эксплицитные номинации адресатов по фамилии, имени и отчеству (инициалы) — более 154 употреблений в оценочных контекстах (Рисунок 9). Не менее частотно существительное *автор(ы)*. Примечательно, что в ряде оценочных контекстов одним из способов апеллировать к реципиенту экспертной оценки оказались инициалы имени и отчества автора рецензируемого произведения: их употребление в отрыве от фамилии производит впечатление сокращения дистанции между рецензентом и автором монографии. В число номинаций адресата-рецензируемого автора, а также научного сообщества входят такие существительные, как: *исследователи*, *специалисты*, *филологи*, *социологи*, *антропологи* и др. Круг адресатов экспертной оценки расширяется за счёт

использования существительного *студент(ы)* (часто с уточнениями — *студенты филологических, географических, исторических и др. факультетов*). На периферии оказываются номинации, реферирующие к наиболее широкому кругу реципиентов оценки, — существительные *читатели*, определительное местоимение *все* (особенно в сочетании с выразителями семантики заинтересованности различной частеречной принадлежности: *все, интересующиеся; все, кто интересуется*).

Рисунок 9 — Номинации адресата экспертной оценки в русскоязычных лингвистических рецензиях.

Несмотря на то, что типичные номинации объектов экспертной оценки в рецензиях демонстрируют наибольшее разнообразие, самыми употребительными единицами оказываются существительные *Buch, Band, Beitrag* в значении научного труда в коллективном сборнике и *(Forschungs-)arbeit* (30, 21, 14 и 8 случаев употребления в оценочных контекстах немецкого подкорпуса соответственно), реферирующие к рассматриваемой монографии в целом (Рисунок 10). Достаточно частотными оказываются также существительные, называющие структурные части монографии (*Kapitel, Überblick*) и отдельные аспекты научного труда (*Beispiel, Ansatz, Modell, Begriff*), а также изложение, процесс и результаты анализа (*Darstellung, Analyse*). Существительные, реферирующие к авторской методологии (*Methoden*), аргументации (*Schlussfolgerungen, Argumente, Auseinandersetzung, Bezug*), а также к формальным характеристикам монографии (*Umfang*) образуют периферийный пласт лексики, используемой для эксплицитной номинации объекта экспертной оценки в немецкоязычных лингвистических рецензиях.

Рисунок 11 — Номинации объектов экспертной оценки в русскоязычных лингвистических рецензиях.

Несмотря на то, что периферийные средства вербализации объектов экспертной оценки едва ли скажутся на результатах интерпретации количественных данных, они представляют интерес для качественного изучения. Так, в ходе качественно-ориентированного рассмотрения отдельных оценочных контекстов установлено, что в качестве объектов оценки могут выступать не только формальные и содержательные показатели авторского труда, но и:

- дидактическое значение рецензируемой монографии:
  - (1) *Безусловно, велика дидактическая роль этой антологии. Почти половина из собранных С. Брендлером авторов предваряли свои статьи обзорами истории когнитивного направления вообще либо какого-то его отдельного концептуального фрагмента. Для научного чтения это, возможно, избыточная информация, но для педагогических целей она весьма полезна* (Васильева 2017: 218–219).
- работа редактора (релевантно для сборников статей/коллективных монографий):
  - (2) *Следует отметить, что противоречий в книге встречается очень мало и в целом заметна тщательная работа редакторов по приведению очень разнородных статей к общему знаменателю* (Зубалов, Мазурова 2018: 161).

2.7. Эксплицитные оценочно-квалифицирующие средства немецко- и русскоязычного экспертно-научных дискурсов

Выше мы обсудили характерные языковые средства, используемые в оценочных контекстах на немецком и русском языках для вербализации субъектов, адресатов и объектов квалифицирующих актов. Что касается оснований экспертных оценок в рецензиях, то их подробное рассмотрение последует в третьей главе, так как оно открывает горизонты для межъязыкового и межкультурного сопоставления оценочных действий. Задача же настоящего подраздела заключается в описании основных лексико-грамматических средств, используемых для индикации рационально- или эмоционально-мотивированного отношения рецензента к сообщаемому. В зависимости от рационального или же эмоционального характера оснований, мотивирующих оценку, можно выделить несколько семантических разновидностей эксплицитных оценок, о которых пойдёт речь в дальнейшем: 1) (положительная) общая эксплицитная рациональная оценка; 2) частная эксплицитная рациональная оценка (положительно- и отрицательно поляризованная); 3) эксплицитная эмоциональная оценка (положительная и отрицательная).

2.7.1. Средства эксплицитной рациональной оценки

Принято считать, что использование общеоценочных средств скорее нехарактерно для академических рецензий, так как оценки, формулируемые в изучаемом типе текстов, реферируют к конкретным признакам научного труда. Вместе с тем качественный контекстно-семантический анализ оценочных высказываний позволил выделить высказывания, в которых рассматриваемая монография квалифицируется по шкале «хорошо/плохо». При этом общие оценки обнаруживают явное стремление к полюсу «хорошо»: отрицательно-поляризованные общеоценочные высказывания не зафиксированы в текстах корпуса исследования:

- (1) *Kurz: ein Lehrbuch im **besten** Sinne und eine in jeder Hinsicht lohnenswerte Lektüre* (Verrhein-Jarren 2016: 147).
- (2) ***Positiv** anzumerken ist auch, dass das in der Variation- und Mehrsprachigkeitsforschung zuweilen implizit-ideologisch anzutreffende sprach(en)politische Engagement für Variation und Sprachenvielfalt im Band selten in Erscheinung tritt* (Niehaus 2016: 229).

- (3) *Trotz dieser **positiven** Aspekte weist das recht traditionell ausgerichtete Werk jedoch auch einige Schwächen auf, (2) die in einer Neuauflage behoben werden sollten* (Nowak 2016: 230).
- (4) *Mit diesem Band haben wir ein **exzellentes** Beispiel für eine essayistische und dabei streng wissenschaftlich fundierte Sprachkritik-Linguistik vor uns* (Fix 2017: 143).
- (5) *Эта статья **хорошо** отражает начальный этап обращения ономастологов к когнитивным исследованиям* (Васильева 2017: 215).
- (6) *Особое внимание в рецензии уделяется разноаспектному анализу эргонимов, в ходе которого Т. В. Шмелева **успешно** сочетает лингвокультурологический, коммуникативный и социолингвистический подходы* (Соколова 2018: 196).

Как видно из приведённых примеров, в качестве общеоценочных средств для квалификации рецензируемого труда используются прилагательные позитивно-оценочной семантики в предикативном и атрибутивном употреблении, в т. ч. в превосходной степени — см. (1), а также наречия. Кроме того, в русскоязычном подкорпусе исследования были зафиксированы метаоценочные контексты, в которых использовались языковые единицы, реферирующие к ценностям и процессу оценивания как таковым:

- (7) *А. И. Едличко, автор статьи о медиалингвистике в Германии, приводит **ценное** наблюдение о том, что границы между межличностным и массмедиаальным использованием языка, как отмечается в немецкоязычной научной литературе, очень быстро стираются, что приводит к возникновению гибридных коммуникативных форм* (Богданова 2019: 847).
- (8) ***Особой ценностью**, на наш взгляд, обладает предисловие к словарному описанию* (Голомидова 2016: 243).

В силу упомянутых выше особенностей научно-экспертной коммуникации, её ориентированности на критерии и нормы, регламентирующие процесс создания и результат научного труда, общая оценка часто употребляется совместно с частной (9) или же семантически сближается с ней, подвергается контекстуальным модификациям за счёт использования дополнительных лексических и лексико-грамматических средств:

- (9) *Vor einem solchen Hintergrund sollten Politolinguisten meines Erachtens mutiger Position beziehen, Vorschläge unterbreiten zu einem Mehr an partizipatorischer Demokratie und sich gegebenenfalls mit **guten, forschungsgesättigten** Argumenten der gesellschaftlichen Debatte stellen* (Vogel 2016: 157).
- (10) *Zudem thematisieren die Autor/-innen Fälle, bei denen der Konjunktiv II ambig ist zwischen Wiedergabebedeutung und irrealer Bedeutung. Diese schwierigen und oft in ihrer*

Interpretation kaum festzulegenden Fälle werden durch eine Reihe gut ausgesuchter Korpusbelege veranschaulicht (Rapp 2019: 307).

- (11) На ярких, **прекрасно подобранных** текстах из «Бедноты», «Правды», «Крестьянской газеты» автор показывает, что эволюция языка и стиля отечественных газет определяется не только меняющимися экономическими и политико-идеологическими условиями функционирования СМИ, но и социальнопсихологическими параметрами той аудитории читателей, с которой журналист непосредственно вступает в информационно-мировоззренческий диалог (Полонский 2019: 853).

Наиболее характерным паттерном аксиологического плана журнальной научной рецензии, своего рода повторяющимся образцом — *Muster* в терминологии С. Броммер [Brommer 2018], несомненно, являются частнооценочные высказывания. В тексте эксплицитные частнооценочные акты сопровождаются специализированными лексико-грамматическими средствами различной частеречной принадлежности. В качестве лексико-грамматических маркеров эксплицитной рациональной оценочности могут выступать:

1) прилагательные:

- положительно поляризованные, реферирующие к критериям: а) полноты: *aufschlussreich, ausführlich, detailliert, eloquent, ergiebig, informativ, systematisch, umfassend*; *богатый, внушительный, всесторонний, глубокий, исчерпывающий, масштабный, многогранный, многоплановый, многосторонний, обстоятельный, подробный, пространный, развёрнутый, репрезентативный, систематизированный, системный*; б) ясности и точности: *anschaulich, deutlich, knapp, konzise, lucide, prägnant, präzise, verständlich*; *выразительный, скрупулёзный, тщательный*; в) релевантности: *bedeutsam, diskussionswürdig, hilfreich, relevant, solide, substantiell, wesentlich, wichtig*; *весомый, насыщенный, неоценимый, перспективный, плодотворный, серьёзный, фундаментальный*; г) новизны и актуальности: *einzigartig, erstmalig, innovativ, neu, originell*; *актуальный, инновативный, нетривиальный, новаторский, оригинальный, уникальный*; д) соответствия типу текста и параметрам коммуникации: *adäquat, angemessen*; *добротный, корректный, образцовый*; е) логичности и связности: *konsequent, logisch, nachvollziehbar, schlüssig, stringent*; *непротиворечивый*; ж) обоснованности и достоверности: *fundiert, repräsentativ*; *убедительный*;
- отрицательно поляризованные, реферирующие к критериям: а) полноты и чёткости: *knapp, kurz*; *аспективный, односторонний, поверхностный, скудный*; б) ясности и точности: *unübersichtlich, vage*; *непрозрачный*; в) релевантности: *irrelevant*;

неплодотворный, несостоятельный, нецелесообразный; г) новизны и актуальности: очевидный; д) соответствия типу текста и параметрам коммуникации: *salopp*; е) логичности и связности: *konträr, kontrovers, problematisch*; непоследовательный, неровный, парадоксальный; ж) обоснованности и достоверности: случайный, спекулятивный, спорный, умозрительный, уязвимый;

2) абстрактные существительные:

- положительно поляризованные, реферирующие к критериям: а) полноты: *Aspektreichtum, Dichte, Fülle*; глубина, добросовестность, комплекс, насыщенность, обилие, подробность, полнота, разнообразие, широта, целостность; б) ясности и точности: *Anschaulichkeit, Bildhaftigkeit, Genauigkeit, Klarheit, Transparenz, Verständlichkeit*; в) релевантности: *Beitrag, Bereicherung, Nachnutzbarkeit, Praxisnähe, Relevanz, Verdienst (des Autors)*; достоинство, заслуга, значение, продуктивность, прорыв, важность, ценность; г) новизны и актуальности: *Neue*; новация, новизна, открытие, особенность, уникальность, своевременность; д) соответствия типу текста и параметрам коммуникации: *korrektheit*; е) логичности и связности: *Kohärenz, Nachvollziehbarkeit, Schlüssigkeit, Stringenz*; концептуальность, последовательность; ж) обоснованности и достоверности: *Fundament, Objektivität, Reflexion, Reliabilität, Reproduzierbarkeit, Stärke*; достоверность, скрупулёзность, основательность, репрезентативность;
- отрицательно поляризованные, реферирующие к критериям: а) полноты и чёткости: *Ausklammerung, Mangel, Nachholbedarf, Reduktionismus, Redundanz*; лакуна, недостаток, нехватка, пробел; б) ясности и точности: *(Tipp-, Grammatik- ...)Fehler, Monitum, Ungenauigkeit, Unschärfe*; неоднозначность; в) соответствия типу текста и параметрам коммуникации; *небрежение*; г) логичности и связности: *диссонанс, несбалансированность, неструктурированность*; д) обоснованности и достоверности: *Pauschalität, Schwäche, Schwachpunkt, Schwachstelle*; спорность;

3) глаголы (и причастия):

- положительно поляризованные, реферирующие к критериям: а) полноты: *berücksichtigen, erhellen, komprimiert*; углублять, разработанный; б) ясности и точности: *veranschaulichen, einleuchtend*; облегчать (+ понимание/восприятие), в) релевантности: *bereichern, ermöglichen, leisten*; стимулировать (дальнейшее развитие научной дисциплины), позволять, способствовать, справиться, уловить; г) соответствия типу текста и параметрам коммуникации: *geeignet*; д) логичности и связности: *выверенный*; е) обоснованности и достоверности: *plausibilisieren, durchdacht, überzeugend*;

- отрицательно поляризованные, реферирующие к критериям: а) полноты и чёткости: *aussparen, behindern, hapern, leiden, mangeln, schmälern, überbetonen, vernachlässigen mangelnd*; *ausgeblendet, ausgeklammert, begrenzt*; *недоставать, перегруженный*; б) ясности и точности: *irreführend, schematisierend*; в) соответствия типу текста и параметрам коммуникации: *störend*; г) логичности и связности: *herausstechen*; *противоречить*;

4) наречия:

- положительно поляризованные, реферирующие к критериям: а) полноты: *всесторонне, детально, кратко, подробно, тщательно*; б) ясности и точности: *доходчиво, корректно, наглядно, точно, чётко*; в) новизны и актуальности: *впервые*; г) логичности и связности: *логично, последовательно*; д) обоснованности и достоверности: *обоснованно, убедительно*;
- отрицательно поляризованные, реферирующие к критериям: а) соответствия типу текста и параметрам коммуникации: *нехарактерно*; б) логичности и связности: *дисгармонично*.

Кроме того, в ряде контекстов было зафиксировано использование устойчивых сочетаний для эксплицитного оценивания рецензируемого труда. Например: *den roten Faden verlieren, ein Sahnehäubchen sein, sich wie aus einem Guss lesen*; *вносить лепту, дежурная цитата, проливать свет*.

Рассматривая средства конструирования оценочности в рецензиях, отметим тот факт, что эксплицитно-оценочные лексические единицы могут сопровождаться в контекстах грамматическими маркерами, которые не обладают оценочной семантикой в системе языка, но в живой речи инициируют оценочную интерпретацию контекстов [Nefedov 2022: 1701]. На материале текстов научно-исследовательской социокоммуникативной практики С. Т. Нефедов выделяет такие средства в категорию *катализаторов оценки*, противопоставленную категории *носителей оценки* [Nefedov 2022: 1710]. Исследователь анализирует использование *катализаторов оценки* в оценочных импликатурах, что, однако, не исключает их появления в контекстах с эксплицитными оценками. Так, в числе грамматических средств, свойственных контекстам с включением эксплицитных рациональных оценок в нашем корпусе, можно выделить двойные союзы *nicht nur, sondern auch; sowohl ... als auch; не только ... , но и; zwar ... aber; (eben)so ... wie; как ... так и; ни ... ни*, а также предлог *neben* и наречия *zudem* и *außerdem*. Использование перечисленных единиц позволяет «наслаивать» оценочные характеристики в контексте, что повышает риторическое воздействие на реципиента рецензий:

- (12) *Neben vielen Beispielen rekapituliert der Autor auch einige empirische Studien* (Briese 2017: 319).
- (13) *Moderne Pragmatik. Grundbegriffe und Methoden ist eine umfassende Einführung in viele Aspekte der linguistischen Pragmatik, welche nicht nur verständlich ist, sondern auch die übergeordnete Thematik nicht aus den Augen verliert. Es kann damit sowohl Laien als auch geübten Lesern, die Inhalte der Pragmatik nahebringen* (Briese 2017: 322).
- (14) *Um ihren in den ersten fünf Kapiteln zwar überzeugend, aber doch zuweilen sehr abstrakt vorgestellten theoretischen Ansatz zu veranschaulichen, widmen sich Hausendorf et al. in den Kapiteln 6 bis 11 in Form von Beispielanalysen eingehender den von ihnen postulierten Lesbarkeitsmerkmalen* (Weidacher 2019: 32).
- (15) *Es folgt im dritten Teil eine ebenso knappe wie prägnante Darstellung der Rolle des Internet als „Infrastruktur der Vernetzung und Integration aller klassischen Medien“* (Fix 2017: 140).
- (16) *Добавим, что ни в отдельных статьях (за исключением статьи Х.-М. Гертнера), ни в конце монографии нет списка сокращений и даже расшифровки глосс, многие из которых далеко не тривиальны* (Панов 2018: 137).
- (17) *Как и каждая книга Е. В. Падучевой, монография «Эгоцентрические единицы языка» отражает не только определенный этап ее научного творчества, но и целое направление в науке о языке* (Кустова 2020: 128).

2.7.2. Средства эксплицитной эмоциональной оценки

Несмотря на то, что рационально-мотивированные эксплицитные оценки преобладают в корпусе нашего исследования, эмоциональная оценочность тем не менее составляет заметный аксиологический пласт в научно-экспертных текстах. Относя рациональные оценки к тем или иным аспектам рассматриваемого научного труда, авторы рецензий нередко выражают свои психоэмоциональные реакции — положительные и отрицательные впечатления от рецепции рецензируемого текста:

- (18) *Dennoch gibt das Analysebeispiel einen spannenden Einblick in Geschichte und Debatte um die künftige Nutzung des Tempelhofer Feldes und führt die „Notwendigkeit des öffentlichen Diskurses“ vor* (Römer 2017: 201).
- (19) *Vor allem die umfassende theoretische Fundierung beeindruckt* (Weidacher 2019: 33).

- (20) Меня **восхищает** беспримерный труд ученого, который сумел возглавить работу такого большого интернационального коллектива исследователей-энтузиастов и народных информантов (Романова 2017: 237–238).
- (21) Перечень источников, на основании которых он [мстинский каталог] подготовлен, **впечатляет**: их более сотни (Шмелёва 2018: 265).
- (22) *Zu vermuten ist, dass keine wirkliche Endredaktion der Arbeit erfolgte. Das ist **ausgesprochen schade*** (Spieß 2016: 247).
- (23) ***Verwunderlich** ist hingegen, dass die deutschsprachige Pragmatik (vgl. Rolf 2013) kaum und einige größere Theorieentwürfe (vgl. Brandom 2000) nur am Rande behandelt werden* (Briese 2017: 323).
- (24) *И все же, даже не выходя за пределы теоретических вопросов, **удивительно**, что за рамками обзора осталась, например, французская антропологическая школа, представители которой много сделали для развития антропологической теории именованя* (Горяев, Спиридонов 2016: 206).
- (25) *Также приводятся прилагательные, образованные от названия населенного пункта, и именованя жителей. Это практически необходимый материал, хотя **жаль**, что нет ударений и грамматических помет* (Королёва 2018: 253).

По результатам контекстно-семантического и структурно-грамматического анализа можно выделить следующие группы лексико-грамматических средств, используемых для языкового маркирования эмоциональной оценочности в контекстах лингвистических рецензий на немецком и русском языках:

1) прилагательные:

- положительно поляризованные, выражающие: а) интерес: *ansprechend, attraktiv, eindrucksvoll, interessant, kurios, spannend*; *интересный, забавный, привлекательный, впечатляющий, небезынтересный, увлекательный, заманчивый*; б) удивление: *erstaunlich*; в) радость, удовлетворение: *phantastisch; приятный*;
- отрицательно поляризованные, выражающие: а) сожаление: *bedauerlich*; *досадный, неутешительный*; б) удивление: *verwunderlich, seltsam, befremdlich, merkwürdig*; в) недовольство/раздражение: *anstrengend*; г) беспомощность: *ratlos*;

2) существительные:

- положительно поляризованные, выражающие: а) интерес: *Interesse; интерес*; б) радость: *радость, удовольствие*;

- отрицательно поляризованные, выражающие а) сожаление: *soжаление*; б) недовольство/раздражение: *Irritation*; в) беспокойство: *Unruhe*;

3) наречия:

- положительно поляризованные, выражающие: а) интерес: *interessanterweise*; *любопытно*, *интересно*; б) удивление: *удивительно*; в) радость: *glücklicherweise*;
- отрицательно поляризованные, выражающие а) сожаление: *leider*, *schade*, *досадно*; б) удивление: *странно*; в) недовольство/раздражение: *seltamerweise*;

4) глаголы (и причастия):

- положительно поляризованные, выражающие: а) интерес: *anregend*; б) радость, вдохновение: *inspirierend*, *beeindruckend*, *faszinierend*; *радовать*, *восхищать*; *утешающий*;
- отрицательно поляризованные, выражающие а) сожаление: *enttäuschen*; *сожалеть*; б) удивление: *wundern*, *verwundern*, *befremden*, *удивлять*; в) недовольство/раздражение: *irritieren*, *frappiert*, *frappierend*, *überrascht*, *verwirrend*, *verwirrt*, *überraschend*, *ermüdend*; *озадачивать*.

В ряде эксплицитно-оценочных контекстов эмоциональность сигнализируют устойчивые словосочетания, такие как: *sich verwundert die Augen reiben*; *читаться на одном дыхании*, *заслуживать внимания*, *привлекать внимание*, *представлять интерес* и т. д. Словосочетание с компонентом *интерес*, так же, как и другие средства вербализации заинтересованности рецензента, может функционально сближаться со сферой дискурсивных маркеров, которые призваны акцентировать значимые для рецензента аспекты рассматриваемого труда и сориентировать читателя в тексте рецензии. Так, маркеры интереса автора рецензии нередко встречаются в текстовых блоках, нацеленных на рекомендацию рецензируемой монографии потенциальному читателю:

(26) *Das Buch erfüllt somit auch den Anspruch, als Einführung in ein für Studierende und eine allgemeinere Öffentlichkeit interessantes Thema zu dienen* (Marten 2019: 390).

(27) *Нет сомнений, что эти сведения будут интересны не только специалистам в области ономастики, но и широкому кругу дериватологов* (Голомидова 2016: 246).

2.8. Стратегии имплицитного оценивания в научно-экспертных текстах на немецком и русском языках

Исследователи уже не раз отмечали тяготение научных рецензий к оперированию непрямыми стратегиями оценки [Sager 1982; Нефедов 2018], к использованию высказываний, оценочность которых конструируется и выявляется в вербальном, ситуативном и социокультурном контексте, релевантном для интерпретации исходно ассертивных единиц в аксиологическом ключе [Радбиль 2011: 570]. Такие высказывания имплицитно апеллируют к системе ценностей, разделяемых авторами и адресатами оценок [Shaw 2004: 122–124]. При этом их имплицитность носит интендированный характер [Thomas 1995: 119] и имеет коммуникативно-функциональный потенциал.

В описании коммуникативных разновидностей непрямого оценивания в текстах нашего исследования мы опираемся на классификацию С. Т. Нефедова [Nefedov 2019]. В статье автор реконструирует оценочный профиль немецкоязычной рецензии, приводит количественные данные относительно плотности эксплицитных и имплицитных экспертных оценок различной полярности в текстах и выделяет такие стратегии скрытого выражения оценок, как: 1) импликация положительной или отрицательной оценки посредством сообщения информации, констатации факта; 2) импликация положительной оценки посредством выражения согласия с точкой зрения автора рецензируемого труда; 3) импликация отрицательной оценки «от обратного»; 4) импликация отрицательной оценки посредством рекомендации; 5) импликация положительной оценки посредством противопоставления авторского научного результата результатам предшественников [Nefedov 2019: 1876–1882].

Обращает внимание несимметричная полярность оценок, имплицитно актуализированных в контекстах экспертно-оценочной коммуникации. В случае импликации оценок «от обратного» доминирование отрицательной полярности представляется логичным, так как рецензент констатирует отсутствие значимого элемента в рецензируемой работе — отмечает недостаток в прямом смысле слова. Однако в отношении оценок, реализованных в рамках стратегии «согласие с автором», нельзя исключать возможность скрытой реализации отрицательной оценки — через выражение несогласия с авторской позицией. Возможность импликации оценок как позитивной, так и негативной полярности можно предположить и для других стратегий имплицитной реализации оценок [Кондратенко 2021: 52]. Проведённый контекстно-семантический и функционально-прагматический анализ позволил нам подтвердить эти предположения и,

помимо уже известных стратегий непрямого оценивания, выделить ряд новых коммуникативных стратегий оценочной импликации (см. Табл. 1):

Таблица 1 — Стратегии имплицитной экспертной оценки.

	Стратегия	Полярность	
		+	–
1	Имплицитная оценка посредством констатации фактов	+	–
2	Имплицитная оценка посредством выражения согласия или несогласия с позицией автора	+	–
3	Имплицитная оценка посредством рекомендации, адресованной автору рецензируемой монографии		–
4	Имплицитная оценка посредством рекомендации, адресованной реципиенту рецензируемой монографии	+	
5	Имплицитная оценка «от обратного»	+	–
6	Имплицитная оценка авторского вклада на фоне ранее опубликованных научных результатов	+	–
7	Имплицитная оценка посредством прямого или косвенного вопроса		–
8	Имплицитная оценка рецензируемой монографии посредством оценки профессионализма автора рассматриваемого труда	+	
9	Имплицитные оценки, включённые в такие экспрессивы, как пожелание, поздравление, благодарность и т. д.	+	
10	Макростратегия полярной компенсации	+ → –	– → +

Согласимся с С. Т. Нефедовым также и в том, что случаи имплицитно-оценочных контекстов с нулевым присутствием в них вербальных маркеров ситуации оценивания, сопоставления следует считать крайней формой проявления имплицитного содержания [Nefedov 2022: 1701].

Анализ эмпирического материала исследования позволяет утверждать, что имплицитные оценки, реализованные в рамках той или иной стратегии, как правило, всё же сопровождаются средствами, указывающими на необходимость интерпретации контекста как оценочно-насыщенного. Среди таких средств можно выделить наиболее характерные для конкретной стратегии — например, формы сослагательного наклонения в оценке, реализованной посредством рекомендации или же эксплицитно- и имплицитно-отрицательные средства в оценке «от обратного» и т. д. Подобные грамматические единицы, наряду с коннекторами, модально-эпистемическими компонентами, модальными глаголами и прагматическими частицами С. Т. Нефедов относит к *катализаторам оценки*, использование которых продиктовано ситуацией сравнения, лежащей в основе оценочных действий [Nefedov 2022: 1706–1710].

2.8.1. Оценка, реализованная посредством констатации фактов

Применительно к познавательным оценкам в научно-исследовательской социокоммуникативной практике С. Т. Нефедов отмечает случаи модализации высказываний. В ходе этого процесса иллокуция утвердительных высказываний может претерпевать заметные семантико-коммуникативные изменения: так, ассертивные высказывания наделяются способностью демонстрировать степень достоверности, с которой автор сообщает те или иные сведения [Нефедов 2021: 766]. Анализ эмпирического материала исследования позволяет перенести рассуждения о модализации высказываний на научно-экспертные тексты. В академических рецензиях ассерции также могут изменять свою иллокуцию в сторону позитивной или негативной оценочности. С помощью констатации фактов автор рецензии может имплицитно положительную оценку аспектов первичной научной работы:

(28) *Höflichkeit wird hier verstanden als ein Element im Rahmen der Praktiken zur sozialen Konstruktion der Alltagswirklichkeit. Es wird deutlich, dass der Autor damit an wissenssoziologische und im weiteren Sinne konstruktivistische Begriffe von Kommunikation und von Höflichkeit anknüpft* (Ehrhardt 2017: 73).

(29) *Diese — hier gekürzt vorgestellt — Aufzählung arbeitet die wertenden Potentiale der Sprache heraus und demonstriert, wie tief Wertungen in der Sprache verankert sind* (Ballstaedt 2020: 303).

- (30) Заметим, что это, пожалуй, единственная глава в рецензируемой книге, автор которой **демонстрирует вполне основательное знакомство с российской ономастической теорией** (Горяев, Спиридонов 2016: 213).
- (31) В центре исследовательских интересов авторов словаря **находятся наиболее острые проблемы современной науки** (Богданова 2019: 847).

В приведённых фрагментах сообщения о фактах, касающихся рецензируемых работ, получают дополнительное аксиологическое измерение. Оценочность конструируется реципиентом рецензии в ходе интерпретации контекстов: ожидается, что воспринимающий субъект сможет декодировать зашифрованное скрытое обращение к принципам и стандартам исследовательской деятельности — необходимости придерживаться актуальных теорий и методов (28), (30); (31); ясности и точности (29). Несмотря на имплицитный характер оценок, реализованных посредством констатации того или иного положения дел, в ряде контекстов можно выявить языковые маркеры, указывающие на возможность интерпретации ассертивного высказывания в оценочном ключе. В качестве такого маркера, например, можно рассматривать глагол *demonstrieren* и его русскоязычный эквивалент *демонстрировать* в контекстах (29) и (30). В структуре значения этого глагола присутствует сема наглядности, которая может коррелировать с критерием ясности и чёткости — одним из типичных оснований экспертных оценок.

Потенциалом маркеров оценочного высказывания, реализованного как констатация факта, обладают и другие глаголы, используемые для описания речемыслительных действий автора — см. *darstellen, entwickeln, benennen* в (32). Кроме того, в некоторых контекстах отмечается использование грамматических средств, типичных для квалифицирующих высказываний — см. двойной союз *как, так и* в (33).

- (32) *Die Autorin **vermag** die wesentlichsten Themen verständlich **darzustellen, entwickelt** Wechselbezüge, **benennt** nach der Darstellung theoretischer Konzepte auch kritische Positionen dazu* (Heilmann 2019: 184–185).
- (33) *При анализе материала автор пользуется **как** имеющимися лингвистическими исследованиями, **так и** собственными этимологическими разработками, выполненными на высоком профессиональном лингвистическом уровне* (Смирнов 2017: 226).

Как уже отмечалось ранее, выражение оценки посредством констатации фактов может получать не только положительную, но и отрицательную поляризацию. Так, в примере (34) рецензент имплицитно квалифицирует выборку участников опроса в рамках исследования как недостаточно репрезентативную (эксплицитно сообщается, что в число опрошенных вошли, в первую очередь, коллеги автора и «коллеги коллег»). В (35) критерий репрезентативности применяется к материалу исследования, в то время как в (36) производится имплицитная оценка

объектов авторских размышлений на основании критерия актуальности и релевантности (эксплицитно заявляется, что рассматриваемые автором труды не относятся к прогрессивным течениям научной мысли).

- (34) *Die Befragten rekrutieren sich in erster Linie aus dem Netzwerk des Autors, das sich dieser in 30 Jahren intensiver Forschungstätigkeit aufgebaut hat. <...> Darüber hinaus wurden Forscher befragt, die von Kollegen als Gewährspersonen empfohlen wurden* (Bülow 2016: 138).
- (35) *Даже французские гуманисты, герои второй главы, попадают в поле зрения автора в той мере, в которой они вовлечены в культурную орбиту ренессансной Италии* (Жолудева 2018: 152).
- (36) *Лингвистические сочинения, послужившие предметом исследования в главах 4 и 5, несомненно, весьма оригинальны, но на общем фоне выглядят скорее как боковая ветвь развития лингвистической мысли* (Жолудева 2018: 152).

2.8.2. Оценка, имплицированная посредством выражения (не)согласия с позицией автора рецензируемого труда

В обсуждении параметров научно-экспертной коммуникации мы не раз указывали на диалогичность как признанное свойство академических рецензий. Многоголосие позиций участников научно-экспертного общения позволяет интерпретировать контексты, в которых рецензент выражает своё согласие или несогласие с авторскими утверждениями, как оценочно-насыщенные.¹⁴ Соглашаясь с автором рецензируемого труда, рецензент имплицитно квалифицирует представленные автором положения как релевантные, значимые для рассмотрения научных вопросов:

- (37) ***Zu Recht** kann Wörgötter ihre Studie als mögliches allgemeingültiges Modell für eine sprachwissenschaftliche und literaturwissenschaftliche Analyse literarischer Texte deklarieren* (Reinhardt 2018: 130).
- (38) ***Zutreffend** merkt sie dazu an, dass der kreative Umgang mit und das Durchbrechen von (Textsorten-)Mustern (wofür gute wissenschaftlich Schreibende ja häufig gerühmt werden) eine Kenntnis gerade dieser Muster voraussetzen* (Gruber 2020: 130).

¹⁴ Об аналогичных контекстах в научных статьях, а также об актуализации авторской позиции на фоне критики верифицированного знания см. [Кондратенко 2020: 264–265].

(39) *Соглашаясь с автором предисловия, добавим, что такое небрежное отношение к науке о географических названиях порождает ложное впечатление, что изучением топонимии может успешно заниматься неспециалист, не обладающий навыками лингвистического анализа* (Гейн 2019: 13).

(40) *К примеру, Nannerch <...> возводится совершенно резонно к первоначальному Nant Erch <...>, и авторы приводят цепочку развития этой формы как Nant Erch > Nánterch > Nannerch* (Фалилеев 2020: 246).

Оценка, реализованная в рамках данной стратегии, направлена, в основном, на теоретические построения авторов (модели, умозаключения, интерпретации) — (37), (40). Кроме того, встречаются контексты, в которых рецензент выражает согласие с мнением автора относительно аспектов научно-исследовательской деятельности и текстопроизводства: примеры (38) и (39) — характерное тому подтверждение.

В качестве типичных маркеров, сопровождающих оценивание посредством выражения согласия с автором, используются такие лексико-грамматические единицы, как: лексема *zu Recht*; прилагательное *zutreffend*; наречия и прилагательные с семантикой оправданности, обоснованности — например, *резонно, разумно, справедливо*; глагол *begrüßen*; перформативный глагол *zustimmen* или его русскоязычный эквивалент *соглашаться*, указывающие на речевой акт согласия. Возможна контекстуальная интенсификация оценок, реализуемых в рамках рассматриваемой стратегии, за счёт дополнительных лексических средств, см. *совершенно резонно* в (40).

Усиление оценки возможно и в контексте отрицательно-поляризованной квалификации рецензируемой монографии: так, в примере (41) к перформативному глаголу *widersprechen* добавляется прилагательное *energisch*, выполняющее функции обстоятельства образа действия при предикате:

(41) *Energisch widersprechen muss man allerdings der „Auffassung [...], dass es keine nichtmediale Kommunikation gibt“* (Krefeld 2018: 12).

Приведём ещё примеры негативной имплицитной оценки, реализованной через выражение несогласия с авторскими позициями:

(42) *Um die Bedeutungen zu erfassen, analysiert Wildfeuer satzübergreifende grammatische und semantische Relationen und Situationen, in welche die Sätze eingebettet sind. Solche Diskursrelationen würden innerhalb der Germanistik „wenig bis gar keine Beachtung“ (S. 396) finden. Dagegen ist einzuwenden, dass Diskursanalyse immer die Beziehungen zwischen Äußerungen und die Kontextbedingungen fokussiert* (Römer 2017: 197).

- (43) *Однако аргумент, согласно которому «принятие» перспективы адресата неизбежно требовало бы замены пошьль на пришьль, представляется спорным* (Петрухин 2019: 158).

Объектом оценки в (42) выступает утверждение автора о недостаточно подробном рассмотрении грамматических связей, выходящих за рамки предложения, в германистике. Рецензент, знакомый с актуальным контекстом лингвистики дискурса, обоснованно не соглашается с автором. На поверхности текста выражение несогласия сопровождается грамматическими маркерами чужой речи (формой кондиционалиса I и прямым цитированием), которые позволяют рецензенту увеличить дистанцию между своей позицией и позицией рецензируемого автора. Несогласие рецензента маркируется с помощью перформативного глагола *einwenden*, в то время как разделяемое лингвистами знание о круге проблем, типичном для дискурс-анализа, подключается рецензентом к контексту без специальной индикации на уровне текстовых структур.

В (43) оценка направлена на авторский аргумент. Несогласие рецензента выражается с помощью прилагательного *спорный*. Использование кавычек также служит текстовому отображению дистанции между позицией рецензента и аргументацией автора.

Возвращаясь к примеру (42), можем заметить, что перформативный глагол *einwenden*, используемый рецензентом для эксплицитного маркирования своего несогласия, интегрируется в конструкцию *sein + zu + Infinitiv* с модальным значением долженствования. Модальность долженствования может сопровождать и положительно поляризованную оценку, выраженную через согласие: в (41) она достигается за счёт использования глагола *müssen*, в то время как в (44) она снова выводится из конструкции *sein + zu + Infinitiv*, а в (45) — из семантики безличного глагола *следует*. Контекст (46) представляет собой пример реализации другой модальности — модальности возможности, выразителем которой становится модальное слово *можно*. Согласие и несогласие рецензента в нижеприведённых контекстах маркируется с помощью перформативных глаголов *zustimmen*, *согласиться*, *спорить*:

- (44) *Der Verf. Ist unbedingt zuzustimmen bei der Einschätzung, dass Liedtexte bisher recht selten Gegenstand der sprachwissenschaftlichen Forschung seien* (Lenk 2016: 129).

- (45) *Следует согласиться с исследовательницей по поводу отнесения вариантов имен Авдотья, Агафья, Аксинья и др. к числу канонических, несмотря на то, что они не отмечены в святцах* (Супрун 2017: 176).

- (46) *С отдельными этимологиями топонимов, которые при этом приводит автор, можно спорить, но в целом вывод об отсутствии субстратной топонимии обско-угорского происхождения в Восточной Европе представляется достаточно*

убедительным и согласуется с аналогичными выводами других исследователей (Смирнов 2017: 228).

2.8.3. Оценка посредством рекомендации, адресованной автору рецензируемого труда

Аксиологическим потенциалом в научно-экспертных текстах обладают фрагменты, содержащие рекомендации, которые рецензент адресует автору рассматриваемой монографии. В рекомендациях такого рода проявляется высокая степень теоретической и эмпирической рефлексии рецензента в отношении тематических и методологических альтернатив, аспектов научного текстопроизводства и др. переменных научного текста [Gloning 2018: 352]. Будучи опытным исследователем в той же области, что и автор оцениваемого труда, рецензент предлагает и комментирует альтернативы, которые, по его мнению, могли бы улучшить авторский текст.

Экспертные оценки, выраженные посредством рекомендации автору, отличается отрицательная полярность. При этом в контекстах, в которых реализуется обсуждаемая стратегия импликации оценок, могут употребляться положительно-заряженные языковые средства (например, общеоценочные прилагательные *gut*, *besser* и т. п.). Обратим, однако, внимание на то, что позитивно-оценочные единицы в таких контекстах часто используются в сравнительной степени и сочетаются с формами конъюнктива/сослагательного наклонения, которые позволяет рецензенту инсценировать упущенную автором «лучшую» возможность. Таким образом, положительно-поляризованные оценочные элементы оказываются направленными на объекты, мыслимые в идеальной ситуации, которая контрастирует с действительным положением дел:

(47) *Gerade im Vergleich zur Analyse des Phänomens ‚Sprache-Bild-Kohärenz‘ erweist sich die Untersuchung eher als antizipierend; auch wenn sie wichtige Hinweise und Impulse liefern kann, wäre doch eine umfassendere Beschäftigung wünschenswert gewesen, hätte aber wahrscheinlich den Rahmen und die Konzeption des Buches gesprengt* (Markewitz 2018: 178).

(48) *Die Diskussion müsste m. E. zumindest die Tatsache berücksichtigen, dass der Interviewer offensichtlich nicht ganz fließend Deutsch spricht und dass auch diese Tatsache Folgen für das Beziehungsmanagement und die Höflichkeit haben könnte* (Ehrhardt 2017: 75).

- (49) *Die vollzogenen Sprechakte (z. B. Selbstkorrektur vs. Fremdkorrektur, Einwand mit vs. Ohne Hedging) wären an vielen Stellen die viel interessanteren Items gewesen als die ausgezählten Wörter oder Grammatikstrukturen (Bendel Larcher 2016: 33).*
- (50) *На наш взгляд, целесообразнее помещать исследования одноподобных онимов (в данном случае урбанонимов и виконимов) в отдельный специализированный раздел (Гейн 2019: 257).*
- (51) *Термин [превращенные в названия «этикетные формулы»] и примеры Т. В. Шмелевой. Корректнее было бы говорить о «высказываниях-клише» (Соколова 2018: 200).*
- (52) *Как пожелание, хотелось бы также увидеть анализ более широкого спектра лексики, указывающего на успешную и имущественную составляющую жизни российского общества (удача, успех, роскошь, богатство) (Збенович 2017: 930).*

Обращение к ситуации, которая «могла бы сложиться при определённом стечении обстоятельств», поддерживается на уровне лексических единиц и грамматических структур. Так, в оценке посредством рекомендации автору рецензируемой монографии включаются формы страдательного залога конъюнктива (зачастую с модальными глаголами) в немецком языке и сослагательного наклонения в русском: *wäre es... gewesen; hätten... werden können / müssen, хотелось бы* и др., а также прилагательные и наречия в сравнительной степени (в т. ч. аналитические формы с *более*): *interessantere, целесообразнее, корректнее* и т. д.

2.8.4. Оценка посредством рекомендации, адресованной реципиенту рецензии

Помимо импликации оценки посредством рекомендации автору в корпусе исследования выделяется стратегия имплицитного оценивания посредством рекомендации потенциальному реципиенту рецензируемой монографии. Принимая во внимание полиадресатность экспертной оценки в рецензиях, уточним, что рекомендация, о которой идёт речь в настоящем подразделе, направлена не на автора или издателя рецензируемой монографии, а на круг его коллег, специализированное научное сообщество, представителем которого является автор, и научное сообщество в целом. Приведём примеры:

- (53) *Insgesamt handelt es sich um ein äußerst empfehlenswertes Studienbuch, das Lernenden helfen kann, das Themenfeld Argumentation zu verstehen, und in dem auch*

Wissenschaftskolleginnen und -kollegen Neues und Interessantes und neue Blickwinkel werden entdecken können (Heilmann 2019: 187–188).

- (54) *Wer eine knappe und trotzdem sehr verständliche Zusammenfassung der wesentlichen Gedanken der CDST sucht, dem sei dieses Kapitel **wärmstens empfohlen*** (Bülow 2016: 141).
- (55) *Hierfür, aber noch viel mehr für die reflektierte Auseinandersetzung mit dem Konzept Stil und für seine Implementierung in die Textlinguistik **kann** die Einführung von Hoffmann **ohne Einschränkung empfohlen** werden für Studierende aller Semester wie auch für Promovierende* (Brommer 2019: 62).
- (56) *В дидактическом отношении книга Нессета, по нашему мнению, превосходит все остальные доступные учебные пособия — и, несмотря на англоязычность, **может быть рекомендована** как базовый учебник по курсу исторической грамматики* (Козлов 2017: 130).
- (57) *По охвату материалов, степени подробности и логическому разбиению данный раздел сборника не вызывает вопросов и **может быть рекомендован** как исчерпывающий список источников для всех интересующихся разноаспектным научным освещением географических названий* (Гейн 2019: 257).
- (58) *В последней книге Е. В. Падучевой, как и в предыдущих ее трудах, **каждый читатель, несомненно, найдет** пищу для размышлений и стимулы для будущих исследований* (Кустова 2020: 134).

В то время как оценивание посредством рекомендации автору тяготеет к негативной поляризации, оценка через рекомендацию реципиенту фиксируется исключительно в позитивно-поляризованном варианте и, как правило, встречается в заключительной части рецензий. Фрагменты, в которых рецензент рекомендует рассматриваемый труд читателю, сопровождают, а в некоторых случаях и завершают итоговое оценочное резюме рецензента.

Лингвоаксиологический анализ позволяет выделить в числе оснований оценки такой критерий как соответствие рецензируемой монографии заявленному типу текста — см. примеры (53) и (56), содержащие в т. ч. эксплицитные номинации текстотипов: *Studienbuch, учебник*. Выраженное внимание к дидактическому потенциалу рассматриваемого труда связано с учётом потребностей широкого круга реципиентов рецензируемой монографии, в который могут входить студенты и молодые исследователи.

Большинство приведённых примеров демонстрируют тенденцию оценок, реализованных как рекомендация читателю, к усилению за счёт ввода модальных компонентов: см. наречие *несомненно* в качестве выразителя уверенности рецензента в сказанном (58), а также модальность

долженствования, выраженную с помощью конструкции *es + sei(en) + Partizip II*, типичной для научных текстов (54).

2.8.5. Оценка, реализованная в рамках стратегии «от обратного»

Обратимся теперь к механизму оценки, реализованной по принципу «от обратного». В ходе оценивания сегмента нового научного знания, выраженного в рассматриваемой публикации, рецензент может отмечать его соответствие требованиям, предъявляемым исследовательским сообществом к научному труду. В этом случае оценка оказывается положительно заряженной. Однако, в ряде контекстов рецензент может констатировать отсутствие необходимых признаков образцовой научной работы в рецензируемой монографии. В таком случае формулируется негативно поляризованная оценка. По аналогии, экспертных оценок со знаком «—» заслуживает присутствие нежелательных признаков в рецензируемом труде, а отсутствие нежелательного признака в работе может получить положительную оценку рецензента.

Последнее необходимо принять во внимание при описании специальных языковых показателей, свойственных стратегии оценивания «от обратного» в научно-экспертных текстах. Так как данная стратегия акцентирует отсутствие какого-либо признака в рецензируемом труде, её характерным элементом будет отрицание, выраженное эксплицитно- и имплицитно-отрицательными языковыми средствами. Заметим, однако, что наличие позитивно-поляризованных контекстов, в которых рецензент акцентирует отсутствие нежелательного признака в работе, свидетельствует о том, что негативная семантика лексико-грамматических маркеров изучаемой стратегии далеко не всегда выстраивает рамку восприятия для отрицательных оценок.

Проведённый структурно-грамматический, контекстно-семантический и функционально-прагматический анализ немецко- и русскоязычных лингвистических рецензий позволил выявить некоторые эксплицитно- и имплицитно-отрицательные языковые средства, задействованные в реализации стратегии имплицитного оценивания «от обратного» [см. также Кондратенко 2021: 92–94]:

1. средства отрицания на уровне словообразующих морфем: префиксы *un-*, *unter-*, *ne-*, *dis-* с отрицательным значением: а) в причастиях, прилагательных и наречиях, например, *unberücksichtig*, *unerwähnt*; *неоднородный*, *неясный*, *невыясненный*; *неудачно*, *неясно*,

дисгармонично; б) в существительных: *Ungleichgewicht, Unterrepräsentation; диссонанс, неоднозначность, неточность*; в) в глаголах: *недоставать*;

2. средства отрицания на морфологическом и синтаксическом уровне языковой организации:

2.1. отрицательная частица *nicht*: а) в функции общего предикативного отрицания (часто в сочетании с глаголами и отглагольными существительными, обозначающими речемыслительные действия и их результаты, см. *etw. Wird nicht erörtert, vorgenommen; etw. Ist nicht zu finden, eine genaue Darstellung erfolgt nicht*); б) в функции частного отрицания, например, *etw. Ist nicht immer klar, deutlich*; отрицательная частица *не* в русскоязычном подкорпусе: *не делают очевидной, не подтверждают*;

2.2. *нет* в функции предикатива, например: *вообще нет указаний на ч.-л.*;

2.3. отрицательные частицы: *вряд ли, едва ли*;

2.4. отрицательные местоимения *nichts, kein*;

2.5. отрицательное наречие *keineswegs*;

2.6. *ohne* в функции предлога в предложных словосочетаниях (в русскоязычных рецензиях зафиксировано использование *без* в той же функции) и в функции союза в инфинитивной конструкции с отрицательным значением *ohne + zu: ohne explizite Definition anzugeben*;

3. имплицитно-отрицательные лексемы различной частеречной принадлежности:

3.1. глаголы: *fehlen, fehlschlagen, irritieren, mangeln, vermissen, verstoßen gegen etw.*; *игнорировать, лишать; нарушаться, нуждаться* (например, *нуждается в пояснениях*), *отсутствовать, ограничиваться, противоречить, упускать (возможность)*;

3.2. наречия: *ограниченно, мало*;

3.3. причастия в предикативной и атрибутивной функции: *vernachlässigt, mangelnd, fehlend*;

3.4. существительные: *Ausklammerung, Lücke, Mangel, Vernachlässigung; пробел, отклонение, опущение*.

Переходя от классификации лексико-грамматических средств-индикаторов стратегии оценивания «от обратного» к конкретным примерам оперирования данной стратегией в лингвистических рецензиях на немецком и русском языках, отметим преобладание отрицательно-поляризованных оценок, реализованных в соответствии с рассматриваемой стратегией:

- (59) *Nähere Erläuterungen dazu, wie diese Kategorien [nichtsprachliche Kriterien, undeutliche Urteile, kurze Urteile, detaillierte Sprachurteile] gebildet worden sind und vor allem, wie in der Analyse die Zuordnung der einzelnen Kritiken zu einer dieser Kategorien erfolgt ist, **sind nicht zu finden** (Schiewe 2016: 193).*
- (60) *Es ist merkwürdig, dass der Autor den massiv abwertenden Sprechakt der Beschimpfung und die strafrechtliche Konsequenz der Beleidigung **nicht berücksichtigt**. **Nur am Rande** werden Phänomene wie Mobbing in Institutionen oder Dissens in sozialen Netzwerken angeführt (Ballstaedt 2020: 302).*
- (61) *Чего в этой части книги **нет**, так это демонстрации возможностей обратного словника гидронимов (Шмелёва 2018: 270).*
- (62) ***Без** внятного определения топоидеограммы предлагаемая автором «система выявления идеографической парадигматики <...> ономастических корней и основ» не сможет работать в указанных целях «сравнительно-исторического анализа на уровне лексических праформ» (Гейн 2019: 258).*

В приведённых примерах рецензенты отмечают: произвольное выделение категорий анализа и недостаточную обоснованность такого выделения в тексте (59); невнимание автора к конкретным речевым актам при описании негативных эмоционально-оценочных речемыслеительных действий (60); отсутствие описания особой формы организации лексических единиц в словаре (61); отсутствие ясного определения понятия, центрального для теоретических построений автора (62). С помощью разнородных языковых индикаторов оценки «от обратного» — отрицательной частицы *nicht*, предикатива *нет*, предлога *без*, предложно-субстантивные словосочетания с частицами ограничительной семантики: *nur am Rande*, указывающего на периферийное рассмотрение значимых вопросов, — рецензенты актуализируют в контексте нарушение таких критериев научной рациональности, как полнота, обоснованность/логичность, точность/чёткость.

По сравнению с отрицательными оценками «от обратного» положительно-поляризованные контексты, реализованные по принципу «отсутствие нежелательного признака», редки. Тем не менее, они фиксируются как в немецко-, так и в русскоязычном подкорпусах исследования:

- (63) *Nur durch eine solche Explikation, die **keineswegs simplifizierend** ist, kann ein hohes Maß an intersubjektiver Nachvollziehbarkeit, die ja immer noch eine Art Kernkriterium wissenschaftlicher Güte für (diskurs)linguistisches Arbeiten ist, hergestellt werden (Römer 2017: 201–202).*

- (64) *Как мы заметили раньше, Т. Нессета нельзя обвинить в невнимании к российским палеославистам и палеорусистам; учебник чаще всего отражает как новые эмпирические открытия, так и современные интерпретации данных* (Козлов 2017: 131).

В то время, как в (63) рецензент позитивно оценивает авторское изложение результатов исследования, которое не имеет ничего общего (подразумевается, что и не должно иметь) с упрощением, в (64) акцентируется внимание зарубежного автора к достижениям российских исследователей. Косвенная оценка со знаком «+» апеллирует к таким критериям научного изложения, как ясность, объективность, доказательность и воспроизводимость (к последней рецензент обращается напрямую, используя эксплицитные номинации *Nachvollziehbarkeit*, *Kernkriterium*), а также к необходимости знать актуальный контекст изучения вопроса не только в рамках национальной лингвистики, но и за её пределами. Положительная оценка усиливается за счёт употребления отрицательного наречия *keineswegs* и множественных аннигилирующих отрицаний (двойное отрицание в результате даёт оценку со знаком «+») — см. предикатив *нельзя*, глагол *обвинить* и существительное с характерным негативным префиксом *невнимание*.

В завершение обсуждения стратегии оценивания «от обратного» отметим, что на её примере в очередной раз (см. наблюдения других исследователей [Hunston 2011: 16; Данилевская 2013: 41]) доказывается и наглядно демонстрируется тенденция оценок к контекстной реализации в скоплениях. Так, в (60) рецензент сопровождает рациональную имплицитную оценку «от обратного» выражением негативной эмоции — удивления (*es ist merkwürdig*) по поводу отсутствия в тексте тех или иных содержательных аспектов. Из проанализированных корпусов следует, что ещё более характерной эмоцией, сопровождающей оценку в рамках стратегии «от обратного», оказывается сожаление об отсутствующих признаках в рассматриваемой монографии:

- (65) *Leider mangelt es an einem expliziten Rahmentext, der nicht nur zur „Politolinguistik“ hinführt und den roten Faden erläutert, sondern vor allem auch Desiderata benennt* (Vogel 2016: 155).

Кроме того, стратегия оценивания «от обратного» нередко реализуется в связке с предложением альтернативных решений, которые способствовали бы улучшению рецензируемой монографии. Приведённый ниже пример призван продемонстрировать контекстуальное взаимодействие трёх разновидностей отрицательной оценки — имплицитной оценки посредством рекомендации автору, имплицитной оценки от «обратного» и эксплицитной эмоциональной оценки:

- (66) *Здесь очень уместными были бы* указания на страницы книги, где подробно рассматриваются те или иные фамилии и прозвища, но, к сожалению, желательные в данном случае указатели ономастической лексики **отсутствуют** (Плотникова 2020: 258).

2.8.6. Оценка авторского вклада на фоне ранее опубликованных научных результатов

В оценках авторского вклада в сопоставлении с достижениями предшественников, находит отражение дихотомия «своё-чужое», релевантная для научной коммуникации в целом. Основанием для оценок в рамках рассматриваемой стратегии служит критерий новизны и актуальности результатов исследования:

- (67) *Bendel Larcher weitet ihr Modell auf die Ebene der Gesellschaft aus – ein Schritt, den andere Diskurslinguisten wie Niehr (2014) oder Spitzmüller und Warnke (2011) nicht tun* (Senoner 2016: 238).
- (68) *Die Verf. legt ihrer Untersuchung ganz offenbar einen in der Textsortenlinguistik seit langem überholten, sehr statischen Begriff von Textsorte zu Grunde, für die eine feste Matrix „distinktiver Merkmale“ (S. 62) erstellbar sei* (Lenk 2016: 125).
- (69) *Schmitt stellt die These auf, dass die Linguistic Landscape in diesem Sinne ein eigenes Genre sei und somit einen eigenständigen Untersuchungsgegenstand in der Sprachwissenschaft darstelle. Die Gesetzmäßigkeiten von Sprache in der Öffentlichkeit erhalten damit zum ersten Mal die Aufmerksamkeit, die sie verdienen* (Marten 2019: 387).
- (70) *Новый, не имеющий аналогов словарь — бесценный дар языковедам, этимологам, уникальный вклад в мировую науку и культуру* (Романова 2017: 238).
- (71) *В работе показано разнообразие типов эхо-вопросов, которые прежде не всегда учитывались, но получают объяснение в рамках предложенного автором анализа* (Вилинбахова, Маркасова 2020: 154).

Приведённые примеры демонстрируют возможность применения различных оценочных тактик в рамках стратегии сопоставления авторских результатов с актуальным научным контекстом. Так, в (67) рецензент формирует положительную имплицитную оценку на фоне

скрытой негативной оценки «от обратного», обращённой к более ранним моделям дискурса. Контекстуальные антонимы — номинации автора рассматриваемой монографии (*Bendel Larcher*), местоимение *andere*, сопровождающее упоминание других исследователей дискурса, — обеспечивают поддержку дихотомии «своё-чужое», на уровне текстовых структур. Аналогичная тактика реализуется в примере (71).

В (69) и (70) наблюдается использование слов и выражений, актуализирующих в контексте значение новизны, уникальности — см., например, выражение *zum ersten Mal*, посредством которого рецензент представляет автора рассматриваемой монографии как первопроходца в лингвистическом осмыслении языковых ландшафтов, или же выражение *не имеющий аналогов*, сопровождающее положительную эксплицитную оценку по шкале «новизна/повторение уже известного».

Отметим также, что в корпусе исследования были выявлены контексты, в которых полученный автором результат становится объектом отрицательной оценки. Например, в (68) рецензент указывает на то, что авторское исследование строится на модели текстотипа как статичной совокупности признаков. Такое понимание типа текста рецензент квалифицирует как давно устаревшее. Оперирование неактуальными научными сведениями интерпретируется здесь как несоблюдение критерия новизны научного труда, которое неизбежно получает негативную оценку от эксперта. Контекстуальное усиление отрицательной полярности оценочного высказывания достигается за счёт наречия интенсивности *sehr* и словосочетания с темпоральным значением *seit langem*.

2.8.7. Оценка посредством прямого или косвенного вопроса

В работах исследователей научной коммуникации уже освещались некоторые особенности функционирования вопросительных предложений. Так, коммуникативно-функциональный потенциал структур интеррогативной семантики в научном дискурсе подробно рассмотрен С. Т. Нефедовым [Нефедов 2015]. В. Е. Чернявской установлено на материале научно-экспертных текстов, что вопросительные структуры могут выступать в качестве средства экспликации непоследовательности и противоречивости рассуждений автора, создавая тем самым опорную точку для критических доводов рецензента [Чернявская 1995: 18–19]. Изучая метаязыковые комментарии как одно из проявлений исследовательской рефлексии, Н. В. Соловьева рассматривает вопросы, касающиеся выбора терминов, как смягчённую

разновидность *комментария-критики* — негативно-оценочного метаязыкового высказывания [Соловьева 2009: 49]. Л. В. Красильникова замечает, что рецензент «может выступать под маской читателя», от имени которого он формулирует вопросы, оставленные без должного ответа автором монографии. На фоне отсутствия требуемых уточнений вопросы рецензента воспринимаются как отрицательно-оценочные высказывания, иллокутивная сила которых сближается с советом, по мнению исследователя [Красильникова 1999: 77–80]. Однако, на наш взгляд, стратегия импликации отрицательных экспертных оценок посредством вопроса оказывается ближе стратегии имплицитного оценивания «от обратного», так как вопросы в контекстах научных рецензий нередко задают альтернативу (можно даже добавить к вопросу *или*, которое как бы подразумевается), выражают недоумение рецензента относительно отсутствия значимых элементов структуры монографии, необходимых звеньев логических цепочек аргументации и т. п. Приведём примеры:

- (72) *Entgegen den <...> Lieddefinitionen aus deutschsprachigen Lexika und aus polnischen Quellen (Wörterbüchern und Aufsätzen) reduziert sie [die Autorin] das Lied auf die gedruckte, schriftliche Form seines Textes (S. 75) <...>. Woher die analysierte Form der Korpus-Texte genau stammt (von den CD-Booklets? Von einem der zahlreichen Internetportale mit Songtexten? Aus einem gedruckten Songbuch?), bleibt indes unklar* (Lenk 2016: 124–125).
- (73) *Ob das Pragma-semiotische Viereck einen Kommunikationsbegriff ersetzen kann, sollte weiterhin überprüft und diskutiert werden* (Gansel 2020: 70–71).
- (74) *Wenn es um die kommunikative Praxis des Entscheidens geht und damit um Kommunikation, dann stellt sich die Frage, warum nicht ein Kommunikationsbegriff/-modell zugrunde gelegt wird, der/das die komplexe Struktur des „Pragma-semiotischen Vierecks“ weniger überfüllt erscheinen lässt und doch wenig über Kommunikation aussagt* (Gansel 2020: 70).
- (75) *К примеру, на с. 3 сообщается, что названия рек Флинтишра могут быть по происхождению кельтскими, бриттскими или древневаллийскими. Понятно, что бриттский, как и восходящий к нему (древне-)валлийский, относится к кельтским языкам, но что означает включение «кельтского» в эту своеобразную триаду?* (Фалилеев 2020: 243).
- (76) *Затронутая проблематика настолько объемна, что заслуживает отдельного масштабного исследования. И в этом кроется одна из причин, по которым в отношении отдельных авторских версий и представленных в параграфе классификационных решений возникают вопросы* (Голомидова 2016: 246)

(77) *Вообще нет указаний на «народную» терминологию: неужели она совпадает с научной?* (Шмелёва 2018: 265)

Примеры (75) и (77) представляют случаи употребления прямых вопросов, в то время как в (73), (74) и (76) демонстрируется использование косвенных вопросов в качестве отрицательно-оценочных высказываний. В (72) прямые вопросы содержательно поддерживают косвенный вопрос о происхождении текстов, составивших корпус авторского исследования. В риторической перспективе прямые вопросы воспринимаются как нацеленные на полемическое заострение асинхронного диалога субъектов и адресатов экспертной оценки.

Отметим также, что в ряде контекстов наблюдается сочетание рассматриваемой стратегии с другими механизмами импликации экспертных оценок. Так, в (72) последовательности вопросов, указывающих на узость авторского определения песни как текстотипа, сопутствует эксплицитная отрицательная оценка, которая выражена наречием с отрицательным префиксом *un-* — *unklar*. В (74) и (77) имплицитная реализация оценки посредством косвенного вопроса сопровождается констатацией отсутствия необходимого признака в рамках стратегии «от обратного».

2.8.8. Оценка профессионализма автора рецензируемого труда

Уточняя экстралингвистические параметры экспертного оценивания в начале главы, мы акцентировали многовекторность оценки, её направленность на разнородные объекты, в числе которых могут оказаться как формальные, так и содержательные характеристики оцениваемой монографии, а также её автор. Как правило, оценивание профессиональных компетенций рецензируемого автора происходит косвенно, через квалификацию тех или иных аспектов авторского труда. Однако в текстах русскоязычного подкорпуса исследования выявляется и обратная тенденция: прямые оценочные действия рецензентов обращаются на фигуру автора рецензируемой монографии. При этом подразумевается, что положительная оценка профессиональных и личных качеств автора переносится на совокупность авторских трудов: она нередко сопровождается эксплицитными и имплицитными оценками, направленными непосредственно на рассматриваемую работу.

(78) *Научная добросовестность Э. В. Копыловой проявляется во всем: она проанализировала хранящиеся в Государственном архиве Астраханской области*

метрические книги 42 храмов Астрахани, 46 церквей, находящихся в Астраханском уезде, 33 — Енотаевского уезда, 18 — Красноярского, 16 — Царевского, 15 — Черноярского; рассчитала употребление имен с учетом частотности, гендерных характеристик, места обитания их носителей (город — село), сделала срезы по отдельным десятилетиям. Такой труд может быть назван научным подвигом (Супрун 2017: 175).

- (79) **Высокий научно-методологический и методический профессионализм авторов** позволяет просто и доступно продемонстрировать важность понятия внутренней речи для современной антропоцентрической лингвистики, показать динамику значения языковых единиц и факторы, определяющие ее, представить модели порождения и понимания речи (Шаховский 2017: 937).
- (80) Думаю, четвертый том «Субстратной топонимии Русского Севера» является поистине блестящим завершением творческого пути **великого ученого, прекрасного человека и Учителя**, Александра Константиновича Матвеева, и послужит еще поводом для многих продуктивных дискуссий и гипотез (Напольских 2016: 184–185).
- (81) Пользуясь случаем, мы не можем не выразить своей **признательности авторам** за глубокий интерес к обсуждаемым проблемам, научную увлеченность, тонкое чувство русского языка и остроумное его использование, а также глубокое знание русской словесности и любовь к ней (Кривнова 2019: 167).

В вышеприведённых контекстах используются эксплицитные номинации положительных качеств авторов, см. *добросовестность, профессионализм*. Автор предстаёт в тексте как *великий учёный*, увлечённый исследователь, демонстрирующий не только глубину и новизну предлагаемых концепций, но и тщательность аналитической работы, чувство языка, писательский талант. Как следствие, позитивную характеристику получает и представленная автором работа: в (78) проведённое исследование высоко оценивается как *научный подвиг*; в (79) актуализируется релевантность используемых автором понятий, с помощью эксплицитно-оценочных средств подчёркивается доступность и ясность изложения; в (80) эксплицитная оценочность, выраженная прилагательным *блестящий*, поддерживается констатацией релевантности авторской публикации, которая считывается реципиентом как позитивная оценка. В примере (81) оценка профессиональных и личных качеств авторов рецензируемой монографии включается в реализацию другого экспрессивного речевого акта — благодарности (о чём свидетельствует употребление эксплицитных средств, маркирующих иллокутивную силу экспрессива — *выразить признательность*).¹⁵

¹⁵ Подробнее о включённости оценок в экспрессивные речевые акты см. п. 2.9.1.

Контекстуальная реализация одновременно нескольких разновидностей положительных оценок способствует риторическому усилению позитивной оценочности избранных текстовых сегментов. При этом квалификация личных и профессиональных черт автора рецензируемого труда оказывается функционально направлена на поддержание академической репутации рецензируемого автора, на укрепление контакта между субъектом и реципиентом экспертной оценки, а также на самопрезентацию рецензента как компетентного профессионала в своей области, обладающего необходимой эрудицией для оценки авторского вклада в дискурсивном измерении. Исходя из сказанного, следует признать характерным отсутствие отрицательно-поляризованных оценок профессионализма автора рецензируемого труда в корпусе исследования. Кроме того, следует обратить внимание на факт отсутствия оценки профессионализма и других качеств рецензируемого автора в немецком подкорпусе исследования, а также на тенденцию фокусировать статус автора монографии как признанного специалиста в своей области, выявленную в русскоязычных рецензиях других гуманитарных дисциплин [Chernyavskaya 2022: 1691]. Предваряя содержание третьей главы диссертации, заметим, что эти наблюдения дополняют множество штрихов, релевантных для дальнейшего межъязыкового и -культурного сопоставления научных лингвистических рецензий.

2.9. Макростратегии имплицитной экспертной оценки

Как уже неоднократно демонстрировалось на протяжении главы, в ряде контекстов возможно сочетание различно выраженных оценок: эксплицитных и имплицитных, рациональных и эмоциональных, имплицированных с помощью различных стратегий (например, в контекстах, в которых указание на отсутствующие признаки качественного научного труда ожидаемым образом сочетается с предложением внести исправления в дальнейшие редакции рецензируемой монографии). Напомним о том, что тяготение оценок к неоднородному распределению по текстовой структуре систематически отмечалось отечественными и зарубежными учёными [Баженова 2016: 142; Данилевская 2013: 41; Hunston 2011: 16; Hood 2010: 21].

В ориентации на наблюдения других исследователей мы выделяем *кластеры* оценок в пределах композиционно-прагматических сегментов, соотносимых с познавательными и коммуникативными действиями авторов [Чернявская 2000]. Проведённый контекстно-семантический и функционально-прагматический анализ в рамках настоящего исследования позволил, во-первых, выявить случаи включения отдельных оценок в экспрессивные акты иной

иллюктивной силы (*благодарность, поздравление, похвала/комплимент, пожелание*). Во-вторых, по результатам анализа описан такой механизм оценивания, как *полярная компенсация*.

2.9.1. Оценка, имплицированная посредством экспрессивных речевых актов¹⁶

Если в предыдущем разделе данной главы рассматривались оценки, контекстуально конструируемые на основании ассертивов в научно-экспертных текстах, в настоящем подразделе пойдёт речь об участии экспрессивных речевых актов в импликациях оценочных смыслов. В ходе качественной обработки русскоязычного материала были выявлены текстовые сегменты, в которых разноформатные оценки реализованы в рамках таких экспрессивных речевых актов, как *благодарность* (82), (83), *поздравление* (84), *похвала* (85) и *пожелание* (86):

- (82) *Хочется поблагодарить Сильвио Брендлера за выбор жанра, который в данном случае подходит как нельзя лучше* (Васильева 2017: 218).
- (83) *Уверен, что вся лингвистическая общественность и филологическое студенчество **очень благодарны** авторам этого, повторю, оригинального, фундаментального, насыщенного новейшими знаниями учебника* (Шаховский 2017: 939).
- (84) *Научное сообщество языковедов и практиков, работающих со словом, **можно поздравить** с появлением фундаментального и социально значимого труда по лингвоэкологии эмоций, который, без сомнения, будет востребован и стимулирует новые работы в этой области* (Ионова 2016: 201).
- (85) ***Похвальных слов** заслуживает и нетривиальное оформление книги, подчеркивающее ее особую композицию, заданную оригинальной подачей материала* (Шаховский 2017: 938).
- (86) *А потому, несмотря на справедливое замечание автора о невозможности собрать все существующие неофициальные антропимы (с. 18) и некоторое невнимание исследователей к такому роду работы, **желаем** автору продолжить начатое не только*

¹⁶ Авторы лингвопрагматических исследований до сих пор не пришли к единому мнению о целесообразности отнесения оценочных высказываний к экспрессивным актам — подробнее см. [Трофимова 2008: 17–28]. Если придерживаться позиции, подтверждающей включение оценочных действий в число экспрессивов, целесообразно переформулировать название подраздела следующим образом: «Оценка, имплицированная посредством экспрессивных речевых актов (благодарности, поздравления, похвалы и пожелания)».

в виде словаря, но и многоаспектного монографического исследования (Кюршунова, Семенова 2021: 278).

В (82) и (83) используются характерные для актов благодарности языковые средства — иллокутивный глагол *поблагодарить*, родственное ему краткое прилагательное *благодарны*. Лексико-грамматические выразители иллокутивной силы присутствуют и в других примерах: см. глаголы *поздравить* в (84) и *желать* в (86), а также сочетание прилагательного и существительного *похвальные слова* в (85). Очевидно, что оценки, входящие в состав благодарностей, поздравлений, комплиментов и пожеланий, могут реализовываться в соответствии с различными стратегиями — например, в (84) эксплицитные оценки, выраженные прилагательными *фундаментальный*, *(социально) значимый*, соседствуют с имплицитными оценками, конструируемыми из констатации факта, см.: скрытое оценивание монографии в опоре на критерии актуальности/релевантности: *будет востребован и стимулирует новые работы в этой области*.

Приведённые здесь положительно заряженные экспрессивы не столько упорядочивают отдельные оценочные действия, сколько отражают расположение рецензента по отношению к автору рецензируемого труда, закладывают основу для личного, прямого контакта, позволяют сократить дистанцию в коммуникативных взаимоотношениях участников научно-экспертной коммуникации. В отношении рассмотренных контекстов также справедлива констатация их лингвокультурной специфичности. Включение оценок в экспрессивные речевые акты наблюдается только в русскоязычном подкорпусе исследования, что, вероятно связано с бóльшим стремлением отечественных рецензентов к позитивно-оценочным суждениям о рассматриваемых работах.

2.9.2. Макростратегия полярной компенсации в оценочных кластерах

В то время как однополярные оценки, реализованные в одном и том же контексте, усиливают положительную или отрицательную заряженность высказываний рецензента, взаимодействие разнополярных оценок в рамках текстовых сегментов может происходить с различным исходом. Предваряя дальнейшие рассуждения, укажем на то, что сочетание оценок с гетерогенной полярностью в контекстах научной коммуникации уже привлекало внимание исследователей. Так, Е. С. Троянская рассуждает о конфронтации положительной и отрицательной оценки в научном обмене доводами [Троянская 1989: 44]. Н.Д. Арутюнова описывает стратегию

аргументации по схеме «*да... но*» и видит во взаимодействии различно поляризованных оценок инструмент организации монологических аксиологически ориентированных текстов [Арутюнова 1988: 74]. О способах «возражения под видом согласия», конвенционализированных в русском языке, размышляют Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелёв [Булыгина, Шмелёв 1997: 305–316]. Похожие механизмы оценивания в академических рецензиях и научных статьях рассматриваются в работах Л. В. Красильниковой, Л. В. Куликовой, С. Т. Нефедова, Х. Зу и К. Хайленда, В. Е. Чернявской [Красильникова 1999: 55; Куликова 2006: 318; Нефедов 2017: 602; Zou, Nyland 2020; Chernyavskaya 2022: 1693–1694]. Причём Л. В. Куликова акцентирует лингвокультурологическую специфику оценочной стратегии «*да... но*», выделяя её в числе типичных проявлений высокой полемичности дискурса немецкоязычных исследователей [Куликова 2006: 318–319].

Принцип описываемых авторами стратегий, в рамках которых взаимодействуют разнополярные оценки, можно сравнить с так называемой *моделью сэндвича*, распространённой в европейской деловой коммуникации и образовании. Данная модель подразумевает уравнивание критики за счёт упоминания положительных сторон работы в начале и заключении оценочного комментария [Bressler, v. Bergen 2014]. Аналогичным, «балансирующим» образом функционирует и интересующая нас стратегия, что объясняет выбор терминологического обозначения *стратегия полярной компенсации* [подробнее см. Кондратенко 2022b: 532]. Следует особо указать на макрохарактер описываемой стратегии, выявленный по результатам коммуникативно-функционального анализа. В дальнейшем мы приведём примеры, которые продемонстрируют подключение оценок, реализованных в рамках различных стратегий, к макростратегии *полярной компенсации*.

В ходе исследования стало возможным выделение двух вариантов реализации изучаемой макростратегии. Первый вариант подразумевает развёртывание текстового сегмента от отрицательной оценки к положительной, по схеме (– → +) — «Несмотря на ряд недостатков, стоит отметить (бесспорные) достоинства». Скопления оценок, следующие этой схеме, нацелены на уменьшение репутационных рисков рецензируемого автора. Оперирование такими аксиологическими кластерами позволяет сгладить отрицательное впечатление от критических комментариев за счёт переноса акцента на положительные аспекты труда. Второй вариант реализуется по схеме (+ → –): «Несмотря на некоторые положительные моменты, имеются (существенные) недостатки». Конгломераты оценок, построенные по такой схеме, не только вводят в рецензию отдельные критические замечания, но и выступают в качестве перехода к подробной критике рецензируемой работы — см., например, целый раздел *Kritische Würdigung* в рецензии К. Эрхарда, специализированный на выражении критики в узком смысле (Ehrhardt 2017).

На формальном уровне оценочные кластеры, следующие одному из вариантов описываемой стратегии, характеризует использование особых лексико-грамматических единиц, которые маркируют вовлечённость скоплений оценок в ситуацию сравнения, «перевешивания» положительных или отрицательных доводов. К типичным маркерам макростратегии *полярной компенсации* мы можем отнести: 1) прилагательные в сравнительной степени; 2) противительные союзы *aber, (je)doch, а, же, но, однако, тем не менее*; 3) наречия — *allerdings* — и сочетания — *всё же, в то же время, между тем* — с противительной семантикой; 4) вводные слова, сигнализирующие противопоставление — *с одной стороны, с другой стороны* — и их эквиваленты — немецкие наречия *einerseits, andererseits*; 5) представители классов союзов, предлогов и наречий со значением уступки: союзы *zwar...aber, obwohl, wenn auch, правда, хотя*; предлоги: *trotz* и *nur* — в не свойственном им употреблении в конструкциях уступительной семантики¹⁷, наречия: *dabei, dennoch*. Изредка встречаются прямые лексические указатели на ситуацию сравнения — см. *im Vergleich* в примере (88) ниже, а также деепричастные обороты, вводящие дополнительное оценочное действие к основному — см. *подчёркивая* и метакоммуникативное деепричастие *оценивая* в (91).

По результатам лингвоаксиологического анализа были установлена следующая вариативность макростратегии *полярной компенсации* в отношении объекта оценки. В примерах (87)–(89) как положительная, так и отрицательная оценка оказываются направленными на один и тот же объект (структуру рецензируемого труда, исследование/книгу в целом), в то время как в (90) негативной оценке подвергается теоретическая перспектива, представленная у авторов, а положительная оценка касается авторских описаний текстовых единиц. Отметим также объект оценки в (91), свойственный русскоязычным рецензиям и совершенно не характерный для оценок немецких рецензентов: здесь в макростратегию *полярной компенсации* включается оценка профессиональных компетенций автора. Эта оценка поддерживается в контексте эксплицитной положительной квалификацией материала исследования. Смена полярности со знака «+» на знак «-» происходит за счёт имплицитной оценки посредством рекомендации, касающейся некоторых авторских интерпретаций, по всей видимости, недостаточно полных и точных.

(87) *Obwohl das Buch sehr übersichtlich gestaltet und aufgebaut ist, vermisst man ein Sachregister* (Senoner 2016: 239).

(88) *Gerade im Vergleich zur Analyse des Phänomens ‚Sprache-Bild-Kohärenz‘ erweist sich die Untersuchung eher als antizipierend; auch wenn sie wichtige Hinweise und Impulse liefern kann, wäre doch eine umfassendere Beschäftigung wünschenswert gewesen, hätte aber wahrscheinlich den Rahmen und die Konzeption des Buches gesprengt* (Markewitz 2018: 178).

¹⁷ Подробнее об уступительном значении конструкций с предлогом *nur* см. [Мусатова 2016: 163].

- (89) *Основной недостаток книги проистекает из её главного достоинства: она принципиально неполна* (Козлов 2017: 130).
- (90) *Bewusst wird von den Autorinnen und Autoren eine größtenteils textinterne Perspektive eingenommen. Dies kann zu **Beschränkungen** in der Analyse führen; allerdings macht eine solche Eingrenzung Platz für die **umfassendere** Beschreibung textinterner Phänomene, die von den Autoren **ausführlich** sowie **anwendungsbezogen** aufgearbeitet werden* (Markewitz 2018: 179–178).
- (91) *Оценивая работу Э.В. Копыловой как **пример научной добросовестности** и **скрупулёзности**, подчёркивая **исчерпывающую огромность** исследуемого материала, автор рецензии всё же предлагает свои **коррективы** к толкованию некоторых имён* (Супрун 2017: 174).

Макрохарактер стратегии *полярной компенсации* поддерживается контекстами, в которых имплицитные оценки реализуются в соответствии с различными стратегиями и конструируются посредством констатации факта, согласия или несогласия с автором рецензируемого труда, рекомендации автору, сравнения авторского вклада с результатами, полученными его предшественниками, и т. д.:

- (92) *Um die Bedeutungen zu erfassen, analysiert Wildfeuer satzübergreifende grammatische und semantische Relationen und Situationen, in welche die Sätze eingebettet sind. Solche Diskursrelationen würden innerhalb der Germanistik „wenig bis gar keine Beachtung“ (S. 396) finden. Dagegen ist einzuwenden, dass Diskursanalyse immer die Beziehungen zwischen Äußerungen und die Kontextbedingungen fokussiert. **Zuzustimmen ist**, dass Beschreibungsmethoden, die ihren Ursprung in der formalen Semantik und Logik à la Frege, Montague Grammatik und Hans Kamp haben, in der germanistischen Diskursanalyse **kaum Anwendung finden*** (Römer 2017: 197).
- (93) *Обширный <...> библиографический раздел **вызывает немало нареканий**. Текст книги содержит значительное количество ссылок на соответствующие работы в виде сокращений, эти же сокращения мы находим и в библиографии с дальнейшими ссылками на полное библиографическое описание той или иной работы. Подобное дублирование **нельзя рассматривать как продуктивное**, и сокращения с полным их раскрытием **можно было бы представить** в виде отдельной части библиографии* (Фалилеев 2020: 249).

Пример (92) демонстрирует сочетание оценок, имплицитированных посредством согласия и несогласия с автором (иллокутивные глаголы *zustimmen*, *einwenden*), и реализованных «от обратного» (характерное для данной стратегии отрицательное наречие *kaum*) — в проекции на

методологию современных дискурсивных исследований по германистике. Кластер, приведённый под номером (93), показывает совместное употребление эксплицитных оценочных квалификаций и имплицитных оценок через рекомендацию автору (в контексте используются формы сослагательного наклонения: *можно было бы представить*).

Ранее мы уже обращали внимание читателя на наблюдение Л. В. Куликовой, согласно которому полярная компенсация свойственна немецкоязычному академическому дискурсу в силу его тяготения к категоричным оценкам (и необходимости эту категоричность смягчать) [Куликова 2006: 318–319]. Это наблюдение ведёт к вопросу о возможных лингвокультурных различиях в употреблении оценочных кластеров с *полярной компенсацией* в немецко- и русскоязычных научных рецензиях. Результаты количественного анализа, продолжающие научный поиск в этом направлении, мы обобщим в следующей главе.

Выводы по Главе 2

Во второй главе диссертации научная рецензия представлена как эксплицитно-оценочный тип текста в институциональной научной коммуникации, специализированный на актах экспертного оценивания. Рассмотрены параметры специфической коммуникативной ситуации, в которой участники экспертного дискурса оценивают новые результаты в науке на основании подтверждённых, верифицированных сведений и ценностей, разделяемых представителями профессионального научного коллектива. Описан состав немецко- и русскоязычного корпусов исследования, обоснованы критерии отбора текстов, перечислены текстотипологические особенности рецензий, опубликованных в различных научных журналах.

Кроме того, в главе проанализировано наполнение логической структуры оценок в научно-экспертных текстах на немецком и русском языках. В опоре на эмпирический материал исследования уточнены объекты оценивания — формальные и содержательные аспекты рецензируемого научного труда, а также личностные качества и профессиональные компетенции его автора, выявлены характерные средства вербализации объектов оценок в текстах. Составлена матрица характерных лексико-грамматических средств, используемых для индикации рационально- или эмоционально-мотивированного отношения рецензента к сообщаемому. Контексты, в которых конструируются оценочные смыслы, рассмотрены как полиадресатные, направленные не только на автора рецензируемого труда, напрямую заинтересованного в результатах рецензирования, но и на научное сообщество в целом (о чём свидетельствует

обращение к коллективным ценностным установкам, регламентирующим научную деятельность), а также на более широкую аудиторию, включающую в себя как сообщество профессиональных исследователей, так и преподавателей, студентов, учеников школ и другие группы лиц, заинтересованных в получении информации о новейших лингвистических исследованиях. В свете множественной адресованности экспертных оценок рассмотрены наиболее употребительные номинации автора и адресата оценочных высказываний в немецко- и русскоязычных рецензиях.

В текстах двух корпусов исследования выделены и рассмотрены не только эксплицитные оценки, но и такие стратегии оценочной импликации, как: 1) оценка, реализованная посредством констатации фактов; 2) оценка, имплицитированная посредством выражения (не)согласия с позицией автора рецензируемого труда; 3) оценка посредством рекомендации, адресованной автору рецензируемого труда; 4) оценка посредством рекомендации, адресованной реципиенту рецензии; 5) оценка, реализованная в рамках стратегии «от обратного»; 6) оценка авторского вклада на фоне ранее опубликованных научных результатов; 7) оценка посредством прямого или косвенного вопроса; 8) оценка профессионализма автора рецензируемого труда. Выявлены лексико-грамматические средства, задействованные в формулировании оценок и характерные для тех или иных оценочных стратегий. В завершение главы описаны макростратегии оценочной импликации. Рассмотрены случаи включения оценок в экспрессивные речевые акты иной иллокутивной силы, а также продемонстрировано функционирование механизма полярной компенсации в оценочных кластерах.

ГЛАВА 3. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОЦЕНОК В НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО-ЭКСПЕРТНОМ ДИСКУРСАХ

Заключительная глава диссертации, посвящённая лингвокультурным особенностям оценок в немецко- и русскоязычных рецензиях, открывается кратким экскурсом в традицию сопоставительного изучения научной коммуникации. Обращение к исследованиям, фокусирующим аспекты межъязыкового и межкультурного функционирования научных текстов, призвано служить дополнительным аргументом в пользу сравнительного изучения оценочных смыслов в научно-экспертной коммуникации на немецком и русском языках. За теоретическим обзором следует анализ результатов, полученных в ходе количественной обработки языкового материала. В рамках анализа устанавливаются и сравниваются числовые значения по параметрам, релевантным для описания специфики оценок в научно-экспертном дискурсе. Речь идёт об аксиологической полярности (положительной или отрицательной), оценочных основаниях (рациональных или эмоциональных), контекстуальных модификациях (интенсификации или деинтенсификации) оценок. Вводятся, рассчитываются и интерпретируются различные показатели аксиологической плотности.

3.1. Научная коммуникация в межъязыковом и межкультурном сопоставлении

В основание краткой теоретической части, посвящённой сопоставительному изучению, профессиональной научной коммуникации на стыке языков и культур, заложены два тезиса:

- 1) Изучение коммуникации в межъязыковом и межкультурном сопоставлении — один из значимых векторов развития современной коммуникативно-ориентированной лингвистики — оказывается продуктивным для изучения языковых оценок. Это объясняется тем, что нормы и стандарты, мотивирующие оценочные суждения субъектов речи, обусловлены социокультурным контекстом, в котором взаимодействуют коммуниканты.
- 2) Несмотря на универсальный характер науки как социальной деятельности и, соответственно, универсальный характер языковых выражений, обеспечивающих трансфер новых научных результатов, аксиоматической для многих современных исследований является мысль о бытовании не языка, но *языков* наук.

Первый тезис опирается на представление о культуре как о силе, предписывающей нам формы и принципы социального и коммуникативного взаимодействия, влияющей на выбор возможных действий и коммуникативных решений [Куссе, Чернявская 2019: 445] и стандартизирующей нашу речевую деятельность в национальных и языковых границах [Warnke 2007: 243]. Стандартизированные процессы обмена информацией находят отражение на уровне текстов, что объясняет внимание исследователей к межкультурному изучению текстотипов и повторяющихся текстовых элементов (*Textmuster*) [Warnke 2007: 245]. Культурная связанность текстов обуславливает современное развитие культурологически ориентированной лингвистики, которая, по Х. Куссе, описывает язык как явление из сферы культуры, а культуру — как языковой феномен и применяет лингвистический аппарат для исследования сфер социальной деятельности [Kuße 2012: 13]. Интерес одних авторов к типам текстов в межкультурном и межъязыковом сопоставлении дополняется изучением зависимости речевых актов от культурных норм, ценностей и пресуппозиций в работах представителей кросс-культурной прагматики [Вежбицкая 1996; Wierzbicka 2003: 61–62; 69; Bowe, Martin 2014: 16–18]. Мысль о связанности речевых действий с культурно-специфичными ценностями и нормами представляется нам немаловажной в контексте изучения оценок. Напомним, что основания для проведения сопоставительных исследований оценочных смыслов были заложены уже в классических публикациях, посвящённых аксиологической проблематике. В частности, Е. М. Вольф отмечает особенности в употреблении оценочных слов, предикатов, вводящих оценку в разных языках [Вольф 2002: 9–10].

Второй тезис опирается на разделяемое социолингвистами представление о том, что язык науки на самом деле представляет собой *языки* академического общения¹⁸. В современной западноевропейской лингвистике языковых вариантов [Ammon 2015] и лингвистике научной речи [Ehlich 2006; Mittelstraß, Trabant 2016] это представление обретает аксиоматический статус. Считается, что любой научный коллектив имеет свой сложившийся когнитивный стиль, определяющий то, как представители конкретного коллектива воспринимают и осмысливают объекты действительности [Fleck 1980: 130]. При этом утверждается, что стиль, направляющий мышление и текстопроизводство внутри коллектива, варьируется в двух направлениях: не только от дисциплины к дисциплине, но и от лингвокультуры к лингвокультуре [Zhao 2021: 38]. Представление о множественных когнитивных стилях, лежащих в основе профессиональной деятельности различных научных коллективов, в том или ином виде становится общей опорной точкой для исследований вариативности в академической коммуникации, в т. ч. на стыке

---

¹⁸ Напомним читателям социолингвистическую модель языковых вариантов, описанную у Х. Лёффлера [Löffler 2016: 79–153], а также характерное название известной монографии Х. Вайнриха «Sprache, das heißt Sprachen» («Язык — это языки») [Weinrich 2006].

различных лингвокультур. Причём отмечается, что интерес к изучению культурных особенностей научной коммуникации стабильно растёт¹⁹, особенно на фоне активизации академической мобильности и вовлечения в науку всё новых и новых участников [Fandrych 2018: 159]. На этом фоне несомненна актуальность новых сопоставительных исследований конкретных дискурсивных практик, в которые вовлекаются участники профессионального научного общения [Fandrych 2018: 160].

Обратимся теперь к традиции межъязыковых и -культурных исследований интересующей нас научной коммуникации на немецком языке, отметив несколько важных работ. В обозначенном контексте неизбежно упоминание известной публикации Й. Гальтунга [Galtung 1983]. В ней автор выстраивает теорию, близкую концепции когнитивных стилей Л. Флека, и выделяет ряд культурно-специфических «интеллектуальных» стилей (*intellektuelle Stile*), свойственных национальным культурам академического общения — саксонский, тевтонский, галльский и японский. Несмотря на прогрессивный характер такой дифференциации для своего времени, концепция Й. Гальтунга оказывается уязвимой для критики с позиций актуального лингвистического взгляда на научную коммуникацию. Измерения, по которым автор характеризует *интеллектуальные стили*, — анализ парадигмы; описание: формулирование тезисов; объяснение: построение теории, комментарии в адрес других исследователей [Galtung 1983: 308] — описываются во введении к статье, но обосновываются недостаточно. В тексте акцент переносится, по большей части, на описание межсубъектных отношений в научном сообществе и их проекций на научные тексты различных лингвокультур [Galtung 1983: 306–307]. Кроме того, при рассмотрении вопроса о том, как соотносятся описание и объяснение в научных текстах, автор практически не уделяет внимания обсуждению аргументации как одной из основных текстовых функций научных произведений. Наконец, в поле зрения автора не попадает субъектный аспект научного текстопроизводства, релевантный для изучения академической коммуникации и тем более — её аксиологического плана.

Среди работ отечественных исследователей лингвокультурологических особенностей профессионального научного общения необходимо выделить монографию Л. В. Куликовой [Куликова 2006]. Она интересна тем, что автор предлагает понятие национального коммуникативного стиля как совокупности культурно-опосредованных правил и норм коммуникации, которые проявляются в выборе языковых средств, построении смыслов и «национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка» [Куликова 2006: 182]. Работая с конкретным языковым материалом, исследователь реконструирует модель немецкого национального коммуникативного стиля и акцентирует конфронтацию русского и

---

¹⁹ Тенденция, актуальная для периода до 2020 года.

немецкого стилей академического общения, отмечая особую прямоту и *полемичность*, свойственную немецкому научному дискурсу [Куликова 2006: 317].

В 2006–2016 гг. выходит ряд работ немецких исследователей, посвящённых аспектам многоязычия в академической среде и дальнейшей судьбе языков науки в англоязычном мире. К. Элих выступает за сохранение многоязычного научного общения и критикует глобализационные тенденции в науке с культурно-политических позиций, утверждая, что мнимый транснациональный характер развёртываемых процессов на деле оборачивается следованием интересам англо-саксонского мира [Ehlich 2006: 32]. К. Хемпель обращается к концепции национальных стилей Й. Гальтунга и проводит сопоставительный анализ в паре языков немецкий-итальянский на материале археологических публикаций [Hempel 2006]. А. Брайткопф приводит результаты сравнительного изучения категории субъективности в немецко- и русскоязычных журнальных статьях по социологии. Особое внимание при этом уделяется смягчению категоричности высказываний, средствам хеджинга и эпистемической модальности в научных текстах [Breitkopf 2006: 102–104].

Х. Басслер сравнивает русско-, немецко- и англоязычные аннотации к статьям по социологии. В первую очередь, автора интересуют такие вопросы, как текстовая структура аннотаций, эксплицитная и имплицитная авторизация в аннотациях, учёт взаимодействия различных позиций акторов научного дискурса в текстах, авторское позиционирование по отношению к воззрениям других коммуникантов [Baßler 2003: 191]. Названная публикация Басслера интересна ещё и с методологической точки зрения: помимо традиционных лингвистических методов в исследовании задействован метод социологического анкетирования исследователей-носителей рассматриваемых языков/представителей конкретных лингвокультур.

В более поздней совместной публикации Х. Басслера и П. Ауэра некатегорично оспаривается тезис об универсальном характере научного стиля, его независимости от особенностей коммуникации в конкретной лингвокультуре [Auer, Baßler 2007: 27]. Авторы приходят к выводу о том, что соблюдение императивов научного стиля (таких как обязательная рецепция работ других исследователей), а также используемые авторами стратегии позиционирования, средства авторизации в текстах и др. оказываются лингвокультурно-детерминируемыми. Вместе с тем речь здесь идёт не столько об обусловленности тех или иных признаков научного текста культурой конкретной нации, сколько институциональной культурой соответствующего *академического пространства (kulturelle Wissenschaftsräume)* [Auer, Baßler 2007: 28].

О культурно-обусловленных расхождениях в текстах рассуждают и А. Брайткопф вместе с И. Василевой. Авторы предполагают, что интерес к сопоставительным исследованиям западно- и восточноевропейских научных стилей, вероятно, вызван переживанием различий, которые в ряде ситуаций могут приводить к недопониманию и коммуникативным неудачам [Breitkopf,

Vassileva 2007: 211]. В ходе анализа А. Брайткопф и И. Василева устанавливают характерные различия в риторической структуре/композиции научных статей на русском языке [Breitkopf, Vassileva 2007: 212–214], уделяют внимание специфике метадискурсивных маркеров в русскоязычных текстах [Breitkopf, Vassileva 2007: 215–216], рассматривают, как выражается категории субъективности и вежливости [Breitkopf, Vassileva 2007: 217–221], обобщают особенности восточно-европейской устной коммуникации [Breitkopf, Vassileva 2007: 221–223] и вместе с тем предполагают, что влияние англо-американского научного стиля в дальнейшем будет возрастать и сглаживать имеющиеся на данном этапе различия [Breitkopf, Vassileva 2007: 224].

Помимо письменной коммуникации в поле зрения исследователей оказывается и устное общение учёных. Так, Х. Коттхофф оперирует дискурс-аналитическим и лингвоэтнографическим подходами в сопоставлении немецко- и русскоязычных докладов на научных конференциях. Исходная гипотеза автора объединяет языковое и социальное: текстотипологические и стилистические различия связываются с особенностями организации научной деятельности в Германии (и других западных культурах) и России (и, соответственно, культурах стран бывшего соцлагеря) [Kotthoff 2013: 321]. По итогам анализа выявляются заметные различия, которые, помимо прочего, представлены в тексте публикации в достаточно полемичной манере (в полном соответствии с наблюдением Л. В. Куликовой относительно полемичности немецкого научного стиля). Х. Коттхофф отмечает неструктурированность русскоязычных докладов, а также недостаточно чёткую сегментацию структур старого и нового знания. В результате не всегда очевидно, где заканчивается изложение теоретических оснований исследования в опоре на предшественников и начинается непосредственно авторский вклад. В выступлениях немецкоязычных учёных, напротив, наблюдается чёткая структура и адекватное маркирование диалектики научной дискуссии старого и нового [Kotthoff 2013: 345].

Заметим, что не все исследователи в равной мере акцентируют лингвокультурную специфику научных текстов. В работах некоторых немецких лингвистов — например, К. Ганзель — на первый план выходит универсальность научной коммуникации. Статья К. Ганзель фокусирует продуктивный аспект коммуникативного взаимодействия исследователей: автора интересует, как существующие практики научного общения воспроизводятся немецкими и российскими студентами в текстах выпускных квалификационных работ. В рассуждениях К. Ганзель подчёркивает универсальный характер научного текстопроизводства, предпосланный любым культурным различиям [Gansel 2018: 75]. Этот тезис обосновывается с позиций социологической теории систем, в которой типы текста в первую очередь определяются особенностями функционирования конкретной социальной системы, а не лингвокультурной спецификой [Gansel 2018: 76]. Важно отметить, что автор призывает проводить межкультурные и межъязыковые

сравнения на основании *одной* социальной системы в сопоставляемых лингвокультурных сообществах. Цитируя К. Ганзел: «Мы не сравниваем культуры в совокупности социальных подсистем. Мы выбираем одну функционально дифференцированную подсистему общества и проводим сопоставительный анализ текстовых экземпляров, которые соответствуют ядерным текстотипам, обеспечивающим существование и функционирование избранной подсистемы. Именно на основании сопоставления текстов, которым свойственны неспецифичные, универсальные черты, мы можем обнаружить культурно-обусловленные различия» [Gansel 2018: 78].

Среди сравнительно малого числа публикаций, отражающих результаты межъязыкового и межкультурного сопоставления рецензий и выраженных в них оценок, следует упомянуть труды М. Хутца и Ц. Чжао. Рассматривая экспертные тексты немецкого и английского академического дискурсов, М. Хутц выявляет культурно-специфические различия в выражении критики. На материале качественного и количественного анализа 60 журнальных рецензий на английском и немецком языках из гуманитарных областей знания (лингвистика и психология) автор выделяет оценку как особую текстовую составляющую в рамках различных макроструктурных единиц: 1) во введении; 2) в основной части; 3) в заключении. В отношении культурно-специфических различий исследователю удаётся подтвердить исходную гипотезу о том, что в немецкоязычном культурном пространстве оценке отводится больше места. Отмечается критическое отношение немецких лингвистов к рецензируемым книгам: рецензенты редко оценивают труды позитивно, в текстах рецензий часто присутствуют указания на опечатки и иные типографские и др. недочёты [Hutz 2001: 119]. Критика в немецких рецензиях оказывается более прямой: она редко сопровождается средствами смягчения категоричности. При этом М. Хутц замечает тенденцию выражения критики с помощью безличных структур: таким образом рецензент конструирует в тексте дистанцию между субъективной интерпретацией и объектом оценивания, сообщает критическим высказываниям бóльшую непредвзятость [Hutz 2001: 125].

С точки зрения лингвокультурной специфики оценок интересна также работа Ц. Чжао, посвящённая оценке в научных статьях китайских исследователей. Сопоставление позволяет автору выявить достаточно нетипичные случаи оценочной коммуникации: в частности, использование негативно поляризованных оценок в отношении своей же работы с целью продемонстрировать скромность исследователя. Для адекватной трактовки таких оценочных высказываний реципиенту нужно подключить знание о том, что скромность воспринимается сообществом китайских учёных как дискурсивная норма и неотъемлемая составляющая имиджа исследователя [Zhao 2015: 90–91].

Вышеизложенное позволяет рассматривать теоретическое моделирование культурно-специфичных когнитивных стилей, интерес к которому заметно возрос в 00-х и 10-х гг. нашего

века, как надёжную опору для сравнения особенностей общения авторов-исследователей. Несмотря на то, что универсальность основных стандартов научной коммуникации не подлежит сомнению, нельзя не отметить интерес ряда авторов к противопоставлению западно- и восточно-европейского научных стилей. К релевантным объектам сопоставления также можно отнести текстовую организацию жанров академического общения и стратегии полемически заострённой/некатегоричной критики. В целом можно с сожалением констатировать тот факт, что труды исследователей, изучающих научную коммуникацию в сопоставительной перспективе, редко касаются феномена оценки как таковой и способов её выражения в текстах частных коммуникативных практик. Существующие публикации чаще рассматривают контекстуальное конструирование оценочных смыслов как одно из многочисленных проявлений интеллектуальной активности познающего субъекта; как правило, материалом для такого рассмотрения становятся научные статьи, реже — научные доклады (и другие первичные жанры академического дискурса), но не рецензии.

3.2. Направления сопоставительного количественного анализа оценок в немецко- и русскоязычных лингвистических рецензиях

Методология комбинированного контент-анализа, избранная для настоящего исследования, требует проведения статистических подсчётов по аналитическим категориям, установленным для объекта изучения. На наш взгляд, оценка в научных рецензиях наиболее полно описывается с помощью следующих направляющих: 1) эксплицитность/имплицитность; 2) положительная/отрицательная поляризованность; 3) рациональность/эмоциональность; 4) интенсифицированность (категоричность)/деинтенсифицированность (некатегоричность). Выбор категорий обусловлен, с одной стороны, уже существующим теоретическим знанием об экспертной оценке, обобщённым в предыдущих главах. С другой стороны, их надёжность подкрепляется эмпирически. Статистические подсчёты, сделанные нами в рамках исследования, поддержанного грантом РФФИ № 22-28-01024 «Язык оценок в научных гуманитарных практиках и дискурсах Германии и России», показали, что другие аналитические параметры — такие как включение средств: а) эпистемической модальности; б) авторизации; в) с семантикой важности/центральности в оценочные высказывания находятся на уровне не выше 2% всех текстовых предикаций в немецко- и русскоязычных лингвистических рецензиях. Этот результат снова отсылает нас к статье С. Т. Нефедова [Нефедов 2021], посвящённой вариативности в

социокоммуникативных практиках академического общения, и доказывает, что для оценок в рамках научно-экспертной практики не столько важно акцентировать отношение к достоверности сообщаемого знания, профилировать непосредственно авторское «я» или указывать прямо на релевантность сообщаемых сведений, сколько квалифицировать знание как соответствующее или не соответствующее требованиям, предъявляемым к новому научному результату.

Количественные подсчёты, о которых пойдёт речь в дальнейшем, включают вычисление средней плотности тех или иных разновидностей оценок. Например, средняя плотность эмоциональных оценок в подкорпусах определяется как отношение числа предикаций с включением эмоциональных оценок к сумме оценочно-насыщенных предикаций. Аналогичным образом рассчитывается плотность положительно- и отрицательно-поляризованных оценок, плотность оценок в кластерной реализации, плотность оценок, реализованных с использованием средств интенсификации и деинтенсификации и т. д.

В отношении к сумме текстовых предикаций немецкого подкорпуса было выявлено 16% оценочно-насыщенных предикаций. В русскоязычном подкорпусе числовое значение по этому показателю составляет 13%. Для суммы оценочно-насыщенных предикаций в корпусе исследования были получены следующие числовые значения плотности оценок по избранным параметрам:

Таблица 2 — Средняя плотность оценок в корпусе исследования.

Средняя плотность	Рецензии на нем. яз.	Рецензии на рус. яз.
эксплицитных оценок	65%	65%
имплицитных оценок	35%	35%
положительных оценок	54%	68%
отрицательных оценок	46%	32%
рационально-мотивированных оценок	89%	84%
эмоционально-мотивированных оценок:	11%	16%
— в кластерном употреблении	69%	66%
— в изолированном употреблении	31%	34%
интенсифицированных оценок	16%	17%

деинтенсифицированных оценок	8%	5%
оценок, реализованных без использования средств интенсификации и деинтенсификации	76%	78%

Приведённые данные (Табл. 2) позволяют говорить о существовании как сходств, так и различий в оценочном профиле немецко- и русскоязычных лингвистических рецензий.

3.3. Средняя плотность эксплицитных и имплицитных оценок

Показатели средней плотности эксплицитных и имплицитных оценок в научно-экспертных текстах на немецком и русском языках оказываются идентичными: в обоих подкорпусах фиксируется 65% эксплицитно-оценочных и 35% имплицитно-оценочных высказываний (в расчёте на сумму текстовых предикаций с включением оценок). Полученный результат в целом подтверждает эксплицитно-оценочный характер текстотипа «академическая журнальная рецензия».

Следует, однако, заметить, что плотность эксплицитных и имплицитных оценок варьируется от текста к тексту. Различия процентных показателей могут объясняться как индивидуальными стилистическими предпочтениями конкретного рецензента, так и поиском адекватных средств для выражения положительно- или отрицательно-поляризованных оценок. В таблицах 3 и 4 приводятся результаты подсчётов плотности эксплицитно и имплицитно реализованных оценок для каждого текста в корпусе. Кроме того, в пределах множества имплицитных оценок уточняется процент позитивных и негативных оценочных квалификаций. Цель таких подсчётов заключается в проверке исходного предположения относительно имплицитных оценок. Ожидалось, что оценочные импликации будут получать преимущественно отрицательную поляризацию в рецензиях, так как прямое выражение отрицательных оценок, критика незащищённого знания может восприниматься как потенциальная угроза имиджу непосредственного реципиента рецензии.

Таблица 3 — Средняя плотность эксплицитных и имплицитных оценок в немецкоязычных рецензиях.

№ рецензии в корпусе	Плотность эксплицитных оценок	Плотность имплицитных оценок	Плотность положительных имплицитных оценок	Плотность отрицательных имплицитных оценок
1	90%	10%	100%	0%
2	63%	37%	6%	94%
3	80%	20%	67%	33%
4	58%	42%	57%	43%
5	36%	64%	31%	69%
6	44%	56%	90%	10%
7	56%	44%	55%	45%
8	60%	40%	21%	79%
9	69%	31%	0%	100%
10	33%	67%	100%	0%
11	59%	41%	29%	71%
12	62%	38%	63%	37%
13	33%	67%	33%	67%
14	88%	12%	50%	50%
15	50%	50%	18%	82%
16	50%	50%	38%	62%
17	66%	34%	0%	100%
18	39%	61%	4%	96%
19	29%	71%	8%	92%
20	68%	32%	13%	87%
21	71%	29%	50%	50%
22	88%	12%	100%	0%
23	66%	34%	29%	71%
24	61%	39%	21%	79%
25	85%	15%	50%	50%
26	70%	30%	38%	62%
27	67%	33%	7%	93%
28	63%	38%	67%	33%
29	65%	35%	25%	75%
30	89%	11%	67%	33%
31	89%	11%	60%	40%
32	78%	22%	100%	0%
33	72%	28%	0%	100%
34	67%	33%	100%	0%
35	38%	62%	0%	100%
36	55%	45%	0%	100%
37	81%	19%	0%	100%
38	73%	27%	45%	55%
39	100%	0%	0%	0%
40	100%	0%	0%	0%
41	61%	39%	33%	67%
42	69%	31%	50%	50%

43	50%	50%	100%	0%
44	62%	38%	500%	0%
45	100%	0%	0%	0%
46	60%	40%	100%	0%
47	86%	14%	0%	100%
48	48%	52%	0%	100%
49	44%	56%	40%	60%
50	58%	42%	18%	82%
Среднее значение	65%	35%	49%	51%

Таблица 4 — Средняя плотность эксплицитных и имплицитных оценок в русскоязычных рецензиях.

№ рецензии в корпусе	Плотность эксплицитных оценок	Плотность имплицитных оценок	Плотность положительных имплицитных оценок	Плотность отрицательных имплицитных оценок
1	71%	29%	50%	50%
2	72%	28%	44%	56%
3	64%	36%	100%	0%
4	61%	39%	22%	78%
5	57%	43%	50%	50%
6	59%	41%	78%	22%
7	72%	28%	89%	11%
8	73%	27%	75%	25%
9	78%	22%	43%	57%
10	100%	0%	0%	0%
11	62%	38%	13%	88%
12	48%	52%	9%	91%
13	47%	53%	20%	80%
14	87%	13%	0%	100%
15	47%	53%	15%	85%
16	80%	20%	100%	0%
17	67%	33%	100%	0%
18	29%	71%	100%	0%
19	70%	30%	100%	0%
20	56%	44%	71%	29%
21	57%	43%	100%	0%
22	67%	33%	100%	0%
23	50%	50%	50%	50%
24	83%	17%	100%	0%
25	88%	13%	100%	0%
26	67%	33%	100%	0%
27	69%	31%	100%	0%
28	100%	0%	0%	0%
29	26%	74%	70%	30%
30	19%	81%	53%	47%
31	100%	0%	0%	0%

32	100%	0%	0%	0%
33	52%	48%	15%	85%
34	40%	60%	0%	100%
35	41%	59%	0%	100%
36	54%	46%	52%	48%
37	100%	0%	0%	0%
38	62%	38%	38%	63%
39	22%	78%	71%	29%
40	60%	40%	38%	63%
41	80%	20%	50%	50%
42	80%	20%	67%	33%
43	76%	24%	80%	20%
44	47%	53%	11%	89%
45	64%	36%	100%	0%
46	75%	25%	67%	33%
47	71%	29%	100%	0%
48	78%	22%	100%	0%
49	56%	44%	0%	100%
50	47%	53%	35%	65%
Среднее значение	65%	35%	54%	46%

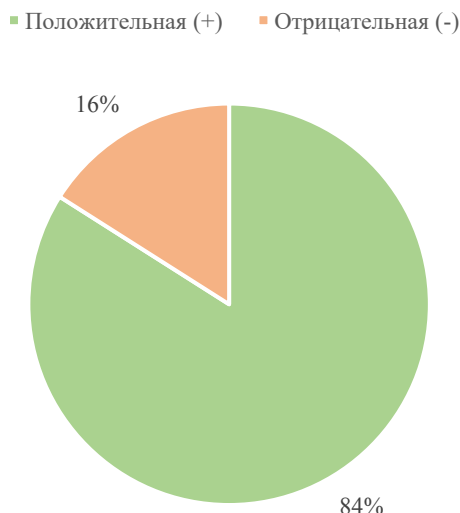
Интересно, что фактические усреднённые показатели, полученные нами в ходе подсчётов, лишь отчасти подтверждают изначальное предположение о доминировании отрицательно-поляризованных имплицитных оценок над положительно-поляризованными имплицитно-оценочными высказываниями. Ожидаемое положение дел наблюдается в немецкоязычном подкорпусе: в нём выявлено 49% позитивно- и 51% негативно-поляризованных оценочных импликатур. Тем не менее, перевес отрицательных имплицитных оценок не столь значителен. Вероятно, полученное распределение частот можно объяснить, обратившись к расширительному пониманию оценочного в научных рецензиях. Если исходить из того, что ассерции в экспертно-оценочных текстах способны переживать функциональную переориентацию и интерпретироваться в контексте как косвенные положительные оценки, результаты количественного анализа в немецкоязычном подкорпусе начинают казаться вполне обоснованными. Интереснее обстоит дело с результатами, полученными для русскоязычного подкорпуса, где 54% имплицитных оценок демонстрируют положительную полярность и только 46% — отрицательную. Нам представляется, что такое распределение частот отражает одно из культурно-специфичных проявлений русскоязычной научно-экспертной коммуникации, а именно — тенденцию к профилированию положительных оценок в рецензиях и «приглушению» критического голоса рецензента. Об этой особенности лингвистических научных рецензий на русском языке пойдёт речь в дальнейшем.

3.4. Средняя плотность положительных и отрицательных оценок

Заметные различия между немецко- и русскоязычными научно-экспертными текстами выявляются в процентном соотношении положительно- и отрицательно-поляризованных оценок в обоих подкорпусах. При общем преобладании положительных оценок над отрицательными в рецензиях на немецком языке зафиксировано больше отрицательных оценок, чем в текстах русского подкорпуса, ср. 54% положительных и 46% отрицательных оценок в немецкоязычных текстах с 68% положительных и 32% отрицательных оценок в рецензиях на русском языке. Полученные статистические данные интерпретируются как показатель бóльшего тяготения немецкоязычных рецензий к выражению критики (в узком смысле — как негативной оценочности), более выраженной полемичности немецкоязычных лингвистических рецензий по сравнению с русскоязычными текстами родственной тематики.

Этот вывод можно подкрепить дополнительно, если обратить внимание на долю рецензий с негативной и позитивной *итоговой оценкой* в немецком и русском подкорпусах. Под *итоговой оценкой* при этом понимается развёрнутый квалифицирующий комментарий, который, как правило, помещается в заключительном резюме рецензента, однако нередко находит отражение и во вводной части текста. Объектом итоговой оценки выступает рецензируемый труд в целом. С точки зрения теории аргументации итоговая оценка выступает в качестве вывода — своеобразного ответа на дискуссионный вопрос о соответствии рецензируемой работы требованиям, предъявляемым к научным исследованиям. В тексте итоговая оценка поддерживается многочисленными оценочными доводами. При этом нельзя поставить знак равенства между *итоговой* и *суммарной* оценкой: сформулированная рецензентом итоговая оценка необязательно выводится из совокупности *оценочных квантов* [Malrieu 1999: 134] — отдельных оценочных утверждений по ходу рецензирования. Таким образом, итоговая оценка может получать полярность, диаметрально противоположную полярности большинства оценок в тексте.

На Рисунках 12 и 13 отображается распределение рецензий с положительной и отрицательной итоговой оценкой в немецком и русском подкорпусах.

Рисунок 12 — Итоговая оценка в немецкоязычных рецензиях.**Рисунок 13 — Итоговая оценка в русскоязычных рецензиях.**

Из иллюстраций следует, что в немецком подкорпусе выявляется 84% рецензий с положительной итоговой оценкой и 16% рецензий с отрицательной итоговой оценкой. Показатели, полученные для русского подкорпуса, демонстрируют более явное расхождение между долями рецензий с положительной и отрицательной итоговой оценкой: зафиксировано 96% и 4% всех текстов соответственно. Как уже отмечалось выше, приведённые данные могут поддержать наблюдение о склонности российских экспертов к выражению отдельных положительных оценок и, кроме того, вывести это наблюдение на новый уровень. Сопоставление данных количественного анализа оценочной полярности позволяет утверждать, что для русскоязычных авторов характерно стремление к написанию рецензий с преимущественно положительным итогом экспертной квалификации новых результатов.

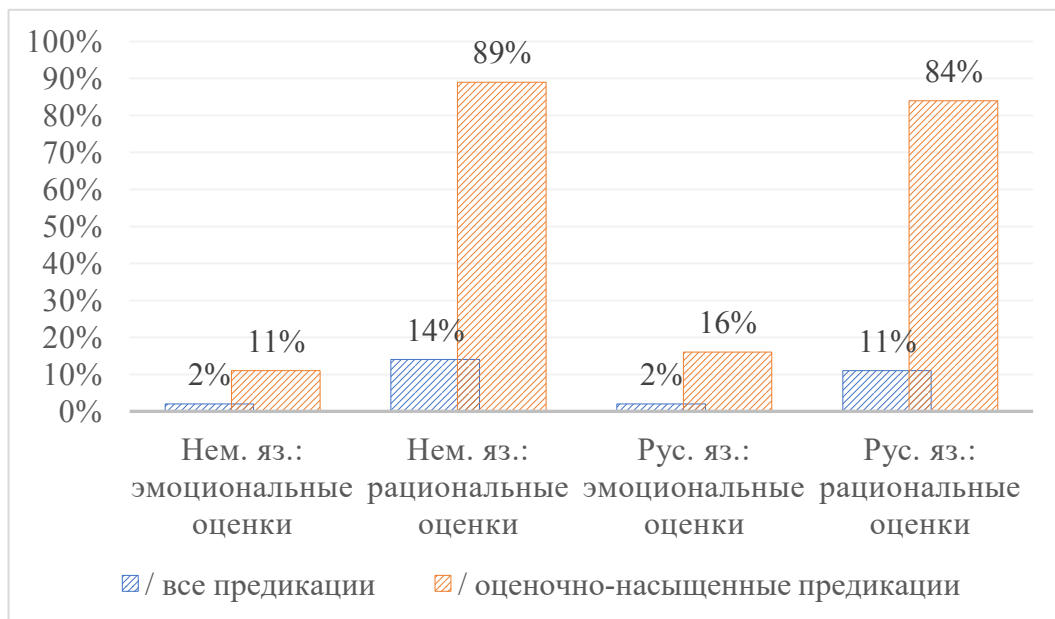
3.5. Средняя плотность рациональных и эмоциональных оценок

Однако с наибольшей очевидностью лингвокультурные особенности проявляются в сопоставлении аксиологических оснований, мотивирующих экспертные оценки в рецензиях на немецком и русском языках. Ряд стереотипов²⁰ об исследователях, пишущих на русском языке, позволяет предположить, что средняя плотность эмоциональных оценок в русскоязычных рецензиях может оказаться выше средней плотности эмоциональных оценок в рецензиях на немецком языке. Для проверки этого предположения вводятся следующие показатели:

- 1) средняя плотность эмоциональных оценок, рассчитываемая как: а) отношение числа предикаций с включением эмоциональных оценок к общей сумме предикаций в текстах корпуса; б) отношение числа предикаций с включением эмоциональных оценок к сумме оценочно-насыщенных предикаций;
- 2) средняя плотность рациональных оценок, рассчитываемая как: а) отношение числа предикаций с включением рациональных оценок к общей сумме предикаций в текстах корпуса; б) отношение числа предикаций с включением рациональных оценок к сумме оценочно-насыщенных предикаций.

Результаты подсчётов представлены на Рисунке 14:

Рисунок 14 — Средняя плотность рациональных и эмоциональных оценок в немецком и русском подкорпусах.

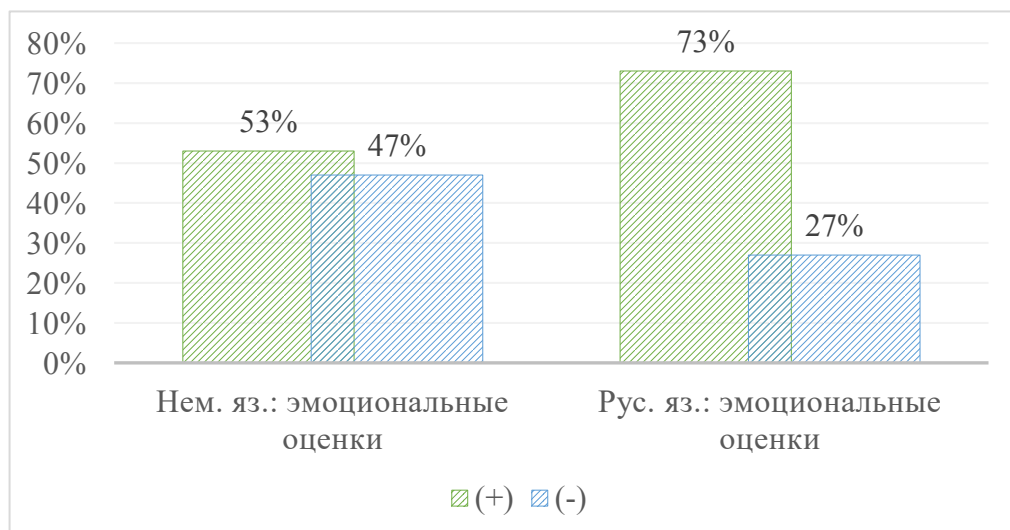
²⁰ Отражённых, в частности, в работе Х. Коттхофф [Kotthoff 2013].

Ожидаемым результатом статистической обработки материала стала высокая доля рационально мотивированных оценок в немецком и русском подкорпусах: она на практике регламентирует рассуждения о преимущественно нормоцентрическом характере экспертной оценки рецензентов. В дальнейшем мы выделим рациональные аксиологические основания, типичные для оценок в немецко- и русскоязычных рецензиях, а пока сосредоточимся на эмоционально-мотивированных оценках. Заметно, что в русскоязычных рецензиях процент эмоциональных оценок в действительности оказывается выше, чем в рецензиях немецких авторов (16% против 11%), однако разрыв между приведёнными числовыми показателями оказывается сравнительно небольшим. Это не даёт нам оснований утверждать, что русскоязычные рецензенты демонстрируют заметно бóльшую склонность к выражению эмоциональных оценок, чем авторы немецкоязычных рецензий. Вместе с тем нельзя исключить ситуацию, в которой зафиксированное различие показателей приобретёт характер тенденции. Однако для проверки этого предположения потребуется значительное расширение выборки эмпирического материала.

3.5.1. Средняя плотность положительных и отрицательных эмоциональных оценок

Гораздо более существенной характеристикой русскоязычной научно-экспертной коммуникации является преобладание позитивных эмоциональных оценок над негативными (см. Рисунок 15):

Рисунок 15 — Средняя плотность положительных и отрицательных эмоциональных оценок в немецком и русском подкорпусах.

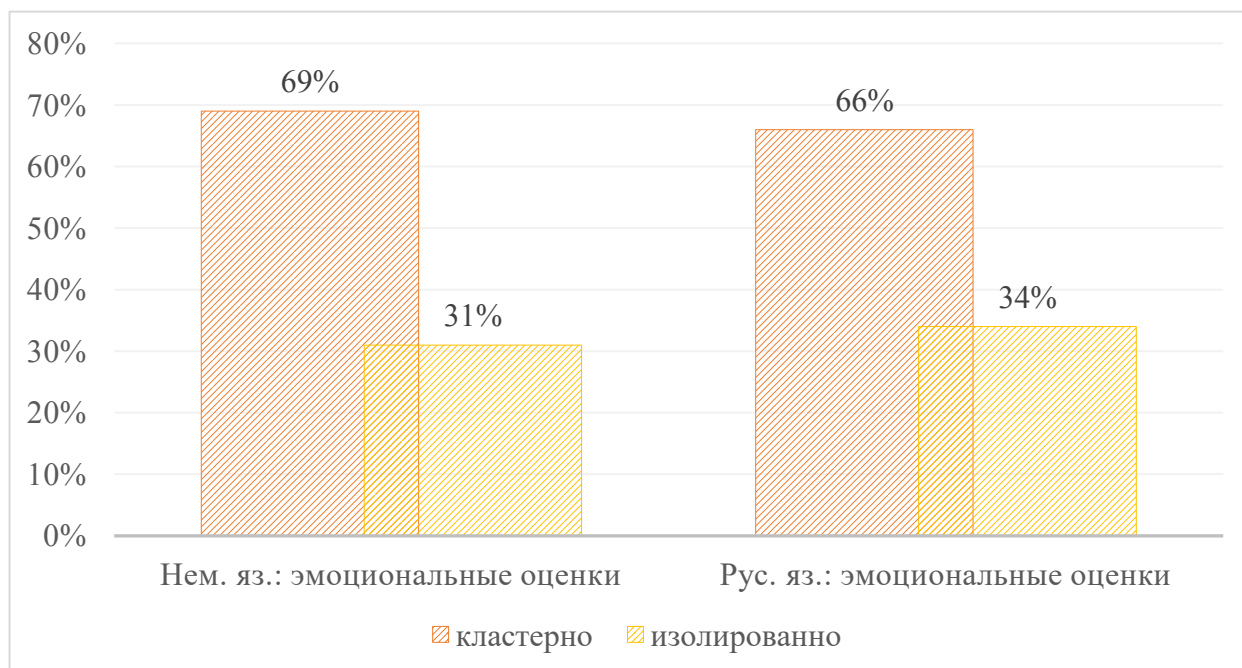
В то время как процентные показатели доли эмоциональных оценок со знаком «+» и «-» в немецком подкорпусе оказываются сопоставимыми (53% и 47% эмоционально-оценочных предикаций соответственно), в русскоязычных рецензиях наблюдается существенный разрыв между долей положительных (73%) и отрицательных (27%) эмоциональных оценок. Таким образом, результаты синхронного сопоставления по двум аналитическим параметрам — эмоциональности и поляризации — вносят свой вклад в моделирование культурно-специфичного русского стиля научно-экспертной коммуникации как акцентирующего «всё хорошее» и вуалирующего «всё плохое».

3.5.2. Средняя плотность эмоциональных оценок в кластерной и изолированной реализации

Качественный анализ контекстов с включением эмоциональных оценок демонстрирует возможность как изолированного, так и кластерного употребления эмоционально-оценочных языковых единиц. В совместном использовании с оценками, реферирующими к критериям научной рациональности, выразители психоэмоционального состояния рецензента могут функционировать как усилители или модификаторы воздействия рациональной экспертной оценки на адресатов квалифицирующих высказываний. Оценочные скопления или *кластеры*, как правило, встречаются во вводной части рецензии, содержательно перекликающейся с заключительной итоговой оценкой рецензента. В основной части журнальной научной рецензии эмоциональные оценки сопутствуют рационально-оценочным сегментам и описательной передаче содержания рецензируемого труда. Важнейший элемент структуры академической рецензии, в котором неизменно наблюдаются скопления разнородных оценок, — заключение рецензента, выражающее итоговую оценку рецензируемого труда в целом.

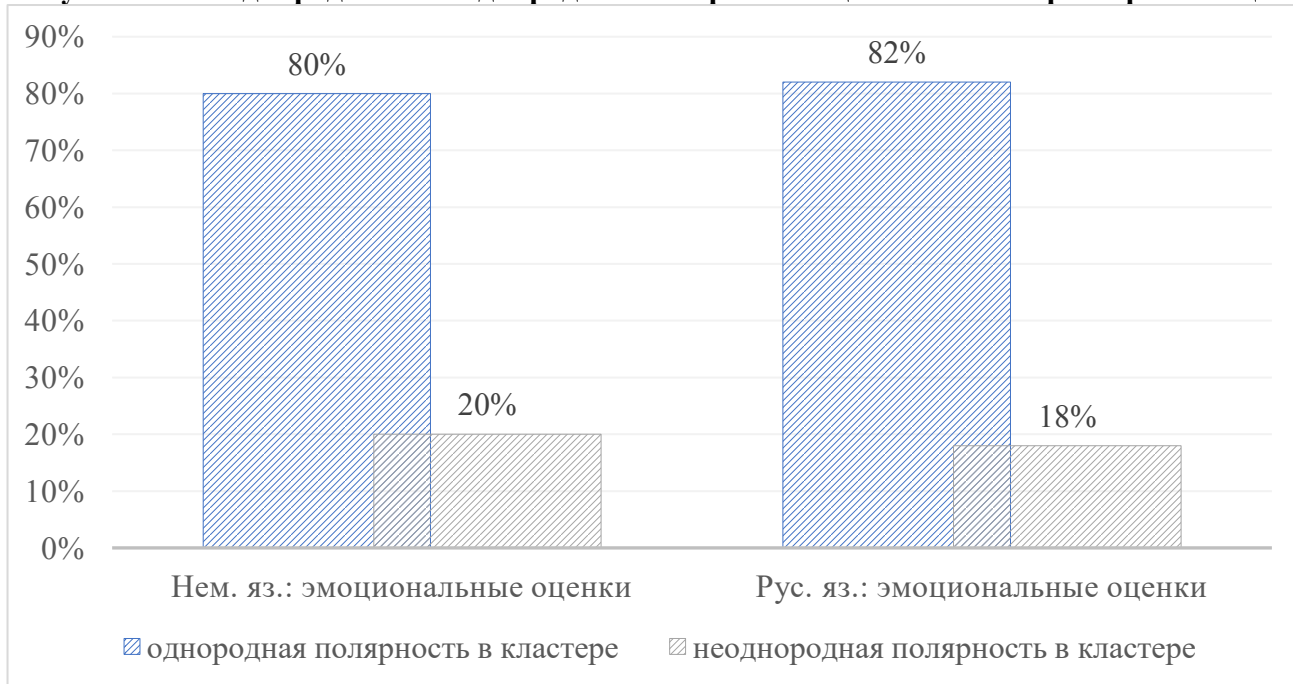
Так как экспертная оценка ориентируется, в первую очередь, на нормативные требования, предъявляемые к новым научным результатам, ожидается, что эмоциональной оценке будет скорее свойственно совместное употребление в контексте с рационально-мотивированными оценками. Вычисление средней плотности эмоциональных оценок в кластерном и изолированном употреблении позволяет полностью подтвердить это предположение как для немецко-, так и для русскоязычных рецензий (см. Рисунок 16):

Рисунок 16 — Средняя плотность эмоциональных оценок в кластерной и изолированной реализации.

Следующим этапом сопоставительного количественного анализа явился тест на соответствие полярностей эмоциональных и рациональных оценок в кластерах, проведённый с целью уточнения роли эмоциональных оценок в реализации макростратегии полярной компенсации (см. п. 2.9.2.). Для исследования выделенных оценочных кластеров на предмет расхождения полярностей эмоциональных и рациональных оценок произведены вычисления по следующим показателям:

- 1) отношение числа оценочных кластеров с однородной полярностью эмоциональных и рациональных оценок к общему числу оценочных кластеров в немецком и русском подкорпусах;
- 2) отношение числа оценочных кластеров с разнородной полярностью эмоциональных и рациональных оценок к общему числу оценочных кластеров в немецком и русском подкорпусах.

Рисунок 17 — Однородная и неоднородная полярность оценок в кластерной реализации.

Приведённые данные (Рисунок 17) демонстрируют, что для эмоционально-рациональных аксиологических кластеров в большинстве случаев характерна однородная полярность. Таким образом, можно утверждать, что коммуникативно-прагматическая функция эмоциональных оценок в оценочных скоплениях сводится к усилению полярности рациональных оценок в контексте и обеспечению дополнительного риторического воздействия на реципиентов научных рецензий.

Кластеры, в которых эмоциональные и рациональные оценки вовлекаются в реализацию макростратегии полярной компенсации, составили 20% и 18% в немецко- и русскоязычных рецензиях соответственно. Несмотря на сравнительно невысокую долю неоднородно-поляризованных кластеров, следует отметить, что они были обнаружены в 29 из 50 рецензий, что составляет 58% процентов от суммарного количества текстов в каждом подкорпусе. Полученный результат оказался идентичным как для немецкого, так и для русского подкорпусов. Тем не менее, в частных особенностях распределения контекстов, задействованных в реализации макростратегии полярной компенсации, проявляется лингвокультурная специфика. Так, если в немецкоязычных текстах зафиксировано 62 кластера, реализующих данную стратегию, то в русскоязычных рецензиях число таких кластеров достигает 81. Расхождения наблюдаются и в том, какие варианты указанной стратегии реализуются в скоплениях эмоциональных и рациональных оценок с гетерогенной аксиологической полярностью. Напомним, первый вариант стратегии полярной компенсации реализуется по схеме $(- \rightarrow +)$ и подразумевает движение авторской мысли от отрицательных оценок к положительным, в то время как второй вариант, схематически обозначенный как $(+ \rightarrow -)$, исходит из положительных оценок и фокусирует

отрицательные. В 22 кластерах в немецкоязычных рецензиях реализован первый вариант, а в 40 — второй вариант стратегии полярной компенсации. Для русскоязычных рецензий выводятся другие числовые показатели: в 41 кластере фиксируется первый вариант обсуждаемой стратегии, в соответствии со вторым вариантом стратегии построены 40 кластеров.

Обобщая вышеприведённые данные, можно сделать вывод о том, что стратегия полярной компенсации одинаково представлена как в немецком, так и в русском подкорпусах исследования. Вместе с тем распределение кластеров по вариантам реализации данной стратегии демонстрирует явную лингвокультурологическую специфику. Преобладание второго варианта стратегии (+ → -) над первым (- → +) в немецкоязычных рецензиях можно рассматривать как проявление большей полемической заострённости в сравнении с рецензиями на русском языке. Можно утверждать, что рецензиям немецкоязычных авторов в большей степени свойственно акцентировать недостатки рассматриваемых трудов с целью дальнейшего повышения качества научных результатов. В то же время тексты русскоязычного подкорпуса демонстрируют стремление рецензентов соблюсти баланс критики и похвалы в аксиологических кластерах.

3.5.3. Частотные маркеры эмоциональности в немецко- и русскоязычных рецензиях

Перейдём теперь к обсуждению конкретных языковых средств, маркирующих эмоциональность в рецензиях. В таблицах 5, 6 и 7 представлены наиболее употребительные маркеры эмоциональности в лингвистических рецензиях на немецком и русском языках; в графе «Частотность» указывается количество предикаций, в которых встречаются интересующие нас маркеры.

Таблица 5 — Частотные маркеры эмоциональности в лингвистических рецензиях на немецком и русском языках.

Частотность	Маркеры (нем. яз.)	Эмоция	Маркеры (рус. яз.)	Частотность
40	Прилагательные: interessant, nicht uninteressant, attraktiv; причастия: ansprechend, spannend,	Интерес (+)	Прилагательные: интересный, небезынтересный, нескучный, любопытный,	93

	anregend; существительные: Interesse.		увлекательный, привлекательный, захватывающий, заманчивой; существительные: интерес; глаголы: увлечь; наречия: интересно, любопытно.	
23	Наречия: leider, schade; прилагательные: bedauerlich; глаголы: enttäuschen.	Сожаление / разочарова ние	Вводные слова: к сожалению, жаль; существительные: сожаление; прилагательные: досадный, неутешительный; наречия: досадно.	27
10	Глаголы и причастия: beeindrucken, beeindruckend, faszinierend; прилагательные: eindrucksvoll.	Восторг/во схищение	Прилагательные: впечатляющий; глагол: впечатлять; визуально- графические средства: (...!), (sic!).	7
6	Глаголы: befremden; прилагательные: befremdlich, seltsam kurios, seltsamerweise, merkwürdig.	Настороже нность	Наречия: странно.	2

Таблица 6 — Частотные маркеры эмоциональности в лингвистических рецензиях на русском языке.

Недоумение/ недовольство	Риторические вопросы; визуально-графические средства: (sic!); глаголы: упрекнуть.	8
---------------------------------	--	---

Радость	Глаголы и причастия: радовать, утешающий; существительные: радость.	3
----------------	--	---

Таблица 7 — Частотные маркеры эмоциональности в лингвистических рецензиях на немецком языке.

Удивление (-)	Прилагательные и наречия: erstaunlich, verwunderlich; глаголы и причастия: erstaunen, überraschen, überraschend, verwundern, wundern, frappieren, frappierend.	14
Интерес (-)	Прилагательные и наречия: interessant, interessanterweise.	6
Удивление (+)	Причастия: überraschend.	5
Недовольство/ раздражение	Глаголы и причастия: irritieren, verwirren, verwirrend; существительные: Irritationen.	4

Из данных в таблице 5 следует, что спектр наиболее характерных эмоций, мотивирующих оценки как немецких, так и российских рецензентов, составляют такие внутренние состояния субъекта мысли и речи, как (положительно-окрашенный) интерес по отношению к сообщаемому, сожаление/разочарование, восторг/восхищение и настороженность, вызванная, по-видимому, несоответствием рецензируемого труда ряду требований/ожиданиям рецензента. Как в немецком, так и в русском подкорпусе на первое место по частотности выходит вербализация заинтересованности рецензента. Отчасти такой результат связывается с тем, что оценки, эмоционально-мотивированные интересом субъекта, могут выполнять в текстах функцию дискурсивных маркеров, помогая читателю ориентироваться в тексте рецензии, а рецензенту — акцентировать важные аспекты рассматриваемой публикации.

Следует, однако, заметить, что количество текстовых предикаций с маркированным интересом в русскоязычных рецензиях оказывается больше, чем в немецкоязычных текстах. В качестве языковых средств-индикаторов эмоциональной оценочности статистически чаще выступают прилагательные и существительные. В русскоязычных рецензиях также отмечается употребление вводных слов для выражения сожаления/разочарования.

Если таблица 5 представляет психоэмоциональные состояния рецензента, которые статистически часто акцентируются как в немецко-, так и русскоязычных текстах, таблицы 6 и 7 обобщают эмоциональные состояния, характерные для одного подкорпуса исследования и совершенно не свойственные для другого. В соответствии с приведёнными данными можно констатировать, что авторы лингвистических рецензий на русском языке, в отличие от

немецкоязычных коллег, чаще выражают радость по поводу сообщаемого, а также недоумение, граничащее с недовольством. Особо отметим, что последнее может маркироваться в контексте с помощью визуально-графической пометы (*sic!*). В немецкоязычных рецензиях были обнаружены лексико-грамматические индикаторы позитивного и негативного удивления, негативно-окрашенного интереса, а также недовольства/раздражения. В контексте рассуждений о более явном критическом характере немецкоязычных рецензий склонность немецких рецензентов к выражению удивления и интереса как отрицательных психоэмоциональных реакций представляется важной культурно-специфической характеристикой.

В ходе исследования установлено, что эмоциональность может маркироваться визуально-графическими (собственно типографическими) средствами²¹, к которым, в частности, можно отнести выбор шрифта, полужирного или курсивного начертания, подчёркивания и т. д. [Stöckl 2004: 12]. Данные анализа позволяют говорить о специализированных пометах (...!) и (*sic!*) как о характерных визуально-графических средствах индикации положительных (восторг/восхищение) и отрицательных (неудомение/недовольство) эмоций в текстах русскоязычного подкорпуса — см. пример (94). Кроме того, отмечается бóльшая частотность использования скобок для оформления эмоциональных комментариев в русскоязычных рецензиях. В немецкоязычных рецензиях отмечается использование курсивного шрифта для актуализации в тексте эмоционального отношения к сообщаемому — например, для выражения сожаления по поводу отсутствия необходимых теоретических оснований в рассматриваемой работе, см. (95). Заметим, однако, что статистические подсчёты, проведённые на материале исследования, не позволяют отнести курсивное начертание к частотным маркерам психоэмоциональных состояний рецензента.

(94) *Надо сказать, что разные темы изложены с разной степенью подробности. Некоторые аспекты, которые нельзя обойти в монографическом описании, но по поводу которых автор не собирается сообщать читателю принципиально новых сведений, изложены конспективно. Так, первые три главы, которые можно считать вступительными и которые называются <...>, содержат от одной до трёх (*sic!*) страниц каждая. Зато глава 6 «Генитив и отрицание» вместе с примыкающими к ней экскурсами изложена на 82 страницах (Богуславский 2016: 121).*

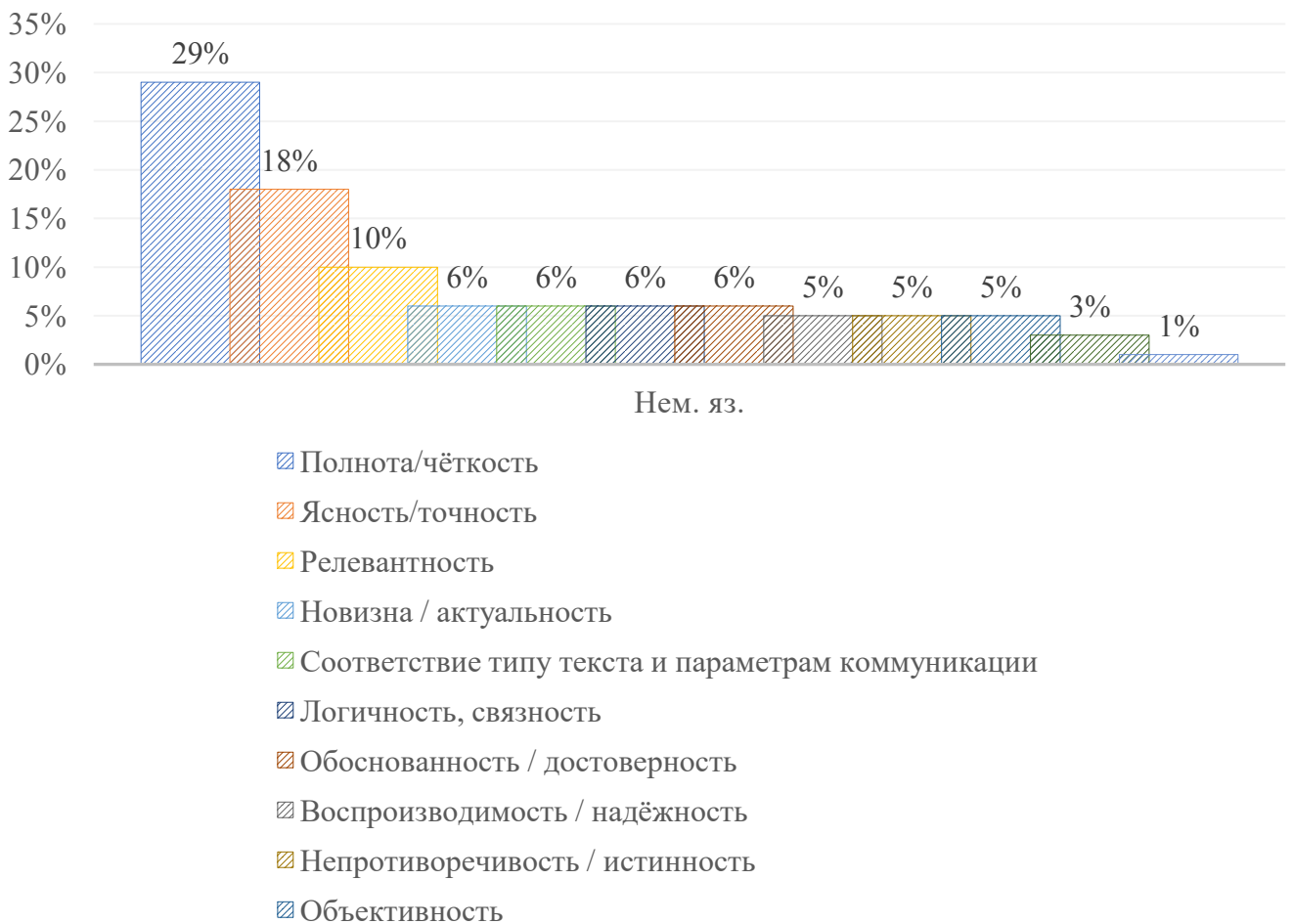
(95) *Wer an einer soliden theoretischen Fundierung interessiert ist, wird in dem Buch leider nicht fündig (Imo 2018: 140).*

²¹ Подробнее о типографических маркерах эмоциональности при выражении экспертной оценки см. [Кондратенко 2022с: 102–115].

3.5.4. Характерные основания рационально-мотивированных оценок в немецко- и русскоязычных рецензиях

Как и следовало ожидать, языковая и культурная специфика оценок в лингвистических рецензиях на немецком и русском языках проявляется не только в различии процентных показателей доли разновидностей оценок и маркировании тех или иных эмоций оценивающего субъекта, но и в выборе норм научной коммуникации в качестве оснований для рационально-оценочных высказываний. На приведённых ниже диаграммах (Рисунки 18 и 19) показано частотное распределение характерных оснований рационально-мотивированных оценок в рецензиях на двух языках.

Рисунок 18 — Основания рационально-мотивированных оценок в немецкоязычных рецензиях.

Рисунок 19 — Основания рационально-мотивированных оценок в русскоязычных рецензиях.

Основания, выявленные в ходе анализа, мы соотносим с критериями научности знания в концепции В. В. Ильина: нетривиальностью (новизной), истинностью (объективностью и достоверностью), критицизмом, логической организованностью (доказательностью) и опытной обоснованностью [Ильин 1989: 34–37].

Центральными критериями для немецкоязычных рецензий оказываются требования:

- 1) **полноты/чёткости** (характерные лексико-грамматические индикаторы: прилагательные *detailliert, knapp, spärlich, umfangreich*); существительные: *Aspektreichtum, Fülle, Lücken*; глаголы: *erläutern, fehlen, ignorieren, reduzieren*);
- 2) **ясности/точности** (прилагательные: *deutlich, klar, präzise, stringent*; существительные: *Klarheit, Prägnanz, Ungenauigkeit, Unschärfe*; глаголы: *veranschaulichen*);
- 3) **релевантности** (прилагательные: *bedeutsam, relevant, wesentlich*; существительные: *Beitrag, Relevanz, Wert*; глагол: *beitragen*).

В русскоязычных рецензиях ядро аксиологических критериев образуют не только требования полноты/чёткости, ясности/точности и релевантности, но и требования:

- 1) **достоверности/обоснованности** (прилагательные: *несостоятельный, обоснованный, спорный*; существительные: *достоверность, несостоятельность, основательность, спорность*; глаголы: *спорить, убеждать*; наречия: *обоснованно, резонно, сомнительно, справедливо*);
- 2) **новизны и актуальности** (прилагательные: *актуальный, инновативный, нетривиальный, уникальный*; существительные: *новация, новизна, прорыв*; наречия: *впервые, консервативно*).

На периферии аксиологических оснований оценок в немецко- и русскоязычном подкорпусах оказываются:

- 1) **эстетические мотивировки** (в качестве лексико-грамматических индикаторов эстетических оснований выступают прилагательные *elegant, выразительный, изящный, красивый, прекрасный*);
- 2) **текстотипологические требования к рецензируемому труду** (в качестве маркеров используются прилагательные *adäquat, angemessen*; глаголы: *sich eignen*; наречие: *нехарактерно*);
- 3) критерий **воспроизводимости и надёжности результатов** (прилагательные: *nachvollziehbar*; существительные: *Nachvollziehbarkeit, Reproduzierbarkeit, надёжность*);
- 4) требования **истинности/непротиворечивости** (прилагательные: *problematisch, widersprüchlich, непротиворечивый*; существительные: *Widerspruch, диссонанс, недоразумение*; глаголы: *verstellen, подменять*);
- 5) критерий **объективности** (прилагательные: *assoziativ, eigenwillig, künstlich, willkürlich, субъективный*; существительные: *Objektivität, Selektivität*; наречие: *правдоподобно*).

Результаты сопоставительного анализа распределения рационально-оценочных оснований в текстах двух подкорпусов исследования доказывают возможность выявления статистически подтверждаемых лингвокультурных различий в предпочтении тех или иных аксиологических оснований немецкими и российскими рецензентами. Можно обратить внимание на то, что в русскоязычных рецензиях не выявлены оценочные высказывания, квалифицирующими критический подход автора первичного текста к материалу и методологии исследования, а также к теориям и результатам, представленным в публикациях других учёных. Тем временем в немецкоязычных текстах устанавливается 1% оценочных высказываний, в основании которых

лежит критерий критического отношения автора к объектам научного рассмотрения (в качестве типичных маркеров используются прилагательные: *kritisch* и глаголы: *hinterfragen*, *problematisieren*). Однако основным результатом сопоставления доминант в полевой структуре оснований экспертной оценки стало выделение двух типов (моделей) рецензирования — «результато-ориентированного» (немецкого) и «процессо-ориентированного» (русского) [Кондратенко 2022а: 72]. Если немецкие рецензенты апеллируют, в первую очередь, к критериям полноты/чёткости, ясности/точности и релевантности, тем самым реферируя к авторскому результату и способам его представления в рецензируемом труде, то русскоязычные рецензенты акцентируют место авторского результата в существующем научном контексте. Именно такой эффект вызывает обращение к критерию новизны/актуальности, доминантному для рецензий на русском языке. В пользу ориентации на процесс, свойственной русскоязычной модели рецензирования, свидетельствует также центральная роль критерия достоверности/обоснованности, соотносимого с процедурами получения нового научного результата.

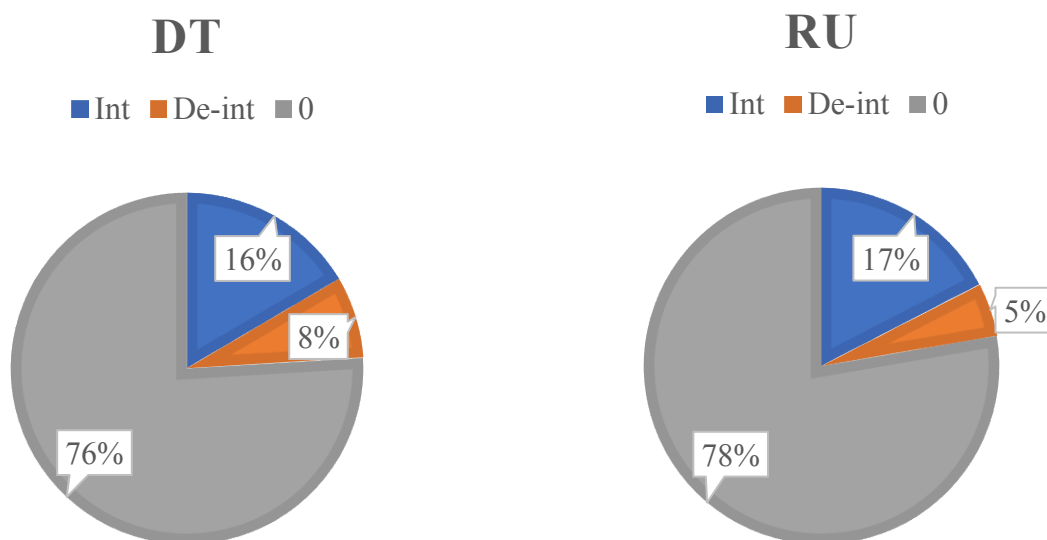
3.6. Средняя плотность интенсифицированных и деинтенсифицированных оценок

В завершение рассмотрим результаты сопоставления оценок в немецко- и русскоязычных лингвистических рецензиях по параметру *интенсифицированность/деинтенсифицированность*. Включение этого параметра в систему направлений контент-анализа объясняется тем, что средства контекстуального усиления и смягчения оценок обладают коммуникативно-прагматическим функционалом. Особенно это касается средств смягчения категоричности негативно-оценочных высказываний, которые уже обращали на себя внимание исследователей. Так, С. Т. Нефедов указывает на соответствие способов смягчения категоричности оценивания критериям негативной вежливости, задача которой — избежать вторжения в личную сферу адресата оценочных высказываний [Nefedov 2022: 1711]. В работе В. Е. Чернявской обобщаются способы деинтенсификации оценок, к которым автор относит: использование «научных эвфемизмов» (например, включение в отрицательно-оценочный контекст существительного *соображения* вместо *замечания*); употребление литот, помогающих снизить масштаб недостатка, на который указывает оценивающий субъект; оперирование сослагательными конструкциями со значением пожелания или рекомендации; включение в контексты единиц с модальностью возможности и семантикой сомнения [Chernyavskaya 2022: 1691–1692].

В задачи количественного исследования особенностей интенсификации и деинтенсификации оценочных высказываний входило: 1) определение плотности контекстов с включением интенсификаторов оценки; 2) определение плотности контекстов с включением деинтенсификаторов оценки; 3) определение плотности контекстов без использования средств (де)интенсификации и интенсификации;²² 4) исследование взаимосвязей между полярностью оценочных высказываний и использованием средств аксиологической (де)интенсификации; 5) выявление центральных и периферийных лексико-грамматических средств, используемых для риторического усиления и смягчения оценок.

Решение первых трёх конкретных задач представлено на следующей диаграмме (Рисунок 20):

Рисунок 20 — Плотность контекстов с включением интенсификаторов/деинтенсификаторов оценки в корпусе исследования.

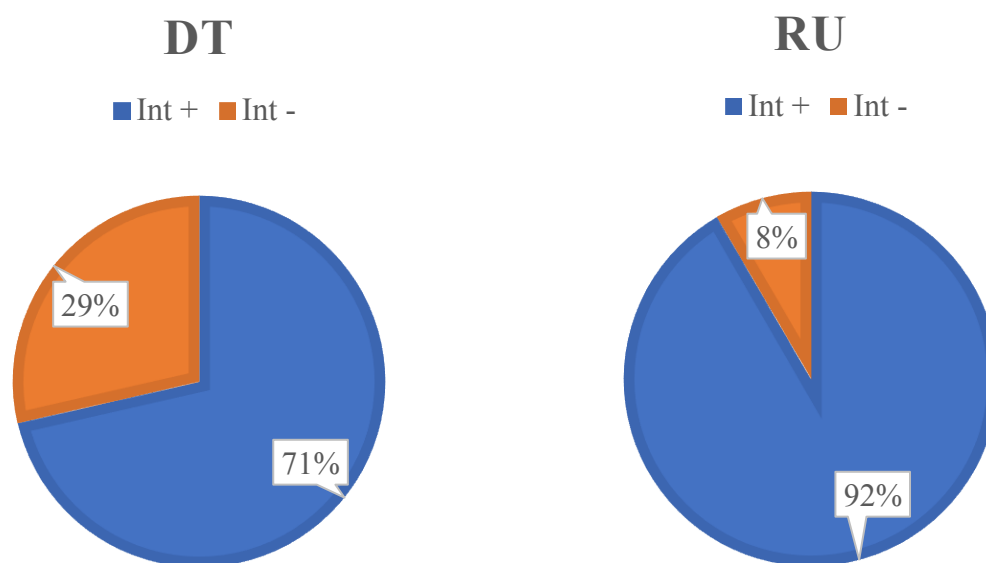
В ходе анализа установлено, что в немецко- и русскоязычных текстах оценки чаще всего реализуются без привлечения средств интенсификации или деинтенсификации оценочных смыслов (76% и 78% текстовых предикаций с включением оценок соответственно). Очевидно, что оперирование средствами оценочной (де)интенсификации демонстрирует сходные тенденции в немецко- и русскоязычных рецензиях. Вместе с тем выявляются незначительные лингвокультурные различия. Можно заметить, что немецкие рецензенты несколько чаще прибегают к средствам деинтенсификации с целью смягчения абсолютного характера негативных оценочных суждений (ср. 8% в немецкоязычных текстах с 5% в русскоязычном подкорпусе). Представляется, что выбор дополнительных языковых средств для снижения

²² На диаграммах описанным показателям соответствуют пометы *int*, *de-int* и *0*.

категоричности оценивания направлен на поддержание как репутации рецензента — компетентного исследователя, допускающего альтернативные точки зрения на рецензируемый текст, так и репутации автора рассматриваемого труда.

О более явной лингвокультурной специфике (де)интенсификации экспертных оценок приходится говорить, сопоставив плотность интенсифицированных и деинтенсифицированных оценок различной полярности.

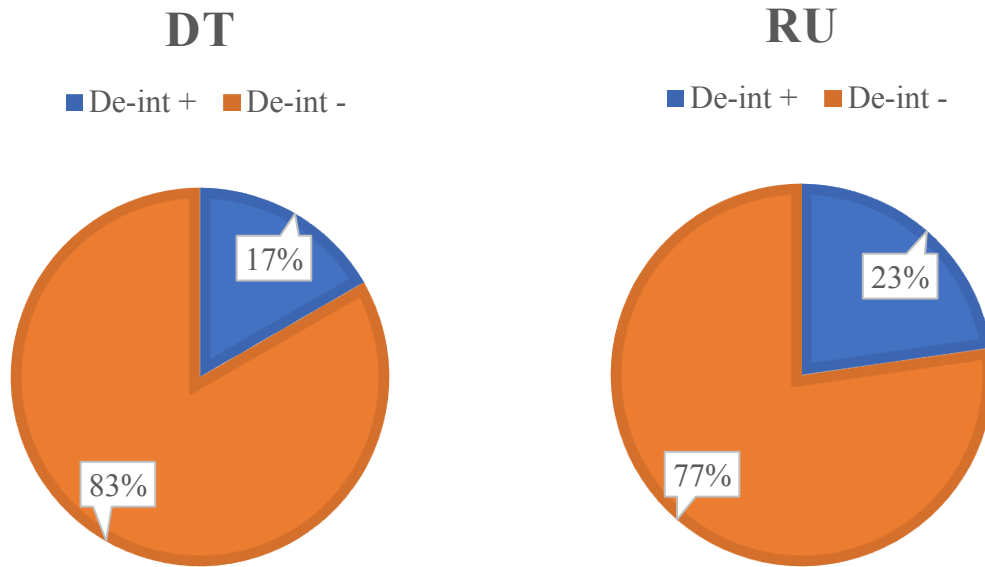
Рисунок 21 — Сочетание интенсификаторов оценки с положительно- и отрицательно-поляризованными оценочными высказываниями.

На Рисунке 21 видно, что лексико-грамматические единицы-интенсификаторы оценок статистически чаще используются вместе с положительно-поляризованными оценочными высказываниями. Это наблюдение верно как для немецко-, так и для русскоязычных рецензий. Вместе с тем становится очевидным, что немецкие рецензенты чаще российских используют интенсификаторы в отрицательно-оценочных контекстах (ср. 29% интенсифицированных негативных оценок в немецком подкорпусе с 8% в русском подкорпусе исследования). Полученные результаты свидетельствуют о том, что интенсификаторы оценок могут выступать в немецкоязычном научно-экспертном дискурсе не только как контекстуальные усилители одобрения рецензента, выраженного в позитивно-оценочных высказываниях, но и как катализаторы дискуссионности в диалоге нового и старого знания.

Теперь обратим внимание на сочетание средств аксиологической деинтенсификации с позитивными и негативными оценками (см. Рисунок 22).

Рисунок 22 — Сочетание деинтенсификаторов оценки с положительно- и отрицательно-поляризованными оценочными высказываниями.

Результаты сопоставления показателей различно поляризованных оценок с включением деинтенсификаторов, с одной стороны, ожидаемо свидетельствуют о том, что средства смягчения оценок чаще употребляются для сглаживания критических комментариев рецензента. Вместе с тем представляется интересным небольшое расхождение числовых показателей плотности положительно-поляризованных деинтенсифицированных оценок. Если для немецкого подкорпуса доля таких оценок составляет 17%, то в русскоязычных рецензиях она достигает 23%. Получается, что в рецензиях русского подкорпуса можно выявить две тенденции оценочной (де)интенсификации: с одной стороны, позитивные оценки интенсифицируются чаще, чем негативные (доминантная стратегия). С другой стороны, некоторые позитивные оценки могут сопровождаться средствами деинтенсификации (рецессивная стратегия). Оперирование деинтенсификаторами в таких случаях, вероятно, связано со стремлением рецензентов сохранить баланс между (очень) высокой оценкой научного результата и требованиями непредвзятости и объективности.

Перейдём к обсуждению частотных средств риторического усиления и снижения категоричности оценок в немецко- и русскоязычных рецензиях. Функцию аксиологических (де)интенсификаторов могут выполнять языковые единицы различной частеречной принадлежности — прилагательные, местоимения, частицы и т. д. В таблице 8 приводятся средства интенсификации и деинтенсификации оценочных высказываний, релевантные для рецензий на немецком языке.

Таблица 8 — Частотность средств интенсификации и деинтенсификации оценок в текстах немецкого подкорпуса.

Интенсификаторы оценок	Частотность (%)	Деинтенсификаторы оценок	Частотность (%)
gerade	11%	wenig	22%
insbesondere	9%	einige	18%
auch	9%	nicht (immer)	13%
alle	6%	etwas	12%
äußerst	6%	kaum	11%
überhaupt (nicht)	6%	teilweise	8%
lediglich	5%	weitgehend	7%
sicher	4%	relativ	4%
sicherlich	4%	recht	2%
zudem	4%	manchmal	1%
alles	4%	vollauf	1%
offenbar	3%	nicht wenig	1%
sogar	3%		
weitestgehend	3%		
allzu, zu	3%		
zweifellos	3%		
völlig	3%		
durchweg	2%		
all	2%		
außerordentlich	2%		
ohne jeden Zweifel	1%		
offensichtlich	1%		
vollkommen	1%		
bestens	1%		
ausnahmslos	1%		
unbestreitbar	1%		
offenkundig	1%		
überaus	1%		
ganz	1%		
uneingeschränkt	1%		

jede	1%
------	----

Различные показатели частотности, рассчитанные для конкретных средств усиления и ослабления оценок, позволяют представить категорию аксиологической (де)интенсификации как полевою структуру с центром и периферией. К центральным интенсификаторам оценки в немецкоязычных рецензиях следует отнести, в первую очередь, фокусирующую частицу *gerade*, а также адвербы *insbesondere*, *äußerst*, *lediglich*, *auch*, *überhaupt* (часто в совместном употреблении с единицами отрицательной семантики) и местоимение *alle*, повышающее степень абсолютности высказывания. Интересно, что лексико-грамматические единицы-носители эпистемической модальности, используемые для усиления оценок (например, адвербы и адъективы *sicher*, *sicherlich*, *zweifellos*, *unbestreitbar* и др.) или маркеры эвиденциальности (адвербы и адъективы *offenbar*, *offensichtlich*, *offenkundig*) оказываются на периферии средств интенсификации. Таким образом, можно утверждать, что доминирующая стратегия интенсификации оценок в немецкоязычной научно-экспертной коммуникативной практике состоит в акцентировании значимых для рецензента оценочных компонентов, а также в генерализации оценочных высказываний.

Параллельная тенденция наблюдается среди средств деинтенсификации оценок, центральных для немецкоязычных лингвистических рецензий. Ядро деинтенсификаторов образовано местоимениями *wenig*, *einige*, *etwas*. Употребление таких единиц снижает степень генерализации высказывания, позволяет представить сообщаемое положение дел как более частное. Необходимо, кроме того, отметить достаточно активное использование лексических модификаторов, направленных на смягчение отрицания, — см., например сочетание отрицательной частицы *nicht* и наречия *immer*; отрицательное наречие *kaum*, менее категоричное чем функционально синонимичная частица *nicht*. Как верно замечает Г. Н. Эйхбаум, в контекстах, в которых *nicht* употребляется совместно с такими модификаторами как *immer*, *viel*, *ganz* и т. д. *nicht* «неполностью зачёркивает номинативное содержание слова X, но модифицирует его количественный аспект в сторону ослабления/усиления» [Эйхбаум 1982: 60]. Заметно, что матрица средств деинтенсификации оценок в немецкоязычных рецензиях демонстрирует бóльшую семантическую однородность, чем аналогичная матрица средств аксиологической интенсификации. Так, среди периферийных средств мы также обнаруживаем адъективы и адвербы, направленные на снижение степени генерализации высказываний (например, *teilweise*, *weitgehend*, *relativ*, *manchmal* и др.), а также лексические модификаторы отрицания (*nicht* в сочетании с *wenig*).

Рассмотрим частотные средства интенсификации и деинтенсификации оценок в русскоязычных рецензиях.

Таблица 9 — Частотность средств интенсификации и деинтенсификации оценок в текстах русского подкорпуса.

Интенсификаторы оценок	Частотность (%)	Деинтенсификаторы оценок	Частотность (%)
очень	13%	несколько	12%
весьма	12%	достаточно	11%
весь	9%	многий	10%
вполне	7%	некоторый	9%
несомненно	6%	не всегда	8%
особенно	4%	кажется	7%
наиболее	4%	часто	7%
безусловно	3%	пожалуй	7%
самый	3%	довольно	6%
каждый	3%	своего рода	5%
несомненный	2%	сравнительно	3%
действительно	2%	немало	3%
большинство	2%	так или иначе	2%
чрезвычайно	2%	во многом	2%
исключительно, исключительный	2%	зачастую	2%
нельзя не	2%	(как) кажется	2%
совершенно	2%	(как) представляется	1%
крайне	2%	почти все	1%
существенно	2%	едва ли	1%
явно	2%	мне кажется	1%
далеко не	2%		
без сомнения	1%		
бесспорный	1%		
поистине	1%		
очевидно	1%		

особый	1%
предельно	1%
конечно	1%
целый	1%
вне всякого сомнения	1%
бесспорно	1%
ничего не	1%
ни в коей мере	1%
новейший	1%
важнейший	1%

Центр полевой структуры здесь образуют наречия *очень*²³ и *весьма*, за ними следуют такие единицы, как местоименное наречие *весь* и наречие *вполне*, а также наречие эпистемической модальности *несомненно*. Выделенные средства указывают на то, что доминирующими стратегиями интенсификации оценочных смыслов в русскоязычных рецензиях становится указание на максимальную степень выраженности какого-либо признака рассматриваемой работы, генерализация высказывания, а также актуализация уверенности субъекта мысли и речи в сообщаемом. На периферию отесняются другие лексико-грамматические единицы эпистемической модальности (прилагательные *несомненный*, наречия *безусловно*), в т. ч. слова и выражения с отрицательными компонентами (*бесспорно*, *без сомнения*, *вне всякого сомнения*, *ни в коей мере* и др.), средства выражения эвиденциальности (наречия *действительно*, *явно*, *очевидно*), единицы, акцентирующие важность, особенность сообщаемого (местоимение *самый*, прилагательные *особый*, *несомненный*, наречие *несомненно*), лексические модификаторы, придающие высказыванию более общий характер (существительное *большинство*, определительное местоимение *каждый*), а также прилагательные в превосходной степени (*новейший*, *важнейший*), реферирующие к критериям научности и т. д.

Ядерный инвентарь средств деинтенсификации, типичных для русскоязычных рецензий, составляют числительное *несколько* с семантикой небольшого и неопределённого множества, наречие *достаточно* и прилагательное *многий*. Использование перечисленных единиц позволяет рецензентам снижать степень всеобщности оценочных высказываний по принципу «*многие, но не все*» и сдержанно формулировать позитивные оценки (ср. *достаточно убедительный* и *крайне*

²³ Неожиданным результатом для нас оказалось отсутствие эквивалентного наречия *sehr* в функции интенсификатора оценок в немецкоязычных рецензиях.

убедительный). К периферийным деинтенсификаторам относятся средства выражения авторской субъективности, например, глаголы *представляться* и *казаться* в безличной форме (в т. ч. в составе вводных оборотов — *как представляется, как кажется* — и в сочетании с эксплицитно-авторизующим личным местоимением первого лица, единственного числа: *мне кажется*); вводное слово *пожалуй* как выразитель модальности возможности; словосочетания *так или иначе, своего рода*, «размывающие» чёткость оценочных резюме; словосочетание уступительной семантики *едва ли*, а также наречия *почти, часто, всегда* (в сочетании с отрицательной частицей *не*) и др. Эти средства поддерживают на периферии доминирующую стратегию аксиологической деинтенсификации в русскоязычных рецензиях, которая сводится к представлению оценочного высказывания как более частного, относительного и потому менее категоричного.

Выводы по Главе 3

В третьей главе диссертации кратко представлен теоретический контекст сопоставительного межъязыкового и межкультурного изучения профессиональной научной коммуникации. Показано, что, несмотря на универсальный характер, в общении исследователей может проявляться лингвокультурная специфика. Центральная для многих публикаций мысль о культурной вариативности языка науки становится отправной точкой для рассуждений об особых когнитивных и коммуникативных стилях, свойственных представителям той или иной научной дисциплины в рамках конкретной лингвокультуры.

Результаты проведённого количественного анализа, представленные в данной главе, не противоречат представлениям о том, что академическому общению могут быть свойственны специфические культурно-обусловленные характеристики. Показатели средней плотности эксплицитных и имплицитных, положительных и отрицательных, рациональных и эмоциональных, интенсифицированных и деинтенсифицированных оценок, с одной стороны, обнаруживают ряд симптоматических сходств, с другой стороны, позволяют реконструировать две культурноспецифические модели экспертного оценивания.

Как для немецкой, так и для российской модели в равной мере свойственны: 1) тяготение к эксплицитным оценкам, обусловленное текстотипологическими свойствами академических рецензий; 2) преобладание рационально-оценочных оснований над эмоционально-оценочными; 3) преобладание оценок, реализованных без участия средств (де)интенсификации над оценочными высказываниями с включением (де)интенсификаторов; 4) использование не только

собственно-языковых, но и визуально-графических (типографических) маркеров оценочной эмоциональности.

Вместе с тем, немецкую модель экспертного оценивания характеризуют: 1) равномерное распределение положительных и отрицательных имплицитных оценок; 2) бóльшая плотность отрицательных оценок в сравнении с русскоязычными рецензиями (при общем преобладании положительных); 3) бóльший процент рецензий с отрицательной итоговой оценкой; 4) равновесие положительных и отрицательных эмоциональных оценок; 5) тяготение к фокусированию недостатков в аксиологических кластерах с гетерогенной полярностью; 6) использование маркеров не только позитивно окрашенного, но и негативного интереса, удивления со знаком «—», раздражения и недовольства; 7) апелляция к критериям полноты/чёткости, ясности/точности и релевантности в качестве рационально-оценочных оснований; 8) более частое использование интенсификаторов в отрицательно-оценочных контекстах; 9) акцентирование значимых аспектов рецензируемого труда и генерализация оценочных высказываний в качестве доминирующих стратегий (де)интенсификации.

Российскую модель экспертного оценивания от немецкой отличают: 1) более высокая доля положительных имплицитных оценок; 2) бóльшая плотность положительных оценок; 3) меньший процент рецензий с отрицательной итоговой оценкой; 4) существенное преобладание положительно-поляризованных эмоциональных оценок над отрицательно-поляризованными выразителями эмоций рецензента; 5) равномерное распределение высказываний, фокусирующих недостатки рассматриваемого труда, и положительных оценок в рамках макростратегии полярной компенсации; 6) тенденция к маркированию таких эмоций, как радость и недоумение (в немецкоязычном подкорпусе не зафиксированы); 7) центральная роль критериев полноты/чёткости, ясности/точности, релевантности, а также достоверности/обоснованности и новизны/актуальности в качестве рационально-оценочных оснований; 8) более частое использование интенсификаторов и деинтенсификаторов в позитивно-оценочных контекстах; 9) оперирование такими стратегиями интенсификации, как указание на максимальную степень выраженности какого-либо признака рецензируемого труда, генерализация высказывания и выражение уверенности рецензента в сообщаемом, а также представление оценочного высказывания как более относительного в качестве центральной стратегии деинтенсификации.

В целом для немецкой модели экспертного оценивания в большей степени свойственно стремление к выражению как положительных, так и отрицательных оценок; использование лексико-грамматических средств, направленных на полемическое заострение научной дискуссии; ориентированность на результат научных исследований и способы его представления в рецензируемых текстах. В то же время российская модель экспертного оценивания

характеризуется явным преобладанием положительных оценок, стремлением к уравниванию положительных и отрицательных качеств рецензируемого труда, ориентацией на процесс приращения нового дисциплинарного знания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании отражена традиция изучения языковой оценки с различных позиций: в русле функционально-семантического, текстоцентрического, социокоммуникативного и лингводискурсивного подходов. На общем фоне отмечается существенное преимущество дискурсивного направления аксиологических исследований: в отличие от более консервативных подходов современные исследования оценок в дискурсивной перспективе позволяют учитывать параметры коммуникативных ситуаций в рамках конкретных социо-коммуникативных практик и привлекать статистические методы обработки эмпирического материала к рассмотрению особенностей выражения и функционирования оценок. Перечисленное объясняет эффективность социокоммуникативной и лингводискурсивной методологии для рассмотрения оценок в рамках частной коммуникативной практики научного дискурса — научно-экспертной коммуникации.

Эффективность подтверждается на практике: так, в опоре на параметры коммуникативного взаимодействия участников экспертного дискурса, уточняется абстрактная структура экспертных оценок и конкретные средства и способы их контекстуального воплощения в журнальных научных рецензиях по лингвистике. Журнальная научная рецензия рассмотрена как центральный эксплицитно-оценочный текстотип научно-экспертной коммуникации, специализированный на квалификации формальных и содержательных аспектов первичного текста (и, косвенно, профессиональных компетенций автора рецензируемого труда), демонстрирующий такие свойства как многовекторность, диалогичность и полиадресатность. Оценки, реализованные в научных рецензиях, реконструируются преимущественно как нормоцентричные, но, вместе с тем, не лишённые интеллектуальной экспрессии, отражающей психокогнитивную деятельность оценивающего субъекта. В соответствии с поставленными задачами в текстах корпуса выявлены и описаны не только эксплицитно-оценочные единицы, но и восемь разновидностей оценочных импликатур (оценка, реализованная посредством констатации фактов; оценка, имплицитная посредством выражения (не)согласия с позицией автора рецензируемого труда; оценка посредством рекомендации, адресованной автору рецензируемого труда; оценка посредством рекомендации, адресованной реципиенту рецензии; оценка, реализованная в рамках стратегии «от обратного»; оценка авторского вклада на фоне ранее опубликованных научных результатов; оценка посредством прямого или косвенного вопроса; оценка профессионализма автора рецензируемого труда), а также наиболее употребительные макростратегии имплицитного оценивания.

Статистически подтверждаемые различия в выборе средств и способов оценивания немецкими и российскими рецензентами позволили рассмотреть язык оценок в свете актуальных представлений о межкультурной вариативности языка науки. В результате реконструированы две лингвокультурно-специфические модели экспертного оценивания — немецкая (результато-ориентированная, с тенденцией к заострению полемического взаимодействия старого и нового научного знания) и российская (процессо-ориентированная, с тенденцией к фокусированию наиболее выгодных и «ретушированию» не самых удачных сторон рецензируемого труда).

Результаты исследования полностью подтверждают исходные предположения. Выявленная специфика языкового выражения экспертных оценок оказывается в полном соответствии с целями и намерениями участников научно-экспертной социокоммуникативной практики: реферирует к нормам ведения научной деятельности и стандартам представления научных результатов. Расхождения показателей плотности оценок, различно реализованных в немецко- и русскоязычных рецензиях (положительных и отрицательных, рациональных и эмоциональных оценок), а также асимметрия инвентаря стратегий оценочной импликации в текстах на двух языках позволяют верифицировать гипотезу о лингвокультурной специфичности экспертного оценивания. Наглядность результатов, полученных при обработке аутентичного языкового материала, свидетельствует в пользу их применения в учебных курсах по функциональной стилистике, лингвопрагматике и академической коммуникации на немецком и русском языках. В то же время числовые коэффициенты, полученные для наиболее частотных лексико-грамматических средств, позволяют предполагать возможность применения результатов исследования для алгоритмов машинного обучения.

Возможные перспективы дальнейшей разработки обозначенной темы можно сгруппировать по нескольким основным векторам. Первый вектор подразумевает продолжение изучения оценок в научном дискурсе и его разновидностях — научно-исследовательском и научно-учебном дискурсах. Представляется продуктивным исследовать особенности реализации различных оценок в научных статьях, монографиях, учебниках и учебных пособиях. В настоящее время это перспективное направление исследований уже разрабатывается в рамках проекта, поддержанного грантом РФФИ № 22-28-01024 «Язык оценок в научных гуманитарных практиках и дискурсах Германии и России».

Ко второму вектору будущих исследований можно отнести выявление особенностей оперирования оценочными смыслами в письменной и устной научной коммуникации. Это направление опирается на разделяемое некоторыми лингвистами представление о том, что устная речь подчиняется особым грамматическим правилам, которые отличаются от правил традиционной грамматики, тяготеющей к письменному тексту.

Третий вектор последующей разработки темы диссертации нацелен на повышение репрезентативности языкового материала за счёт привлечения к исследованию научно-экспертных текстов из других гуманитарных дисциплин (социологии, философии или психологии).

Четвёртый вектор, определяющий направление дальнейших исследований оценочной деятельности, сводится к переносу опыта изучения оценочных средств и стратегий на коммуникативные практики, реализуемые за рамками профессионального академического общения.

Пятый вектор продолжает ход рассуждений о сильной субъективной связанности оценок и предполагает переориентировать изучение экспертных оценок как таковых на исследование индивидуального языка оценок, определяемого идиостилем конкретного рецензента. Рассмотрение оценочных смыслов в таком ключе могло бы внести вклад в дальнейшее изучение соотношения социального/нормативного и индивидуального в научных текстах.

Пятый вектор дополняется шестым (заключительным) и подразумевает многомерное исследование оценок в рецензиях с привлечением первичного текста и рецензий различных авторов на одно и то же исходное произведение. Обозначенное направление исследовательской деятельности продолжит разграничение более общих текстотипологических характеристик оценочных актов в рецензиях и частных, в большей степени зависимых от субъекта, а также позволит акцентировать роль оценки в установлении интертекстуальных связей и взаимоотношений между различными сегментами научного знания — объектно-ориентированным (в исходном труде) и методологическим (в рецензиях).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения / В.Г. Адмони. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. — 366 с.
2. Адмони В.Г. Теоретическая грамматика немецкого языка. Строй современного немецкого языка / В.Г. Адмони. — М.: Просвещение, 1986. — 336 с.
3. Алексеева А.А. Классификация аксиологических значений по основанию оценки: молодое вино в новые мехи? / А.А. Алексеева // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — N 449. — С. 5–15. DOI: 10.17223/15617793/449/1
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1976. — 383 с.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт /Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 338 с.
6. Баженова Е.А. Категория оценки /Е.А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: Флинта: Наука, 2016. — С. 139–146.
7. Баженова Е.А. «Старое знание» в структуре научной коммуникации /Е. А. Баженова// Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация: материалы международной научной конференции. — СПб.: Изд-во Поли-техн. унта, 2017. — С. 6–7.
8. Баженова Е.А., Котюрова М.П. Жанры научной литературы / Е.А. Баженова, М.П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: Флинта: Наука, 2016. — С. 57–67.
9. Баженова Е.А. Структура нового знания в научном тексте /Е.А. Баженова// Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2020. — N 4 (210). — С. 144–151. DOI 10.23951/1609-624X-2020-4-144-151
10. Батурин Н.А. Психология оценки: общие представления, дифференциация понятий и области изучения /Н. А. Батурин // Психология. Психофизиология. — 2008. — N 31. — С. 17–31.
11. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. — С. 250–297.
12. Бирюлин Л.А., Корди Е.Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе /Л.А. Бирюлин, Е.Е. Корди// Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. — Л.: «Наука», 1990. — С. 67–72.
13. Бондарко А.В. Вступительные замечания. Глава II. Модальность. /А. В. Бондарко// Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. — Л.: Наука: Ленингр. Отд-ние, 1990. — С. 59–67.

14. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) /Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с.
15. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание /А. Вежбицкая. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.
16. Воеводин А.П. Эстетическая оценка /А.П. Воеводин// Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. — 2010. — Т. 23 (62). — N 2. — С. 32–37.
17. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке /В. Н. Волошинов. — The Hague, Paris: Mouton, 1972. — 157 с.
18. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки /Е.М. Вольф. — М.: УРСС, 2002. — 260 с.
19. Вопросы ономастики: международный научный журнал: сайт. Информация для авторов. — Екатеринбург, 2012. — URL: <http://www.onomastics.ru/content/voprosy-onomastiki> (дата обращения: 25.08.2022).
20. Вопросы языкознания: научный журнал: сайт. Авторам. — Москва. — URL: <https://vja.ruslang.ru/?ysclid=лсopaо0la3483601019> (дата обращения: 25.08.2022).
21. Воробьева М.Б. Особенности реализации оценочных значений в научном тексте /М.Б. Воробьева// Научная литература. Язык, стиль, жанры. — М.: Наука, 1985. — С. 47–56.
22. Выбойщик И.В. Оценочный стиль и его психологическое содержание: автореф. дисс. ... канд. Психол. Наук: 19.00.01 / И.В. Выбойщик. — Екатеринбург, 2003. — 22 с.
23. Данилевская Н.В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста /Н.В. Данилевская. — Пермь: Изд-во Перм. Ун-та, 2005. — 360 с.
24. Данилевская Н.В. Научный текст как динамика оценочных действий /Н.В. Данилевская// Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2009. — N 2. — С. 20–28.
25. Данилевская Н.В. Об особом статусе оценки в научном тексте /Н. В. Данилевская// Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2013. — N 2 (22). — С. 37–43.
26. Дмитриева Д.Ю., Самигуллина А.С. Лингвокогнитивный подход к проблеме категоризации интеллектуальных способностей человека (на материале английского языка) / Д.Ю. Дмитриева, А.С. Самигуллина. — Краснодар: Издательский дом «ХОРС», 2018. — 152 с.
27. Ивин А.А. Основания логики оценок /А.А. Ивин. — М.: Издательство Московского университета, 1970. — 229 с.
28. Ивин А.А. Аксиология /А.А. Ивин. — М.: Высшая школа, 2006. — 389 с.

29. Ивин А.А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты /А.А. Ивин. — М.: Проспект, 2016. — 320 с.
30. Ильин В.В. Критерии научности знания / В.В. Ильин. — М.: Высшая школа, 1989. — 128 с.
31. Кондратенко П.И. Коммуникативно-прагматический потенциал высказываний с маркерами верифицированного знания в немецкоязычном лингвистическом дискурсе /П.И. Кондратенко// Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2020. — 17(2). — С. 254–270. DOI:10.21638/spbu09.2020.206
32. Кондратенко П.И. ИмPLICITная экспертная оценка «от обратного» в текстах немецких лингвистических рецензий /П.И. Кондратенко// Германистика в современном научном пространстве. Материалы VII Международной научно-практической конференции. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. — С. 89–98.
33. Кондратенко П.И. Стратегии имPLICITной экспертной оценки в немецкоязычных лингвистических рецензиях /П.И. Кондратенко// Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2021. — Вып. 6 (218). — С. 49–59. DOI:10.23951/1609-624X-2021-6-49-59
34. Кондратенко П.И. Лингвокультурные особенности оценивания в научно-экспертной коммуникации (на материале немецко- и русскоязычных лингвистических рецензий) /П.И. Кондратенко// Terra Linguistica (Общество. Коммуникация. Образование). — 2022а. — Т. 13. — Вып. 2. — С. 66–74. DOI: 10.18721/JHSS.13207
35. Кондратенко П.И. Типографическое маркирование эмоциональности при выражении экспертной оценки в немецко- и русскоязычных рецензиях по лингвистике /П.И. Кондратенко// Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. — 2022с. — Т. 12. — С. 102–115. DOI:10.21638/spbu33.2022.105
36. Кондратенко П.И. «Основной недостаток книги проистекает из её главного достоинства»: оценочная стратегия полярной компенсации в рецензиях немецких и российских лингвистов /П.И. Кондратенко// Неофилология. — 2022b. — Вып. 8 (3). — С. 530–539. DOI:10.20310/2587-6953-2022-8-3-530-539
37. Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие /М.П. Котюрова, Е.А. Баженова. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 280 с.
38. Красильникова Л.В. Жанр научной рецензии: семантика и прагматика /Л.В. Красильникова. — М.: Диалог-МГУ, 1999. — 138 с.
39. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме /Л.В. Куликова. — Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева, 2006. — 392 с.

40. Куссе Х., Чернявская В.Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике /Х. Куссе, В.Е. Чернявская// Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2019. — № 16 (3). — С. 444–462. DOI: 10.21638/spbu09.2019.307
41. Луман Н. Истина. Знание. Наука как система /Н. Луман. — М.: Логос, 2016. — 410 с.
42. Масленников Е.В. Экспертное знание: Интеграционный подход и его приложение в социологическом исследовании /Е.В. Масленников. — М.: Наука, 2001. — 228 с.
43. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. Пособие /Л.А. Микешина. — М.: Прогресс-Традиция, МПСИ, Флинта, 2005. — 464 с.
44. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей /Л.А. Микешина. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 439 с.
45. Мирский Э.М. Наука как социальный институт /Э.М. Мирский// Высшее образование в России. — 2004. — N 8. — С. 89–108.
46. Молодыченко Е.Н. Аксиология дискурса консюмеризма: о роли языковой оценки в жанре лайфстайл /Е.Н. Молодыченко// Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2015. — N 6 (38). — С. 55–66.
47. Молодыченко Е.Н. Об операционализации категории «ценность» в текстовом и дискурсивном анализе: к вопросу о лингвистической аксиологии /Е.Н. Молодыченко// Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2015. — N 3(19). — С. 90–97.
48. Молодыченко Е.Н. Ценности и оценка в дискурсе консюмеризма: лингво-прагматический и критический анализ /Е.Н. Молодыченко// Вестник САФУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2016. — N 3. — С. 122–130.
49. Мусатова Г.А. Структурно-семантические особенности простых предложений, осложнённых уступительным оборотом с предлогами *несмотря на, вопреки, при* /Г.А. Мусатова// Известия ВГПУ. Филологические науки. — 2016. — Вып. 3 (107). — С. 158–165.
50. Найман Е.А. Семиотические механизмы формирования социального значения в языке /Е.А. Найман// Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2021. — N 59. — С. 87–100. DOI: 10.17223/1998863X/59/9
51. Нефедов С.Т. Прототипическая модель текста как основа текстотипологического знания (на примере авторского предисловия к научной монографии) /С.Т. Нефедов// Вестник СПбГУ. Сер. 9. — 2013. — N 3. — С. 197–203.
52. Нефедов С.Т. Интертекстуальные измерения авторского предисловия /С.Т. Нефедов// Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. IV: Текст

- и текстовые единицы. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014а. — С. 32–48.
53. Нефедов С.Т. Императивы лингвистического дискурса /С.Т. Нефедов// Научное мнение. — 2014б. — N 5. — С. 58–64.
54. Нефедов С.Т. Функциональный потенциал вопросительных структур в научных лингвистических текстах /С.Т. Нефедов// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2015. — Т. 28. — N 4. — С. 65–74. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.4.8.
55. Нефедов С.Т. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) /С.Т. Нефедов// Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2017. — Т. 14. — N 4. — С. 599–610. DOI:10.21638/11701/spbu09.2017.408
56. Нефедов С.Т. Жанровый прототип научной германистической рецензии /С.Т. Нефедов// Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. VIII. Типология речевых жанров. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2018. — С. 105–123.
57. Нефедов С.Т. Диалог «известного» и «нового»: стратегии оперирования прецедентным научным знанием /С. Т. Нефедов// Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. IX. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2019. — С. 68–90.
58. Нефедов С.Т. Социокоммуникативное измерение оценки /С.Т. Нефедов. Германистика в современном научном пространстве: материалы VI Международной научно-практической конференции. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. — С. 122–128.
59. Нефедов С.Т., Чернявская В.Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива /С.Т. Нефедов, В.Е. Чернявская// Вестник Томского гос. Ун-та. Филология. — 2020. — N 63. — С. 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5
60. Нефедов С.Т. Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса /С.Т. Нефедов// Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2021. — N 18 (4). — С. 760–778. DOI:10.21638/spbu09.2021.408
61. Пономарёва Т.В. Этикет в немецкоязычных научных текстах. С. 123–133 /Т.В. Пономарёва// Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. VIII. Типология речевых жанров. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2018. — С. 123–133.

62. Радби́ль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления /Т.Б. Радби́ль// Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. — 2011. — N 6 (2). — С. 569–573.
63. Рябцева Н.К. Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: межъязыковой аспект. Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание учёной степени доктора филологических наук: 10.02.19/Н.К. Рябцева. — М., 1996. — 112 с.
64. Рябцева Н.К. Научная речь на английском языке = English for scientific purposes: Руководство по научному изложению: Словарь оборотов и сочетаемости общенаучной лексики: Новый слов.-справ. актив. типа /Н.К. Рябцева. — М.: Флинта: Наука, 1999. — 598 с.
65. Ситникова Д.Л. Роль научной экспертизы в динамике сложных систем /Д.Л. Ситникова// Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2012. — N 4 (20). — Вып. 1. — С. 86–90.
66. Соловьева Н.В. Особенности рефлексивно-оценочной деятельности автора в научных текстах /Н.В. Соловьева// Стереотипность и творчество в тексте. Межвузовский сборник научных трудов. Пермский государственный университет. — 2009. — Т. 13. — С. 47–53.
67. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация /В.Н. Телия. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. — М.: Наука, 1991. — С. 5–35.
68. Тичер С., Мейер М. Методы анализа текста и дискурса /С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. — Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. — 356 с.
69. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ /Н.А. Трофимова. — СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. — 376 с.
70. Троянская Е.С. Научное произведение в оценке автора рецензии (к вопросу о специфике жанров научной литературы) /Е.С. Троянская. Научная литература. Язык, стиль, жанры. — М.: Наука, 1985. — С. 67–81.
71. Троянская Е.С. Обучение чтению научной литературы. В помощь преподавателю иностранных языков /Е.С. Троянская. — М.: Наука, 1989. — 271 с.
72. Филиппов К.А. Лингвистика текста и современный анализ устной речи: учеб. пособие /К.А. Филиппов. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2016. — 228 с.
73. Черных А.И. Экспертное знание и публичная экспертиза /А.И. Черных. — М.: Высшая школа экономики, 2010. — 29 с.

74. Чернявская В.Е. Интертекстуальное взаимодействие базисного и производного текстов в научно-критическом тексте (на материале современных немецкоязычных научных рецензий): автореф... дис. кан. фил. наук. — СПб.: 1995. — 27 с.
75. Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: (На материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 /В.Е. Чернявская. — СПб., 2000. — 49 с.
76. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность /В.Е. Чернявская. — М., 2009. — 245 с.
77. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. Учебное пособие /В.Е. Чернявская. — М., 2010. — 127 с.
78. Чернявская В.Е. Научное знание как объект оценки. /В.Е. Чернявская// Эпистемология и философия науки. — 2012. — Т. 34. — N 4. — С. 165–178.
79. Чернявская В.Е. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики) /В.Е. Чернявская// Жанры речи. — 2016. — N 1. — С. 56–64. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64
80. Чернявская В.Е. Социальное значение в зеркале политической корректности /В.Е. Чернявская// Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2021. — N 18 (2). — С. 383–399. DOI:10.21638/spbu09.2021.208
81. Щипицина А.А. Оценка действий человека в новостях науки: анализ с использованием модели оценок Appraisal Model /А.А. Щипицина// Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — N 1. — С. 38–43.
82. Эйхбаум Г.Н. О значении предложений с отрицательными словами /Г.Н. Эйхбаум// Синтаксическая семантика и прагматика. Межвузовский тематический сборник. Калинин: Калининский государственный университет. — 1982. — С. 55–65.
83. Agha A. Language and Social Relations /A. Agha. — New York: Cambridge University Press, 2007. — 427 pp.
84. Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt /U. Ammon. — Berlin/München/Boston: Walter de Gruyter, 2015. — 1295 S.
85. Arendt B., Kiesendahl J. Sprachkritische Kommentare in der Forenkommunikation. Form, Funktion und Wirkung /B. Arendt, J. Kiesendahl. Perspektiven linguistischer Sprachkritik. — Stuttgart, 2015. — S. 159–198.
86. Arendt B., Schäfer P. Bewertungen im Wissenschaftsdiskurs Eine Analyse von Review-Kommentaren als Aushandlungspraxis normativer Erwartungen /B. Arendt, P. Schäfer// Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. — 2015. — 45. Jg. — № 177. — S. 103–124.

87. Auer P., Baßler H. Der Stil der Wissenschaft /P. Auer, H. Baßler// Reden und Schreiben in der Wissenschaft. — Frankfurt / New York: Campus Verlag, 2007. — S. 9–31.
88. Baßler H. Russische, deutsche und angloamerikanische Zeitschriftenabstracts der Soziologie: Worin unterscheiden sie sich? / H. Baßler// Sprache und politischer Wandel (=sprache im kontext; 20). — Frankfurt/M. et al: Lang, 2003. — S. 189–212.
89. Beaugrande de R.-A., Dressler W. Introduction to Text Linguistics /R.-A. de Beaugrande, W. Dressler. — London / New York: Longman, 1981. — 270 p.
90. Bhatia V. K. A Generic View of Academic Discourse /V. K. A. Bhatia. Academic Discourse. — London / New York: Routledge, 2013. — Pp. 21–40.
91. Birnkraut G. Evaluation im Kulturbetrieb /G. Birnkraut. — Wiesbaden: Springer, 2019. — 129 S.
92. Bowe H., Martin K., Manns H. Communication across Cultures. Mutual Understanding in a Global World /H. Bowe, K. Martin, H. Manns. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — 240 p.
93. Breitkopf A. Wissenschaftsstile im Vergleich: Subjektivität in deutschen und russischen Zeitschriftenartikeln der Soziologie /A. Breitkopf. Freiburger Dissertationsreihe. Band 11. Philologie. — Freiburg im Breisgau: Rombach, 2006. — 197 S.
94. Breitkopf A., Vassileva I. Osteuropäischer Wissenschaftsstil /A. Breitkopf, I. Vassileva// Reden und Schreiben in der Wissenschaft. — Frankfurt / New York: Campus Verlag, 2007. — S. 211–225.
95. Bressler M., von Bergen C., Campbell K. The Sandwich Feedback Method: not very tasty // Journal of Behavioral Studies in Business. — 2014. — Vol. 7. — URL: <https://www.aabri.com/manuscripts/141831.pdf> (дата обращения: 14.05.2022).
96. Brommer S. Sprachliche Muster: eine induktive korpuslinguistische Analyse wissenschaftlicher Texte /S. Brommer. — Zürich: Universität Zürich, 2018. — 422 S.
97. Bublitz W. Englische Pragmatik. Eine Einführung /W. Bublitz. — Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2009. — 304 S.
98. Busse D. Linguistische Diskursanalyse. Die Macht der Sprache und die soziale Konstruktion der Wirklichkeit aus der Perspektive einer linguistischen Epistemologie /D. Busse. Diskurs. Sprache. Wissen. Interdisziplinäre Beiträge zum Verhältnis von Sprache und Wissen in der Diskursforschung. — Wiesbaden: Springer, 2013. — S. 50–77. DOI:10.1007/978-3-658-00493-4
99. Chernyavskaya V., Nefedov S. Zur Konstruktion der sozialen Indexikalität der Sprache: von „Kollektiv“ zu „Team“. Und via Coronavirus-Pandemie zurück? /V. Chernyavskaya, S. Nefedov// Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi — Studien zur deutschen Sprache und Literatur. — 2021. — N 46. — S. 1–21. DOI: 10.26650/sdsl2021-990815
100. Chernyavskaya V.E. Negative evaluation in Russian academic book review: across critical reflection and ritual genre (based on reviews of monographs on sociology in 2015–2022)

- /V.E. Chernyavskaya// J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., — 2022. — 15(11). — Pp. 1680–1698. DOI: 10.17516/1997-1370-0944.
101. Diani G. Reporting and Evaluation in English Book Review Articles: A Cross-Disciplinary Study /G. Diani// Academic Evaluation. — London: Palgrave Macmillan, 2009. — Pp. 87–105.
102. Diaz-Bone R. Sozio-Episteme und Sozio-Kognition. Epistemologische Zugänge zum Verhältnis von Diskurs und Wissen /R. Diaz-Bone. Diskurs. Sprache. Wissen. Interdisziplinäre Beiträge zum Verhältnis von Sprache und Wissen in der Diskursforschung. — Wiesbaden: Springer, 2013. — S. 78–96. DOI:10.1007/978-3-658-00493-4
103. Dijk van T.A. Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach /T.A. van Dijk. — Cambridge University Press, 2014. — 400 pp.
104. Du Bois J.W. The stance triangle /J.W. Du Bois// Stancetaking in Discourse. Subjectivity, evaluation, interaction. — Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. — Pp. 139–182.
105. Ehlich K. Mehrsprachigkeit in der Wissenschaftskommunikation — Illusion oder Notwendigkeit? /K. Ehlich. Die Wissenschaft und ihre Sprachen. — Bern: Peter Lang, 2006. — S. 17–39.
106. Erpenbeck J. Wertungen, Werte — Das Buch der Grundlagen für Bildung und Organisationsentwicklung /J. Erpenbeck. Berlin: Springer, 2018. — 259 S.
107. Fandrych Ch. Wissenschaftskommunikation /Ch. Fandrych. Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext. — Berlin, Boston: De Gruyter, 2018. — S. 143–167. DOI: 10.1515/9783110538601
108. Feilke H. Die pragmatische Wende in der Textlinguistik /H. Feilke. Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 1. Halbband. — Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2000. — S. 64–82.
109. Fleck L. Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache. Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv /L. Fleck. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1980. — 190 S.
110. Fløttum K. Academic voices in the research article /K. Fløttum // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Perspectives on Academic Discourse. — 2009. — Pp. 109–122.
111. Fløttum K. Variation of Stance and Voice across Cultures /K. Fløttum// Stance and Voice in Written Academic Genres. — Palgrave, Macmillan, 2012. — Pp. 218–232.
112. Galtung J. Struktur, Kultur und intellektueller Stil: Ein vergleichender Essay über sachsonische, teutonische, gallische und nipponische Wissenschaft /J. Galtung// Leviathan. — 1983. — Vol. 11. — № 3. — S. 303–338.

113. Gansel Ch., Jürgens F. Textlinguistik und Textgrammatik. Eine Einführung /Ch. Gansel, F. Jürgens. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. — 270 S.
114. Gansel Ch. Wissenschaftliches Schreiben im russisch-deutschen Sprachtransfer: Kompetenzen, Metakommunikation, Konventionen und Traditionen /Ch. Gansel. Wissenschaftliches Schreiben interkulturell: Kontrastive Perspektiven. — Berlin: Lang, 2018. — S. 73–100.
115. Giannoni D.S. Negotiating Research Values across Review Genres: A Case Study in Applied Linguistics /D.S. Giannoni. Academic Evaluation. — London: Palgrave Macmillan, 2009. — Pp. 17–34.
116. Gloning Th. Wissensorganisation und Kommunikation in den Wissenschaften /Th. Gloning. Handbuch Text und Gespräch. Berlin/Boston: De Gruyter, 2018. — S. 344–371.
117. Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior /E. Goffman. — New York: Doubleday, 1967. — 270 p.
118. Graefen G., Thielmann W. Der wissenschaftliche Artikel /G. Graefen, W. Thielmann// Reden und Schreiben in der Wissenschaft. — Frankfurt/New York: Campus Verlag, 2007. — S. 67–99.
119. Gray B., Biber D. Current Conceptions of Stance /B. Gray, D. Biber// Stance and Voice in Written Academic Genres. — London/New York: Palgrave Macmillan, 2012. — Pp. 15–34.
120. Groom N. Phraseology and Epistemology in Academic Book Reviews: A Corpus-Driven Analysis of Two Humanities Disciplines /N. Groom// Academic Evaluation. — 2009. — Pp. 122–143.
121. Gumperz J.J. Sharing Common Ground /J.J. Gumperz// Soziale Welten und kommunikative Stile. Festschrift für Werner Kallmeyer zum 60. Geburtstag. — Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2002. — S. 47–55.
122. Günthner S., König K. Kommunikative Gattungen in der Interaktion: Kulturelle und grammatische Praktiken im Gebrauch. / S. Günthner, K. König// Sprachliche und kommunikative Praktiken. Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. — S. 177–203. DOI:10.1515/9783110451542-008.
123. Halliday M.A.K. Language as a Social Semiotic. The social interpretation of language and meaning /M.A.K. Halliday. — London: Edward Arnold, 1978. — 257 pp.
124. Hannappel H., Melenk H. Pragmatik der Wertbegriffe // Pragmatik. Theorie und Praxis. Amsterdamer Beiträge zur Neueren Germanistik. Band 13-1981. Hg.: Wolfgang Frier. Amsterdam: Rodopi, 1981. — S. 209–237.
125. Hausendorf H., Kesselheim W., Kato H., Breitholz M. Textkommunikation /H. Hausendorf, W. Kesselheim. — Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2017. — 428 S.
126. Heinemann W. Textsorte — Textmuster — Texttyp /W. Heinemann. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft (HSK). Bd. 16.1. Text- und Gesprächslinguistik. — Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2000a. — S. 507–523.

127. Heinemann M. Textsorten des Bereichs Hochschule und Wissenschaft /M. Heinemann. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft (HSK). Bd. 16.1. Text- und Gesprächslinguistik. — Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2000b. — S. 702–709.
128. Heinemann M., Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion — Text — Diskurs. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. — 281 S.
129. Hempel K.G. Nationalstile in archäologischen Fachtexten. Bemerkungen zu „Stilbeschreibungen“ im Deutschen und im Italienischen /K.G. Hempel. Die Wissenschaft und ihre Sprachen. — Bern: Peter Lang, 2006. — S. 255–275.
130. Hermanns F. Schlüssel-, Schlag- und Fahnenwörter. Zu Begrifflichkeit und Theorie der lexikalischen „politischen Semantik“ /F. Hermanns. Arbeiten aus dem Sonderforschungsbereich 245 „Sprache und Situation“. — Heidelberg, Mannheim: Institut für deutsche Sprache. — 59 S.
131. Hood S. Appraising Research. Evaluation in Academic Writing /S. Hood. — London: Palgrave Macmillan, 2010. — 227 pp.
132. Hood S. Voice and Stance as Appraisal: Persuading and Positioning in Research Writing across Intellectual Fields /S. Hood. — London/New York: Palgrave Macmillan, 2012. — Pp. 51–69.
133. Hood S. Systemic functional linguistics and EAP /S. Hood. The Routledge Handbook of English for Academic Purposes. — New York: Routledge, 2016. — Pp. 193–206.
134. Hunston S. Evaluation and organization in a sample of written academic discourse /S. Hunston. Advances in Written Text Analysis. — London, New York: Routledge, 1994. — Pp. 191–219.
135. Hunston S., Thompson G. Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse /S. Hunston, G. Thompson. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 225 p.
136. Hunston S. Corpus Approaches to Evaluation. Phraseology and Evaluative Language /S. Hunston. — New York/London. Routledge, 2011. — 212 pp.
137. Hutz M. „Insgesamt muss ich leider zu einem ungünstigen Urteil kommen.“ Zur Kulturspezifität wissenschaftlicher Rezensionen im Deutschen und Englischen /M. Hutz// Zur Kulturspezifität von Textsorten. — Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr, 2001. — S. 109–130.
138. Hyland K. Engagement and Disciplinarity: the other side of evaluation /K. Hyland. Academic Discourse: new insights into Evaluation. — Amsterdam: Peter Lang, 2004. — Pp. 13–30.
139. Hyland K. Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing /K. Hyland. — London/New York: Continuum, 2005. — 230 pp.
140. Hyland K., Tse P. Discipline and Gender: Constructing Rhetorical Identity in Book Reviews /K. Hyland, P. Tse. Academic Evaluation. — New York: Palgrave Macmillan, 2009. — Pp. 105–122.
141. Hyland K., Jiang F. “In this paper we suggest”: Changing patterns of disciplinary metadiscourse /K. Hyland, F. Jiang// English for Specific Purposes. — 2018. — Vol. 51. — Pp. 18–30. DOI:10.1016/j.esp.2018.02.001

142. Jaffe A. Introduction: The Sociolinguistics of Stance /A. Jaffe// Stance: Sociolinguistic Perspectives. — Oxford: Oxford University Press, 2009. — Pp. 3–29. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195331646.001.0001
143. Jahr S. Emotionen und Emotionsstrukturen in Sachtexten: Ein interdisziplinärer Ansatz zur qualitativen und quantitativen Beschreibung der Emotionalität von Texten /S. Jahr. — Berlin: De Gruyter, 2000. — 268 S.
144. Kotthoff H. Vortragsstile im Kulturvergleich: Zu einigen deutsch-russischen Unterschieden /H. Kotthoff// Perspektiven auf Stil. — Berlin, Boston: Max Niemeyer Verlag, 2013. — S. 321–350. <https://doi.org/10.1515/9783110941524.321>
145. Krause D. Luhmann-Lexikon: Eine Einführung in das Gesamtwerk von Niklas Luhmann /D. Krause. — Stuttgart: UTB, 2005. — 335 S.
146. Leech G. Semantics. The Study of Meaning /G. Leech. — Harmondsworth: Penguin Books, 1981. — 383 pp.
147. Liedtke F. Moderne Pragmatik. Grundbegriffe und Methoden /F. Liedtke. — Tübingen: Narr Francke Attempto, 2016. — 238 S.
148. Löffler H. Germanistische Soziolinguistik /H. Löffler. — Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2016. — 222 S.
149. Longino H.E. Science as Social Knowledge /H.E. Longino. — Princeton: Princeton University Press, 1990. — 280 pp.
150. Malrieu J.P. Evaluative Semantics. Cognition, language and ideology /J.P. Malrieu. — London/New York: Routledge Frontiers of Cognitive Science, 1999. — 328 pp.
151. Martin J.R., White P.R.R. The Language of Evaluation. Appraisal in English /J.R. Martin, P.R.R. White. — Hampshire/New York: Palgrave Macmillan, 2005. — 278 pp.
152. Meibauer J. What is a context? Theoretical and empirical evidence /J. Meibauer. What is a Context? Linguistic approaches and challenges. — Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012. — Pp. 9–33.
153. Mittelstraß J., Trabant J., Fröhlicher P. Wissenschaftssprache: Ein Plädoyer für Mehrsprachigkeit in der Wissenschaft /J. Mittelstraß, J. Trabant, P. Fröhlicher. — Stuttgart: J.B. Metzler/Springer Verlag, 2016. — 50 S.
154. Moschonas S. Ideology and Language (Ιδεολογία και γλώσσα) /S. Moschonas. — Athens: Patakis, 2005. — 338 pp.
155. Nefedov S.T. Towards Evaluation in Scientific Reviews (Based on German Linguistics) /S.T. Nefedov // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. — 2019. — N 12 (10). — Pp. 1868–1886. DOI:10.17516/1997–1370–0494.

156. Nefedov S.T., Chernyavskaya V.E. Analyzing social meaning: How words matter in social contexts (based on German communicative practice) /S.T. Nefedov, V.E. Chernyavskaya// J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. — 2021. — N 14 (10). — Pp. 1556–1566. DOI: 10.17516/1997-1370-0839
157. Nefedov, S.T. Evaluation catalysts: how to recognize evaluative meanings /S.T. Nefedov// J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. — 2022. — N 15(11). — Pp. 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945.
158. Paltridge B. The discourse of peer review. Reviewing Submissions to Academic Journals /B. Paltridge. — London: Palgrave Macmillan, 2017. — 235 pp.
159. Ripfel M. Wörterbuchkritik. Eine empirische Analyse von Wörterbuchrezensionen /M. Ripfel. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1989. — 357 S.
160. Russian Journal of Linguistics: сайт. Правила для авторов. — Москва, 2016. — URL: <https://journals.rudn.ru/linguistics/index> (дата обращения: 25.08.2022).
161. Sager S.F. Sind Bewertungen Handlungen? /S.F. Sager// Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 1982. — Vol. 10. — N 1. — S. 38–57.
162. Schweickard W. Die sprachwissenschaftliche Rezension als Forschungsgegenstand (am Beispiel rumänistischer Rezensionen des 19. Jahrhunderts) /W. Schweickard. Beiträge zur rumänischen Sprache im 19. Jahrhundert. Akten des Kolloquiums „Die rumänische Sprache im 19. Jahrhundert“, Regensburg 26.–28. April 1990. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. — S. 361–369.
163. Shaw Ph. How do we recognize implicit evaluation in academic book reviews? /Ph. Shaw// Academic Discourse: Linguistic Insights into Evaluation. — Bern: Peter Lang, 2004. — Pp. 121–140.
164. Shaw Ph. The Lexis and Grammar of Explicit Evaluation in Academic Book Reviews, 1913 and 1993 /Ph. Shaw// Academic Evaluation. — London: Palgrave Macmillan, 2009. — Pp. 217–236.
165. Spitzmüller J. „Sprache“ – „Metasprache“ – „Metapragmatik“: Sprache und sprachliches Handeln als Gegenstand sozialer Reflexion /J. Spitzmüller// Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit (Handbuch Sprachwissen 10). — Berlin/Boston: De Gruyter, 2019. — S. 11–30. DOI:10.1515/9783110296150-002
166. Starfield S., Paltridge B. Understanding the language of evaluation in examiners' reports on doctoral theses /S. Starfield, B. Paltridge// Linguistics and Education. — 2015. — N 31. — Pp. 130–144.
167. Stöckl H. Typographie: Gewand und Körper des Textes — Linguistische Überlegungen zu typographischer Gestaltung /H. Stöckl// Zeitschrift für Angewandte Linguistik. — 2004. — N 41. — S. 5–48.

168. Stockmann R., Meyer W. *Evaluation. Eine Einführung* /R. Stockmann, W. Meyer. — Opladen & Bloomfield Hills: Verlag Barbara Budrich, 2010. — 295 S.
169. Swales J.M. *Genre Analysis. English in academic and research settings* /J.M. Swales. — New York/Port Chester/Melbourne/Sydney: Cambridge University Press, 1990. — 260 pp.
170. Swales J.M. *Evaluation in Academic Speech: First Forays* /J.M. Swales// *Academic Discourse: new insights into Evaluation*. — Amsterdam: Peter Lang, 2004. — Pp. 31–53.
171. Szurawitzki M. *Linguistische Untersuchungen zur evaluativen Sprache von Rezensionen aus der Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur* /M. Szurawitzki// *Moderna Sprak*. — 2011. — Vol. 105. — N 1. — Pp. 74–100.
172. Thomas J. *Meaning in Interaction. An Introduction to Pragmatics* /J. Thomas. — London: Longman, 1995. — 224 p.
173. Thomas D.P., Thomas A.A. *Evaluative stance in high achieving Year 3 persuasive texts* /D.P. Thomas, A.A. Thomas// *Linguistics and Education*. — 2015. — N 30. — Pp. 26–41.
174. Wang Y., Nelson M.E. *Discursive Construction of Authorial Voice in English Book Reviews: A Contrastive Analysis* /Y. Wang, M.E. Nelson// *Hong Kong Journal of Applied Linguistics*. — 2012. — N 14 (1). — Pp. 1–24.
175. Warnke I. *Intrakulturell versus interkulturell — zur kulturellen Bedingtheit von Textmustern* /I. Warnke// *Zur Kulturspezifik von Textsorten*. — Tübingen: Stauffenburg, Verlag Brigitte Narr, 2007. — S. 241–255.
176. Warnke I., Spitzmüller J. *Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik: Grundlagen und Verfahren einer Sprachwissenschaft jenseits textueller Grenzen* /I. Warnke, J. Spitzmüller// *Methoden der Diskurslinguistik: Sprachwissenschaftliche Zugänge zur transtextuellen Ebene*. — Berlin/ New York: de Gruyter, 2008. — S. 3–54.
177. Weinrich H. *Formen der Wissenschaftssprache* /H. Weinrich// *Jahrbuch. Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. — 1989. — S. 119–159.
178. Weinrich H. *Sprachen, das heißt Sprachen* /H. Weinrich. — Tübingen: Narr, 2006. — 413 S.
179. Widmer Th. *Qualität der Evaluation. Wenn Wissenschaft zur praktischen Kunst wird* /Th. Widmer// *Evaluationsforschung. Sozialwissenschaftliche Evaluationsforschung*, Vol. 1. — Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2000. — S. 78–102. DOI:10.1007/978-3-322-92229-8_4
180. Widmer Th., De Rocchi Th. *Evaluation. Grundlagen, Ansätze und Anwendungen* /Th. Widmer, Th. De Rocchi. — Zürich/Chur: Rüegger Verlag, 2012. — 188 S.
181. Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction* /A. Wierzbicka. — Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. — 502 pp.

182. Xu X., Nesi H. Evaluation in research article introductions: A comparison of the strategies used by Chinese and British authors /X. Xu, H. Nesi// *Text&Talk*. — 2019. — Pp. 1–22. DOI: 10.1515/text-2019-2046.
183. *Zeitschrift für Angewandte Linguistik (ZfAL)*. Hinweise für AutorInnen. — Berlin: De Gruyter. — URL: <https://www.degruyter.com/journal/key/zfal/html?lang=en> (дата обращения: 25.08.2022).
184. *Zeitschrift für Rezensionen (ZRS)*. Hinweise für Autor_innen. — Berlin: De Gruyter. — URL: <https://www.degruyter.com/journal/key/zrs/html> (дата обращения: 25.08.2022).
185. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft (ZfS)*. Hinweise für Autorinnen und Autoren. — Berlin: De Gruyter. — URL: <https://www.degruyter.com/journal/key/zfsw/html?lang=de> (дата обращения: 25.08.2022).
186. Zhao J. Bewertung in chinesischen wissenschaftlichen Zeitschriftenartikeln: Wandel und Kontinuität /J. Zhao// *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. — 2015. — 45. Jg. — N 177. — S. 86–102.
187. Zhao J. Wissenschaftliche Texte: universell oder kulturspezifisch? /J. Zhao// *Interkulturelles Forum der deutsch-chinesischen Kommunikation*. — 2021. — Vol. 1. — N 1. — S. 22–40. DOI:10.1515/ifdck-2021-2001
188. Zou H., Hyland K. Managing evaluation: Criticism in two academic review genres /H. Zou, K. Hyland// *English for Specific Purposes*. — 2020. — Vol. 60. — Pp. 98–112. DOI:10.1016/j.esp.2020.03.004

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Состав эмпирического корпуса исследования

1. Абдрахманова О.Р. Рец. на: Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод. Коллективная монография под общ. ред. проф. В.Е. Горшковой. — В.Е. Горшкова, Е.А. Колодина, Е.В. Кремнёв, И.П. Федотова, Е.О. Фирсова. — Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. — 367 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. 20 (3). С. 260–262.
2. Богданова Л.И. Рецензия на словарь-справочник под ред. Л.Р. Дускаевой «Медиалингвистика в терминах и понятиях». М.: Флинта, 2018. 440 с. // Russian Journal of Linguistics (Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика). 2019. 23 (3). С. 845–851.
3. Богуславский И.М. Рец. на: Е.В. Падучева. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013. // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 121–127.
4. Васильева Н.В. Когнитивная ономастика: взгляд из Европы. Рец. на: Cognitive Onomastics: A Reader / ed. By S. Brendler. — Hamburg: Vaar, 2016. — 204 p. // Вопросы ономастики. 2017. 14 (3). С. 210–221.
5. Вилинбахова Е.В., Маркасова Е.В. Рец. на: R. Finkbeiner, U. Freywald (eds.). Exact repetition in grammar and discourse. Berlin: De Gruyter Mouton, 2018. viii + 394 p. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, 323.) // Вопросы языкознания. 2020. № 3. С. 147–160.
6. Гейн К.А. В кругу топонимических проблем. Рец. на: Вопросы географии. Сб. 146. Актуальные проблемы топонимики / отв. ред. А. В. Барандеев. — Москва: Кодекс, 2018. — 312 с. // Вопросы ономастики. 2019. 16 (4). С. 252–259.
7. Голикова Д.М. Распознавание имен собственных и «именованных сущностей» при автоматической обработке текста. Рец. на: Nouvel D., Ehrmann M., Rosset S. Named Entities for Computational Linguistics / D. Nouvel, M. Ehrmann, S. Rosset. — London; Hoboken: ISTE Ltd: John Wiley & Sons, Inc., 2016. — 170 p. // Вопросы ономастики. 2018. 15 (1). С. 207–215.
8. Голомидова М.В. Мир городской повседневности в зеркале неофициальной ойконимии. Рец. на: Ахметова М. В. От А-Ата до Ярска: словарь неофициальных названий населенных пунктов. — М.: ФОРУМ, 2015. — 496 с. // Вопросы ономастики. 2016. 13 (1). С. 241–249.
9. Горяев С.О., Спиридонов Д.В. Итоги и перспективы ономастической науки: взгляд из Оксфорда. Рец. на: The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2016. — xxiii + 771 p. // Вопросы ономастики. 2016. 13 (2). С. 190–218.
10. Гусев В.Ю. Рец. на: А.У. Aikhenvald, R.M.W. Dixon (eds.). Commands: A crosslinguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2017. // Вопросы языкознания. 2019. № 5. С. 151–153.

11. Жолудева Л.И. Рец. на: Ю.В. Иванова, М.В. Шумилин (ред.) Науки о языке и тексте в Европе XIV—XVI веков. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 632 с. // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 147–153.
12. Жорник Д.О. Рец. на: M.C. Jones, D. Mooney (eds.). Creating orthographies for endangered languages. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017. ix, 333 p. // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 162–168.
13. Збеневич К. Рец. на: Эволюция ценностей в языках и культурах (Отв. Редактор И.А. Седакова). — М.: Пробел 2000, 2011. — 240 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. 21 (3). С. 927–933.
14. Зирка В.В. Рец. на: Ремчукова Е.Н., Страхова А.В. Рекламное «зазеркалье» России и Франции. Лингвокреативный и гендерный аспекты. Москва, 2016. 216 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. 21 (1). С. 221–223.
15. Зубалов Д.Ю., Мазурова Ю.В. Рец. на: Smakman, P. Heinrich (eds.). Urban sociolinguistics: The city as a linguistic process and experience. London: Routledge, 2018. 242 p. // Вопросы языкознания. 2018. № 4. С. 155–161.
16. Ионова С.В. Рец. на: Дискурсивные эмоции: кооперация и диссонанс. Шаховской В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). — Волгоград: Изд-во «ИП Поликарпов И.Л.», 2016. — 504 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. 20 (4). С. 197–201.
17. Карасик В.И. Рец. на: Леонтович О.А., Гуляева М.А., Лунева О.В., Соколова М.С. Позитивная коммуникация. Москва: Гнозис, 2019. 295 с. // Russian Journal of Linguistics (Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика). 2020. 24 (4). С. 1055–1061.
18. Качалкова Ю.А. Социология урбанонимии. Рец. на: Влахова Ангелова М. Улиците на София: картографиране на градската идентичност. — София: Ин-т за български език «Проф. Любомир Андрейчин», 2013. — 327 с. // Вопросы ономастики. 2016. 13 (1). С. 233–240.
19. Козлов А.А. Рец. на: T. Nessel. How Russian came to be the way it is: A student's guide to the history of the Russian language. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2015 // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 125–133.
20. Коницкая Е.М. Рец. на: Н.Р. Добрушина. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага: Animedia Company, 2016. // Вопросы языкознания. 2017. № 6. С. 115–122.
21. Королева И.А. Топонимия Калмыкии в историко-географическом и лингвистическом освещении. Рец. на: Кичикова Н.А. Топонимический словарь Республики Калмыкия / Н.А.

- Кичикова, Э.Б. Манджиева, В.И. Супрун. — Элиста: Джангар, 2017. — 272 с. // Вопросы ономастики. 2018. 15 (3). С. 250–257.
22. Костылев Ю.С. Культурология камня: камни и горы в фольклоре, обряде, топонимии. Рец. на: Камень и горы в народной культуре / Р. А. Агеева. Москва: Маска, 2019. 250 с. // Вопросы ономастики. 2021. 18 (2). С. 260–270.
23. Кривнова О.Ф. Рец. на: А. В. Павлова, Н. Д. Светозарова. Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах. М.: Флинта; Наука, 2018. 664 с. // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 160–168.
24. Кузнецов В.Г. Рец. на: С. Forel, T. Robert (éds.). Saussure: Une source d'inspiration intacte. Genève: MētisPresses, 2017. 320 p. // Вопросы языкознания. 2018. № 4. С. 162–167.
25. Кустова Г.И. Рец. на: Е.В. Падучева. Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд. М: Издательский дом «ЯСК», 2019. 440 с. // Вопросы языкознания. 2020. № 2. С. 128–135.
26. Кюршунова И.А., Семенова О.В. Проблемы лексикографии современных региональных прозвищ. Рец. на: Материалы для словаря современных прозвищ жителей Пермского края / М.В. Боброва. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2020. 195 с. // Вопросы ономастики. 2021. 18 (2). С. 271–280.
27. Маслова В.А. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / отв. ред. В.В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. — 500 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. 22 (2). С. 474–479.
28. Мокиенко В.М. Рец. на: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова (ред.). Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии. Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016 // Вопросы языкознания. 2017. № 6. С. 150–158.
29. Напольских В.В. Прорыв в исследовании мерянской проблемы. Рец. на: Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. IV. Топонимия мерянского типа / А.К. Матвеев. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 313 с. // Вопросы ономастики. 2016. 13 (2). С. 177–189.
30. Нечволодов Г.С. Рец. на: E. Velmezova (éd.). L'École sémiotique de Moscou-Tartu. Tartu-Moscou. Histoire. Épistémologie. Actualité. Slavica Occitania. Vol. 40. Toulouse: Université de Toulouse, 2015. // Вопросы языкознания. 2016. № 6. С. 128–130.
31. Новикова М.Г. Рец. на: Мишкурин Э.Н. «Герменевтика перевода» (теоретико-методологический стандарт) Москва: Военный университет, 2018. 299 с. // Russian Journal of Linguistics (Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика). 2019. 23 (2). С. 562–568.

32. Овчинникова И.Г., Ахутина Т.В. Рец. на: А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев (сост. и ред.), А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова (ред.). Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 131–140.
33. Панов В.А. Рецензия на: J. Bayer, V. Struckmeier (eds.). Discourse particles: Formal approaches to their syntax and semantics. Berlin: De Gruyter Mouton, 2017 // Вопросы языкознания. 2018. № 2. С. 132–139.
34. Панченко Н.Н. Рец. на: Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы: монография / В.И. Карасик. — Волгоград: Парадигма, 2015. — 432 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. 20 (2). С. 142–145.
35. Патроева Н.В. Рец. на: Борис Норман. Языковые категории в сознании и творчестве русского поэта. Berlin: Peter Lang, 2020. // Russian Journal of Linguistics (Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика). 2021. 25 (1). С. 278–283.
36. Петрова О.В. Рец. на: Шлепнев Д.Н. Общая теория перевода: начала. Введение в ремесло 2-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: НГЛУ, 2019. 354 с. // Russian Journal of Linguistics (Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика). 2019. 23 (2). С. 569–574.
37. Петрухин П.В. Рец. на: S. Dekker. Old Russian birchbark letters: A pragmatic approach. Leiden: Rodopi, 2018. 200 p. // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 155–160.
38. Плотникова А.А. Антропонимы староверов в иноязычной среде. Рец. на: Ziółkowska-Mówka M. System antropomiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce / M. Ziółkowska-Mówka. — Toruń: EIKON, 2018. — 469 s. // Вопросы ономастики. 2020. 17 (1). С. 253–261.
39. Подлеская В.И. Рец. на: О.Ю. Инькова (ред.). Семантика коннекторов: контрастивное исследование. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. 368 с. // Вопросы языкознания. 2019. № 5. С. 146–150.
40. Полонский А.В. Рецензия на монографию И.П. Лысаковой «Социолингвистическое исследование советской прессы: теория и практика». СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 335 с. // Russian Journal of Linguistics (Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика). 2019. 23 (3). С. 852–855.
41. Романова Т.П. Общеславянский словарь народной зоонимии. Рец. на: Warchoń S. Słownik etymologiczno-motywuacyjny słowiańskiej zoonimii ludowej. T. I–V / S. Warchoń. — Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007–2016. // Вопросы ономастики. 2017. 14 (3). С. 233–240.
42. Смирнов О.В. «Время собирать камни...»: к рождению новой науки. Рец. на: Напольских В.В. Очерки по этнической истории / В.В. Напольских. — Казань: Казанская недвижимость, 2015. — 648 с., илл. // Вопросы ономастики. 2017. 14 (3). С. 222–232.

43. Соколова Т.П. Проблемы описания городского ономастикона. Рец. на: Шмелева Т. В. Ономастикон российского города / Т.В. Шмелева. — Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. — 137 с.; Она же. Новгородская словесность: учеб. пособие / Т.В. Шмелева. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. — 183 с. // Вопросы ономастики. 2018. 15 (1). С. 196–206.
44. Супрун В.И. Астраханский антропонимикон в динамике. Рец. на: Копылова Э.В. Имя и время: два века истории имен астраханцев (1800–2000 гг.) / Э.В. Копылова. — М.: КноРус: Астрахань: Астрахан. ун-т, 2016. — 448 с. // Вопросы ономастики. 2017. 14 (2). С. 174–182.
45. Фалилеев А.И. Географические названия Флинтшира, Уэльс. Рец. на: Owen H.W. Place-names in Flintshire / H.W. Owen, K.L. Gruffydd. — Cardiff: Univ. of Wales Press, 2017. — 272 p. // Вопросы ономастики. 2020. 17 (1). С. 241–252.
46. Харламова Т.В. Рец. на: Дубровская Т.В., Рева Е.К., Кожемякин Е.А., Ярославцева Я.Ф., Арехина Д.В. /под общ. ред. Дубровской Т.В. Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации. М.: Флинта: Наука, 2017. — 248 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. 22 (2). С. 480–488.
47. Циммерлинг А.В. Рец. на: Steven Franks. Syntax and Spell-Out in Slavic. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2017. 346 p. // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 145–155.
48. Чулкина Н.Н. Рецензия на коллективную монографию И.А. Бубновой, И.В. Зыковой, В.В. Красных, Н.В. Уфимцевой «(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем» / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. — 390 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. 22 (1). С. 200–209.
49. Шаховский В.И. Рец. на: учебник В.А. Пищальниковой и А.Г. Сониной «Общее языкознание». М.: Р.Валент, 2017. 480 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. 21 (3). С. 934–940.
50. Шмелева Т.В. Новые достижения в изучении гидронимии. Рец. на: Васильев В. Л. Гидронимия бассейна реки Мсты: свод названий и анализ микросистем / В. Л. Васильев. — М.: Изд. дом ЯСК, 2017. — 344 с. // Вопросы ономастики. 2018. 15 (2). С. 263–272.
51. Adamzik K. Rez. auf: Heiko Hausendorf, Reinhold Schmitt & Wolfgang Kesselheim (Hg.). 2016. Interaktionsarchitektur, Sozialtopographie und Interaktionsraum (Studien zur deutschen Sprache 72). Tübingen: Narr/Francke/Attempto. 448 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2017. 9 (1–2). S. 176–182.
52. Arendt B., Vollmer M. Rez. auf: Elin Fredstedt, Robert Langhanke & Astrid Westergaard (Hg.) 2015. Modernisierung in kleinen und regionalen Sprachen (Kleine und regionale Sprachen: KURS

- 1). Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms. 197 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 153–159.
53. Ballstaedt S.-P. Rez. auf: Klotz, Peter. 2019. Werten. Zur Praxis mentaler, pragmatischer und sprachlicher Orientierung. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 230 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2020. 73. S. 301–305.
54. Bendel Larcher S. Rez. auf: Liv Andresen. 2015. Persönlichkeitsspezifische Sprachvariation. Eine empirische Untersuchung zum Zusammenhang von Extraversion und Nähesprachlichkeit (Germanistische Linguistik – Monographien 31). Hildesheim u. a.: Georg Olms. 177 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 30–35.
55. Böhnert K. Rez. auf: Kiesendahl, Jana & Ott, Christine. 2015. Linguistik und Schulbuchforschung. Gegenstände – Methoden – Perspektiven. Göttingen: V&R unipress. 346 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2016. 65. S. 189–196.
56. Briese J. Rez. auf: Frank Liedtke: Moderne Pragmatik. Grundbegriffe und Methoden. Tübingen: Narr Francke Attempto 2016 (Narr Studienbücher). IV +238 S. // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2017. 36 (2). S. 319–325.
57. Brommer S. Rez. auf: Michael Hoffmann. 2017. Stil und Text. Eine Einführung (Narr Studienbücher). Tübingen: Narr/Francke/Attempto. 267 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2019. 11 (1–2). S. 59–63.
58. Bülow L. Rez. auf: de Bot, Kees. 2015. A History of Applied Linguistics. From 1980 to the present. London: Routledge. 154 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2016. 64. S. 137–143.
59. Busch F. Rez. auf: Wagner, Franc & Kleinberger, Ulla (Hrsg.). 2014. Sprachbasierte Medienkompetenz von Kindern und Jugendlichen. Bern u.a.: Peter Lang (Sprache in Kommunikation und Medien, Band 5). 252 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2016. 65. S. 197–204.
60. Ehrhardt C. Rez. auf: Tatsuhiko Yoshida. 2016. Höflichkeit als Ressource zur interkulturellen Kommunikation. Theorie und Praxis zur gesprächsanalytischen Höflichkeitsforschung. München: Iudicium. 289 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2017. 9 (1–2). S. 72–77.
61. Fiehler R. Rez. auf: Leonardi, Simona, Thüne, Eva-Maria & Betten, Anne (Hrsg.) (2016). Emotionsausdruck und Erzählstrategien in narrativen Interviews. Analysen zu Gesprächsaufnahmen mit jüdischen Emigranten. Würzburg: Königshausen & Neumann. 388 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2018. 68. S. 159–166.
62. Fix U. Rez. auf: Jürgen Schiewe (Hg.). 2016. Angemessenheit. Einsichten in Sprachgebräuche (Valerio 18). Göttingen: Wallstein. 180 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2017. 9 (1–2). S. 136–143.

63. Fuhrhop N. Rez. auf: Hans-Georg Müller. 2016. Der Majuskelgebrauch im Deutschen. Groß- und Kleinschreibung. Theoretisch, empirisch, ontogenetisch (Germanistische Linguistik 305). Berlin, Boston: De Gruyter. 418 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2017. 9 (1–2). S. 128–132.
64. Gansel Ch. Rez. auf: Katharina Jacob. 2017. Linguistik des Entscheidens. Eine kommunikative Praxis in funktionalpragmatischer und diskurslinguistischer Perspektive. Berlin, Boston: De Gruyter. 489 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2020. 12 (1–2). S. 69–74.
65. Gredel E. Rez. auf: Sylvia Bendel Larcher. 2015. Linguistische Diskursanalyse. Ein Lehr- und Arbeitsbuch. Tübingen: Gunter Narr. 256 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 131–135.
66. Gredig A. Rez. auf: Dimitrios Meletis. 2015. Graphetik. Form und Materialität von Schrift. Glückstadt: Verlag Werner Hülsbusch. 225 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 119–123.
67. Gruber H. Rez. auf: Sarah Brommer. 2018. Sprachliche Muster. Eine induktive korpuslinguistische Analyse wissenschaftlicher Texte (Empirische Linguistik/Empirical Linguistics Band 10). Berlin, Boston: de Gruyter. xvi, 423 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2020. 12 (1–2). S. 126–131.
68. Heilmann Ch. M. Rez. auf: Hannken-Illjes, Kati. 2018. Argumentation. Einführung in die Theorie und Analyse der Argumentation. Tübingen: Narr Studienbücher. 193 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2019. 70. S. 183–189.
69. Heinz T. Rez. auf: Kersten Sven Roth, Jürgen Spitzmüller, Birte Arendt & Jana Kiesendahl (Hg.). 2015. Sprache, Universität, Öffentlichkeit. Festschrift für Jürgen Schiewe. Bremen: Hempen. 261 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 48–52.
70. Imo W. Rez. auf: Elizabeth Couper-Kuhlen & Margret Selting. 2018. Interactional Linguistics. Studying Language in Social Interaction. Cambridge: Cambridge University Press. 617 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2018. 10 (1–2). S. 138–144.
71. Knobloch C. Rez. auf: Hansjakob Seiler (Hrsg.): Das Konzept der Objektrelation und das Kontinuum ihrer Varianten: Ein muttersprachlicher Zugang. München: LINCOM Europa 2015 (LINCOM Studies in Theoretical Linguistics 57). 146 S. // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2016. 35 (2). S. 223–229.
72. Krefeld Th. Rez. auf: Helmuth Feilke & Mathilde Hennig (Hg.). 2016. Zur Karriere von ‚Nähe und Distanz‘. Rezeption und Diskussion des Koch-Oesterreicher-Modells (Germanistische Linguistik 306). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton. vii, 415 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2018. 10 (1–2). S. 8–14.
73. Lenk H. Rez. auf: Agnieszka Marta Kurzyńska. 2015. Das deutsche Poplied als Textsorte. Eine Studie über neuere deutsche Liedertexte aus textuell-stilistischer Sicht (Danziger Beiträge zur

- Germanistik 49). Frankfurt a. M. u. a.: Peter Lang. 177 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 124–130.
74. Liedtke F. Rez. auf: Peter Klotz. 2017. Modifizieren. Aspekte pragmatischer und sprachlicher Textgestaltung. Berlin: Erich Schmidt. 214 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2018. 10 (1–2). S. 231–235.
75. Markewitz F. Rez. auf: Greule, Albrecht & Reimann, Sandra. 2015. Basiswissen Textgrammatik. Tübingen: A. Francke Verlag. 105 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2018. 68. S. 173–180.
76. Marten H. F. Rez. auf: Schmitt, Holger. 2018. Language in the Public Space. An Introduction to the Linguistic Landscape. Printed in Wroclaw by Amazon Fulfilment. 205 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2019. 71. S. 385–393.
77. Munske H. H. Rez. auf: Jürg Fleischer. 2017. Geschichte, Anlage und Durchführung der Fragebogen-Erhebungen von Georg Wenkers 40 Sätzen. Dokumentation, Entdeckungen und Neubewertungen (DDG 123). Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms. XII + 199 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2019. 11 (1–2). S. 216–218.
78. Niehaus K. Rez. auf: Fredsted, Elin, Langhanke, Robert & Westergaard, Astrid (Hgg.). 2015. Modernisierung in kleinen und regionalen Sprachen. Hildesheim/Zürich/New York: Georg Olms. 200 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2016. 65. S. 223–231.
79. Niehr Th. Rez. auf: Pappert, Steffen & Michel, Sascha (Hgg.). 2018. Multimodale Kommunikation in öffentlichen Räumen. Texte und Textsorten zwischen Tradition und Innovation. Stuttgart: ibidem (= Perspektiven Germanistischer Linguistik 14). 236 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2019. 70. S. 207–211.
80. Nowak J. Rez. auf: Eugen Hill: Einführung in die historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft 2013. 159 S. // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2016. 35 (2). S. 230–233.
81. Oberdorfer G. Rez. auf: Eva Neuland. 2016. Deutsche Schülersprache. Sprachgebrauch und Spracheinstellungen Jugendlicher in Deutschland. Unter Mitarbeit von Daniel Buchenauer, geb. Schubert (Sprache – Kommunikation – Kultur 20). Frankfurt a. M. u. a.: Peter Lang. 334 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2017. 9 (1–2). S. 88–92.
82. Rapp I. Rez. auf: Cathrine Fabricius-Hansen/Kåre Solfeld/Anneliese Pitz: Der Konjunktiv. Formen und Spielräume. Staufenburg Linguistik 100. Tübingen: Staufenburg, 2018, XVI + 270 S. // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2019. 38 (2). S. 305–309.
83. Reinhardt M. Rez. auf: Martina Wörgötter: Poetik und Linguistik. Die literarische Sprache Marie-Thérèse Kerschbaumers. Freiburg, Berlin, Wien: Rombach 2016 (Litterae 214). 445 S. // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2018. 37 (1). S. 129–130.

84. Rohde A. Rez. auf: Gebele, Diana & Zepter, Alexandra L. 2016. Inklusion: Sprachdidaktische Perspektiven – Theorie, Empirie, Praxis. *KöBeS* (11) 2016. Duisburg: Gilles & Francke. 405 S. // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2017. 67. S. 185–191.
85. Römer D. Rez. auf: Siefkes, Martin & Doris Schöps. 2013. Neue Methoden der Diskursanalyse. Themenheft *Zeitschrift für Semiotik*, Band 35, Heft 3–4. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 332 S. // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2017. 67. S. 193–203.
86. Schiewe J. Rez. auf: Nicole Kaminski. 2015. Literaturkritik ohne Sprachkritik? Theodor Fontane, Alfred Kerr, Karlheinz Deschner, Marcel Reich-Ranicki und Kollegen (Frankfurter Forschungen zur Kultur und Sprachwissenschaft 20). Frankfurt a. M. u. a.: Peter Lang. 291 S. // *Zeitschrift für Rezensionen*. 2016. 8 (1–2). S. 191–197.
87. Schmitt H. Rez. auf: Marten, Heiko F. & Saagpakk, Maris (Hgg.). 2017. Linguistic Landscapes und Spot German an der Schnittstelle von Sprachwissenschaft und Deutschdidaktik. München: IUDICIUM. 190 S. // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2019. 70. S. 228–233.
88. Schmitz U. Rez. auf: Dürscheid, Christa & Frick, Karina. 2016. Schreiben digital. Wie das Internet unsere Alltagskommunikation verändert. Stuttgart: Kröner (Einsichten, Band 3). 156 S. // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2017. 67. S. 215–217.
89. Senoner D. Rez. auf: Bendel Larcher, Sylvia. 2015. Linguistische Diskursanalyse. Ein Lehr- und Arbeitsbuch. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag. 256 S. // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2016. 65. S. 233–240.
90. Shim A.-F. Rez. auf: Marx, Konstanze & Simon Meier (Hrsg.). 2018. Sprachliches Handeln und Kognition. Theoretische Grundlagen und empirische Analysen (*Linguistik – Impulse & Tendenzen* 75). Berlin & Boston: de Gruyter. 236 S. // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2020. 73. S. 307–312.
91. Spieß C. Rez. auf: Stopfner, Maria. 2013. Streitkultur im Parlament. Linguistische Analyse der Zwischenrufe im österreichischen Nationalrat. Tübingen: Narr. 332 S. // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2016. 65. S. 241–248.
92. Staffeldt S. Rez. auf: Liedtke, Frank. 2016. Moderne Pragmatik. Grundbegriffe und Methoden (narr Studienbücher). Tübingen: Narr/Francke/Attempto. 238 S. // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2018. 69. S. 143–153.
93. Ubl M.-O. Rez. auf: Albert, Georg & Sabine Diao-Klaeger (Hrsg.). 2018. Mündlicher Sprachgebrauch. Zwischen Normorientierung und pragmatischen Spielräumen (*Stauffenburg Linguistik*, Band 101). Tübingen: Stauffenburg Verlag. 316 S. // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2020. 73. S. 341–348.

94. Verhein-Jarren A. Rez. auf: Göpferich, Susanne. 2015. Text Competence and Academic Multiliteracy. From Text Linguistics to Literacy Development. Tübingen: Narr (Europäische Studien zur Textlinguistik, 16). 299 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2016. 64. S. 145–148.
95. Vogel F. Rez. auf: Niehr, Thomas. 2014. Einführung in die Politolinguistik. Göttingen: UTB. 191 S. Klein, Josef. 2014. Grundlagen der Politolinguistik. Ausgewählte Aufsätze. Berlin: Frank & Timme. 392 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2016. 64. S. 153–158.
96. Völker H. Rez. auf: Gessinger, Joachim, Angelika Redder & Ulrich Schmitz (Hrsg.). 2018. Korpuslinguistik (Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST) Heft 92/2018). Duisburg: Universitätsverlag Rhein-Ruhr. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2020. 73. S. 349–355.
97. Walczak G. Rez. auf: Sebastian Löbner: Understanding Semantics. 2nd edition. London & New York: Routledge 2013 (Understanding Language Series). XI + 379 S. // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2016. 35 (2). S. 234–236.
98. Weidacher G. Rez. auf: Heiko Hausendorf, Wolfgang Kesselheim, Hiloko Kato & Martina Breitholz. 2017. Textkommunikation. Ein textlinguistischer Neuanatz zur Theorie und Empirie der Kommunikation mit und durch Schrift. (Reihe Germanistische Linguistik). Berlin, Boston: De Gruyter. 414 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2019. 11 (1–2). S. 28–33.
99. Ziem A. Rez. auf: Marcus Müller. 2015. Sprachliches Rollenverhalten. Korpuspragmatische Studien zu divergenten Kontextualisierungen in Mündlichkeit und Schriftlichkeit (Sprache und Wissen 19). Berlin, Boston: De Gruyter. 377 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 103–107.
100. Zifonun G. Rez. auf: Martin Pfeiffer. 2015. Selbstreparaturen im Deutschen. Syntaktische und interaktionale Analysen. (Linguistik – Impulse & Tendenzen 68). Berlin, Boston: De Gruyter. 433 S. Laura Di Venanzio. 2016. Die Syntax von Selbstreparaturen. Sprach- und erwerbsspezifische Reparaturorganisation im Deutschen und Spanischen. (Linguistik – Impulse & Tendenzen 67). Berlin, Boston: De Gruyter. 639 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 204–211.

ST.PETERSBURG STATE UNIVERSITY

A manuscript

KONDRATENKO Polina Igorevna

CATEGORY OF EXPERT EVALUATION IN SCIENTIFIC DISCOURSE: A CASE
STUDY OF GERMAN AND RUSSIAN LINGUISTICS

DISSERTATION

for a scientific degree of
Candidate of Philological Sciences

Scientific specialty 5.9.6. Languages of Peoples of Foreign Countries (Germanic
Languages)

Translation from Russian

Scientific Supervisor:
Doctor of Philology, associate professor
Nefedov Sergey Trofimovich

Saint Petersburg

2023

CONTENTS

INTRODUCTION.....	198
CHAPTER 1. THE MAIN LINES OF LINGUISTIC ANALYSIS OF EVALUATION IN RUSSIAN AND FOREIGN RESEARCH	207
<i>1.1. The functional-semantic approach to the study of evaluation.....</i>	<i>208</i>
1.1.1. General and specific evaluation from a functional-semantic approach.....	208
1.1.2. Parametric features of evaluation as an object of consideration in a functional-semantic approach.....	211
1.1.3. Results of a functional-semantic evaluation research.....	214
<i>1.2. Text-centred approaches to the study of evaluation.....</i>	<i>215</i>
1.2.1. Examining evaluation in scientific texts from the perspective of Russian functional stylistics	216
1.2.2. Text-typology research on evaluation by M. Ripfel.....	220
1.2.3. Key advances in text-centred evaluation studies.....	222
<i>1.3. Pragmalinguistic, sociolinguistic and discourse-linguistic study of linguistic evaluation.....</i>	<i>224</i>
1.3.1. The specific evaluative framework of scientific texts shown by Russian linguists.....	225
1.3.2. Evaluation in the mirror of German pragmalinguistics.....	231
1.3.3. Interdisciplinary linguosociological approach: engaging assessment in functionally differentiated societal systems	235
1.3.4. J. Martin and P. White's Appraisal Framework: Appealing to a discursive perspective.....	239
1.3.5. Current trends in the sociolinguistic and discourse-linguistic study of evaluation in Russian and foreign linguistics	243
1.3.6. Outcomes of pragmalinguistic, discourse-linguistic and socio-communicative studies of evaluation.....	248
Conclusions on the Chapter 1.....	250

CHAPTER 2. THE CHARACTERISTICS OF THE EVALUATIVE LANGUAGE IN SCIENTIFIC EXPERT COMMUNICATION PRACTICES	252
2.1. <i>The role of expertise and expert knowledge in science</i>	252
2.2. <i>Review as a core text type in scientific and expert communicative practice</i>	254
2.2.1. Types of academic reviews.....	255
2.2.2. Model content of a scientific journal review.....	257
2.2.3. Communicative parameters of the scientific journal review.....	259
2.3. <i>The concept of expert evaluation in scientific reviews</i>	262
2.4. <i>Research corpus data</i>	264
2.5. <i>Research methodology</i>	268
2.6. <i>Linguistic indicators of the main communicative parameters of scientific expert practice in German and Russian subcorpora</i>	270
2.7. <i>Explicit evaluative qualifiers in German and Russian scientific expert discourses</i>	275
2.7.1. Means of explicit rational evaluation.....	275
2.7.2. Means of explicit emotional evaluation.....	280
2.8. <i>Strategies of implicit evaluation in scientific expert texts in German and Russian</i>	282
2.8.1. Evaluation realised through statement of facts.....	284
2.8.2. Implicit evaluation through the expression of (dis)agreement with the position of the reviewed work author	286
2.8.3. Evaluation through a recommendation addressed to the author of the reviewed work....	289
2.8.4. Evaluation through a recommendation to the recipient of the review	290
2.8.5. Evaluation implemented as a proof by contradiction.....	292
2.8.6. Assessment of author's contribution in comparison with previously published scientific results	295
2.8.7. Assessment by means of a direct or indirect question.....	296
2.8.8. Evaluating the professionalism of the reviewed work author.....	298
2.9. <i>Macro-strategies of implicit expert evaluation</i>	300
2.9.1. Evaluation implemented through expressive speech acts.....	301
2.9.2. Macro-strategy of polarity compensation in evaluation clusters.....	302
Conclusions on the Chapter 2	306

CHAPTER 3. LINGUISTIC AND CULTURAL SPECIFICITY OF EVALUATION IN GERMAN AND RUSSIAN ACADEMIC EXPERT DISCOURSE	307
3.1. <i>Scientific communication in interlingual and intercultural comparison</i>	307
3.2. <i>Directions for a comparative quantitative analysis of assessments in German and Russian linguistic reviews</i>	312
3.3. <i>Average density of explicit and implicit assessments</i>	314
3.4. <i>Average density of positive and negative assessments</i>	317
3.5. <i>Average density of rational and emotional assessments</i>	319
3.5.1. Average density of positive and negative emotional assessments	321
3.5.2. Average density of emotional assessments in cluster and isolated implementation.....	321
3.5.3. Frequently used markers of emotionality in German and Russian reviews	324
3.5.4. Typical grounds for rational evaluation in German and Russian reviews	327
3.6. <i>Average density of intensified and de-intensified assessments</i>	330
Conclusions on the Chapter 3.....	337
CONCLUSION.....	340
REFERENCES.....	343
SOURCE MATERIAL REGISTER.....	358

INTRODUCTION

The expression in language of "the value relation between a thought and its object" [Ivin 2016: 21] is inextricably linked to the initiator of the evaluative action — the evaluator, who ascribes values to the objects of reality, based on the value perceptions formed in the linguistic community. The social conditionality of evaluative meaning and its multifaceted connection with personal preferences, views and the purposeful will of the subject of speech have been repeatedly noted by researchers — in particular by N. D. Arutyunova in her monograph "Types of Linguistic Meanings. Evaluation, Event, Fact" [Arutyunova 1988: 6]. The connection between evaluation and the subjects of evaluation can be seen as bilateral: the speech activity of the subject itself is by no means neutral, it inevitably reproduces evaluative judgments, as speech is subject to the interests of the speaker and collectively shared values [Hunston 2011: 19].

The close relationship between the evaluating subject and evaluation introduces the evaluation into the field of humanities. Thus, evaluation is actively studied in philosophy — within the framework of axiology, logic of evaluations and norms [Ivin 1970, 2006, 2016], ethics and aesthetics, especially when it comes to aesthetically and ethically motivated evaluation [Voyevodin 2010]. Evaluation receives consideration in psychology [Baturin 2008; Vyboyshchik 2003] due to its dual psychophysical nature. The mental component of evaluation includes the cognitive processes that take place in the minds of the participants of communication — the evaluating subjects and addressees of evaluative actions; the physical component refers to the linguistic expression of evaluation in accordance with the norms and conventions accepted in a particular linguistic community [Sager 1982: 40; Keller 2002: 3]. The linguistic study of evaluation naturally focuses much on the means and ways of its expression, but also pays attention to the cognitive component of evaluative operations.

"Statements cannot be constructed without evaluation. Every utterance is first of all an evaluative orientation", notes V.N. Voloshinov [Voloshinov 1972: 107], and other researchers agree with him [Hyland 2005: 4]. Considering the inseparable connection between evaluation and the figure of the evaluating subject and its inclusion in all spheres of human activity, it is necessary to note the special importance that evaluation procedures acquire in such a social subsystem as science. Due to evaluations and whole systems of evaluative acts involved in the process of production of scientific knowledge, it

becomes possible to choose promising directions of scientific thought, determining the further development of current discipline [Malrieu 1999: 11].

The present study focuses on evaluation in scientific expert communication and the linguistic and culturally relevant features of its expression in texts of academic reviews on linguistic topics in German and Russian.

The relevance of the thesis is determined by the fact that it is carried out in the framework of modern linguistic socio-communicative and discourse-linguistic research. In accordance with the orientation of these directions towards a complex, anthropocentric approach to the study of linguistic phenomena in use, the evaluation is considered in the work as a speech and pragmalinguistic macro-category whose functioning depends not only on the capabilities of a particular language system, but is largely determined by the parameters of communicative situations inherent in the practices of professional communication. The relevance of the study is further enhanced by the chosen comparative perspective, which allows this dissertation to be included in a row of studies devoted to the comparative research on academic communication in different languages.

Despite the fact that the *pragmatic turn*, which initiated the linguistic study of the activity and social aspects of communication (including evaluative language), took place in the 1970s, there are still some gaps in the study of evaluation. Thus, the peculiarities of the specific communicative situation are still not sufficiently taken into account for the study of evaluations. In particular, lexical and grammatical units with explicitly expressed evaluative semantics are considered in detail, while contexts with implicit evaluation are less frequently involved in the analysis. Evaluative statements in scientific discourse are often studied without emphasising the link between evaluations and the aims and intentions of the authors — participants of research, scientific-expertise or scientific-educational subdiscourses. What is not clearly reflected is that the existing theoretical models used to describe valuation as such (e. g. the well-known Appraisal Framework [Martin, White 2005]) have only limited application in studies of axiologically enriched communication of academics. Meanwhile, not all components of such theoretical constructs are equally represented in scientific texts. The thesis demonstrates its scientific **novelty** by taking into account the aspects mentioned.

The **object** of the research interest is the category of expert evaluation, means and ways of its linguistic expression in German and Russian scientific expert discourse.

Initial assumption. It is assumed from the outset that the means and ways of implementation of evaluation in scientific reviews are subordinated to the specific communicative purposes pursued by the authors of the texts of the scientific expert discourse. Research communicative practice and its extra-linguistic parameters and circumstances configures all components of evaluation matrix, including objects and grounds of evaluation, which appear in a specific form in scientific reviews. Furthermore, it is hypothesised that there is linguistic and cultural specificity in the choice of evaluation strategies and

the means of their manifestation. It is suggested, among other things, that the density of evaluative contexts in German and Russian reviews may be different. Moreover, differences in quantities of emotional and rational evaluations cannot be ruled out. It seems likely that German and Russian reviewers have a different degree of predilection for positive or negative, categorical or non-categorical evaluations. It is expected that differences will be observed not only in quantitative indicators, but also in the operation of a variety of evaluation implication strategies. This kind of data obtained through a comprehensive qualitative-quantitative analysis of scientific expert texts will make it possible to prove or disprove the existence of linguistic and cultural features of expert evaluation in German and Russian linguistic reviews.

The **aim** of the study is to investigate the linguistic means and ways of constructing evaluativity in linguistic reviews in German and Russian and to establish the linguistic and cultural specificity of evaluation in scientific expert texts.

The aim set implies the solution of the following specific **tasks**:

1) the description of actual linguistic approaches to the study of evaluative semantics and evaluation language in scientific discourse and its varieties; clarification of the concept of expert evaluation in relation to the texttype journal scientific review;

2) determination of the criteria for creating representative research corpora; performance of predicative structural segmentation of texts to prepare the data for quantitative processing;

3) context-semantic analysis and identification of statements with explicitly and implicitly realised evaluative attitude of the reviewer to the author's publication; identification of evaluation means and methods in selected contexts;

4) linguoaxiological and discourse-linguistic analysis in order to take into account value components and peculiarities of linguistic expression of evaluation structural elements (objects, bases, subjects and addressees);

5) structural-grammatical analysis, identification of the typical lexical and grammatical means, used for the context construction of evaluation, determination of the speech part class and semantics of the selected means, analysis of the modifiers, intensifiers and de-intensifiers, polemical sharpening and softening of evaluation in the text;

6) functional and pragmalinguistic, communicative analysis of evaluative statements, definition of the typical estimation strategies, description of evaluative mechanisms and typical means used in the implementation of these mechanisms;

7) quantitative analysis, comparison of quantitative processing data in German and Russian subcorpora in order to increase representativeness and reliability of conclusions about the observed linguistic and cultural specificity of evaluation.

100 reviews from academic journals in Linguistics in German and Russian are used as **research data**. The German corpus includes 50 reviews published between 2016 and 2020 in the highly ranked academic journals “Zeitschrift für Angewandte Linguistik”, “Zeitschrift für Rezensionen” and “Zeitschrift für Sprachwissenschaft” (total volume: 6843 text predications). The Russian-language corpus consists of 50 reviews published during the same time period in current journals: “Vestnik of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Linguistics” (new name: Russian Journal of Linguistics), “Problems of Onomastics”, and “Topics in the study of language” (total volume: 8312 text predications). The total volume of the two corpora thus amounts to 15,155 predications or 621 printed pages.

In theoretical and methodological terms, the study is based on 1) the works of representatives of the functional-grammatical approach to the study of language phenomena [Halliday 1978; Hannappel, Melenk 1981; Biryulin, Kordi 1990; Bondarko 1990; Swales 1990; Bublitz 2009; Starfield, Paltridge 2015; Liedtke 2016; Hood 2016]; 2) works on evaluation, evaluative logic, evaluative semantics and expressive meaning [Arutyunova 1976, 1988; Malrieu 1999; Telia 1991; Volf 2002; Martin, White 2005; Hunston 2011; Molodychenko 2015a,b; Bazhenova 2016; Ivin 2016; Alekseeva 2019]; 3) articles and monographs in the field of grammar and semantics of texts, text type linguistics [Heinemann 2000a; Heinemann 2000b; Heinemann, Heinemann 2002; Gansel, Jürgens 2009; Nefedov 2013; Filippov 2018]; 4) works systematizing the principles of linguistic discourse analysis [Gumperz 2002; Warnke, Spitzmüller 2008; Busse 2013; van Dijk 2014; Spitzmüller 2019; Kuße, Chernyavskaya 2019; Nefedov, Chernyavskaya 2020]; 5) works in sociology and epistemology of science [Fleck 1980; Ilyin 1989; Longino 1990; Mikeshina 2005, 2007; Diaz-Bone 2013; Luhmann 2016]; 6) works by researchers focusing on communication features in different genres of scientific discourse [Ryabtseva 1996, 1999; Krasilnikova 1999; Auer, Baßler 2007; Graefen, Thielmann 2007; Kotyurova, Bazhenova 2008; Nefedov 2014a,b, 2017; Chernyavskaya 2016; Brommer 2018], and also from a comparative perspective [Galtung 1983; Hutz 2001; Baßler 2003; Breitkopf 2006; Ehlich 2006; Hempel 2006; Breitkopf, Vassileva 2007; Kotthoff 2013; Zhao 2015, 2021; Gansel 2018]; 7) publications considering evaluation [Vorobyeva 1985; Troyanskaya 1985; Hyland 2004; Shaw 2004, 2009; Danilevskaya 2009, 2013; Hood 2010, 2012; Arendt, Schäfer 2015; Nefedov 2019, 2020, 2021] and author positioning [Fløttum 2009; Gray, Biber 2012] in scientific communication.

The set aim and formulated objectives of the research work, the need to take into account the values, standards and norms of scientific communication determine the choice of theoretical settings of socio-communicative and discursive directions as the main **working methods**. Within the framework of the

chosen approach a quantitative-qualitative content analysis of linguistic material is conducted (see [Titscher, Meyer 2009] for details). Combined content analysis allows us to look at evaluation in context — and not only in the bare textual environment, but also in typical communicative situations. In addition, content analysis makes it possible to include information about the cognitive structures determined by common values in the study of evaluations. To process the research material in the main lines of content analysis, a number of specific methods are used: context-semantic, linguistic-axiological, structural-grammatical, functional-pragmatic and text-typological methods. In order to model the evaluative profile of German- and Russian-language linguistic scientific reviews from a comparative perspective, statistical calculations on parameters relevant for the description of scientific expert evaluation are used.

The **theoretical relevance** of the study lies in the complex pragmasemantic, discourse-linguistic and structural-grammatical aspects, systematization of micro- and macro-strategies of evaluation in reviews and application of the complex content analysis to the consideration of evaluative contexts. The work forms an incentive for further linguistic research of evaluative meanings in the varieties of scientific discourse and contributes to possible convergence of logical-philosophical and discourse-linguistic methods of studying evaluations. Moreover, the identified features of evaluative strategies in German- and Russian-language reviews can become a starting point for further verification of the results obtained using sociological methods, which opens up additional opportunities for interdisciplinary study of evaluation as one of the core categories of research activity.

The **practical significance** of the results presented in this dissertation is not limited to their use in lecture courses and seminars on functional Stylistics, Pragmalinguistics and Academic Writing in German and Russian. The lexical and grammatical evaluation indicators identified in this study can subsequently be used to train neural networks specialized in evaluation recognition. Algorithms of this kind can help researchers in the primary processing of texts of scientific expert discourse and translators in the search for cross-lingual correspondences when translating reviews.

The following **main theses** are presented for defense:

- 8) Linguistic evaluation is considered as a linguistic exponent of cognitive-semantic and socio-communicative category of general order, semantic varieties of which are conditioned by the parameters of communicative practice and the purposes of the discourse subject. In terms of expression, expert evaluation in the texts of scientific and expert discourse is represented by different ways of exposition: explicit — by means of evaluatively charged lexemes; implicit — through the interaction of the content of the statement with the context; visual-graphic — through typographic resources.
- 9) The texts of scientific reviews, even though they are explicitly evaluative, are characterized by both explicit and implicit evaluations used to implement various strategies. As the result of

conducted context-semantic and functional-pragmatic analysis of linguistic reviews in German and Russian languages the following strategies of evaluation implication are marked out: evaluation realized by stating of facts, evaluation implied by expression of (dis)agreement with the author of reviewed work, evaluation in the form of recommendation with indication of possible corrections offered to author of reviewed work, implicit evaluation realized as a proof “by contradiction”, evaluation of author's science contribution in comparison with peer authors. It has been shown that within these strategies (with the exception of evaluation through recommendation to the reviewed author), evaluations can receive both positive and negative polarities depending on the context. In addition to these strategies, the possibility of implicit implementation of positive evaluations through a recommendation addressed not to the author of the reviewed work, but to the recipient of the review is also noted. In addition, in some contexts the strategy of evaluation by means of direct or indirect question was identified. In Russian-language reviews, a culturally specific strategy of evaluating the professionalism of the author of the reviewed work, which is not present in German-language expert-evaluation texts, was established. The object of evaluation within this strategy is not the aspects of the reviewed publication, but the professional competencies and personal characteristics of its author.

- 10) It has been found that evaluations implemented within implicit evaluation strategies are included in strategies of a larger order. At the same time, evaluative implicatures are included in expressive speech acts of gratitude, wishes, etc. In addition, a strategy of polarity compensation is identified, which implies a “balancing” of negative and positive evaluations in axiological clusters. This strategy aims to mitigate criticism by listing positive aspects of the reviewed work. As a result of using the polarity compensation strategy, the reputational risks for the author are reduced.
- 11) Assessments in scientific and expert texts tend to be clustered, with evaluative clusters unevenly distributed across the components of the text structure. In axiological clusters differently polar assessments can interact, expressed both explicitly and implicitly. The cluster use of evaluations is equally characteristic of both German and Russian reviews. The different polarity of assessments in clusters can lead to various communicative effects: both softening negative assessments at the expense of contextual proximity with positive ones and polemical intensification of negative evaluation in contexts where a positive evaluation opens an extended textual block of criticism. Assessments in axiological clusters can be not only polar, but also differently motivated. The emotional evaluations in German and Russian reviews tend to be used with rational evaluations.
- 12) The culturally specific features of evaluation in scientific reviews can manifest themselves at different levels of the axiological structure of evaluations. Since expert evaluation is

normocentric, rational evaluations dominate in both German and Russian review texts. However, statistical methods confirm culturally specific differences concerning the choice of certain grounds as preferable for expert evaluations. German reviewers base their evaluation statements mainly on the requirements of completeness and clarity, clarity and accuracy, and relevance of the reported scientific results. Since the above-mentioned criteria refer to the results achieved by the author of the reviewed work, the choice of grounds for rational evaluation in German-language reviews can generally be called result-oriented. On the contrary, Russian reviewers actively operate not only with the result-oriented choice of scientificity criteria for assessment bases (criteria of novelty and relevance), but also use criteria related to the procedural nature of the new science knowledge producing (criteria of credibility and validity).

- 13) The density of rationally and emotionally motivated assessments in the reviews is also characteristically culturally specific. While the average density of rational and emotional evaluations in German and Russian reviews was approximately at the same level, the calculation of the density of positively and negatively polarized emotional evaluations in the two subcorpora showed different percentage values. In the German subcorpus, the average density of positive and negative emotional evaluations is 53% and 47% of the sum of predications with the inclusion of emotional evaluative components. In the Russian subcorpus, the average density of positive emotional evaluations is 73%, while the average density of negative emotional evaluations has a percentage of 27%.
- 14) Multimodal ways of expressing expert evaluation are highlighted for a number of texts in the analysed research corpus. In such texts linguistic evaluation is accompanied by visual and graphic/typographic markings. This especially concerns the expression of the reviewer's emotionality when expressing rationally-motivated evaluations. The reviewer's inner state in such a case is marked in the following typical visual-graphic ways: brackets introducing emotional-evaluative comments; emphasis of text fragments in italics; characteristic marks — in particular, the question mark in parentheses and the mark (sic!) in emotional use.

The structure of the paper includes an introduction, three chapters, a conclusion, references and a source material register. The introduction clarifies the object of scientific research, justifies the relevance, scientific novelty, theoretical and practical significance of the research results, sets the goals and specific objectives of the study, describes the research corpus and methodology. The first chapter provides an analytical review of current linguistic approaches to the comprehension of evaluation as a significant socio-communicative category, presented in Russian and foreign publications in recent decades. The second chapter considers the scientific review as an explicitly evaluative type of text in institutional scientific communication, specialized on the acts of expert evaluation. The contents of the

logical structure of evaluation in scientific texts in German and Russian are considered in detail, the lexical and grammatical means involved in the constructing of evaluativity are highlighted, and typical strategies for the implication of assessments are described. The third chapter compares the results obtained in the quantitative processing of linguistic material. The interpretation of the results of quantitative analysis is supplemented by the consideration of specific examples of valuation statements which are typical for scientific and expert discourse in one language and which are not characteristic for scientific and expert discourse in another language. The conclusion summarises the main results of the quantitative and qualitative content analysis of scientific expert texts in Linguistics in German and Russian and outlines the prospects for further research on evaluations realised within academic expert communicative practice.

Approbation of the research. The results of this research have been presented in the form of papers at international philological and multidisciplinary conferences:

- 5) “Specificity of explicit evaluation in German scientific reviews in Linguistics”, the 28th International Conference of Undergraduate and Postgraduate Students and Young Scientists «Lomonosov-2021» (MSU, Moscow, 12–23.04.2021);
- 6) “Interaction of emotional and rational evaluation in expert scientific discourse (on German and Russian linguistic reviews)”, the 50th International Scientific Philological Conference devoted to L.A. Verbitskaya (SPSU, Saint Petersburg, 15–23.03.2022);
- 7) “Linguistic evaluation in reviews as a manifestation of the expert’s professional identity (in German and Russian Linguistics)”, All-Russian Scientific Conference with International Participation “Digital Identity and Digital Reputation” (Peter the Great SPPU, Saint Petersburg, 24–25.03.2022);
- 8) “(De)intensification of evaluation in scientific expert communication (on the material of German and Russian reviews in Linguistics and Sociology), All-Russian Scientific Conference “Language of Modern Science in Interdisciplinary Aspect”, part of the International Scientific Forum “Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications” (PSU, Perm, 27–28.10.2022).

The results of the work were steadily discussed at the postgraduate seminar of the Department of German Philology of St. Petersburg State University and at the meetings of the postgraduate colloquium within the scientific internship at Greifswald University (Universität Greifswald) in Germany (joint scholarship programme of St. Petersburg State University and DAAD "Dmitry Mendeleev", 01 October 2020–01 February 2021).

The key points of the study are reflected in 6 publications indexed in the RSCI, Scopus and Web of Science databases:

- 1) Kondratenko P.I. Communicative-pragmatic potential of utterances with verified knowledge markers in German linguistic discourse. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020. 17(2). Pp. 254–270. DOI:10.21638/spbu09.2020.206.
- 2) Kondratenko P.I. Implicit expert evaluation “by contradiction” in German linguistic reviews // *German Studies in the Contemporary Academic Arena. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference*. Krasnodar, 2021. Kuban State University. Pp. 89–98.
- 3) Kondratenko P.I. On strategies of implicit expert evaluation in German linguistic reviews // *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2021. Iss. 6 (218). Pp. 49–59. DOI:10.23951/1609-624X-2021-6-49-59.
- 4) Kondratenko P.I. Linguistic and cultural features of evaluation in academic expert communication (based on German and Russian academic reviews in Linguistics) // *Terra Linguistica*. 2022a. Vol. 13. Iss. 2. Pp. 66–74. DOI: 10.18721/JHSS.13207.
- 5) Kondratenko P.I. “The main drawback of the book originates from its main advantage”: the evaluation strategy of polarity compensation in the reviews of German and Russian linguists // *Neophilology*. 2022b. Vol. 8 (3). Pp. 530–539. DOI:10.20310/2587-6953-2022-8-3-530-539.
- 6) Kondratenko P.I. Typographical markers of emotionality used in expression of expert evaluation in German and Russian reviews in Linguistics // *German Philology at the St. Petersburg State University*. 2022c. Vol. 12. Pp. 102–115. DOI:10.21638/spbu33.2022.105.

CHAPTER 1. THE MAIN LINES OF LINGUISTIC ANALYSIS OF EVALUATION IN RUSSIAN AND FOREIGN RESEARCH

The anthropocentric reorientation of Linguistics in the second half of the 20th and early 21st centuries from internal to external and, as a result, the greater openness of language science to other disciplines has led to the adoption of logical-philosophical and cognitive-psychological approaches to the study of evaluation and their adaptation to linguistic tasks. The initial concentration of linguistic and philosophical scientific works on evaluation, values, norms and abstract logical schemes describing evaluation operations was supplemented by a focus on the verbal expression of evaluations — means and ways of constructing evaluative meanings over time, the analysis of which gives an insight into evaluation practices characteristic of typical communicative situations.

The dual psychophysical nature of evaluation justifies the view that the verbal expression of evaluations is sort of a “satellite” to mental processes. These processes, due to the common values and standards shared by the participants in communication, may follow recurring culturally specific ‘scripts’. In this regard, the socio-cultural context of speech evaluative actions is of considerable interest to linguists, as evidenced by the existing tradition of studying evaluations in the texts of institutional discourses. In addition to the theories that describe evaluation in general terms, in isolation from the specific field of communication, this chapter includes an examination of instrumental approaches to the study of evaluative meanings in texts of scientific discourse, including a comparative perspective. The aim of this chapter is to present the study of linguistic evaluation in Russian and foreign (German and Anglo-American) linguistics of recent decades and to highlight aspects that have received particular attention in works devoted to evaluation as such and to the construction of evaluative meanings in texts of professional scientific communication. A number of approaches to the study of evaluation are outlined: 1) functional-semantic; 2) text centred; 3) sociolinguistic and discursive.

Special attention is given to sociolinguistic and discourse-linguistic studies of the various manifestations of authorial subjectivity, including the expression of evaluation in texts. In addition, attention is paid to the interdisciplinary linguosociological approach, which focuses on the role of evaluation procedures in the effective functioning of science as a social system.

1.1.The functional-semantic approach to the study of evaluation

As noted above, the pragmatic turn that took place in Linguistics in the 1970s put the activistic and social aspect of communication in the focus of researchers' attention in projection on the person acting and influencing with the word [Feilke 2000: 64]. The meaning of statements, the figure of the speech subject, contextual, pragmatic meaning come to the foreground. A similar movement of thought was also observed in the logical tradition of that time, marked by a reorientation of perspective from the "objective sense" to the sense which is constructed by the speaking subject in interaction with the utterance addressee (see in particular how the concept of value is related to the components of the evaluative situation in the conceptual analysis of evaluation, and also the discussion of values and socio-cultural parameters of scientific activity in epistemological research [Mikeshina 2007: 104]). The transition from the objective principle of statement truth to the subjective principle of its "sincerity" led to the fact that statements began to be verified "not only by referring to the external world or applying the rules of logical deduction, but also through finding out the "true" thoughts, feelings and intentions of the speaker" [Arutyunova 1976: 55]. Not surprisingly, such a theoretical and ideological background conditioned linguists' attention to evaluation as the most characteristic representative of pragmatic meaning [Arutyunova 1988: 5]. As a result, the fundamental works of N. D. Arutyunova and E. M. Volf appeared, to which we will refer later on.

1.1.1. General and specific evaluation from a functional-semantic approach

The most complete achievements of the logical and philosophical tradition of the study of evaluation — the separation of absolute and relative assessments, the creation of grading scales, the consideration of the multi-layered concept of value (including its concretisation in relation to scientific discourse) and the prospects of applying epistemological analysis to determine the significance of the axiological activity of the subject of scientific knowledge — are revealed in the works of the Russian linguists N. D. Arutyunova [Arutyunova 1976, 1988] and E. M. Wolf [Wolf 2002, 1st ed. 1985]. N. D. Arutyunova's fundamental work, "Types of Linguistic Meanings. Evaluation, Event, Fact" gives a brief overview of the most important philosophical theories, in which elements of conceptual analysis of evaluation words and logical analysis of value and normative judgements are found. In characterizing the theories, content points such as the formal structure of definitions of predicates (evaluative and deontic), the relative

nature of “good” and “bad”, the relationship of evaluations with the natural properties of the object, the modality of evaluation, the evaluative and normative vocabulary in communication, the speech functions of evaluative predicates, the consistency of the text in which evaluative and deontic concepts are fixed, the structure and features of reasoning [Arutyunova 1988: 11] are taken into account. The historical perspective, the chronological ordering of the theories and the formed detailed raster of parameters to which the author draws attention in her review allowed us to systematize a variety of logical-philosophical concepts (from Aristotle to G. Moore and R. Hare), preserving their wholeness.

A review of logical-philosophical theories allows us to draw some conclusions about the nature of evaluation. N. D. Arutyunova’s observations organically complement A. A. Ivin’s [Ivin 2016: 75–76] reasoning about evaluative and subjective/objective in L. A. Mikeskina [Mikeskina 2007: 107]: in particular, that evaluative meaning opposes descriptive fixation of the objective world at the semantic level, and values paradoxically depend and do not depend on objective reality simultaneously [Arutyunova 1988: 57–58]. New aspects of the distinction between the value-laden and the descriptive contents are revealed. Thus, the constructive nature of evaluation is emphasised: unlike descriptive predicates, evaluation cannot be verified, but motivated. The evaluated object as a part of reality is correlated in the mind of the subject with an idealized model of the world, which the subject himself creates from changeable and stable norms, expressed in relation to objects and implicated due to the interaction of the utterance content with the context [Arutyunova 1988: 58]. Preference is given to the normative definition of evaluative meaning: depending on how much the evaluated object corresponds to the constructed ideal model of the world, it can be evaluated as “good” (in case of compliance with the model) or “bad” (in case of non-compliance with the model by one or a number of attributes) [Arutyunova 1988: 60].

Having outlined the results of the review of logical-philosophical approaches to the study of evaluations, N. D. Arutyunova focuses on the phenomenon of evaluation itself and develops the idea that there are two basic types of axiological meanings — general and particular/specific. General axiological meanings are realised by means of adjectives expressing full, holistic evaluation, while the particular type is represented by meanings that are used for evaluative characterisation of individual aspects of an object [Arutyunova 1988: 75]. The researcher dedicates a separate chapter in the monograph to a special case of the expression of general evaluative meanings — the adverbs of general evaluation “good” and “bad”, where the range of compatibility of the mentioned adverbs is established, the criteria of general evaluation and its scope are defined, and the modifications of general evaluation with the help of intensifiers and negators are studied [Arutyunova 1988: 199–229].

When discussing general and specific assessments, N. D. Arutyunova cites the types of general evaluations derived by the Finnish logician G. H. von Wright. It is stated that the types of evaluation identified by von Wright are the most complete classification of general evaluative meanings, which is

of considerable interest for linguistics [Arutyunova 1988: 65]. Von Wright's classification is based on a conceptual analysis of the use of the English adjective *good* and its antonymous expressions. Analyzing different categories of qualified objects, the author distinguishes the following evaluations — *forms or concepts of good*: 1) instrumental (e. g. *good knife*); 2) technical or skill evaluations (*good administrator*); 3) favourable evaluations (*good/bad for health*); 4) utilitarian (*good advice, bad plan*); 5) medical (*good heart, bad memory*); 6) hedonistic (*good lunch, bad joke*) [Arutyunova 1988: 66–71].

N. D. Arutyunova bases her own classification of specific assessments on the nature of the motivation/basis of evaluation and the specificity of the evaluation object, since evaluations from one or another group may refer to objects different in nature [Arutyunova 1988: 75], and “the more specific the evaluation, the more definite requirements it places on the choice of object” [Arutyunova 1976: 127]. Similar observations are found in the works of representatives of the communicative-functional approach to the study of evaluation, see, for example [Sager 1982: 48–49]. N. D. Arutyunova singles out the following groups of specific assessments: 1) sensory-taste/hedonistic: *pleasant/unpleasant, tasty/not tasty*; 2) psychological, reflecting comprehension of evaluation motives: *interesting, boring, deep, superficial*; 3) aesthetic: *beautiful/ugly*; 4) utilitarian: *useful/harmful*; 5) normative: *right/wrong*; 6) teleological: *efficient/inefficient, expedient/inexpedient* [Arutyunova 1988: 75–77]. As we can see, some parallels can be traced between this classification and G. H. von Wright's classification of general assessments (for example, the separation of utilitarian and hedonistic evaluations).

Discussing how the derivation of general evaluation correlates with the aspects of language as a system and language in use, N. D. Arutyunova makes an observation concerning the semantic organisation of axiologically oriented texts, which is important for the subsequent study of the texts of scientific expert discourse. The author notes that monological axiological texts aimed at determining the overall value of the evaluated object (e. g. an academic review) are organised so that any statements receive axiological “charge” and, accordingly, positive or negative polarity [Arutyunova 1988: 74].

The issue of evaluativity and non-evaluativity is also reflected in E. M. Volf's “Functional Semantics of Evaluation”: Relying on the postulates of the logic of evaluation, the author points out the usefulness of distinguishing between evaluation in the narrow sense — as a characteristic of an object on the basis of “good/bad” and qualification of an object in the broad sense, which may include both evaluation itself and other (parametric) properties of the object. It is the narrow understanding of evaluation as a positive or negative characteristic rather than as a qualification of an object that, according to Volf, suggests statements about values which are purely axiological [Volf 2002: 8]. This point is worth paying attention to when studying the specificity of evaluation in expert-evaluative texts of scientific discourse. Returning to N. D. Arutyunova's understanding of the semantic organization of axiologically oriented texts, we note that nominations without evaluative semes in meaning and describing signs and properties of objects are often included in the acts of evaluation in scientific review texts. The accentuation of

certain parametric properties of objects in such cases can be explained by the purposeful desire of the text author to appeal to the accepted collectively shared notions used to qualify the object to be evaluated. As a result, implicitly realised assessments come into interaction with the broad context of the scientific-expert communicative situation and are interpreted by the potential recipient of the scientific review in an evaluative way and acquire social significance in the projection to the social circumstances of their use²⁴.

1.1.2. Parametric features of evaluation as an object of consideration in a functional-semantic approach

The study of the logic of evaluation in Linguistics has yielded a number of significant results, which have laid the foundation for the latest approaches to the study of evaluative meanings in communication. Thus, the main property of evaluation as a characteristic representative of pragmatic meaning was highlighted, namely the indeterminacy, **the dependence of assessments on the textual environment** and the communicative situation. M. M. Bakhtin writes about the birth of the emotional, evaluative and expressive in the live use of language [Bakhtin 1986: 281]. A. A. Ivin points out the impossibility of interpreting evaluations outside the context of the use of evaluative statements [Ivin 2016: 76]. N. D. Arutyunova explains the uncertainty and informative insufficiency of evaluation predicates by the variability of their semantic volume and the instability of norms motivating evaluation. At the same time, it is noted that the semantic incompleteness of evaluative predicates as such is compensated by context [Arutyunova 1988: 92]. E. M. Volf, speaking about the interpretation of evaluations, also emphasises that the polarity of evaluation with the sign "+" or "-" is not determined at the level of semantics of specific words and phrases, but is determined by the textual environment and the place of the communicative evaluative situation in the value system of a particular community [Volf 2002: 19].

One of the undoubted and fundamental achievements of the functional-semantic approach is the modelling of the universal logical structure of evaluation, which receives different specific content in the context. So, E. M. Volf regards evaluation as a specific evaluative modality based on the formula $A \ r \ B$, where A is the subject of evaluation which can be expressed in the text in different ways, including by means of the author's position indicators [Volf 2002: 70], B is the object, and r is an emotional or rational evaluative attitude with the sign "+" or "-", which in a natural language can be represented both

---

²⁴ For more details on the social meaning, see [Leech 1981: 14; Nefedov, Chernyavskaya 2021: 1559].

by separate words and by the semantics of an entire utterance [Volf 2002: 9–12]. The modal framework of evaluation also includes rating scales and stereotypes — as social perceptions that participants in a communicative situation are guided by when making value judgments. In addition to the mandatory elements of the modal framework of evaluation, E. M. Volf identifies optional components: axiological predicates (predicates of opinion, feeling, perception) connecting the subject and object of evaluation, various kinds of motivations, classifiers, a wide range of means of intensification and deintensification of values [Volf 2002: 12–13].

N. D. Arutyunova refines the model of evaluation at the object level. This refinement should be recognised as relevant, given that changes in the object are reflected in the entire logical structure of the evaluation statement. The set of objects to which an evaluation can be directed consists not only of objects in the narrow sense (or their individual properties), but also of “actions, processes, states, situations, states of affairs, facts and possibilities” [Arutyunova 1988: 7]. While the objects of evaluation are often explicitly realised in speech, a number of components of the logical structure may not be explicitly expressed in acts of evaluation. E. M. Volf writes about the possible implicit realisation of evaluation subjects, scales and stereotypes [Volf 2002: 12], while N. D. Arutyunova points out the optional nature of explicit transmission of evaluation motives (grounds) in cases when they are already known to speakers from experience, pretexts or other sources [Arutyunova 1988: 83–84].

Later, the logical structure of evaluation will be repeatedly discussed by representatives of other areas of axiological communication research. The task of tracing how exactly the notions of the universal model of evaluation develop and in which way the interrelation of logical components and their specific framing by linguistic means is considered would require a separate interdisciplinary-oriented study. In our overview we have to limit ourselves to a non-discussive enumeration of relevant linguistic works which have not bypassed the universal logical structure of evaluative utterances. First of all, we shall name the monographs of English-speaking linguists F. Shaw [Shaw 2004: 6], S. Hunston [Hunston 2011: 17–18], the works of German representatives of the linguosociological approach to the study of evaluation as a socially relevant category R. Stockmann and W. Meyer [Stockmann, Meyer 2010: 66–67], T. Widmer and T. De Rocchi [Widmer, De Rocchi 2012: 25], J. Erpenbeck [Erpenbeck 2018: 13], G. Birnkraut [Birnkraut 2019: 14] and others. The concept of rhetorical roles by Norwegian researcher K. Fløttum is also interesting, since it is based on the idea of heterogeneity of the evaluation subject in texts regulating academic communication [Fløttum 2012: 224].

The next characteristic feature of evaluation, highlighted by theorists of the functional-semantic approach, is that evaluative statements are aimed at convincing the recipient and influencing it, like a **latent imperative**. Logical and philosophical works postulate that “evaluation in the broad sense of the word” is “not simply the expression of some states of mind of the subject or his feelings, but the subject’s volitional attitudes, his motives, his intentions”. [Ivin 2016: 35], aimed at other participants of

axiological communication. N. D. Arutyunova also speaks about the addressee's attitude to evaluation, emphasising that the evaluation statement "itself expresses the communicative purpose of recommendation, encouragement to action, warning, praise or condemnation" [Arutyunova 1988: 6]. Within the framework of socio- and pragmalinguistic approaches to the study of evaluative meanings, this idea will be further developed: language evaluation will be interpreted as a verbally expressed attitude of a subject to the object of evaluation, acquired as a result of the formed preference of some objects to others on the basis of specific criteria and transmitting this subjective preference to the subsequent speech acts of evaluation [Sager 1982: 40–41]. The imperative nature of evaluations follows from the relations of oughtness through which evaluations are associated with objects of surrounding reality. As already noted, evaluative utterances are not verified as true or false, but are qualified as conforming or not conforming to an ideal picture of the world. According to A. A. Ivin's apt definition, the situation is positively valuable "as it should be in accordance with the existing in the given society sample, or standard, of objects of the considered kind or in accordance with the subject's perceptions of the perfection of such objects". [Ivin 2016: 29]. In other words, evaluative statements do not describe the actual state of affairs, but seek to adapt it to given standards — in pragmalinguistic terms, speech acts containing evaluations are directed "from word to world" rather than "from world to word" as in the case of statements describing the actual state of affairs (for details on the direction of adaptation of illocutionary acts, see, for example [Liedtke 2016: 59]).

It is also necessary to mention the **normocentricity** of assessments, noted in the works of logicians and linguists. N. D. Arutyunova compares two different understandings of the norm: in classical Logics, the norm is treated as the middle of the graduation scale, the main point of reference, deviations from which are characterised with "+" or "-". In the logic of evaluation, by contrast, the notion of norm coincides with the positive pole of the axiological scale [Arutyunova 1988: 234–235]. A. A. Ivin argues in a similar way when he sees norms as nothing but a particular case of evaluations and polemises with the widespread assertion that evaluations form the basis of norms and lead to their establishment [Ivin 2016: 15, 198]. Interestingly, representatives of the later communicative-functional and discursive-communicative approaches tend to hold the opposite viewpoint regarding norms. For example, S. F. Sager rejects the understanding of the system of norms as inherently pre-ordained, arguing that a norm is postulated as socially acceptable and relevant for a particular community precisely in the course of an act of explicit evaluation by the subject [Sager 1982: 47]. K. Hyland adheres to similar constructivist positions: in his understanding, each act of evaluation reflects and at the same time constructs an intradisciplinary (in Hyland's case, a scientific) system of values and norms [Hyland 2004: 13]. Similar considerations are also found by B. Arendt and P. Schäfer, who attribute a norm-establishing function to the process of evaluation [Arendt, Schäfer 2015: 103], and many other researchers of the last twenty years [Agha 2007: 15].

It is noted that the expression of a positive or negative attribute in the object of evaluation can correlate with different points on the axiological axis. V. N. Telia notes that the “non-neutrality” of expressive and, in particular, evaluative utterances is clarified in projection onto different scales, defined by poles. There is a number of such poles: “intellectuality, impassivity of world representation/representation accompanied by emotional reactions <...>; choice, indifferent to the manner of speech/choice, individualising the speech behavior of the speech subject; quantitative or qualitative norm, characteristic of the world picture of the given language collective/deviation from this norm; image-less/associative-imitative nomination...”. [Telia 1991: 8]. Moving closer to the poles located at the extremes of the scale and further away from them, the evaluation may be **graded** depending on pragmatic factors [Arutyunova 1988: 247]. It may be strengthened or softened by specialised linguistic means and ways of (de-)intensification. N. D. Arutyunova cites intensifiers and deintensifiers based on the publication of D. Bolinger, who distinguished between intensifiers and deintensifiers. Bolinger, who has singled out four categories of means with this functionality: 1) boosters, “indicating an increase of a sign in the direction of the maximum”; 2) compromizers, “moving the value towards the centre and sometimes permitting a dual (upward and downward) interpretation”; 3) diminishers, “indicating a decrease of a sign” and 4) minimizers, “moving the value towards a lower limit and bordering on negation”. [Arutyunova 1988: 246]. The predisposition of grades to graduation will later become a common subject of discussion along with specific means and methods used to increase and decrease the “degree” of grades — see, in particular, the graduation system of J.R. Martin and P.R.R. White's model of evaluation, widely known in contemporary Anglo-American Linguistics (Martin, White 2005: 136-151).

1.1.3. Results of a functional-semantic evaluation research

To summarise, among the merits of the functional-semantic approach to the study of evaluation is a detailed discussion of general issues concerning evaluative expressions. Of great theoretical importance are attempts to distinguish between evaluation and description. Communicatively oriented classifications of evaluative meanings are created (varieties of general and private evaluative meanings are distinguished on the basis of real language use); concepts of value and norm, which have the potential for the widest interpretation, are discussed; a generalized logical structure of evaluative expressions is modeled and its filling with inherent and optional elements is specified; the fundamental properties of evaluations, such as context dependence, normocentricity and gradability, are described. While the

discussion of general and specific evaluative meanings relates to the logic and semantics of the evaluative means, the observations on the illocutionary power of evaluative expressions [Arutyunova 1988: 71] and the systematic emphasis on the context-relatedness of evaluative elements have great practical value and actually open the way to the pragmalinguistic study of evaluation.

However, the disadvantage of the functional-semantic approach was that the multidimensional consideration of language evaluations as such in the monographs of N. D. Arutyunova and E. M. Volf is not concerned with the communicative practices of evaluation in various discourses.

On the whole, a methodological turn can be stated in the Russian linguistic tradition in the 1980s and 1990s. Evaluation, previously considered within other humanities disciplines, entered linguistics due to the increased openness of language science to other branches of human knowledge and the increased interest of researchers in the subject of speech and cognition. However, although in some cases there is a gravitation towards a pragmalinguistic view of the question, the consideration of evaluative meanings is predominantly disconnected from the communicative and discursive functions of evaluation.

1.2. Text-centred approaches to the study of evaluation

The functional-semantic approach is chronologically close to the study of evaluation from the perspective of functional Stylistics and text-oriented Linguistics. The focus of research is on assessments integrated into the texts of the nuclear and peripheral genres of scientific functional style. The functional and stylistic approach is reflected in the articles of M. B. Vorobyeva and E. S. Troyanskaya in their collective monograph “Scientific Literature. Language, Style, Genres” [Vorobyeva 1985, Troyanskaya 1985] as well as in L. V. Krasilnikova’s monograph “Genre of Scientific Review: Semantics and Pragmatics” [Krasilnikova 1999]. The consideration of evaluations in their text-typological connectedness is presented in M. Ripfel’s monograph “Wörterbuchkritik. Eine empirische Analyse von Wörterbuchrezensionen”. [Ripfel 1989], which continues the series of studies of professional scientific communication from the perspective of text Linguistics and text-type Linguistics, which actively developed in German linguistics in parallel with the development of functional stylistics in Russian linguistics.

1.2.1. Examining evaluation in scientific texts from the perspective of Russian functional stylistics

The above-mentioned works by M. B. Vorobyeva and E. S. Troyanskaya are of particular interest for our study because they reflect the study of evaluation in reviews as a special scientific genre in which the functionally directed “*evaluative moment*” is manifested most clearly, often explicitly [Vorobyeva 1985: 47]. Just like N. D. Arutyunova, M. B. Vorobyeva notes that descriptive elements in texts, functionally specialised in the expression of evaluations, can be used/interpreted as expressions of the author’s position and, as a consequence, function as acts of evaluation [Vorobyeva 1985: 55–56]. For the first time, evaluation is seen as: 1) a special authorial modality peculiar to any scientific work and the process of scientific cognition per se [Vorobyeva 1985: 47]; 2) a characteristic category of a scientific text, closely connected with the category of dialogicity: after all, new scientific facts, as well as the attitude to them (whether it is the subjective attitude of the author of the text to the statements he presents or the attitude of the scientific community to the information presented) are gradually formed in the process of scientific dialogue [Vorobyeva 1985: 48]. It should be noted that the identified relationship between the dialectics of scientific cognition and the evaluative attitude of the subjects of science to the material they present will be further developed within the framework of sociolinguistic approaches, which attribute a special role to evaluation in the production of scientific knowledge.

The notions of the complex organised structure of scientific knowledge also correlate with the type of evaluation highlighted by M. B. Vorobyeva — evaluation of the place of an object in the development of a scientific discipline. The object of such an assessment is qualified by the following criteria: the object’s place in the development of a scientific discipline, the subject of such an assessment, and the discipline’s role in its development. The object of such evaluation is qualified according to the following criteria: 1) topicality; 2) importance, significance; 3) advanced, developed; 4) accuracy; 5) expediency, perspective; 6) ability to perform specific actions; 7) difficulty or ease of implementation of any actions [Vorobyeva 1985: 49]. Equally fruitful and innovative is M. B. Vorobyeva’s apt observation about the prevalence of different ways of expressing evaluative meanings in different genres of scientific style [Vorobyeva 1985: 48].

In addition to the assessment of the place of the object in the structure of the scientific discipline, M. B. Vorobyeva singles out another type of evaluation characteristic of professional scientific communication — evaluation by credibility — and associates its wide spread with the specific object of assessment by the author and the recipient of scientific reviews — new knowledge: judgments, facts, results presented in the peer-reviewed publications. The following grading points on the axiological

scale are given for credibility assessments: 1) impossibility; 2) rarity; 3) vagueness, uncertainty, doubtfulness, optionality; 4) relevance, appropriateness; 5) admissibility, possibility, probability, presumption; 6) commonness; 7) validity; 8) reliability; 9) certainty; 10) necessity, inevitability; 11) obviousness; 12) obligation [Vorobyeva 1985: 49]. In spite of the high level of detail typical for gradational parameters, M. B. Vorobyeva's scale gives the impression of an insufficiently balanced schematic representation. On the one hand, it is possible to state the approximation of the evaluation variety to the credibility modality in its classical [Biryulin, Kordi 1990: 68] understanding or, on the basis of current socio-communicative studies of scientific discourse, to the epistemic modality [Nefedov 2017: 601] of the scientific text. On the other hand, some points of axiological graduation, such as 1) impossibility; 5) possibility and 10) necessity inevitably refer to other modal meanings (actually, possibility and necessity). In this respect, it is not possible to graduate the credibility evaluation according to all the given points.

E. S. Troyanskaya considers the review as a peripheral genre of scientific functional style [Troyanskaya 1985: 67]. The opposition of nuclear and peripheral genres of scientific functional style is continued in the assessment of emotionality and subjectivity in the texts of scientific reviews. This follows from the accentuated difference between the linguistic understanding of objectivity and the treatment of this notion in philosophy of science: "In linguistics, objectivity is understood as a quality polar to subjective evaluativity: it is an account in which the author and his appraisal are set aside in the background, with the process itself in front; in the widely accepted scientific view, objectivity is the correspondence to reality" [Troyanskaya 1985: 80]. The author notes that imagery and emotionality are more intrinsic to reviews than to articles and monographs: the specificity of this scientific genre is seen in the greater subjectivity. It is especially worth mentioning that the subjectivity of author's thought in reviews contradicts to some imperatives of scientific style such as brevity or economy [Troyanskaya 1989: 61]. The above-mentioned allows E. S. Troyanskaya to conclude that genre specificity of reviews is most clearly seen precisely in the functioning of "figurative, subjective-evaluative and emotional and in the manifestation of individual style" [Troyanskaya 1985: 77]. Later on, the idea about the expressed subjectivity of reviews would be reflected in the dictionary article about the genres of scientific literature included in the Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian language. The authors of the article E. A. Bazhenova and M. P. Kotyurova add that through the use of specialized linguistic units "the reviewer reveals himself as a subject of speech, a subject of consciousness, a subject of emotions, i.e. an individual linguistic personality" [Bazhenova, Kotyurova 2016: 63].

Characteristically, the observations in Troyanskaya's work are not of a generalised, speculative nature, but are based on the specifics of the empirical material chosen for analysis. Thus, the article provides and interprets some statistical indicators that allow to draw conclusions about the frequency of evaluative statements in German scientific reviews. In particular, the predominance of positively

polarised evaluations expressed at the level of lexical semantics is noted — the researcher cites as examples the adverbs *ausgezeichnet*, *vorzüglich*, *hervorragend*, *schön* [Troyanskaya 1985: 78].

However, the question remains open as to the extent to which the tendency to express positively polarised evaluations recorded in the reviews is widespread. Should we assume that this is a characteristic of scholarly communication per se, or that the tendency towards positive evaluations turns out to be characteristic of different linguistic and institutional cultures to varying degrees? This question necessitates a further discussion of the currently available linguistic approaches to the comparative study of axiological phenomena in scientific works.

As an aside from the study of science communication in comparative terms, E. S. Troyanskaya links the predominance of positive evaluations in the texts surveyed to the goal-oriented production of non-categorical statements, “especially when it comes to negative evaluations”, which “are usually mitigated by resorting to euphemisms of various kinds” or the expression of negative evaluation through recommendations “in which an adjective with a positive evaluation (in a comparative degree) is used instead of an adjective with a negative evaluation” [Troyanskaya 1985: 77]. Discussing the non-categorical nature of the verbal expression of scientific thought in a later monograph, the author refers to the pragmalinguistic works of G. Leach and his maxims of politeness [Troyanskaya 1989: 43]. Two significant points should be highlighted here, which will be reflected in subsequent works devoted to the axiological component of scholarly texts. On the one hand, attention to implicitly realised expert evaluation will allow to question the absolute nature of the conclusion about the prevalence of positive assessments in reviews [Nefedov 2019: 1882]. On the other hand, means and ways of mitigating negative assessments, criticism expressed in scientific publications will be extensively discussed in *Anglo-American Linguistics* in projection to the standards of communication accepted in scientific communities — see a number of works by K. Hyland devoted, inter alia, to hedging — means and ways of mitigating categorical statements in the texts of scientific discourse [Hyland 2004, 2005; Hyland, Tse 2009].

L. V. Krasilnikova in her monograph [Krasilnikova 1999] also adheres to the functional-stylistic approach to the study of evaluation in scientific texts. The author focuses on the genre of scientific review and distinguishes its two varieties: normative-evaluative and dialogical (reflecting the dynamics of scientific polemics around new knowledge). It is argued that the normative-evaluative type of review qualifies scientific work on the basis of regulatory requirements to the content and design of scientific research. From this point of view, the reviewer represents himself in the text as a source of normative knowledge and a carrier of idealized perceptions of scientific publications, and the text of the review, in addition to evaluation, implements an informative function — informs readers about new knowledge in the field of interest [Krasilnikova 1999: 45]. Nevertheless, the evaluation component acquires considerable power in reviews, which leads to the broadest possible definition of evaluation that is

repeatedly encountered in studies devoted to the axiological plane of scientific communication: “<...> the evaluation field of the scientific review genre is so strong that the very presentation of the primary source content carries a positive charge even if neither explicit nor implicit evaluations can be detected” [Krasilnikova 1999: 121].

One of the undoubted merits of the monograph is the specification of the object of evaluation by referring to empirical material — 110 Russian reviews from various academic journals. Based on the results of the analysis of the impressive research corpus, three groups of evaluation objects stand out: 1) the work as a whole/reviewed work, indicated through the genre or its part; 2) individual aspects, methods of scholarly research activity; 3) the highlighted scientific task; 4) research material; 5) nature of style [Krasilnikova 1999: 49–50].

In addition to the various objects of evaluation, four varieties of evaluation of a scholarly work as a whole and its individual aspects have been identified and described:

1) general axiological evaluation, graded on the scale “good/bad”, as well as adjectives close to general axiological evaluation, which express approval/disapproval;

2) mental evaluation and its subtypes: a) psychological-intellectual evaluation, expressed by adjectives and nouns with the semantics of significance, pithiness, singularity, reasonableness, comprehensibility, truthfulness, proof, correctness, doubtfulness; b) emotional-intellectual evaluation;

3) practical evaluation based on the attitude to: a) norm/standard; b) tradition; c) completeness; d) presence/absence of relevant features; e) relevance; f) success, effectiveness (teleological evaluation); f) complexity; g) suitability (functional evaluation); h) various modalities (necessity, desirability, etc.) 4) emotional evaluation denoting psychological states and responses [Krasilnikova 1999: 51–52].

It is noted that evaluations can be directed not only at the text of the reviewed publication, but also at the figure of the author-researcher. The manifestations of multidirectional (on the author of the reviewed work and on the readers of the review) and multiple targeting of reviews are devoted to separate substantive parts of the monograph [Krasilnikova 1999: 105–109]. Among specific assessments aimed at the figure of the author of the reviewed text, one distinguishes: 1) general evaluations of mastery; 2) professional assessments aimed at characterizing the author's professional competences; 3) ethical and psychological appraisal of the personal qualities of the reviewed author [Krasilnikova 1999: 52].

From a detailed consideration of the varieties of evaluation relations and objects of evaluation it can be concluded that L. V. Krasilnikova not only refers to the abstract structure of evaluation, comprehensively presented in the works of ideologists of the logico-philosophical approach, but also fills theoretical constructions with concrete expressions included in the evaluative activity of review authors. We emphasize that the specification of the modal framework of evaluations is made not at the

expense of dictionary vocabulary, but as a result of referring to the real word usage. The impressive detail of classifications and consistency in the implementation of the results of analysis bring L. V. Krasilnikova's monograph closer to contemporary corpus studies in Linguistics (see, for example, [Hunston 2011; Brommer 2018]).

In the course of describing the review as a special genre of functional scientific style L. V. Krasilnikova puts forward the notion of communicative framework of the review as one of the ways to include extra-linguistic parameters of scientific-evaluation communication into the analysis. Modeling of communicative framework of review brings L. V. Krasilnikova's research closer to the pragmalinguistic one. The determining role of the subject of scientifically-evaluative communication, who sets addressability of speech acts within its limits [Krasilnikova 1999: 105], is accentuated and the figure of reviewer is characterized in detail. Thus, there is a double "presence" of the reviewer in the text: on the one hand, the reviewer gets textual actualization as a subject of "judgement of judgement" (evaluation) manifesting himself as a subject of understanding and interpreter of the critically examined work [Krasilnikova 1999: 86]. On the other hand, the reviewer is also actualized as a subject of presenting the content of the primary source and "constructing the whole text of the review aimed at maintaining contact with the reader" [Krasilnikova 1999: 81]. [Krasilnikova 1999: 81]. At the level of specific linguistic means accompanying the contextual embodiment of the subject of evaluative communication, it is recorded that the reviewer introduces the units of subjective modality (certainty/unsurety, desirability, probability, possibility, necessity) into judgements [Krasilnikova 1999: 90]. The author makes observations about the possibility of multilevel textual realization of the reviewer's emotional attitude towards the objects of evaluation [Krasilnikova 1999: 96] as well as about the manifestation of subjective individuality on the level of style which is expressed in the refusal of means typical for the genre in favour of individual wordplay [Krasilnikova 1999: 98].

1.2.2. Text-typology research on evaluation by M. Ripfel

In German studies of the 1980s, text linguistics and text type linguistics (Textsortenlinguistik) — research on a set of text instances that are similar in their formal, content and communicative-functional aspects — is developing noticeably (more details about the debatable concept of *Textsorte* and the known theories of text type Linguistics see [Heinemann 2000a: 513]). At the same time, studies dealing with text types that regulate communication in an academic environment are beginning to appear. The notion of textual functions is actively used to describe text types of scholarly communication.

M. Ripfel also pays attention to the functions of scientific reviews in her monograph “Wörterbuchkritik. Eine empirische Analyse von Wörterbuchrezensionen” [Ripfel 1989], which proposes a purely instrumental texttypological approach to the study of texts in academic professional communication. Thus, among the main functions of scholarly review are named mandatory functions: 1) description; 2) evaluation and optional functions: 3) justification; 4) recommendation/rejection [Ripfel 1989: 42]. Discussing the functional outline of scientific reviews, M. Ripfel correlates the highlighted functions with the thematic progression of texts. It is stated that presentation of author’s thought in reviews begins with description of bibliographical data of the work reviewed and then continues with description and evaluation of other aspects of it. The evaluation, in turn, may be accompanied by a justification, which is formulated according to the typical argumentation schemes characteristic of scientific reviews. In the concluding (optional — in the introductory) part of the review, as a rule, a general evaluation of the book under review is expressed, combined with a recommendation or rejection of a recommendation of a particular scholarly work for a potential recipient [Ripfel 1989: 43]. In our opinion, the thematic unfolding of the expert evaluative text presented by M. Ripfel should rather be perceived as extremely generalized, prototypical for scientific reviews. Textlinguistic analysis of real textual instances reveals a greater compositional diversity of reviews than that which fits into the framework of M. Ripfel’s schematic representation of thematic progressions.

It is to be expected that in addition to textual functions, the monograph also considers the logical structure of evaluation. Comparing academic journal reviews with publicist reviews, the researcher supplements the abstract structure of evaluation with the figure of its recipient and specifies the content of this element with reference to the texts of academic reviews. No less expected is the remark about the polydirectionality of expert-evaluation texts: it is argued that among the wide range of addressees from the scientific community a special place belongs to the author and/or publisher of the reviewed work, who is interested in a positive evaluation of his or her work [Ripfel 1989: 37]. Besides introducing the addressee into the evaluation structure, M. Ripfel specifies the objects of evaluation and supplements the well-established list of substantive and formal features of the work under review with subject-oriented aspects, which are involved in the evaluation aimed at the author of the monograph in question (*Verfasser des Rezensionsgegenstandes*) and the person responsible for its design (*Verfasser der Rezensionsvorlage*) [Ripfel 1989: 44].

Characteristically, the extralinguistic parameters of the communicative situation, which includes reviews, receive a separate consideration: 1) the public and monologue nature of communication is stated; 2) it is noted that the reviewer — a specialist in the field to which the reviewed monograph belongs — is most often explicitly nominated, indicated in the text by a proper name; 3) it is clarified again that the circle of recipients of scientific reviews includes both specialists from a particular field of knowledge and the author of the work under review (probably personally acquainted with the reviewer);

4) the main body of publication of scientific reviews is defined — academic journals; 5) it is emphasized that the influence of the editors of a scientific journal on how the review text is structured and formatted is rather insignificant [Ripfel 1989: 41]. Detailed characteristics of communication participants with an emphasis on interpersonal relationships and the inclusion of communicants into a professional context, as well as taking into account public institutions that ensure the dissemination of scientific information, allow us to establish prospective links between M. Ripfel's research and the works of representatives of the communicative-functional, pragmalinguistic and sociolinguistic approaches to the study of assessments in scientific texts.

1.2.3. Key advances in text-centred evaluation studies

In the works of Russian and foreign researchers presented above, the emphasis is shifting to the study of evaluations in functional and stylistic subsystems. In one way or another, the communicative situation of expert evaluative communication and its extralinguistic parameters begin to be taken into account. Evaluation is considered not only within the particular functional style, but also on the material of a particular language: for example, French in the article of M. B. Vorobyeva or German in the works of E. S. Troyanskaya.

Specific observations made on the basis of the analysis of extensive empirical material in different languages lay the foundation for subsequent research on evaluation in scientific communication. The main achievements of the functional-stylistic and text-typological approaches can be considered the following results:

- 1) understanding evaluation as a special authorial modality that permeates the entire scientific text²⁵;
- 2) identification of varieties of evaluation that are specific to scientific communication, such as credibility evaluation and evaluation of the object's place in the history of a scientific discipline;
- 3) presentation of the field structure of functional scientific style genres, proving the diversity of types of scientific reviews;

---

²⁵ This idea is further developed in communication-oriented studies, where the authors highlight the specific axiological plane of scientific texts and emphasise the role of evaluations in organising the interaction of different layers of scientific knowledge.

- 4) consideration of evaluation as one of the mandatory, fundamental functions of scientific review;
- 5) emphasis on genre uniqueness of the review: identification of deviations from the norms of scientific style in expert evaluative texts, observation of fixation of the relatively greater subjectivity of reviews, a clear tendency to express not only rational but also emotional assessments;
- 6) specification of the logical structure of evaluation based on representative samples of texts;
- 7) observations about the multiple nature of addressing evaluation in reviews, the observation that evaluation can be directed both at formal and substantive aspects of the reviewed work and at its author/publisher.

To summarise this overview, however, we are forced to note the choice of a purely instrumental approach by researchers of evaluation within the framework of the study of functional styles. Despite the undoubted merits of the functional-stylistic and text-typological consideration of evaluative expressions, the proposed tools should be recognised as insufficient for explaining the role and place of evaluation in language, in its (institutionally regulated) use. As evaluative meaning is indeterminate, its interpretation is impossible without reference to the context and a set of contextual parameters (such as text type, communicative situation, communicants' characteristics: their status, goals and relations) which form the framework for the perception of statements [Bublitz 2009: 180]. Characteristically, a similar idea with respect to evaluations can already be found by N. D. Arutyunova [Arutyunova 1988: 5]. The arguments about the contextual connectivity of evaluations take on particular significance in the projection to evaluative statements, which include elements not used for the direct expression of evaluation. The resulting evaluative meaning in such cases arises as a result of the interaction between the systemic meaning of linguistic units and the parameters of the situational context [for more details see Nefedov and Chernyavskaya 2020: 83–84].

Given the complex relationship between evaluation and context, the most effective solution is to use a multi-level understanding of context that takes into account the hierarchy of cognitive structures in which knowledge is “packaged”. For example, to J. Meibauer's model in which four levels of context are distinguished: 1) intratextual (the textual environment of statements); 2) infratextual (the relation of a text fragment and a whole text work); 3) intertextual (the relation of text to other text instances); 4) extratextual (situational context) [Meibauer 2012: 11].

In order to bring to the study of evaluative expressions information about the cognitive structures involved in the production and reception of scientific texts, it is necessary to consider the context not only as a multilevel but also as a dynamic construction. In this regard, the introduction of the figure of the addressee of evaluative utterances, which we observe in functional-stylistic and text-typological studies, should be positively appreciated. After all, the interpretation of an utterance is a two-way process

[Bublitz 2009: 44], determined not only by the author, but also by the recipients of the utterance, their social identity, role in communication, attitudes, emotions and communicative goals, which may change as the context unfolds [van Dijk 2014: 54].

In our opinion, the mentioning of the goals pursued by the communicants is worth mentioning especially due to the fact that the act of evaluation, like any speech act, is done on purpose. In other words, evaluation inherits in its structure the intentional component of the speech act and is carried out in accordance with the goals of communication. In order to take into account the teleological dimension of evaluations, it seems necessary to consider evaluative expressions from a pragmalinguistic point of view. In this regard, the addition of the addressee category to the evaluation model seems to be a progressive change in the research perspective, but insufficient for studying evaluation in integration with the socio-culturally and institutionally determined parameters of communication.

1.3. Pragmalinguistic, sociolinguistic and discourse-linguistic study of linguistic evaluation

The need to study evaluations in their conditioning by extra-linguistic parameters of the communicative situation has led to a proliferation of studies of evaluative meanings from pragmalinguistic positions. The pragmalinguistic setting of the problems, as a rule, requires the application of known methods of text linguistic and linguistic-epistemologic analysis of language evaluation, but the main focus is shifted to the participants of professional scientific communication, their goals and communicative attitudes that affect the verbalization of speech acts of evaluation.

A number of works performed by Russian linguists [Ryabtseva 1996; Kotyurova, Bazhenova 2008; Bazhenova 2016; Danilevskaya 2009, 2013; Chernyavskaya 2016] conceptualise evaluation as a special axiological plane of a scientific text. German-speaking authors continue to construct the characterisation of valuation in scientific communication on the basis of text Linguistics. From a text linguistic perspective, the knowledge of how exactly (with which means and ways, in an orientation towards which values and norms) the information reported in expert texts is evaluated can be considered as interactive knowledge (*Handlungswissen/Interaktionswissen*) of the communicative activity in the process of production and perception of scientific texts. This type of knowledge is traditionally distinguished along with other types — encyclopaedic and linguistic knowledge [Heinemann, Heinemann 2002: 125]. In addition, the articles of German linguists are distinguished by special attention to the speech realization of assessments within the speech acts [Hannappel, Melenk 1981; Sager 1982; Keller 2002; Zhao 2015; Arendt, Schäfer 2015].

In recent years there has been an increase in the number of studies of evaluation from a sociolinguistic and linguistic-cognitive perspective, which is not surprising given the high status of the sociolinguistic and discourse-cognitive paradigms in contemporary Linguistics. Modern researchers are not interested in the means of expression of evaluation in isolated use and not at all in the lexical semantics of evaluative units as such, as well as in particular cases of the use of the particular means with the preservation of their lexical meanings. On the contrary, the current research focuses on the peculiarities of interaction of evaluative means in various communicative contexts, on how these means are included in the author's communicative strategies and tactics and how exactly evaluative means are employed by the author to implement the communicative goals set.

1.3.1. The specific evaluative framework of scientific texts shown by Russian linguists

The works of domestic researchers discussed below are united by the notion of a special evaluative plane of scientific texts and a special linguistic-epistemic function of evaluation. This function manifests itself in the fact that evaluation, committed by the authors of scientific articles, monographs and reviews, is involved in the gradual process of verification of scientific knowledge and thus contributes to the ordering of these structures, promotes their advancement from the domain of discursive scientific knowledge to the segments that form the evidentiary basis of science [Ilyin 1989: 98].

The authors have different approaches to the evaluation as a special plane of scientific texts. N. K. Ryabtseva regards evaluation as one of the tools of a characteristic subjective modality of a scientific text whose source is the author — the subject of knowledge and cognition, whose authorial individuality and speechmaking creativity are especially revealed in the choice of means of organising a scientific presentation [Ryabtseva 1996: 10, 15]. According to Ryabtseva, it is the subjective nature of scientific cognition and textual production that gives the author's statements the "necessary epistemic and communicative certainty". [Ryabtseva 1996: 16]. The high degree of the axiological character of a scientific text is emphasised once again [Ryabtseva 1996: 25] and this idea is first confirmed by the statistical data obtained in the course of the author's work with the specialised reference book "Scientific speech in English. Handbook" [Ryabtseva 1999]. Referring to the postulates of the philosophy of science allows N. K. Ryabtseva to formulate an important consequence for the characterisation of assessment bases in scientific texts. It is noted that, in spite of the generally accepted notion that science strives for objective truth, truth itself remains a subject of philosophy (logics, in particular). In other fields of scientific knowledge, it is not so much the truth of the statements made by the authors that is to be

assessed but rather the argumentativeness, correctness, consistency and significance of the authors' reasoning and conclusions [Ryabtseva 1996: 25]. N.K. Ryabtseva draws out the following regularity with regard to grounds which lies in the interdependence between the nature of a ground and a particular object of evaluation. As a consequence, special classes are distinguished for the theoretical objects and the speech-thought operations to which the cognising subject is directed. Each class corresponds to its own axiological criteria: 1) deductive knowledge (author's hypotheses and methodology) — validity; 2) generalisations (theories and concepts) — explanatory power; 3) classifications — the grounds on which they are built; 4) events — the probability of their origin; 5) laws — the sphere of action; 6) constructions — complexity; 7) reasoning and exposition — consistency, objectivity, depth, completeness and clearness; 8) results — novelty and significance [Ryabtseva 1996: 29]. In the same vein, the special, *forward-looking function* of evaluation in scientific writing is also mentioned.

M. P. Kotyurova and E. Bazhenova also develops the idea of a special axiological plan of a scientific text when they speak about a “grid of evaluations” which “covers the text with different degrees of density” [Kotyurova, Bazhenova 2008: 89]. The authors propose the term *axiological field* to denote the verbal expression of the axiological component of an *epistemic (cognitive) situation*, which is correlated with the evaluative essence of cognitive activity as such and with “the value orientation of the scientist in the available (previous) and received (new) knowledge” [Kotyurova Bazhenova 2008: 81]. The mentioning of knowledge varieties here is also not accidental, because from the researchers' point of view, the function of evaluation in scientific texts includes the regulation of systematization, reception and structural transformations of segments of disciplinary knowledge from the moment of its origin up to the textual fixation [Kotyurova, Bazhenova 2008: 81].

Cognitive situation in the understanding of M. P. Kotyurova and E. A. Bazhenova connects the subject of evaluation, the object being evaluated and the means of evaluation [Kotyurova, Bazhenova 2008: 82]. The axiological activity of the subject in the process of scientific cognition is provided by two types of evaluation: rational (logical) and irrational (emotional). Rational evaluations express the attitude of the author-researcher towards new or existing scientific knowledge, at that, segments of knowledge are qualified by the author on the basis of compliance or non-compliance with the standards adopted in the process of science progression [Kotyurova, Bazhenova 2008: 81]. It is specified that the criteria of novelty, relevance and credibility are usually applicable to reported scientific knowledge, and examples of axiological scales for rational evaluations are given [Kotyurova, Bazhenova 2008: 82], which indicate a rather broad understanding of evaluation by authors (cf. the discussion in the sections above about the convergence of credibility evaluation with modality).

In addition to rational evaluation, assessments expressing the mental state of the evaluating subject are discussed and specific observations on the distribution of rational and emotional evaluations in scientific texts are given. According to these observations, the means of emotional evaluation are usually

used to negatively qualify old knowledge in polemical parts of a scientific work [Kotyurova and Bazhenova 2008: 83]. Referring to the research material as a whole, the authors state the predominance of evaluations of previous knowledge over evaluations of other segments of scientific knowledge [Kotyurova, Bazhenova 2008: 86], which is associated with the functioning of evaluation as a kind of indicator of cognitive value of the knowledge reported. In addition, there is a higher proportion of positively polarised assessments compared to negatively polarised ones, which is associated mainly with the principle of non-categorical presentation of the research results [Kotyurova, Bazhenova 2008: 87]. As for assessments of new knowledge, they, according to the results of Kotyurova and Bazhenova, often focus on scientific methods, concepts used by authors, and other components of research design — hypothetical constructions, problems, and specific tasks. These assessments are based on the criteria of significance, validity and novelty [Kotyurova, Bazhenova 2008: 87–88].

For all types of assessments in scientific texts, the authors build a matrix of assessment tools, which consists of lexical (nouns, adjectives, adverbs, phraseologized combinations) and syntactic units (cliches, impersonal constructions with various modalities, constructions with negative/adversative semantics, interrogative and exclamatory proposals) [Kotyurova, Bazhenova 2008: 84–85]. At the same time, the possibility of implicit realization of assessments (old knowledge) through the statement of facts is noted: it is argued that the “formally non-assessment” transmission of someone else’s speech should be interpreted as: 1) an expression of the author’s complete confidence in the truth of the quote and 2) a positive assessment of the statements cited [Kotyurova, Bazhenova 2008: 85, 87]. The certainty of the author’s position can also be evidenced by the intensification of assessments, which increases the persuasiveness of the presentation, while the grading of assessments towards softening signals the author’s unwillingness to formulate categorical value judgments [Kotyurova, Bazhenova 2008: 85].

Valuable practical observations are summarized in a later publication by E. A. Bazhenova. The author again draws to the analysis the statistical indicators of the evaluative density in scientific texts and, based on the interpretation results, emphasizes the cross-cutting nature of the axiological density of the scientific text, which allows us to continue talking about the special *evaluative subtext* (the term of E. A. Bazhenova, similar in terms of meaning to the term of M. P. Kotyurova *axiological field*). The subtext of evaluation is represented by a multitude of language units of different levels, connected by evaluative semantics and the function of evaluative characteristics of knowledge structures [Bazhenova 2016: 141], which seems to us especially relevant and characteristic for the communicative-functional study of evaluative expressions. At the same time, the end-to-end axiological density actually turns out to be uneven: there is a tendency for assessments to accumulate in certain compositional and meaningful parts of the work — the introduction, the presentation of the history of the issue under discussion, the formulation of the problem, and the substantiation of the research methodology [Bazhenova 2016: 142].

Some theoretical points on which E. A. Bazhenova bases the interpretation of empirical analysis allow us to draw a number of parallels between the author's article and the studies of her predecessors. Like representatives of the logical-philosophical and linguistic-axiological approaches to the study of language evaluation, E. A. Bazhenova interprets the modal frame of assessment in the projection on the extralinguistic parameters of communication and identifies the subject of assessment (a person or society), the object of assessment (a person, object or event) and evaluative scales and stereotypes [Bazhenova 2016: 140]. In the same theoretical vein, the following is carried out: 1) the allocation of subjective (oriented to the subject) and objective (oriented to the properties of objects and phenomena of reality) components of assessments; 2) distinction between rational (based on norms and stereotypes) and emotional (transmitting mental reactions of subjects) assessments; 3) an indication of the semantic incompleteness of the assessments [Bazhenova 2016: 140–141].

N. V. Danilevskaya relies heavily on the research of her predecessors, appealing to the functional and stylistic tradition of studying linguistic evaluation in the genre varieties of functional style of academic communication. The author's undoubted innovation can be considered an extension of the concept of evaluative subtext to the *set of subtexts* with which *cognitive (intellectual) evaluation* is correlated [Danilevskaya 2009: 21]. However, the term *intellectual evaluation* itself does not seem quite appropriate: if we take into account the inherent cognitive component of evaluative actions, any evaluation can be considered intellectual in a broad sense. The term *cognitive appraisal*, which Danilevskaya uses in her work, refers to “the cognitive core that unites all partial interactions of knowledge components and subordinates this interaction to the main goal of a scientific text — to fix the process of the creation of new scientific knowledge” [Danilevskaya 2009: 22]. As we can see, this definition of *cognitive evaluation* as a special kind of evaluation emphasises not only the involvement of evaluations in the structuring of scientific knowledge segments, but also the teleological orientation of evaluations, their connection with the goals of scientific text production.

Danilevskaya, like her predecessors, distinguishes between objective and subjective components of evaluation statements [Danilevskaya 2009: 22] and, in accordance with this division, differentiates evaluations into rational (logical) and irrational (emotional and expressive), specifying the criteria of evaluation within the logical and emotional/expressive evaluation fields. For example, it is argued that the objects of evaluation, to which the rational attitude of the author is directed, are characterised on the basis of familiarity, relevance, importance, appropriateness, reasonableness, relevance, possibility, etc., while irrational evaluations imply the characterisation of objects from the positions of approval, admiration, annoyance, surprise and other states experienced by the author [Danilevskaya 2009: 20]. Consideration of rational and emotional evaluative actions by researchers leads to distinguishing two plans of *cognitive (intellectual) evaluation* — cognitive and emotional [Danilevskaya 2009: 23]. At that, N. V. Danilevskaya understands the cognitive plan broadly: cognitive evaluation includes quite a wide

range of cognitive actions of a scientist — statement, description, generalisation, conclusion, consequence, clarification, explanation, etc. [Danilevskaya 2009: 23]. It is doubtful whether such a broad understanding of evaluation will be productive in analysis of real linguistic material. Understanding most of the speech and cognitive actions carried out by researchers as axiologically charged leads to the inevitable statement of the absolute evaluative character of a scientific text and the sidelining of other relevant textual functions. Furthermore, the broadest possible understanding of evaluativity questions the study of specific evaluation strategies and means in scholarly texts. The subsequent proposal to consider all cognitive acts in a scientific text as a priori positively polarised also seems unprotected from criticism in this respect [Danilevskaya 2009: 23].

It should be noted, however, that a broad understanding of evaluation activity in correlation with the structures of scientific knowledge is used by Danilevskaya as the basis for the main thesis of the paper — that evaluation in scientific texts has a special text-forming function (which, however, was also mentioned earlier — see [Arutyunova 1988: 74]). The fact that evaluation permeates the entire textual frame follows from the projection of evaluation onto the act of cognition/understanding: the evaluative characteristic of an object is impossible without understanding its structure [Danilevskaya 2009: 21]. The fact that the object of cognitive evaluation, according to Danilevskaya, is mostly old knowledge, seems incomplete and not quite in line with real research practice, because other segments of scientific knowledge are also subject to evaluation (which is especially characteristic of reviews). Besides, the boundaries of the concept of old scientific knowledge are not clearly defined. As a consequence, this term may give the reader a false impression of the imaginary homogeneity of the structures of scientific knowledge, for which a strict division into two fields (old and new) is recognized as possible. Further on, Danilevskaya attempts to specify the segments of scientific knowledge and characterizes textual statements in terms of belonging to the structures of *new scientific knowledge*, *old scientific knowledge*, *new communicative knowledge* and *old communicative knowledge* [Danilevskaya 2009: 24]. These categories are applied in the empirical analysis, the results of which are presented in detail in the paper, but despite clearly illustrating the textual interaction of some structures of scientific knowledge, the analysis does not always clarify what role evaluation plays in the interaction of cognitive structures. The points of contention noted in the paper seem to us to be the result of an expansive understanding of cognitive assessment and, in particular, of its cognitive plane: if all statements in scientific texts are initially ascribed an evaluative character, assessment begins to be perceived mainly as an unmarked element of textual structure, which is most easily correlated with the main function of scientific texts — the production of new knowledge — without focusing on the role of assessment in the interaction of individual structures of scientific knowledge.

In the other article N. V. Danilevskaya develops her theory of *cognitive evaluation* presented in earlier publications [Danilevskaya 2009, Danilevskaya 2005] and raises the issue of the impact of the author on the recipient, emphasising the relevance of the role of this impact in the development and transfer of scientific knowledge [Danilevskaya 2013: 39]. The author's reflections on the influence of the sphere of emotions and mental states on cognition are interesting [Danilevskaya 2013: 38]. The article pays a lot of attention to emotional evaluation in scientific texts: it states the importance of the two sides of the cognitive process — both rational and emotional, and notes their close relationship. Proceeding from these statements, N. V. Danilevskaya formulates two attitudes underlying the understanding of cognitive assessment as “the author's choice of one or another cognitive action”. These are 1) “the author's focus on the implementation of a meaningfully adequate scientific dialogue”, which correlates with the cognitive (rational) plan of *cognitive assessment*, and 2) “the focus on the implementation of a communicatively adequate scientific dialogue”, which correlates with the emotive plan of *cognitive assessment*. [Danilevskaya 2013: 39].

Discussions about the connection between rationality and emotionality and the role of these two plans in the production and transfer of scientific knowledge find an outlet in the concept of *intellectual expression*, which is explained by N. V. Danilevskaya as “the author's search for both the new knowledge itself and the ways of its most appropriate linguistic presentation in the text” [Danilevskaya 2013: 40]. According to N. V. Danilevskaya, a textual indicator of intellectual expression is the *density of knowledge* — “*condensation*” of cognitive and evaluative actions of the author-researcher, which performs an important communicative function — increases the effectiveness of scientific communication and thus contributes to the discursively adequate presentation and verification of new scientific knowledge [Danilevskaya 2013: 41–42].

A relevant reflection and refraction of the ideas presented above characterizes the work of V. E. Chernyavskaya, which considers the research article as a type of text specializing in the presentation of a new scientific result. Based on a number of Russian and foreign studies, V. E. Chernyavskaya concludes that the role of peer review in the production and presentation of new scientific knowledge is increasing [Chernyavskaya 2016: 57]. With regard to the structures of scientific knowledge, it is proposed to consider the dichotomy “old and new” as the interaction of conceptual (directly related to new scientific knowledge) and non-conceptual (auxiliary) knowledge that serves to shape conceptual knowledge. At the same time, it is always emphasized that the interaction of new and old in science is associated with cognitive and evaluative actions of the subject (acceptance/rejection; qualifying the reported fact objective/doubtful/false; expedient or inexpedient, etc.) [Chernyavskaya 2016: 59]. Following Danilevskaya, Chernyavskaya also operates with the concept of cognitive evaluation, defining it specifically as the author's qualification of a component of scientific knowledge expressed in the text as “having a certain value, necessary for the formation and expression of new knowledge”

[Chernyavskaya 2016: 59]. The methods of analyzing empirical data, which the author defines as “structural (qualitative) content analysis, pragma-semantic analysis of linguistic units, the method of abstracting the textual whole” [Chernyavskaya 2016: 57], can be considered an undoubted merit of the article. The selected methods allow combining linguistic analysis of the verbal expression of evaluation with the consideration of the cognitive structures of scientific knowledge. This sets the linguistic and epistemological orientation of the analysis, which, as discussed above, makes it possible to discuss the functions of the subject’s evaluative activity in the scientific cognitive process.

1.3.2. Evaluation in the mirror of German pragmalinguistics

Since the 1980s a synthesis between a logical and philosophical understanding of the structure of evaluation and a pragmalinguistic perspective has been taking place in the works of German linguists. Evaluation is regarded there as a speech action, as a result of which the question of the inclusion of evaluation tools in speech acts gets in the focus of scientists and the attention of authors is led to the active, volitional aspects of evaluations. A fairly typical example here is the work of H. Hannappel and H. Melenk, in which the authors first summarise the properties characteristic of evaluation per se:

1) polarity — *polare Struktur* — which is considered practically from the perspective of argumentation theory in terms of “Dafür- oder Dagegen-sein” (see, for example, similar remarks by K. Hannken-Illjes on the use of the same *topoi* in argumentation to resolve an argument from both “for” and “against” positions [Hannken-Illjes 2018: 100–101]);

2) gradability — *Graduierbarkeit* — the ability of evaluation to occupy a point position on the scale between axiological poles;

3) group conditionality of evaluations — *Gruppenbezug* — correlation of evaluation with collectively determined norms and values;

4) evaluation criteria — *Bewertungskriterien* — whose (possible but not obligatory) expression in the context cannot be reduced to the lexeme level.

5) ambiguity — *Unschärfe* — made up for in context [Hannappel, Melenk 1981: 209–222].

In pragmalinguistic terms, a relevant idea is expressed, which is reflected in the work of other researchers [see Sager 1982; Arendt, Schäfer 2015]: between the action aspect of speech and the evaluative attitude there is a bilateral connection, since, on the one hand, evaluations are subject to

actions that have already been taken, and on the other hand, it can be argued that the evaluative comment, aimed at actions taken, prepares guidelines for further similar actions [Hannappel, Melenk 1981: 211].

A more detailed consideration of the pragmalinguistic aspects of evaluation is given in the article by S. F. Sager, which occupies a special place in the German tradition of evaluation and emotionality research (which is confirmed by numerous references, see, in particular [Jahr 2000; Zhao 2015]). It is to be expected that S. F. Sager's presentation of the theory of evaluation contains the traditionally discussed aspects of language evaluation as a phenomenon: emotionality and rationality of evaluation; scalar gradability of assessments and linguistic intensification means; possibility of simultaneous contextual realisation of different evaluation types; dependence of evaluative utterances on communicative context [Sager 1982: 45]. At the same time, the dialogical and teleological orientation of evaluations is emphasized: it is argued that evaluations are expressed in order to influence the interlocutor in a certain way, to achieve a perlocutionary effect as a result of the evaluative statement and to influence how exactly the subsequent acts of evaluation will be carried out [Sager 1982: 40–41].

The integration of knowledge about the peculiarities of the logical structure of evaluations with the theory of speech acts can be regarded as a definite innovation by S. F. Sager. Thus, discussing the contextual connectivity of valuation actions, the researcher derives a special kind of speech actions — *valuative* (*Valuativ*). The objects of *valuatives* in S. F. Sager's understanding are individuals, their actions and personality traits. As for the evaluation of “relations between entities” — objects in the narrow sense and phenomena, other speech acts, *evaluatives* (*Evaluativ*), are used [Sager 1982: 44]. On the one hand, the separation of the two types of speech acts depending on the extralinguistic characteristics of the evaluation objects seems more than reasonable, since the different properties of the evaluation objects may affect the choice of means used to verbalise evaluation. On the other hand, the partial homonymy of the terms *Valuativ* and *Evaluativ* does not contribute to a clear distinction between the varieties of speech acts discussed above and significantly complicates the translation of the author's terminology into Russian.

The evaluation model proposed by S. F. Sager deserves special mention. S. F. Sager's model of evaluation deserves special mention. It reflects both the traditional components described in logico-philosophical and linguistic-axiological studies, as well as the author's vision of evaluation in four dimensions: 1) quantity (*Quantität*); 2) quality (*Qualität*), 3) relation (*Relation*) and 4) validity (*Validität*) [Sager 1982: 45–51]. The first dimension correlates with the classical notions of grading assessment values according to scales. In the centre of the second — qualitative — dimension of evaluation the author places such a component of the logical structure as ground, and distinguishes four of its varieties: 1) aesthetic basis (*die ästhetische Basis*), formed by normative notions of the beautiful; 2) moral/ethical basis (*die moralische Basis*), represented by norms of ethics and morality; 3) functional-teleological basis (*faktisch adaptive Basis*), involved in the evaluation of the object's compliance with

its prescribed functions; 4) *sensitiv expressive basis* (*sensitiv expressive Basis*) — providing subjective, emotional evaluation of the object [Sager 1982: 46–47]. S. F. Sager relates the next dimension of evaluation, attitude, to the objects of evaluation and points out the limited ability of objects of different kinds to combine with these or those bases (Sager 1982: 48–49). Later on, a similar idea would be expressed by R. Keller (Keller 2002: 12). The fourth dimension of evaluation in the model of S. F. Sager's model, validity, is defined on the basis of the size of the collective that supports the norms and standards on which the assessment is based: individual-valid assessments (*individuelle Bewertungen*) are divided into *private* (*privat gültig*) and *egomorphic* (*egomorph gültig*), while *group validity* of assessments can be *institutional* (*institutionell*) and *regional* (*regional*), depending on the institutional or territorial anchoring of collective norms [Sager 1982: 50–51].

The differentiation of axiological foundations, the consideration of individual and collective norms in the evaluation model, as well as the use of the tools of constituent grammar in the analysis of explicit and implicit evaluations [Sager 1982: 51–57] distinguish S. F. Sager's article from the general background of German works focusing on the pragmalinguistic aspects of evaluation. At the same time, there are some shortcomings in Sager's article due to ambiguous terminology and the arbitrary selection of examples for the analysis of evaluation in the detachment of communicative practices accepted in a particular community.

In more recent German publications, the consideration of evaluation is more often based on specific types of texts, e. g. scientific articles in Zhao's study [Zhao 2015]. Despite the subjective nature of evaluations, in which the author's positions and perceptions are reflected, Zhao proposes to refer to objective text types [Zhao 2015: 86–87] as texts which represent the results of the author's critical thinking on scientific issues. Theoretically, Zhao's article is based on the constructions of the author. Zhao is based on the constructions of S. F. Sager [Zhao 2015: 89], but to model evaluation in the texts of scientific articles of Chinese researchers the author uses a combination of abstract logical structure (including the object of evaluation and axiological bases) and taking into account specific means and ways of verbalizing evaluations using methods of quantitative analysis [Zhao 2015: 88]. Based on this analysis, a number of practical observations are made: 1) the contexts in which the authors of the articles express an indirect positive evaluation of work by pointing to gaps in the publications of other authors are identified [Zhao 2015: 89]; 2) rhetorical questions as means of expressing negative evaluation are highlighted [Zhao 2015: 98]; 3) it is emphasized that evaluation is created in the context by a set of means [Zhao 2015: 96]. In general, it can be argued that modelling evaluation on the basis of qualitative and quantitative pragmalinguistic analysis of scientific articles gives Zhao's work a special methodological value. However, one should keep in mind the fact that the aims and objectives of scientific article authors differ from the communicative aims and objectives of reviewers and,

accordingly, differences can also be observed in the way and means by which evaluative judgments are framed in specific contexts.

The analysis of B. Arendt and P. Schäfer, who study evaluation in the comments of researchers participating in the Peer Review process, is based on material that is close to journal reviews [Arendt, Schäfer 2015]. Evaluation is seen as a norm-setting process: in the authors' view, the values, norms and scales on the basis of which evaluation takes place are often crystallised in the evaluation process itself [Arendt, Schäfer 2015: 103]. Norms are interpreted as "expectation of expectations" (*Erwartungserwartungen*), the violation of which is reflected in critical comments that 1) point to the discrepancies between reality and norms; 2) allow the personality of commentators, their professional competence, to emerge in the text [Arendt, Schäfer 2015: 104]. In other words, by committing evaluative speech acts, the subject of evaluation positions himself as a specialist involved in the communicative practices of scientific discourse.

The logical structure of evaluation is refracted in a three-level analytical model built in the framework of linguistic criticism of language (*Sprachkritik*) (the model is first presented in the article by B. Arendt and J. Kiesendahl [Arendt and Kiesendahl 2015]). The first level of the model specifies the objects of evaluation. These include: 1) formal attributes of the refereed text (specific wording; means of expressing evaluation at the level of morphology, syntax, orthography; use of various modalities and visual-graphic codes, typographic resources involved in the expression of evaluations) and 2) substantive aspects (use of terms, interpretation of data, formulation of conclusions, work with sources and citation practices). The second level specifies the type of speech act in which evaluations are included (question, statement, request, inducement, praise, etc.) and identifies the linguistic means and techniques used to formulate evaluative comments: 1) adjectives (in attributive and predicative use); 2) means of reducing the absoluteness of a statement; 3) particles and other means of expressing evaluation. At the third level of the model, the presence or absence of an explicit offer of correction, which the reviewer addresses to the author of the work being reviewed, is separately noted. Concluding the theoretical constructions, B. Arendt and P. Schäfer reconstruct the norms on the basis of which reviewers formulate evaluation commentary: 1) uniformity at the design level; 2) clarity and precision of wording; 3) reproducibility, analytical consistency and persuasiveness of the statement [Arendt, Schäfer 2015: 118–119].

In addition to the analytical model described above, the paper presents the results of an empirical study of evaluative comments. An interesting implication is derived from the analysis of negatively polarised evaluations. The authors reason as follows: critical comments on a peer-reviewed paper indicate that the text received by the editorial board of an academic journal requires correction. The need for corrections expressed by the reviewer in turn implies the principal possibility and expediency of making changes in the text and, therefore, indicates that the work under review is suitable for publication and is worthy of involvement in the academic discussion. The above allows B. Arendt and P. Schäfer to

speak about the special function of critical comments in the process of “blind” reviewing [Arendt, Schäfer 2015: 109]. As far as positively polarised evaluative comments are concerned, evaluations with a "+" sign are observed to be used for the general characteristic of the reviewed work and to fulfil a contact-establishing function in communication between authors and reviewers [Arendt, Schäfer 2015: 114].

1.3.3. Interdisciplinary linguosociological approach: engaging assessment in functionally differentiated societal systems

The starting point, which will allow to better reveal the group of particular approaches summarized here, can be considered the idea of the institutional connectivity of text types, their inclusion in the activities of organizations and structures endowed with socially important functions. In textual linguistics and text types, this idea was most explicitly expressed by Ch. Gansel and F. Jürgens, who formulated an integral definition of text types (*Textsorte*) in the projection to functionally differentiated social systems. According to the researchers, the study of text types is unthinkable without taking into account the whole areas of communication (*Kommunikationsbereiche*) and their functional load in social systems, setting certain frameworks for texts, which support the functioning of these systems [Gansel, Jürgens 2009: 57]. The notion of a functionally differentiated system is used by the authors on the basis of the sociological general theory of systems as presented by N. Luhmann (for an overview of N. Luhmann’s theory see [Krause 2005], for details on science as a social system see [Luhmann 2016]). Although most of the following authors do not openly appeal to Luhmann’s systems theory, the reference to Luhmann’s understanding of social systems and institutions allows to explain to some extent the sociological, rather than linguistic, conceptual framework used in the consideration of evaluation from the perspective of an interdisciplinary linguosociological approach.

Let us now turn to the premises of Luhmann’s theory, which are the most relevant for the linguistic description of the specifics of institutional communication. In this theory, society is understood as a complex system, which integrates separate subsystems (religion, law, education, politics, economy, science, art, media), endowed with specialised functions [Gansel, Jürgens 2009: 76]. Within the boundaries of each subsystem there is a differentiation of text types: 1) *nuclear text types* perform constitutive functions in relation to the system (an example of such text types in science is a scientific article and a monograph); 2) *text types in institutionally coherent communication* are responsible for communicative interactions within the system (example: a university term paper), while 3) *text types of*

structural connectivity ensure the construction of strong communicative links between different social subsystems (for example, at the intersection of [Gansel, Jürgens 2009: 78]). Thus, it is possible to speak about the close integration of text-types with social institutions.

In the functioning of social subsystems, text types become transmitters of institutionally determined cognitive structures, the so-called *cognitive dispositive*, in terms of R. Diaz-Bone. The author makes a comparative analysis of publications from the fields of Pragmatics and Economics and finds in them manifestations of institutional cognitive grounds. The cognitive dispositive of public institutions consists of the perceptions shared by the members of these institutions, the pool of collective knowledge, the rules of communication accepted in the collective — deep structures that have socio-cognitive functions, structure the worldview of the representatives of the institution, determine their cognitive style and identity [Diaz-Bone 2013: 89].

To summarise this reference to the systems theory, we emphasise that the works of linguosociological approach-users focus on the social significance of evaluative practices and their institutional frameworks. For example, T. Widmer chooses as a starting point for his presentation the understanding of evaluation as a process of social interaction and points out that in the course of this interaction the social position of the evaluating subject and the expectations placed on its role and functionality by a particular community are manifested in one way or another [Widmer 2000: 82]. This idea does not lose its importance when projected onto the figure of the reviewer in scholarly discourse. It seems that the reviewer as a subject of peer review should meet high collective requirements for peer review, expressed both in purely formal indicators (scientific degree, title, publication activity etc.) and in knowledge of norms of peer review, as well as in discursive competences, which are manifested in specific textual instances of the text type *review*. R. Stockmann and W. Meyer's understanding of evaluation in scientific reviews will also be relevant for our study of expert assessments. Although the authors' work does not deal separately with science as a system, it considers evaluation as a tool for the production of new knowledge [Stockmann, Meyer 2010: 64], which once again confirms the importance of understanding evaluation as a necessary condition for the process of verification of the obtained knowledge and scientific progress.

It is noteworthy that a later paper by T. Widmer (co-authored with T. de Rocchi) argues for the mastery of evaluation practices exhibited by authors. In the context of this discourse, Peer Review, a procedure of anonymous journal review, is given as a concrete example. It is noted that the evaluation criteria for the blind peer review process are not explicitly formulated, thus violating the principle of transparency of evaluation postulated by T. Widmer and T. de Rocchi. Despite this peculiarity of peer review of potential journal publications, the authors interpret peer review as a necessary tool for self-regulation of science as a system [Widmer, de Rocchi 2012: 106–107]. This idea brings us back to the

differentiation of the types of texts that ensure the effective functioning of differently specialised social subsystems.

The linguistic-sociological approach, as well as other strands of evaluation studies, attempt to classify evaluations and make sense of the evaluative structure. T. Widmer singles out types of evaluation on the basis of the specificity of objects, and the terminological designations follow the same logic: if a project is evaluated, the type of evaluation is called “project evaluation” (*Projekt-Projektevaluation*). The same way many other types of evaluation are distinguished — *Produktevaluation*, *Personalevaluation*, *Organisationsevaluation* etc. Among others, a special category of “evaluation of evaluation” — *Evaluation einer Evaluation*, which suggests that T. Widmer took into account the metalinguistic aspect of evaluation statements, which will be discussed later [Widmer 2000: 78]. The context in which evaluation takes place is understood by the author quite broadly and fits into the theoretical model of interaction. According to this model, the context of evaluation is defined by the addition of three vectors: 1) politics and governance; 2) science and 3) the public [Widmer 2000: 82]. In accordance with the specificity of this three-vector model, the functions of evaluation are also defined — improvement of the quality of processes, increase of responsibility for the actions of subjects, increase of scientific knowledge, successful construction of political strategies [Widmer 2000: 80; Widmer, de Rocchi 2012: 27–28]. The special importance of evaluation for science is emphasised. On the one hand, assessment maintains the high status of science as a social system. On the other hand, evaluation fulfils a meaningful function within science, as acts of evaluation are involved in the production of empirical evidence for scientific theories and methods [Widmer 2000: 83]. R. Stockman and W. Meyer add additional socially relevant functions to the function of evaluation. Evaluation, which is widely interpreted as expressed feedback on the results of an activity, according to the authors, contributes to public education, triggers the processes of learning and development of individuals in society, legitimizes democratic political regimes (which imply the presence of feedback as such and its adequate perception by the recipients of evaluations), as well as optimizes project management and quality control [Stockmann, Meyer 2010: 72–73]. The latter function is also subject to G. Birnkraut’s definition, according to which evaluation is understood as a method for determining how productively a social institution is working to ensure its own effectiveness. The results of such evaluation serve as a basis for further public discussion, which in the prototypical case should lead to social change [Birnkraut 2019: 14].

The evaluation functions are included in the grid of evaluation dimensions presented in the work of T. Widmer and T. de Rocchi. In essence, the dimensions proposed by the authors are another interpretation of the logical structure of evaluation and include: 1) the object (*Evaluandum*); 2) the functions; 3) the scope of evaluation; and 4) the relationship between the object of evaluation and evaluation. The works of other representatives of the interdisciplinary linguosociological direction in the study of evaluative meanings apply similar models with rare exceptions and additions. R. Stockmann

and W. Meyer formulate the dimensions as questions: 1) What is being evaluated? 2) For what sake? 3) On the basis of what criteria? 4) By whom, and 5) How is it evaluated? [Stockmann, Meyer 2010: 66.] G. Birnkraut uses the same system of questions to describe the structure of evaluation [Birnkraut 2019: 14]. In fact, this abstract from linguistics scheme combines the classical triad “subject — object — basis of evaluation” with the functional aspect of evaluative acts and the possibility to include the classification of characteristic evaluative tools in the evaluation scheme.

In relation to the particular aspects discussed in the linguosociological approach, it is necessary to elaborate a little more on J. Erpenbeck’s theoretical views on evaluation. J. Erpenbeck is talking about the emotional richness of knowledge, and is guided by Kantian categories: by analogy with the *thing-in-itself* and the *thing-for-us*, he distinguishes between *knowledge-in-itself* and *knowledge-for-us*. Like the authors who highlight the special axiological layer in the scientific text and state the importance of emotional evaluations in the process of developing new scientific knowledge, J. Erpenbeck expresses the conviction that it is impossible to move from knowledge in oneself to knowledge for us and to involve knowledge in everyday and professional activities without emotional coloring of cognitive processes and presentation of research results [Erpenbeck 2018: 107]. Emotions and motivations are seen as the result of the evaluation of an object by a particular individual, the subject of evaluation, with the basis of evaluation considered to be formed by the subjective needs and interests of the evaluating subject on the scale of the subject-object relationship [Erpenbeck 2018: 107–108].

While the philosophical foundations of J. Erpenbeck’s concept of evaluation are abstract, the researcher focuses on concrete means of evaluation that fit into the axiological model. Erpenbeck’s concept of evaluation is focused on concrete means of evaluation, fitting them into an axiological model. The author constructs a matrix of linguistic evaluative means, distinguishing: 1) lexemes with evaluative components in the semantic structure (*gut*, *schön*, *nützlich* etc.); 2) evaluative judgments (whole utterances); 3) words that do not have evaluative semes in the structure of meaning, but receive evaluative connotations (usually negative) due to the socio-cultural context in which they are historically embedded — see, for instance, *Stigma-Wörter* and *Fahnen-Wörter* [Hermanns 1994]; 4) prefixes and suffixes that give a word evaluative connotations (*un-*, *ge-*, *-erei / -elei*, *-ling*); 5) composites with an evaluative component (*Hetzrede*); 6) textual means of evaluation; 7) other means that can be used to express an identifying or distancing attitude to the object of evaluation (*unser Direktor — der Herr Direktor*); 8) euphemisms, irony, sarcasm, comparison, etc. expressive means on the level of stylistics [Erpenbeck 2018: 120–121]. From a linguistic point of view, J. Erpenbeck’s classification can hardly be considered coherent and consistent, however, its undoubted merit is the consideration of different levels of evaluative means. It is equally positive to acknowledge the separation of extra-linguistic means of expressing value meanings that belong to different modalities (visual, auditory, kinesthetic) and paralinguistic means that accompany the contextual construction of value meanings (auxiliary prosodic

means of expressing value-laden meanings) [Erpenbeck 2018: 118–119]. Despite the fact that the consideration of non-linguistic resources for constructing evaluations is not so relevant for the analysis of expert texts of scientific discourse, the classification of para- and extra-linguistic means proposed by J. Erpenbeck's classification of para- and extra-linguistic means provides a perspective for contemporary linguistic research on valuation in multimodal communication.

1.3.4. J. Martin and P. White's Appraisal Framework: Appealing to a discursive perspective

The strands of socio- and discourse-linguistic research discussed below are characterised by the involvement of methodology and theoretical concepts from disciplines allied to linguistics in the study of evaluation. The diversity of methods of scientific description of evaluative meanings is reflected in the variety of terms used by authors to model evaluation in a particular discourse. For example, B. Paltridge [Paltridge 2017: 116], as he highlights theories of linguistic evaluation precedent for Anglo-American linguistic discourse, provides a number of terms that describe evaluation mechanisms: *Evaluation in Text* [Hunston, Thompson 2000; Hunston 2011], *Appraisal* [Martin, White 2005; Hood 2010], *Stance analysis* [Hyland 2005] and others.

The study of English as a language of academic communication, as S. Hood notes [Hood 2016: 193], goes back to the social semiotics of language and *Systemic Functional Linguistics* (SFL) of M. A. K. Halliday, which focuses on the relationship between language, meaning and context [Starfield, Paltridge 2015: 132]. Halliday's concept becomes the basis for many other sociolinguistically and discourse-oriented studies of evaluative communication (mostly in English and on the English language material). Laying the foundations of SFL, Halliday singles out the levels of language as a socio-semiotic system. Along with intralinguistic levels (text, linguistic system), levels related to social context (communicative situation, textual variety/register, code, social organization/social structure) are also distinguished [Halliday 1978: 108]. The separation of language levels in accordance with Halliday's theory is reflected in subsequent works devoted to the peculiarities of linguistic expression and genre connectedness of evaluative attitudes: see, for example, [Bhatia 2013: 22]. S. Hood's attempt to arrange the existing variety of definitions and terms used by Anglo-American researchers to theoretically describe appraisal in projection to the levels of language identified by M. A. K. Halliday deserves special attention in connection with the works that continue the systemic-linguistic direction [Hood 2012: 54–55]. Thus, *appraisal* as the ability of the language system itself to express evaluative meanings logically correlates with the systemic level of language organisation as a socio-semiotic system. Evaluation as a

manifestation of linguistic variability/as a choice among the possibilities of expressing evaluative meanings in language (*key*) is projected to the level of register. Evaluation, understood as a similar choice among the possible means and ways of expressing evaluative meanings at the level of text (*stance*), corresponds to the level of text/text types, respectively. S. Hood attributes the perceptual aspect of language evaluation (*reaction*) — the perception of evaluative meanings expressed in the text in accordance with the position of the reader/listener, his or her knowledge fund, personal or collective values — to the level of *reading*. The latter is quite comparable with M.A.K. Halliday's *code* level, which is interpreted as a principle of semiotic organization that guides the choice of meanings by the author of a statement and the adequate interpretation of these meanings by the recipient [Halliday 1978: 111].

In the context of the sociolinguistic study of evaluation, special attention should be paid to the level of the language system and, in particular, its semantic subsystem, for which M. A. K. Halliday distinguishes three metafunctions: *ideational*, *interpersonal* and *textual* [Halliday 1978: 112–113]. The text is seen by the researcher as a result of the superposition of the vectors of these three functions, as a polyphonic composition in which various semantic “melodies” are interwoven, realized through interconnected lexical and grammatical structures. The interpersonal aspect of textual and discursive semantics is of considerable interest for the study of evaluations, in which the figure of the author of the statement, who expresses his personal attitude and judgments concerning certain objects and seeks to influence the behavior and judgments of other communicators, is most clearly visible [Halliday 1978: 112–113].

In the series of evaluation models based on the principles of SFL, the well-known Appraisal Framework by J. Martin and P. White is particularly noteworthy. Following Halliday, the authors adopt a separative approach to the treatment of modality and evaluation, in which modality is separated from the evaluative relation and both these categories are included in a higher order category — interpersonal meaning. In the theory of J. Martin and P. White, the hyper-category — the very ability of the language system to express evaluative meanings (*appraisal*) — is seen as a significant discursive-semantic resource and is interpreted quite broadly. Evaluation is seen as an interaction of three subcategories or semantic domains: subjective attitude represented by emotional reactions (*affect*), moral evaluations (*judgement*) and (mostly) aesthetic evaluations (*appreciation*), with the categories of *engagement* and *graduation* [Hunston, Thompson 2000: 4; Gray, Biber 2012: 18]. The domain of emotional reactions corresponds to the expression of positive and negative feelings and mental states of subjects, the domain of moral social judgments qualifies people's actions from the position of ethical norms, the domain of perception includes the linguistic means expressed recognition of the value of objects and situations [Thomas, Thomas 2015: 27]. Means of evaluation, forming the category of emotional reactions, can express the characteristics of the objects of evaluation, denote a mental process, accompanied in the

mind of the evaluation subject by positive or negative emotions, as well as function as an evaluative comment, attributed to the proposition of the utterance [Martin, White 2005: 46].

While in the case of the sensory reactions we are dealing with emotional evaluation grounds, the subsystem of social judgement is aimed at characterising people's behaviour on the basis of socially accepted norms. J. Martin and P. White distinguish two types of ethically-motivated judgements of people's actions — social judgements (*judgements of esteem*) and social sanctions (*judgements of sanction*). Social judgements express the extent to which people's actions conform to prevailing social perceptions of *normality*, *capacity* and *tenacity*. Social sanctions qualify the behaviour of the evaluated on the basis of *validity*, *veracity* and *appropriateness*, the conformity of specific actions with socially relevant ethical principles [Martin, White 2005: 52–53]. Analyzing specific means of expressing axiologicality, Ph. Shaw draws an additional boundary between emotional reactions and social judgements, distinguishing between proactive (*items*) and reactive (*responses*) lexical and grammatical means involved in the contextual construction of evaluations. Reactive evaluative units relate to the semantic field of emotional “responses” of the evaluating subject (*affect*) caused by a state of affairs, while proactive evaluative units are included in social judgments and acts of perceiving objects and ensure the categorization of the object of evaluation as good or bad, useful or useless, etc. [Shaw 2009: 220].

Perception and recognition of the value of objects in a narrow sense (*appreciation*) allows us to qualify objects of reality and situations on the basis of subjective impression on the one hand, and on the basis of structure and functionality, the usefulness of the object on the other hand [Martin, White 2005: 56]. Martin and White distinguish three types of perception in relation to the mental processes taking place in the consciousness of the evaluating subject: 1) *reaction* in terms of the emotional impact of the qualities of the object being evaluated on the subject; 2) *composition*, which relates to how the subject perceives the structure of the object being described; 3) value judgement (*valuation*) [Martin, White 2005: 57]. Note that the mentioned varieties of the subcategory relate to the metafunctional levels of semantics by Halliday (interpersonal, textual and conceptual respectively) [Halliday 1978: 112–113] and are also embedded in modern linguistic concepts of discourse — in particular, are distributed over the levels of the DIMEAN model (actor level, intratextual and trans-textual levels) [Warnke, Spitzmüller 2008: 25–46].

The system of axiological categories by Martin and White also includes *graduation* and *engagement* of evaluations. The graduation subsystem covers the mechanisms of intensification and deintensification of evaluations and is described by two parameters — *force* and *focus*. Graduation along the force axis primarily concerns assessments of size, extent, proximity and other similar characteristics of the evaluated objects, while graduation along the focus axis is applied to evaluations that involve non-scalable features of objects [Martin, White 2005: 48, 137]. A separate chapter is devoted to the graduability of

assessments, in which the means of enhancing and softening assessments are discussed and classified in detail [Martin, White 2005: 142–151]. The management of the “polyphony” of voices whose bearers share certain values [Hood 2010: 25] belongs to the sphere of evaluative engagement, embracing sources of subjective attitude and taking into account the plural nature of the positions of actors in a particular discourse. It is noted the importance of the aspect of interaction between authors and texts, which is central to the subsystem of evaluative *engagement* [Molodychenko 2015a: 58; Dmitrieva, Samigullina 2018: 60].

Even a rather general review of J. Martin and P. White’s theory allows us to conclude that the developed model of evaluation is multifaceted and multidimensional. On the one hand, the theoretical constructions of the authors take into account various grounds and objects of evaluation, highlighted already within the framework of logical and philosophical directions of axiological research. On the other hand, the model is based on the notion of context as a dynamic and interactive construct, thus organically continuing the socio-communicative and discourse-analytic lines of contemporary research into language in its use. The merits of J. Martin and P. White’s multileveled model explain its popularity as a theoretical basis for solving specific empirical problems, see the relevant publications [Starfield, Paltridge et al. 2013; Thomas, Thomas et al. 2015; Molodychenko 2015a,b, 2016; Shchipitsina 2019] and ensure the model’s strong position among topical concepts in linguistic-axiological research [Hunston 2011; Gray, Biber 2012; Hood 2012; Paltridge 2017], to the point that J. Martin and P. White’s theory is summed up in foreign studies of evaluation in general [Dmitrieva, Samigullina 2018: 60]. The latter seems to us not so valid due to the obviously greater diversity of approaches to the study of value-loaded expressions, and, not least, due to some imperfections of this widely known concept. A critical reception of J. Martin and P. White’s model is found by A. A. Alekseeva [Alekseeva 2019: 6]. The researcher successfully focuses on the main shortcomings of the theory, notes terminological inconsistencies, lack of clarity of analytical categories, and discusses cases of controversial categorization on the material of concrete examples. In addition, a significant criticism of Appraisal Framework theory is the terminological synonymy (cf. *appraisal*, *appreciation*, *valuation*, *attitude*), which can partly be seen in our translation of the basic notions of the valuation attitude and its subsystems.

In conclusion, let us also point out that taking into account the widest possible range of parameters in J. Martin and P. White’s model when applied to a specific research problem (in our case — to the study of evaluation patterns in expert scientific communication) can turn out to be a drawback rather than an advantage. The text typological specificity of scientific reviews and the special set of goals pursued by the authors of expert evaluative texts expand the range of linguistic options for filling some categories and almost completely (with rare exceptions) remove other categories from the researcher’s field of vision. For example, one can imagine that for the study of evaluation in journal reviews it would be

important to consider the content of the category of graduability (due to the general tendency of scholarly writing to be non-categorical). However, one would hardly expect academic review texts to evaluate the actions and behaviour of authors of reviewed papers in terms of their ethics/unethicality. As a consequence, the category of social judgement is withdrawn from the modelling of evaluation in expert scientific discourse, and J. Martin and P. White's Appraisal Framework receives only fragmentary use.

1.3.5. Current trends in the sociolinguistic and discourse-linguistic study of evaluation in Russian and foreign linguistics

In addition to the theory of evaluation by J. Martin and P. White discussed above, it is necessary to point out a number of other topical directions in the study of evaluation in the framework of sociolinguistics and discourse analysis. Among these directions, S. Hunston, in particular, notes the study of evaluative meanings in connection with the means and ways of expressing the position (*stance*) of discourse actors and emphasises the metadiscursive potential of evaluation, its functioning as a tool for organising discursive interaction [Hunston 2011: 19–23]. In addition to what Hunston has highlighted, there are two more aspects which, in our opinion, should be taken into account in the discussion of current trends in sociolinguistic and linguistic discursive understanding of valuation. The first aspect is the connection of works devoted to the study of discursive positions with the discourse on the polyphony of the (scientific) text and the concept of dialogism in the spirit of M. M. Bakhtin and V. N. Voloshinov [Bakhtin 1986; Voloshinov 1972, 1st ed. 1930]. In addition, publications in which the previous experience of axiological research is successfully supplemented by a variety of analytical methods, which have proved productive for studying evaluations in academic socio-communicative practice, deserve a separate consideration.

The starting point for the study of the discursive position in professional scientific communication is *shared knowledge* and *shared standards* in the socio-epistemological and discourse-semantic interpretation of H. Longino and J.-P. Malrieu [Longino 1990; Malrieu 1999]. Knowledge (including normative knowledge) accepted in the institutional community functions as a guarantor of the objectivity of scientific results. Epistemological and social values, criteria such as empirical adequacy, truthfulness, maintenance of interaction with the world and with theories from other fields of knowledge, accessibility to understanding, relevance to specific social needs, etc., ensure the objectivity of new scientific knowledge [Longino 1990: 77].

The general scientific knowledge produced in the framework of collective values is seen by Longino as a product of collision and structuring of multiple points of view [Longino 1990: 69]. The interaction of different positions of scientific discourse actors is reflected at the level of texts that ensure communication in the academic environment. In the polyphony of opinions and the struggle of authors' views, whole systems of value judgments can be formed. J.-P. Malrieu suggests using the term *ideology* for such systems [Malrieu 1999: 3], which has repeatedly been the subject of academic discussions (comments on the controversial nature of the term in question can be found, in particular, in T. van Dijk and S. Moschonas [van Dijk 2014: 96-97; Moschonas 2005: 15–16; 113]). Malrieu, however, justifies his choice by arguing that the term *ideology*: 1) most clearly conveys the normative and axiological dimension of knowledge; 2) excludes the reducibility of evaluations to individual linguistic units. The latter is undoubtedly true if we take into account the fact that evaluative meaning is created not so much through specific units as through contextual interaction [Malrieu 1999: 4; 8; 135].

A neutral understanding of *ideology*, which is far from the accepted socio-political one, in the context of the mentioned studies should be correlated with the socio-communicative parameters that determine discursive interaction. *Ideologies* in this view broadcast the identity, values and goals of the participants of a certain social group at the level of cognitive structures and form the basis for group interests, which are reflected in communication [van Dijk 2014: 96–97]. As the result, assessments embedded in subjects' belief systems can function as positioning tools for discourse participants. On the other hand, how the authors of qualifying utterances evaluate objects, as well as which objects are evaluated by the authors, allows other communication participants to reconstruct the social roles of the evaluation subjects in the relationship between individuals within a particular community. I. e. the means of contextual construction of evaluative meanings, chosen on the basis of certain norms and socially preset values, can be considered as a kind of social indexes, which can “evoke stereotypical social characteristics and contexts of use in the minds of members of the speech community”. [Naiman 2021: 89].²⁶

The discursive position of participants or *stance* in English-speaking sociolinguistic usage is defined by researchers taking into account various aspects. Let us recall that S. Hood considers *stance* in relation to language levels in the framework of Halliday's SFL: *stance* is understood here as a choice among the existing possibilities of expressing evaluative meanings on the textual level [Hood 2012: 54–55]. E. Naiman defines *stance* directly as “discursive positioning in front of an audience” [Naiman 2021: 97]. B. Gray and D. Biber introduce two parameters to describe *stance* and suggest taking into account, first, the kind of evaluation included in the implementation of the discursive position and, second, the level of language at which the units used by authors to form their position are localised (for example, modal verbs or adjectives with the qualifying *that*) [Gray, Biber 2012: 15; 19–20]. J. Du Bois sees the discursive

---

²⁶ For more details on the mechanisms of social indexation see [Agha 2007: 14; Chernyavskaya, Nefedov 2021: 9; Chernyavskaya 2021: 386].

position as a link between the act of positioning itself, the subject expressing its attitude to the object, and the socio-cultural values important to the subject [Du Bois 2007: 173]. In his model, known as the *Stance Triangle*, Du Bois distinguishes three axes: evaluation; positioning and alignment. In accordance with them, the author of a statement: 1) estimates the object — ascribes value to it on any grounds; 2) positions himself in respect of the estimated object (here the category of the subject in the communicative structure of evaluation is stressed); 3) correlates his position with the positions of other evaluating subjects in communicative interaction (the category of the addressee in the structure of evaluation is focused) [Du Bois 2007: 162–163; 171]. Somewhat differently, in the light of metacommunicative reflexivity, positionality is understood by A. Jaffe [Jaffe 2009]. Discussing the notions of stance and positionality, the author notes that subjects of speech inevitably position themselves in relation to what is said, to their recipients and to the very context that communicants adjust to and which they simultaneously construct themselves [Jaffe 2009: 4]. The expression of the author's position addressed to the reader, K. Hyland denotes with the term *engagement* and summarizes the means and ways of involving the reader in discursive interaction — inducing the recipient to co-think with the author of the text, to joint interpretations [Hyland 2004: 13]²⁷. Considering specific linguistic markers of subjective position, K. Hyland distinguishes four classes of functionally specialised indicators of the author's presence in the text: 1) *hedges* — reduction of categoricity of a statement; 2) *boosters* — means of increasing categoricity of a statement; 3) markers of subjective attitude (*attitude markers*) and 4) self-reference of the author in the text (*self mention*) [Hyland 2004; Hyland, Tse 2009: 108; Hyland, Jiang 2017: 145].

Thus, by evaluating certain objects from certain positions, guided by the evaluation strategies accepted in the professional community, the authors of reviews actualise themselves in the context as experts. Returning to the earlier axiomatic thesis about the collective nature of the scientific knowledge production, we turn to the notion of polyphonic interaction of discursive authorial positions, which goes back to the dialogical concept of M. M. Bakhtin [Bakhtin 1986] and V. N. Voloshinov's apt commentary on the dialectical nature of texts, since “every utterance in some degree, in some form agrees with something or denies something”, being “in a state of tense and continuous interaction and struggle” [Voloshinov 1972: 82]. In this regard, it has been suggested that texts which contain indications that the author allows for alternative points of view on certain objects should be considered *heteroglossic/polyphonic* [Xu, Nesi 2019: 7]. In scholarly reviews voices are distinguished, at first sight, according to the notion of participants of communication — thus, some authors distinguish three voices

---

²⁷ In the context of the study of academic reviews, a division similar to K. Hyland's *stance/engagement* dichotomy can be found. Diani, in particular, distinguishes *self-projection* (projections onto the figure of the author's “self”) — statements aimed at self-presentation of the author and establishment of contact with the reader, and *other-projection* (projections onto others) — statements correlated with “third parties” — the author of the reviewed work or the academic community [Diani 2009: 90–91].

— reviewer, author, scholarly community [Giannoni 2009: 31; Wang, Nelson 2012: 5]. Voices are seen as a discursive realisation of authorial identity within the sociocultural and institutional context [Wang, Nelson 2012: 4]. The next step — the identification of “sub-voices” in voices — is presented in the concept of *rhetorical roles* by K. Fløttum [Fløttum 2009, 2012], which is organically projected onto the knowledge of the heterogeneity of the evaluation subject in academic reviews. In relation to academic communication as a whole, Fløttum identifies three main subject roles that are marked at the textual level: 1) researcher; 2) text author; 3) discussion participant [Fløttum 2012: 224].

Different rhetorical roles can also be distinguished in science-expert communication, as the author of the review is required both to critically evaluate the published work (here the *voice* of the reviewer comes into play) and to describe substantive points of the book under review (the *voice* of the author of the book under review). Optionally, the *voices* of other fellow researchers from a particular field/culture or outside may be included in the review [Wang, Nelson 2012: 4–5]. The notion of different reviewer roles, expressed through positioning in relation to this or that object, we also find by B. Paltridge [Paltridge 2017]. In the researcher’s concept, the author can assume the role of an *expert* when he or she takes some position in relation to a segment of knowledge. The author acts as a *subject of evaluation* when he or she makes an evaluative comment on the quality of the reviewed text. Finally, the reviewer is included in the *role of the overview author* when he or she quotes directly or indirectly from the work under review [Paltridge 2017: 132–134].

In the context of current sociolinguistic and discourse-linguistic research on evaluation in scientific and expert communication, attention should be paid to a number of authors’ approaches to the study of the axiological plane of academic communication. The works presented below are distinguished by the synthesis of various theoretical concepts and methods of empirical analysis of linguistic material — in full compliance with the trends of contemporary linguistic research — methodological pluralism, reliance on extensive empirical material [Fandrych 2018: 160] and close attention to sociocultural practice [Nefedov, Chernyavskaya 2020: 86].

In Hunston's work, the reliance on intersubjectivity in the construction of evaluative meanings and shared norms and values [Hunston 1994: 191] is accompanied by the introduction of the concept of common ground [Hunston, Thompson 2000: 3–4] to denote shared knowledge and standards of communication in a particular community. Subsequently, this notion becomes a key concept in the work of J. Gumperz [Gumperz 2002]. In his discussion of the foundations of evaluative statements, S. Hunston does not avoid cases of evaluation without explicit cues and describes the mechanics of interpreting implicit evaluative contexts on the basis of the properties of the objects being evaluated (Hunston 1994: 196–197). Hunston's consideration of general evaluations on the scale “good”/“bad” is supplemented by reflections on evaluations on the scale “relevant”/“irrelevant”. Markers of relevance are seen by the author as one of the characteristic manifestations of evaluation in academic discourse. These markers

most often appear at the beginning or end of important textual segments [Hunston 1994: 198] and have a metadiscursive character: they fulfil the function of prospective or retrospective pointers and thus inform the recipient about how exactly the discourse unfolds and make the discourse itself the object of evaluative qualification [Hunston 1994: 199]. Hunston further extrapolates the reasoning about the organizational role of relevance evaluations in discourse to evaluations on other scales [Hunston 1994: 210]. The significance of evaluative utterances for the organization of discourse is reflected in the work of S. Hunston and G. Thompson, in which among the private functions of evaluation are distinguished: 1) expression of the opinion/personal attitude of the author of the text, justified by collective and individual values; 2) construction and maintenance of the relationship between the author of the statement and its recipient; 3) organisation of discourse [Hunston, Thompson 2000: 6-10]. In this work, attention is also paid to the interpretation of evaluative utterances. Since evaluation is based on comparison, subjectivity and reliance on values, it is argued that interpreters identify means in communication that signal comparison, subjectivity and appeal to social values [Hunston, Thompson 2000: 13]. Attention to the organising role of evaluations in discourse is also reflected in a later publication by S. Hunston, in which the author proposes her (integral) approach to the study of evaluation. She postulates the need for three analytical steps in the study of evaluative contexts: 1) identification and classification of the object of evaluation; 2) description of the value on the basis of which the object is qualified; 3) determination of the discursive relevance of the reported information (evaluation) [Hunston 2011: 21].

The steps highlighted by S. Hunston are combined with corpus methods of linguistic analysis, especially effective for studying implicit evaluations constructed in the context by means that do not have evaluative senses in their lexical meaning. The use of corpus method is also observed in an interdisciplinary and discourse-oriented article [Dalmas, Dobrovolsky 2015], in which collocations “noun + adjective” are examined for evaluativity.

A corpus-based linguistic and discursive analysis of evaluation in academic socio-communicative practices is held in S. T. Nefedov's works. Summarising the experience of research of academic communication specifics, S. T. Nefedov emphasises the perception of evaluation as a “*professional imperative*” in professional scientific communication, which was formulated by the German linguist H. Weinrich as *das Rezeptions- und Kritikgebot* [Weinrich 1985]. It has been pointed out that scientific works oriented to the study of evaluation in a pragmatic and discourse-analytic way reflect a different understanding of evaluation, focusing on the functional aspect of evaluation and its role in the structure of scientific argumentation. Evaluation is seen as a pragmatic tool used by researcher to produce elements of new knowledge outstanding from the body of available knowledge by means of critical perception, argumentation and value judgments. In addition, a teleological perspective is emphasised: evaluation is seen as a key pragmatic goal in axiologically oriented texts. This gives grounds for

differentiating the types of texts in scientific discourse according to the dominant function of evaluation: 1) scientific-theoretical texts: monographs, scientific articles, theses, etc.; 2) scientific-informational texts: reviews — use evaluation as a tool to provide convincing arguments, grounds in the form of scientific values for evaluative comments of the author (positive or negative). Compared to these categories of scientific texts, in scientific expert texts (reviews) evaluation becomes a communicative goal and is directly involved in the collective critical examination of reported information, search and selection of research results relevant for further development of a particular field of knowledge [Nefedov 2019: 1869–1870].

Objectivity and representativeness of the results are guaranteed by the methods used: S. T. Nefedov combines the achievements of modern evaluation research with the methodology of comprehensive quantitative-qualitative content analysis, which allows reconstructing significant extralinguistic parameters of communicative situation [Nefedov 2018: 106] and revealing specific explicit evaluative means and communicative strategies of implicit evaluation, characteristic for scientific expert communication [Nefedov 2019]. We will elaborate on them in the second chapter of the thesis, when we move on to discussing the peculiarities of evaluation in science expert communication. Here we should also note that S. T. Nefedov's publications, in addition to a comprehensive approach to empirical material, are characterised by the much-needed attention to the functional variability of evaluations depending on the text types subdiscourses of professional academic communication [Nefedov 2020: 124–125; Nefedov 2021: 765–773].

1.3.6. Outcomes of pragmalinguistic, discourse-linguistic and socio-communicative studies of evaluation

The communicative-functional orientation of current approaches to the study of evaluation allows us to emphasize the special role of evaluations in scientific texts (articles, monographs, scientific reviews) and cognitive activity. In Russian communicative and functional studies, there is a systematic tendency to emphasize the special role of evaluation in scientific texts. In this regard, the linguistic-epistemological orientation of a number of studies that draw attention to the interaction of different layers of scientific knowledge should be noted. The authors conclude that evaluation participates in highlighting and comparing new scientific ideas and already known theoretical positions and results, thus contributing to the orientation of the researcher in the scientific knowledge structures. Methodologically different structures of scientific knowledge with diverse epistemological status are

distinguished in the course of text segmentation into functional units (compositional and pragmatic segments [Chernyavskaya 2010: 69] or communicative and semantic blocks [Nefedov 2013: 198, Nefedov 2014a: 37–38]).

An interdisciplinary perspective on the study of evaluation statements is established: on the one hand, communication-oriented research is based on aspects of evaluation as an object of logical and philosophical thought, and on the other hand, sociological knowledge of the relationship between communicants and the processes characteristic of science as a social activity (publication of new scientific results, reviewing procedures, etc.) is included in the analysis of the evaluation situation. The situational context of the evaluation allows us to include information on the communicative attitudes and goals of the participants of professional scientific communication in the analysis. Attention is paid to the addressee of evaluative actions and extralinguistic parameters of evaluative communication situations are specified.

An analysis of works that examine evaluation from sociolinguistic and linguistic and discursive perspectives highlights a number of common properties attributed to evaluative meanings in communication:

1) Evaluation is interpreted as one of the ways of expressing social professional relations in science and the interaction of subjects of scientific discourse in solving the tasks set. In other words, evaluation is seen as a discursive practice integrated into a particular society, in “socially marked oral and written communication” [Busse 2013: 75].

2) Evaluative meanings are seen as constructed in a dynamic context.

3) Evaluation is perceived as one of the ways of expressing authorial subjectivity in intersubjective communicative interaction.

However, we have to note that some aspects still receive too general a treatment in communicative and functional studies of evaluation. There is a lack of clarity in the designation of a number of speech acts in which evaluation is realised. In addition, the notions of “new” and “old” scientific knowledge, which are used by the authors, need further clarification, because the layers of scientific knowledge are more complex than they seem at first sight. As we know, “old” knowledge can be understood as both verified and obsolete knowledge related to the history of science in the terms of V. V. Ilyin [Ilyin 1989: 98], while “new” knowledge can include both the recently presented to the scientific community and not yet passed all the stages of verification, and proven knowledge. This confirms the need to further differentiate the varieties of cognitive structures in the communication of new scientific results in order to study the role of evaluation in the interaction of the scientific knowledge structures.

It is noted that in the approaches that study evaluation as one of the parameters of a particular discourse, assessments are considered as a result of the author's motivated choice in favour of one or another means of linguistic registration of qualifying judgments. The choice of means for the verbalisation of evaluations in this case is put in dependence on the parameters of typical communicative situations (starting from the roles of communicants in the situation of institutional professional communication to the value cognitive structures common to communicants and necessary for achieving mutual understanding in communication). One can positively assess the interest in evaluation as a phenomenon of the interactive level of semantics, a tool for regulating the activity of public institutions and collectives. Evaluation, understood by the authors not only as a specific linguistic expression of the value attributed to an object, but also as a text type with a dominant function of evaluation, is seen as one of the guarantors of the successful functioning of societal systems.

The analysis of existing approaches to the study of evaluation motivates the choice of the discourse-linguistic direction as a theoretical and methodological basis for further research on evaluation, not reduced exclusively to the study of the features of lexical meaning of evaluative means. The discourse-linguistic direction of research allows us to focus on how these or those linguistic means interact in speech, are built into the author's communicative strategies and tactics, are involved in the implementation of the communicative goals set by the author. However, for the most reliable and clear-cut results, it seems necessary to turn to a synthesis of approaches by connecting to the discourse-linguistic analysis a detailed description of the logical structure of evaluation depending on the parameters of the current communicative situation. Combining the tools of different approaches to the evaluation study ensures the comprehensive nature of the consideration of assessments in science communication, and the study of expert evaluation practices in German and Russian linguistic discourses fills gaps in the comparative study of science communication within two different cultures.

Conclusions on the Chapter 1

The first chapter of the thesis examined the functional-semantic, text centred, socio-communicative and discourse-linguistic approaches to the study of linguistic evaluation.

Among the merits of the above approaches are noted: 1) discussion on evaluativity and non-evaluativity, relevant for the further analysis of explicit evaluation means and strategies of evaluative implication in scientific reviews; 2) ideas about the abstract logical structure of evaluation; 3) gradual departure from the study of evaluation at the level of lexical semantics to the study of evaluation in

communication; 4) highlighting a special axiological plane that permeates the entire scientific text; 5) attention not only to the linguistic, but also to the cognitive (psychological) component of valuation statements; 6) taking into account such socio-communicative parameters as subjectivity, addressing of evaluations, the reliance of evaluative actions on collectively shared values; 7) the constructivist idea that evaluative communication not only relies on existing norms, but also guarantees their maintenance and development; 8) the interdisciplinary openness of sociolinguistic studies of the role and functions of evaluation in science as a meaningful sphere of social and communicative interaction.

Among the shortcomings of the approaches reviewed are the repeatedly noted construction of general concepts of evaluation; the use of illustrative examples given in isolation from real language use; the lack of attention to the specific parameters of specific communicative practices; and the weak connection between the interpretations and analysis of evaluation acts and the communicative attitudes and social relationships of communication participants.

Nevertheless, this analytical comparison of theories and concepts allows us to identify a number of significant points of reference for the construction of an empirical analysis architecture in the following chapters. Recent approaches to the study of evaluation provide a discursive direction for further research, ensuring that the parameters of real communicative situations are taken into account, while methodological flexibility provides additional support for conclusions with statistical data obtained from a voluminous corpus of empirical material.

CHAPTER 2. THE CHARACTERISTICS OF THE EVALUATIVE LANGUAGE IN SCIENTIFIC EXPERT COMMUNICATION PRACTICES

The second chapter of the thesis is devoted to the review as the central text type of scientific expert communicative practice. It summarises the results of research that focuses on the discursive-communicative and text linguistic aspects of the text type under discussion. Based on this analysis, it examines how the parameters of the communicative situation of expert interaction influence evaluation in linguistic scientific reviews in German and Russian. In addition, the chapter discusses the use of linguistic means to construct a specific frame of perception and contextualisation of evaluability in academic journal reviews.

2.1. The role of expertise and expert knowledge in science

Researchers have frequently noted that the production of scientific results is a complex gradual process built on a dialogue between new and old knowledge [Nefedov 2019: 71; Mirskiy 2004: 97]. In this process, new scientific ideas undergo gradual approbation, and previously known scientific results are verified or refuted [Fløttum 2012: 221], subjected to critical reception, which along with the improvement and dissemination of the obtained knowledge can be attributed to the principles of constitutive importance for science as a sphere of social activity [Chernykh 2010: 15]. In Th. Gloning the idea of the inherent importance of critical perception for the dynamics of scientific knowledge is extremely pointed: according to the researcher, scientists already at the stage of production and presentation of scientific results should take into account that their achievements will be overcome or at least be considered by colleagues in a negative-critical way (also in reviews) [Gloning 2018: 345].

The ontological movement of a new scientific result from discussed knowledge to the “*solid science core*” [Ilyin 1989] is accompanied by peer review procedures in which the logical relations between segments of old and new knowledge are subjected to critical revision and evaluative interpretation. [Ilyin 1989] are accompanied by procedures of expert evaluation, in which logical relations between segments of old and new knowledge are subjected to critical revision and evaluative (re)interpretation [Bazhenova 2017: 7]. The key role in the procedures of evaluating the knowledge segments is assigned to experts — representatives of the scientific team who have more experience in conducting scientific research and presenting their results. Expert positions resolve the dialectical interaction of existing and new scientific

positions, identify leaders in the competition of ideas and concepts, and thus contribute to the renewal of disciplinary knowledge [Sitnikova 2012: 87].

Expert opinions, critical reviews in monographs, peer review comments determining the life cycle of an author's publication, oral and written scientific discussions (including discussions after conference reports), journal reviews [Gloning 2018: 365] aim to assess the compliance of a segment of author's knowledge with the criteria imposed by the professional community of researchers to scientific knowledge and distinguishing the latter from everyday knowledge. These criteria constitute the institutionalised *group ethos* or *group ideology* [Sager 1982: 50] of researchers and are summarised in works devoted to philosophy and epistemology of science. For example, L. A. Mikeskina distinguishes three groups of cognitive structures having value potential in the scientific-cognitive process: 1) interests, preferences and attitudes shaped among representatives of the scientific community under the influence of sociocultural factors; 2) orientations within cognition, on the basis of which a choice of forms and methods of description, proof, explanation is made (criteria of scientism, standards imposed on research); 3) objectively true subject knowledge (facts, hypotheses, theories) and effective operational knowledge (scientific theories). Directly to the *criteria of scientificity/criteria of scientific rationality* V.V. Ilyin refers, first of all, non-triviality (novelty), truthfulness (objectivity, reliability), criticism, logical organization (provability) and experiential validity and highlights the above as the fundamental characteristics of scientific knowledge [Ilyin: 34–37].

The discussion of procedures for the assessment qualification of scientific findings cannot avoid a number of controversial points. Despite the desire for objectivity that determines (in the prototypical case) scientific inquiry, the idea of an unbiased and independent expert figure, theoretical arguments about the role of ethics in the relationship between researchers and the practical recommendations of academic journals aimed at maintaining an ethically correct publication policy, peer review appears to be subject to the “human factor”. In this regard, we should highlight the critical voice of V. E. Chernyavskaya about the existence of two points of view regarding the evaluation (valuation) of scientific knowledge. Thus, the author identifies two opposing positions common in the scientific field: while some researchers postulate the need to develop extremely differentiated criteria applied to a scientific result, others question the fundamental possibility of evaluation in science [Chernyavskaya 2012: 167]. With reference to the works of Russian and foreign researchers, V. E. Chernyavskaya fixes negative trends in the assessment of scientific knowledge: strengthening the arbitrary nature of assessments, reducing the transparency of assessment procedures, the lack of unified and universal standards of assessment in practice, as well as the effect of “*accumulation of advantages*”. The effect of this effect is that the works of already well-known and widely cited researchers have a greater chance of a place in the bibliographic list of new scientific research, while the works of little-known scientists

receive a much narrower reception and modest recognition in the scientific community [Chernyavskaya 2012: 167; 170; 178].

However, instances of opaqueness and possible bias in evaluation procedures can hardly cancel out the relevance of relying on the criteria of scientific rationality and striving to increase the objectivity of knowledge. Note that the appeal to the criteria, values and norms accepted in the professional scientific community is crucial for the construction of *interpretation frames*²⁸. The verbalised appeal to the given standards of presentation of scientific results is designed to actualise in the minds of communicants a certain framework of perception, to “set” a situation that will be perceived by the interlocutors as a situation of scientific expert communication. Even if in practice it is not possible to rule out cases in which the reputation of an author has a significant influence on the evaluation of his/her work or in which the experts review “their” authors, it should be assumed that the normative nature of the evaluations is realised in the expert evaluative text. Such speech behavior allows the perceptibility and situativity criteria according to R.-A. de Beaugrande and W. Dressler [de Beaugrande, Dressler 1981; Filippov 2016: 27] and achieve that the expert evaluative text — in particular, the review — will satisfy the reader’s expectations. As a result, a particular text copy will be *read*²⁹ by the recipient exactly as an embodiment of the text type “review”, and evaluations based on the criteria of scientific rationality will function as signals guiding the reception of the text in accordance with the communicative situation.

2.2. Review as a core text type in scientific and expert communicative practice

The appeal to the knowledge shared by the representatives of the scientific community and the reliance on normative representations of the collective in connection to scientific work relate to two degrees of objectivity of scientific knowledge, as described by Longino. These are: 1) recognisable procedures of criticism (evidence, methods, assertions and arguments) — modes of expression and platforms for publishing criticism — journals, conferences, etc.; and 2) the use of standards of critical reception shared by all members of the community [Longino 1990: 76]. One of such recognizable procedures of critical reception of scientific knowledge is the journal academic review. Its main textual functions include evaluation of reported results along with descriptive presentation of the content of the reviewed work [Ripfel 1989: 42]. Profiling of the evaluation function allows researchers to speak about

---

²⁸ *Interpretation or perception frames* are created by linking the social (situationally related) meaning of language units and the typical contexts of their use [Chernyavskaya 2021: 384; Nefedov, Chernyavskaya 2021: 1557–1558].

²⁹ For more details see the concept of *Lesbarkeit (readability)* by H. Hausendorf, W. Kesselheim, H. Kato and M. Breitholz [Hausendorf, Kesselheim 2017].

the review as an explicitly evaluative type of text [Shaw 2004: 3–4] and give the communicative acts of evaluation, evaluative strategies and means the status of constitutive text-typological features of scientific review [Nefedov 2018: 113] which ensure textual coherence [Szurawitzki 2011: 124].

It is important to note that a review is a secondary text type within the scientific discourse. Even if the author of the review accompanies the evaluative qualification of the work in question with his own ideas and their textual development, the problems of the secondary text still remain predetermined by the thematic bias of the reviewed work [Heinemann 2000b: 705; Nefedov 2018: 108]. At the same time, a review, unlike other secondary text types of scientific communication, does not duplicate the source text, but acts as a kind of response of the interpreting subject in a dialogue with the author of the pretext [Chernyavskaya 2022: 1685]. V. E. Chernyavskaya characterizes review as a scientific-critical³⁰ textual variety and singles out among constitutive features of review: 1) intertextuality; 2) evaluativity; 3) integrativity (mixture of the own and foreign planes in the review text); 4) polysubjectivity. The latter should be mentioned separately: polysubjectivity of a review is represented by a figure of a reviewer, an author of a primary scientific work and a potential reader [Chernyavskaya 1995: 3]. Consideration of multiple addressees is important for authors who formulate evaluations in reviews. Anticipating further considerations, we should note that polysubjectivity in reviews affects the specificity of evaluation at the level of linguistic representation of communicative-situational parameters of evaluations (nominations of what, how and in orientation to whom is characterized).

2.2.1. Types of academic reviews

In light of the fact that the evaluation of a primary scientific work is included in various situations of professional communication (cf. for example, the anonymous review of articles submitted to an academic journal and the review of monographs published in a journal on the same terms as scientific articles), it seems more than justified to imagine the review as a macrogenre or a macrotexttype. This notion is reflected, among others, in the works of Anglo-American researchers in line with the theory of genre as a purposeful social activity formulated by J. Swales [Swales 1990]. Consideration of evaluation in connection with genre characteristics here is closer to text Linguistics and the study of the peculiarities of text types functioning in institutional communication, widely represented in German Linguistics, but the notion of language levels as a sociosemiotic system, proposed by M. A. K. Halliday, is used as a

---

³⁰ V. E. Chernyavskaya presents the classification of secondary texts in scientific literature based on their communicative and functional orientation. Thus, the author distinguishes scientific and informational texts (abstract, annotation, summary/conclusions) and scientific and critical texts (review, scientific review, critical review) [Chernyavskaya 1995: 8].

theoretical basis. Based on Halliday's SFL, V. Bhatia identifies the levels of linguistic description relevant for studying evaluations in institutional communication and the varieties of context corresponding to these levels: 1) text: textual environment, lexical and grammatical features, their functional and statistical analysis; 2) genre: communication culture within a particular discipline; 3) social practice: ways to relate aspects of communication to social structures, identities and practices [Bhatia 2013: 22]. According to the highlighted sociosemiotic levels, review as an institutionally anchored genre: 1) reflects the culture of the discipline and the reality in which the particular discourse is embedded; 2) is formed by a set of conventionalized communicative acts embedded in disciplinary practices; 3) has integrity, which is determined by a number of intra- and extra-textual (social context parameters, disciplinary framework) factors; 4) represents reproducible communicative events motivated by certain communicative aims; 5) has a well-developed structure and includes typical constructions expressing discursively determined values. The author makes other considerations that are natural in the context of reviewing the genre aspects of institutional communication: 6) full-fledged members of a particular professional community exhibit a deeper understanding of cognitive structures and a more fluent command of disciplinary communicative practices compared to new members of the community; 7) despite the stable nature of genres, it is noted that experts participating in disciplinary and professional communities often use conventional forms and collectively accepted communicative norms of communication to express "personal", subjective intentions [Bhatia 2013: 23].

Among the particular varieties of the macrogenre review, genre analysis theorists distinguish: 1) anonymous reviews — results of *Peer Review* process (reviewing articles submitted by authors to scientific journals); 2) publishers' evaluative comments; 3) advertising and evaluative texts on (super)covers of published books (*blurbs*) and 4) journal reviews of monographs [Giannoni 2009: 19; Shaw 2009]. The latter are seen as *disinterested* texts, which, unlike *interested/biased* genres — various kinds of publisher's comments aimed, among other things, at expanding the circle of potential readers and increasing economic profitability — not only express intensified positive evaluations of the book, but also formulate negatively polarised comments [Shaw 2004: 123–124].

Along with the varieties of scholarly review highlighted in Anglo-American Sociolinguistics, we note other possibilities for intrinsic genre classification of reviews. Focusing on the procedural aspect of scientific-critical text production, V. E. Chernyavskaya outlines two approaches to reviewing. Within the framework of the first approach the reviewer follows the logic of the primary work author while constructing his/her critical analysis. The second approach implies the reviewer's consideration of the primary work with reference to the broad scientific context and the established history of study of the issues under discussion [Chernyavskaya 1995: 9]. Different ways of interacting with the primary text allow reviewers to solve different tasks. In the first case, the reviewer gives an idea of the concept of the primary text and evaluates it in projection on the criteria of completeness, consistency and coherence.

In the second case, the place of the text in question is determined among other studies, and the assessment of the text begins to correlate with the criteria of relevance, scientific continuity and creative independence [Chernyavskaya 1995: 9].

Considering scientific and evaluative texts in the structure of scientific genres, L.V. Krasilnikova distinguishes two types of reviews: normative-evaluative and dialogical. If dialogical type of reviewing reflects the dynamics of scientific polemics around the new knowledge then normative-evaluative type of reviewing qualifies the scientific work on the basis of normative requirements to the content and formatting of scientific research. From this point of view, the reviewer represents himself in the text as a source of normative knowledge and a carrier of idealized perceptions of scientific publications, and the text of review, in addition to evaluation, implements an informative function — informs readers about new knowledge in the particular science area [Krasilnikova 1999: 44–45].

The classification of scientific review types based on the peculiarities of their textual production and communicative functions is supplemented by a classification of reviews based on formal features. An example of such a classification can be found in W. Schweickard. Depending on the structure and volume of reviews, characteristics of the monograph reviewed, the share of descriptive and evaluative elements/argumentative structures in reviews Schweickard distinguishes: 1) single-author reviews (*Einzelbesprechung*); 2) compilation/collective monograph reviews (*Sammelbesprechung*); 3) review-author essays (*Besprechungsaufsatz*); 4) short reviews (*Kurzanzeige*) [Schweickard 1992: 361].

2.2.2. Model content of a scientific journal review

Let us now focus on the subgenre of the journal review of scientific monographs. A journal review has a typical, reproducible structure in which the integral components — functional-thematic [Chernyavskaya 1995] and communicative-semantic blocks [Nefedov 2018], rhetorical moves [Paltridge 2017] — can be distinguished.

Reconstructing the relationship between a secondary science work and the source text, V. E. Chernyavskaya distinguishes the introduction and conclusion as special (and almost always modal and evaluative) functional and thematic blocks and notes that the main part of a review may contain several blocks, both descriptive and informative and evaluative [Chernyavskaya 1995: 13; 16].

S. T. Nefedov presents a more detailed classification of communicative and semantic blocks characteristic of a journal scientific review, it emphasizes figures of the reviewer and reviewed as well as goals and objectives of the primary work. Thus, the researcher distinguishes: 1) block of identification of the author of the reviewed work; 2) block of identification of the reviewer; 3) block of description of

goals and objectives of the reviewed work; 4) blocks of expert evaluation; 5) blocks of presentation of aspects of the content of the reviewed work [Nefedov 2018: 117].

To describe the structure elements of reviews on scientific monographs B. Paltridge, following J. Swales [Swales 1990], uses the notion of *move* (rhetorical/communicative move) and identifies the following set of moves characterizing scientific journal reviews: 1) introducing the book to the reader; 2) outlining the content of the book; 3) highlighting selected parts of the book and 4) providing closing evaluation of the book [Paltridge 2017: 13]. Regarding the last point, the author makes the observation that the final evaluation of the monograph as a whole is formulated on the basis of evaluations of selected aspects of the reviewed monograph distributed throughout the text [Paltridge 2017: 13]. The results of our contextual semantic analysis will later allow us to argue with B. Paltridge's observation. Paltridge's observation: not in all textual instances of reviews the polarity of the final evaluation is inevitably derived from the sum of polarities of individual evaluations given in the text.

When considering the typical content of journal scientific reviews, special attention should be paid to the issues of contextual connectivity of evaluations and their interpretation, as well as implicit and explicit evaluations in the current text type. Despite the claim that almost any textual segment of a review can be treated as evaluative [Shaw 2004: 121], Ph. Shaw attempts a more detailed distinction between explicit and implicit evaluations, distinguishing four types of evaluative statements: 1) expressions with units whose polarity is clearly defined by their lexical meaning; 2) expressions that appeal to generally accepted values and receive different polarisation depending on the context; 3) expressions dominated by lexical units whose evaluative character and polarity are established in the process of reconstructing the author's intention through the knowledge of the interpreter of the statement and/or the values shared by the author and the recipient; 4) expressions whose interpretation occurs entirely by incorporating the recipient's knowledge of the collective system. The last type of evaluations is implicit. J. Swales sees evaluation, especially implicit evaluation, as one manifestation of intertextual relations in reviews. Following S. Hunston and J. Thompson [Hunston, Thompson 2000], the researcher shares the idea that evaluation participates in the construction of an ideological-theoretical position within a particular textual instance/genre and plays a key role in the organisation of discourse [Swales 2004: 34]. From the point of view of functioning in scientific discourse, the genre of monograph review brings together information about new publications and presents it in a concise and succinct form; makes evaluation of a new contribution to the general fund of disciplinary knowledge, promotes scientific discussion within the chosen discipline; is essential for determining central epistemological values within a particular disciplinary discourse [Groom 2009: 124–125]. Acts of evaluation in reviews serve as constitutive elements in complex communicative interaction of reviewer, author of reviewed work and wide audience [Giannoni 2009: 31].

The general discussion about the genre specificity of reviews, their institutional role and discursive significance is supplemented by the identification of typical patterns of creating evaluability in texts, including through implicatures, irony [Shaw 2004: 130–138], metaphors and metonymy, as well as the strategy of *detractive evaluation*, in which the absence of a necessary attribute in the object of evaluation is stated [Giannoni 2009: 20, 26–27]. Empirical analysis shows that “signals” of implicitly realised evaluative meanings occur in context not singly, but repeatedly, with markers of different types being involved in the design of evaluative statements [Shaw 2004: 138]. From this provision, along with the dependence on the textual environment and communicative situation, another important property of assessments in scientific journal reviews is deduced: their contextual density and diverse marking [Shaw 2004: 140].

2.2.3. Communicative parameters of the scientific journal review

Like any socio-communicative practice, routinized, socially and intersubjectively integrated, culturally predetermined [Günthner, König 2016: 181–182], scientific and expert communication in reviews has its own characteristic socio-communicative parameters. Among them, M. Ripfel names: 1) the monologue³¹ organization of the text, its public character; 2) the figure of a professional reviewer in the same field of knowledge as the author of a scientific work; 3) a heterogeneous target audience, including a special addressee — the author of the peer-reviewed work, as well as a wider range of potential recipients interested in the results of the review — direct colleagues of the reviewer and the author, other scientists, young researchers and students; 4) specialized scientific journals as the main publishing body for reviews; 5) little editorial control over the text content and design³² [Ripfel 1989: 41].

Let us elaborate on some of the communicative parameters of academic journal reviews related to the values and figures of the participants in science-expert communication — representatives of the professional scientific community.

Parameter 1: review author.

The authors of journal reviews are professional representatives of a particular field of knowledge — bearers of scientific rationality [Chernykh 2010: 4], sources of unique information and problem-oriented,

---

³¹ What is meant here is a formal characterisation. The intrinsic dialogicality of the review, which is repeatedly discussed in works that reflect on the specifics of institutional science communication, is not in question.

³² In advance, we should draw the reader’s attention to the fifth provision in M. Ripfel and note that reviews, unlike scientific articles, are rarely preceded by lengthy recommendations concerning structure, obligatory content elements and design. It can be assumed that the text of the review will depend more on the logic of the primary scientific work, as well as the personal and linguistic individuality of the author, than on the strict regulations of an academic publication. From this point of view, it seems to us uncritical to include reviews from highly specialised publications within one discipline in the general review, since the influence of editorial directives would be negligible.

goal-oriented knowledge [Maslennikov 2001: 27]; active participants of collective interaction between the author of the reviewed text, reviewer and reader, who show high creative activity in the process of perception and subsequent intellectual processing of scientific ideas [Chernyavskaya 1995: 11; Maslennikov 2001: 27]. The reviewer-expert author in his/her field possesses complex subject knowledge, is a bearer of such cognitive competences as a clear understanding of the interrelations between the segments of disciplinary knowledge, the ability to generalise and draw conclusions. In addition, the subject of scientific expert communication is fluent in the conventions, procedures and rules of scientific communication [Chernyavskaya 2012: 171]. The latter is crucial for scientific-expert text production: it can be argued that the expert is distinguished from any specialist in a particular field by a higher degree of methodological and metacommunicative reflexivity.

Researchers universally note explicit authorization of reviews: the subject of speech is marked in the text by various linguistic means [Chernyavskaya 1995: 21; Nefedov 2018: 111–112]. Of decisive importance for the choice of units of verbal registration of reviewer's evaluative positions is the careful attitude to the face of other participants of communication and the tendency to polite communication, recorded for scientific texts in general [Ponomareva 2018: 128–129]. Attention to “unprotected” results in the process of verification requires softening the authorial stance — including by means of hedging [Graefen, Thielmann 2007: 91–92] and other deintensifiers of (negative) evaluations.

Parameter 2: review recipients.

The addressee of reviews and, consequently, evaluations realized in this type of text, is not only the author of the work in question, but also his colleagues (specialized scientific team) and scientific community as a whole [Auer, Baßler 2007: 22], including its young representatives — students and graduate students, as it is noted in some text copies, for example [Korolyeva 2018: 255]. Thus, it is once again possible to highlight polydirectionality as one of the fundamental properties of scientific-expert communication. Like the author of the review, its direct addressee is designated in the text explicitly — by means of a proper name or a noun naming the addressee by its role, as well as by means of 3rd person personal pronouns [Nefedov 2018: 110–111]. Direct nominations of the author of the primary text under review, along with nominations of the author of the review, are included in the blocks of identification of the subjects of scientific expert communication, integral to the structure of academic review [Nefedov 2018: 117].

Compared to the author of the reviewed work, the reviewer demonstrates more expertise, reflecting a narrower understanding of expertise as interpreted by V. E. Chernyavskaya [Chernyavskaya 2012: 171]. While both the reviewer and the author of the reviewed text are undoubtedly experts in their field, one can speak about the existence of some distance in scientific-expert communication. On the one hand, subject of speech activity in academic review acts on an equal footing with the addressee of expert-

evaluation acts. On the other hand, the author of the expert review has more experience and more developed competences in expressing criticism. The unspoken asymmetry in communication and the potential threat to the status of the reviewed author, once again, explains the use of hedging means to soften “sharp edges” in situations of critical reception of communicated knowledge which, to use I. Goffman's terminology, potentially threaten the interlocutor with loss of *face* [Goffman 1967: 8].

Parameter 3: evaluation objects in reviews.

The objects of evaluation in scientific reviews are the substantive and formal aspects of the text being reviewed.

For example, B. Paltridge, when discussing the most characteristic objects of evaluation in scientific peer review practice, lists literature review, data analysis, methodology and research results, topic of the paper, text quality, author's argumentation and discussion conduct [Paltridge 2017: 187].

B. Arendt and P. Schäfer divide the objects of evaluation in reviews into two groups. Among the formal objects the authors name peculiarities of textual structure, individual wording, syntactic and morphological characteristics of texts, illustrations, typography (page numbering, correctness of typing, etc.). Among the substantive aspects of the peer-reviewed work, inaccurate language, choice of terminology, analysis of primary data, conclusions and citation practices can be evaluated [Arendt, Schäfer 2015: 110].

E. S. Troyanskaya specifies a lot of objects of assessment in scientific reviews, singling out 1) language and composition of the reviewed work; 2) illustrative materials (examples, visual and graphic means aimed at achieving greater clarity of presentation); 3) technical design of the book [Troyanskaya 1985: 70]. At the same time, it emphasizes the reliance of indirect evaluations in reviews on the background knowledge of the reader, thanks to which a situationally correct interpretation of the author's evaluative judgments of the text is ensured. In E. S. Troyanskaya, the formal object of indirect evaluations are the efforts made by the author to produce knowledge within a particular scientific field, as well as other characteristics of the text, which, due to the involvement of communicants' knowledge in the interpretation of the acts of evaluation, are perceived as an evaluative qualification of the linguistic form of the work being reviewed [Troyanskaya 1985: 70]. In other words, indirect evaluations speak about the “careful work of the author, the editor over the language of the work”, characterize the reviewed publication from the point of view of clarity or lack of clarity of the ideas presented in it. Direct assessments, according to E. S. Troyanskaya, characterise the reviewed work from the point of view of clarity, logicity and comprehensibility [Troyanskaya 1985: 70]. It is argued that some of the lexemes used by reviewers to evaluate the content of a scholarly text may also direct their evaluation vector towards the form in which the content is clothed [Troyanskaya 1985: 78–79]. It is not quite clear whether

such a strict division is justified: indirect evaluations may refer to other criteria of scientific rationality and address not the form, but the content aspects of scientific work.

Nevertheless, although Troyanskaya's assertion requires further verification, the author has succeeded in showing the **multidirectionality** of evaluation, its orientation towards qualitatively different objects. In reality, the axiological multidirectionality turns out to be much more far-reaching. In relation to other expert-evaluation text types (for example, reviews of dissertations) it has already been noted that positive evaluation often refers not only to the primary text, but also to the personal qualities of its author [Starfield, Paltridge 2015: 131]. Later, a similar observation was made by S. T. Nefedov on the material of academic journal reviews: the researcher found that not only formal and substantive features of reviewed papers, but also the author's professional competence in projection on his text can be the object of evaluation in academic reviews [Nefedov 2018: 115].

Summarizing the above, we emphasize that assessment in journal scientific reviews is characterized by latent asymmetry, multiple recipient, as well as qualitative heterogeneity of axiological objects.

2.3. The concept of expert evaluation in scientific reviews

The analysis of communicative parameters of the situation of expert scientific communication allows us to fix a special discursive-communicative variety of language evaluations in scientific reviews. In comparison with other types of evaluations in the communication of professional researchers, the specificity of this variety manifests itself most clearly, as follows from the article by S. T. Nefedov, devoted to socio-communicative variability of evaluation in scientific discourse. The author establishes the dependence of the choice of evaluative potencies of the linguistic system on the extralinguistic situation in which the participants of communication are, and social practices with their actors, circumstances and values of the communicants [Nefedov 2021: 765]. Three significant socio-communicative practices are distinguished within scientific discourse: research, scientific-expert and scientific-learning. The participants in these practices face different tasks. Thus, research practices aim to identify new aspects of the object of study, to establish new relationships between objects and new scientific regularities. However, the task of research practitioners is not only to identify new knowledge, but also to present it in a convincing way. Convincing is facilitated by an autocentric epistemic evaluation, which gives the provisions of a scientific text a modality of credibility and expresses the personal attitude of the knowing subject to the objects and phenomena under study. At the same time, the subject's attitude is graded on a scale from full confidence to absolute doubt in the reported [Nefedov 2021: 766].

Thus, *epistemic evaluation* is recognised as dominant for texts that ensure the functioning of research practices. In other socio-communicative practices, which differ in the specificity of the actors' tasks and goals, other types of evaluations predominate. For example, in scientific teaching practice, *address-centred persuasive evaluations* are dominant, aimed at structuring information in a textbook or tutorial and drawing the recipient's attention to the most important, in the author's opinion, fragments of the text [Nefedov 2021: 772]. The language of evaluation here converges with the field of meta-textual navigation units and means of focusing elements of the information communicated [Nefedov 2021: 775]. A different situation develops in scientific reviews, which serve scientific-expert socio-communicative practice. The task posed to communicators within this practice is to determine the ontological status of the reported information. The question must be answered as to whether a segment of reported information is suitable for inclusion in the body of disciplinary knowledge. And while *cognitive epistemic evaluation* relates to the personal opinion and professional experience of the author-researcher, assessments in scientific-expert practice refer to collectively shared norms and values, universal criteria on the basis of which knowledge is qualified and its status is subsequently determined [Nefedov 2021: 769].

Thus the main difference between expert assessment and cognitive assessment lies in the choice of axiological grounds, in the **normocentricity** of the assessment [Nefedov 2021: 769]. It is the prevalence of normocentric evaluations that can be expected in such types of text as scientific reviews, reviewers' and opponents' reviews of students' qualification papers and dissertations.

However, another peculiarity of peer review associated with the reviewer's passion, his or her individuality cannot be excluded: rational assessments in texts are often accompanied by emotional ones. As V. E. Chernyavskaya rightly notes, "cognitive motives and interests [in science] are often determined and guided by psychological, economic, institutional motives". [Chernyavskaya 2012: 168]. The influence of many extra-linguistic parameters on the textual representation of scientific knowledge is also emphasised by E. A. Bazhenova, naming among the significant factors the multilevel structure of scientific-cognitive activity, the idiosyncrasy of the researcher's thinking, communicative purposes of the author and the author's speech manner [Bazhenova 2020: 146]. Despite the fact that emotional evaluations in scientific expert communication are hardly more frequent than rational ones — this would contradict the goals and objectives of reviews — emotional assessments constitute a noticeable layer in the axiological field of scientific expert texts. On the one hand, in comparison with scientific articles and monographs, reviews create more reasons to express the psycho-emotional state of the author-recipient of primary texts. Given the multidirectional nature of scientific and expert evaluation, both aspects of the reviewed work and the personal characteristics of its author can become the "target" of emotional qualifying statements. On the other hand, one can expect that the expression of psychological reactions will be adjusted to the laws of scientific text production and its striving for objectivity and

neutrality of presentation. As a result, a compromise combination of variously motivated evaluations in a text is thought possible. It seems that this combination of heterogeneous evaluations will determine the axiological profile of the scientific journal review, but in order to verify our assumptions, it will be necessary to involve data from quantitative and qualitative analysis. We will proceed to these later on.

2.4. Research corpus data

The research corpus is represented by scientific reviews on Linguistics in German and Russian published between 2016 and 2020³³ in the journals „Zeitschrift für Rezensionen zur germanistischen Sprachwissenschaft“, „Zeitschrift für Angewandte Linguistik“ (Scopus Q3), „Zeitschrift für Sprachwissenschaft“ (Scopus Q1), „Vestnik RUDN. Series: Linguistics (Russian Journal of Linguistics)” (Scopus Q1), “Problems of Onomastics” (Scopus Q3), “Topics in the study of language” (Scopus Q2).³⁴ The choice of the journals is primarily due to their thematic specificity (topical issues of theoretical and applied Linguistics) and high ratings in international citation indices. The journal “Zeitschrift für Rezensionen zur germanistischen Sprachwissenschaft” stands out against the general background: it is not represented in Scopus or Web of Science, but it positions itself as “the first print publication to publish reviews from the field of German studies and thereby cover the urgent need of researchers for this kind of publications” [ZRS, De Gruyter]. In reality, the journal has no counterparts: the thematic specification, the focus on publishing only reviews (in German), and the open access to published materials prove to be strong arguments for the exclusivity of this scholarly publication.

Based on the positive experience of other evaluators using corpus methods [Zhao 2015: 87], we regulated the selection of texts by a number of criteria aimed at increasing the representativeness and objectivity of the results. Thus, the empirical corpus included texts produced by native speakers of German and Russian, with particular attention paid to the principle “one text, one author”. This principle seems to be particularly important for studying the general patterns of the production of evaluative meanings in context, without emphasising the vivid speech individuality of the authors of the reviews. In addition, it was necessary to balance texts from different years/journals in the corpus of the study. The attempt to maintain an even distribution of texts was, however, only partly successful due to the fact that not all journals are specialised in the publication of reviews, such as “Zeitschrift für Rezensionen”, and reviews are not published in every issue of thematic publications. As a result, a certain asymmetry

---

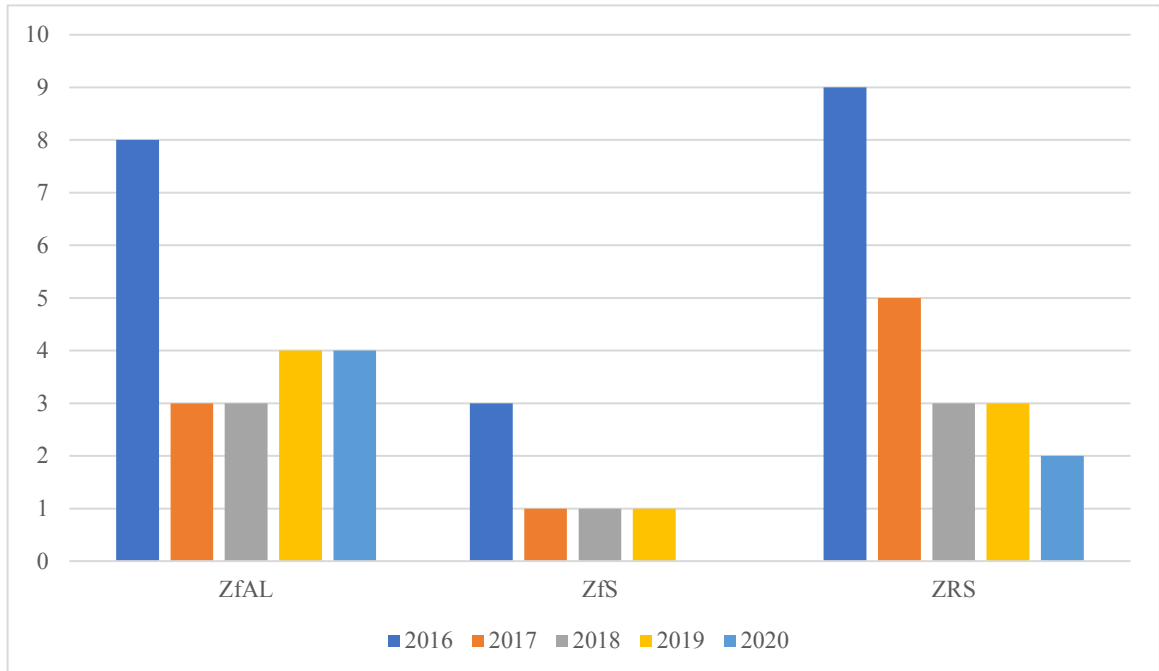
³³ The Russian-language subcorpus also includes reviews published in 2021: apparently the texts were scheduled to come out at the end of 2020, but the reviews are included in the first issues of 2021.

³⁴ Metrics according to Scimago Journal and Country Rank for 2021: <https://www.scimagojr.com/> (accessed on 25.08.2022).

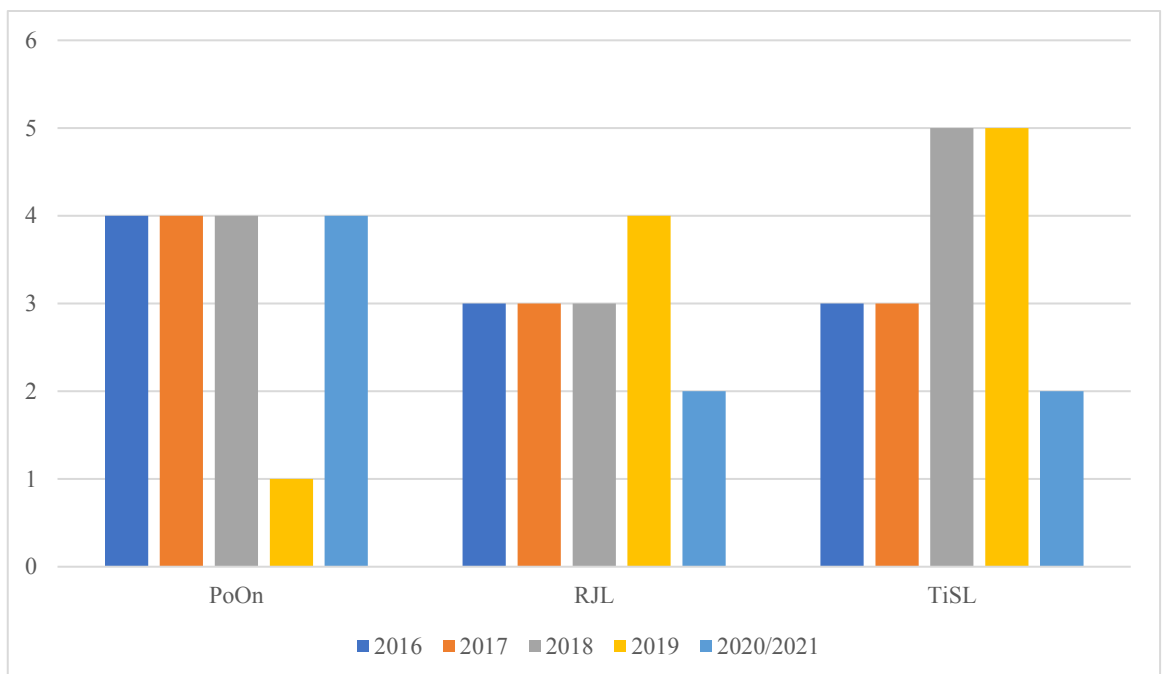

in the distribution of reviews from different sources in the corpus could not be avoided, due to the availability/availability of the necessary material. The distribution of reviews by year and journal in the German and Russian corpora is presented in the infographics below (Figures 1 and 2).

Figure 1 — Distribution of reviews by year and journal in the German corpus.³⁵

Figure 2 — Distribution of reviews by year and journal in the Russian corpus.³⁶

³⁵ ZfAL — Zeitschrift für Angewandte Linguistik, ZfS — Zeitschrift für Sprachwissenschaft, ZRS — Zeitschrift für Rezensionen.

³⁶ PoOn — Problems of Onomastics, RJL — Russian Journal of Linguistics, TiSL — Topics in the Study of Language.

Anticipating possible questions that may be raised by the narrow thematic specificity of some journals, let us reiterate that when selecting sources of linguistic material, we focused primarily on the metrics of journals in international databases and languages relevant for the goals and objectives of our study (it is well known that many top-rated journals that fit the subject matter, publish reviews exclusively in English). As our study of the official requirements of the editorial boards of the journals of interest to materials has shown, the thematic specificity of the journals has little effect on the textual and typological features of the reviews. When referring to the documents in the section “For authors” it was found that the instructions mainly limit the volume of reviews and specify the technical characteristics, to which typographical design of the text must comply [Internet pages of journals ZfAL, ZRS, ZfS, TiSL]. Moreover: Reviews are far from always the subject of discussion in the author’s memos. For example, the official sites of the RJL and PoOn mention only scientific articles, while the format and especially the content of reviews are not regulated in any way [Internet pages of the journals RJL and PoOn]. At the same time, reviews in PoOn differ from reviews in other journals due to some peculiarities of the text structure. Each review is prefixed with a title, e.g.: «*Топонимия Калмыкии в историко-географическом и лингвистическом освещении*» (Koroleva 2018). Some titles already set the framework for evaluation, for instance: «*Прорыв в исследовании мерянской проблемы*» (Napolskikh 2016), «*“Время собирать камни...” : к рождению новой науки*» (Smirnov 2017). In addition, the reviews in PoOn are accompanied by annotations, which summarise the main aspects of the content of the reviews and formulate meta-commentaries and perform meta-evaluative acts: «*Высоко оценивается и то обстоятельство, что материал извлечен из широкого круга источников <...>*» (Golomidova 2016: 241).

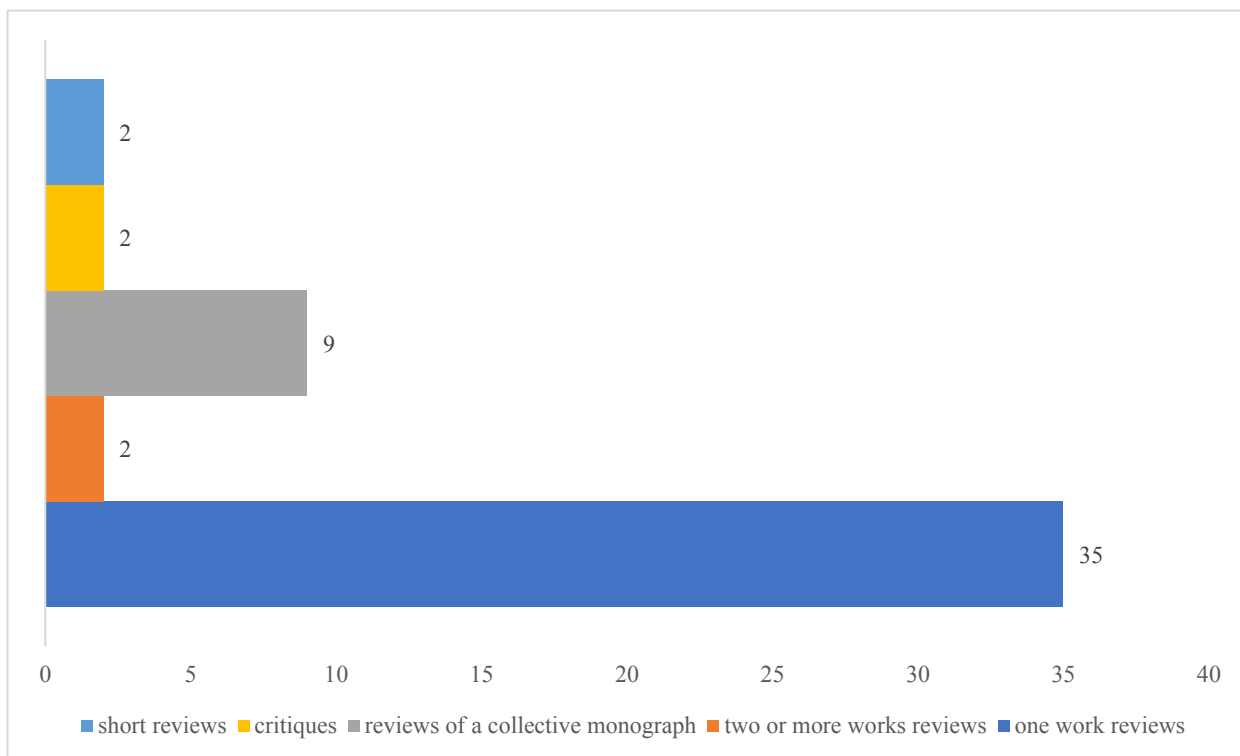
The most detailed and interesting from a text-typological point of view is the instruction on the website of the journal “Zeitschrift für Rezensionen”: in it the recommended length of reviews is established on the basis of specific varieties of this type of text. The authors of the guidelines distinguish between “traditional reviews” (*traditionelle Rezensionen*), which are the smallest in length, reviews of two or more monographs (*Sammelrezensionen*), and large review articles (*Review-Artikel*), in which the original author’s text serves as an impulse for the reviewer’s own reflections on a given topic [ZRS].

Our research corpus includes 100 scholarly reviews (620 pages, 15,155 textual predications). The German subcorpus consists of 50 reviews (280 pages, 6,843 textual predications). The Russian subcorpus of the study includes 50 reviews (340 pages, 8,312 textual predications). By textual predication, following V. G. Admoni and S. T. Nefedov, we understand a two-component structure consisting of a subject and a feature (predicate) prescribed to the subject (predicatively defined) [Admoni 1973: 22; 1986: 219; Nefedov 2014b: 59].

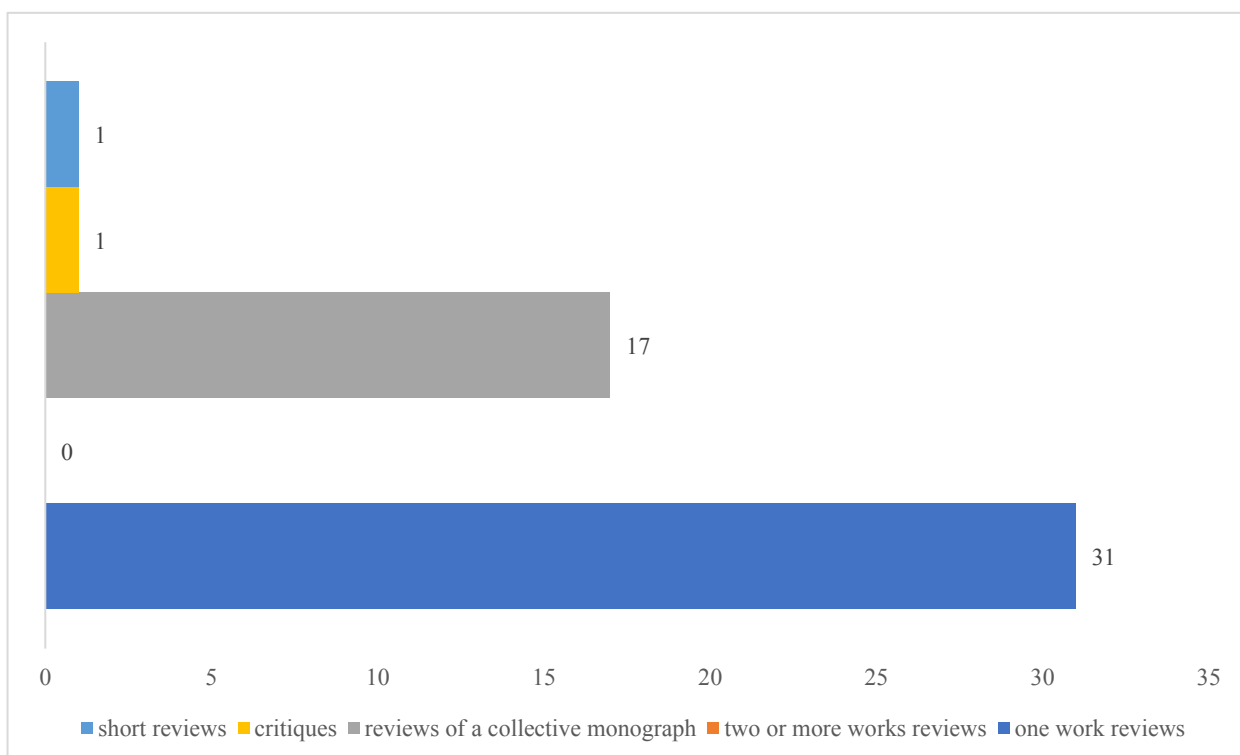
The average length of a German-language review varies between 5–6 pages, while the average length of a Russian-language review is between 6–7 pages. The volume of reviews varies slightly from journal

to journal, either upwards (TiSL) or downwards (RJL). The textual and typological specificity of the reviews and their distribution across specific micro-genres are presented in the following infographics (Figures 3 and 4):

Figure 3 — Text-typological varieties of reviews in the German corpus.

Figure 4 — Text-typological varieties of reviews in the Russian corpus.

In identifying the types of reviews, we relied on the experience of text-typological studies of scholarly communication and the submission requirements published on the websites of scholarly journals. In the diagrams we can see that the dominant type of reviews are the so-called traditional reviews of average length per monograph. However, the textual organization of such reviews varies: in the corpus one can find reviews in which the structure of the monograph is first briefly described, and then selected aspects of the reviewed work are discussed in detail. In addition, it is possible to distinguish reviews structured as a private detailed discussion of certain aspects — according to each specific “step” of the structure.

In the German subcorpus a small number of short reviews and reviews of several monographs are observed. In the Russian subcorpus, no reviews of two or more monographs are recorded, but there is a higher content of reviews of collective monographs compared to the German subcorpus.

2.5. Research methodology

The study of evaluations in texts integrated into the institutional communication of researchers determines the choice of socio-communicative and discourse-linguistic direction for the study. The chosen direction allows to take into account collectively shared values, standards and norms of scholarly communication in the interpretation of contexts. The method of content analysis, presented in a monograph by Austrian discourse researchers [Titscher, Meyer 2009], was adapted as a mainstream method to address the tasks at hand. As the authors-apologists of the method emphasise, content analysis is a macro-strategy of research [Titscher and Meyer 2009: 88–89], which combines various partial (quantitative and qualitative) research procedures (context-semantic analysis, structural-grammatical analysis of language means, functional-pragmatic and communicative analysis, etc.). Working with empirical material in the framework of content analysis implies the construction of a system of analytical categories to capture the variables describing the object of research [Titscher, Meyer 2009: 95]. The categories in which a complexly organised object is encoded are associated by the authors with certain semiotic levels, among which stand out: 1) syntactic; 2) semantic-syntactic; 3) semantic; 4) pragmatic-syntactic; 5) semantic-pragmatic and 6) pragmatic levels [Titscher, Meyer 2009: 101–103].

Figure 5 — An example of adapting the levels of content analysis to study the evaluations in the case study.

Прагматический анализ	Синтаксический (структурно-грамматический анализ)	Синтаксический (структурно-грамматический анализ)	Семантический анализ	Семантический анализ	Прагматический анализ	Семантико-прагматический анализ	Прагматический анализ	Прагматический анализ	Прагматико-синтаксический анализ	Прагматический анализ
Эксплицитная / имплицитная	Конкретные средства	Уровень языковой организации	Семантика	Полярность	Объект оценки	Основание оценки	Субъект оценки	Адресат оценки	Модификация / (де)интенсификация	Оценка в коммуникации: включённость в стратегии
Эксплицитная	relevante (Modelle und Untersuchungen)	Лексика: прилагательное в атрибутивном употреблении	Частная рациональная оценка	«+»	Содержание монографии: модели и реферлируемые исследования.	Критерий научности: релевантность	Не выражает себя эксплицитно.	A1 эксплицитен: sie	—	Вводные замечания, начальная оценка рецензируемой монографии

Figure 5 shows the correlation between the levels highlighted by the ideologues of content analysis and the main categories in which the object of our study — evaluation in scientific and expert texts — is encoded. Thus, the syntactic level of content analysis highlights the multilevel means involved in the creation of evaluative meanings. At the semantic level, content analysis determines the polarity of evaluative statements and the motivation of evaluations (rationality/emotionality). At the semantic-pragmatic level, the foundations of evaluations are specified, while at the pragmatic level the linguistic expression of communicative parameters of expert evaluations, means of modifying, softening evaluations and increasing their categoricity, as well as features of integration of evaluations into communicative strategies are considered.

The coding of the object of study on the various levels of analysis is accompanied by the statistical calculations necessary to identify the linguistic and cultural specificity of evaluation in German and Russian linguistic reviews. The main unit of quantitative analysis is the textual predication.

The use of content analysis allows us to focus not only on the explicit evaluative means, but also on the discursive-cognitive foundations of evaluative actions. The separation of levels guarantees the gradualness necessary for a qualitative-oriented analysis and the possibility of “shuttle” movements between analytical stages: from the consideration of linguistic units of explicit evaluation and verbal nominations of extra-linguistic parameters of the expert-evaluation situation to the identification of strategies of implicit evaluation, mapping the internal structure of qualifying statements at the textual level and clarifying the value orientations of discourse actors. Thus, it becomes possible to comprehensively model the communicative situation of evaluation in scientific reviews.

2.6. Linguistic indicators of the main communicative parameters of scientific expert practice in German and Russian subcorpora

Let us now look at the concrete content of the logical structure of evaluations in German and Russian scientific expert texts. The communicative-pragmatic and linguo-epistemological analysis allowed us to identify the characteristic lexical and grammatical units used to actualise the subject, addressee and objects of evaluation in the expert-evaluation communication. The most common means are presented below as word clouds, manually generated on the basis of statistical calculations of the occurrence of these or those units in evaluative acts. The statements in which evaluation is formulated were identified in the German and Russian subcorpus texts by means of the context-semantic method. The pragmatic analysis then established the iterative (more than 2 uses in the corpus) use of linguistic means to express the communicative parameters of expert evaluations.

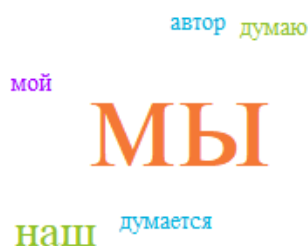
The explicit actualisation of the subject of expert evaluation in German reviews occurs in most cases through the use of the first-person personal pronoun *ich* and the corresponding possessive pronoun *mein* (Figure 6). However, in the evaluative contexts highlighted in the subcorpus texts, the use of the 1st person personal pronoun, the plural *wir* and the possessive pronoun *unsere* to refer to the subject of evaluation is not established. The peripheral means of actualising the subjectivity of expert evaluation can be attributed to the nomination of the subject by its role. The subcorpus of the study records the use of the noun *Rezensentin* in this function. Interestingly, in the analysed evaluation contexts, the use of the lexeme *Rezensent* to actualize the evaluating subject is not noted. Although the data from our study are not sufficient to draw conclusions about the communicative and functional potential of feminitives in scientific expert communication, the noted usage of the lexeme indicates the prospects for further research into the gender specificity of scientific expert communication.

Figure 6 — Nominations of the expert evaluation subject in German linguistic reviews

The authors in the Russian subcorpus of the study, on the contrary, give preference to the personal 1st person plural pronoun *мы* and the corresponding possessive pronoun in evaluative contexts (Figure 7). In addition, the use of the possessive pronoun *мой* is also recorded, especially characteristic of introductory words and expressions in the image of *на мой взгляд, по моему мнению*. In a number of value-laden contexts, the reviewer actualises himself as *автор (рецензии)*. In addition, the verb of intellectual activity *думать* (including impersonal use) is systematically found in the function of expressions of evaluative subjectivity.

Figure 7 — Nominations of the expert evaluation subject in Russian linguistic reviews.

A greater variability in evaluation contexts is shown by the nomination of the addressee of peer review, which can be explained by the polyaddressation of evaluation acts inherent in journal scientific reviews. In accordance with the primary orientation of journal expert evaluation texts towards the author of the monograph under review, the most characteristic nomination of the addressee are initials of the author under review (more than 98 uses in evaluation contexts of the German subcorpus), as well as nouns *Autor* и *Autorin*, followed by options *Verfasserin*, *Autoren*, *Autorinnen und Autoren*, *AutorInnen*, as well as personal and possessive pronouns *er/sein*, *sie/ihr* (Figure 8). Compared to the lexical units referring to the authors of the reviewed monograph, the nominations referring to the figures of the publishers — *HerausgeberInnen*, *Herausgabe* are more seldom. Quite typical for evaluative contexts (more than 7 uses), however, is the noun *Leser*, correlating with the widest range of readers, as well as the substantive participle *Studierende* (more than 12 use in evaluative contexts), which includes students as recipients of an evaluation expressed.

Figure 8 — Nominations of the expert evaluation addressee in German linguistic reviews.

In the Russian-speaking subcorpus of the study, explicit nominations of the addressees by surname, first name and patronymic (initials) prevail — over 154 uses in evaluative contexts (Figure 9). Equally frequent is the noun *автор(ы)*. It is noteworthy that in a number of evaluation contexts one of the ways to appeal to the recipient of expert evaluation were the initials of first and middle names of the author of the work being reviewed: their use in isolation from the last name gives the impression of reducing the distance between the reviewer and the author of the monograph. Nominations of the addressee-reviewed author as well as of the scientific community include such nouns as: *исследователи, специалисты, филологи, социологи, антропологи* et al. The range of recipients of peer review is widened by the use of the noun *студент(ы)* (often with clarifications — *студенты филологических, географических, исторических и др. факультетов*). On the periphery are the nominations referring to the widest range of evaluation recipients — nouns *читатели*, determinative pronoun *все* (especially in combination with expressions of the semantics of interest (belonging to different parts of speech): *все, интересующиеся; все, кто интересуется*).

Figure 9 — Nominations of the expert evaluation addressee in Russian linguistic reviews.

Although the typical nominations of the objects of expert evaluation in reviews show the greatest variety, the most frequently used units are the nouns *Buch*, *Band*, *Beitrag* in the meaning of scientific work as a part of a collective monograph (*Forschungs-*)*arbeit* (30, 21, 14 and 8 uses respectively in evaluative contexts of the German subcorpus) referring to the monograph in question as a whole (Figure 10). The nouns naming the structural parts of the monograph are also quite frequent (*Kapitel*, *Überblick*) and certain aspects of scientific work (*Beispiel*, *Ansatz*, *Modell*, *Begriff*), as well as the presentation, process and results of the analysis (*Darstellung*, *Analyse*). Nouns referring to the author's methodology (*Methoden*), reasoning (*Schlussfolgerungen*, *Argumente*, *Auseinandersetzung*, *Bezug*), as well as to the formal characteristics of the monograph (*Umfang*) form a peripheral layer of vocabulary used to explicitly nominate the object of peer review in German linguistic reviews.

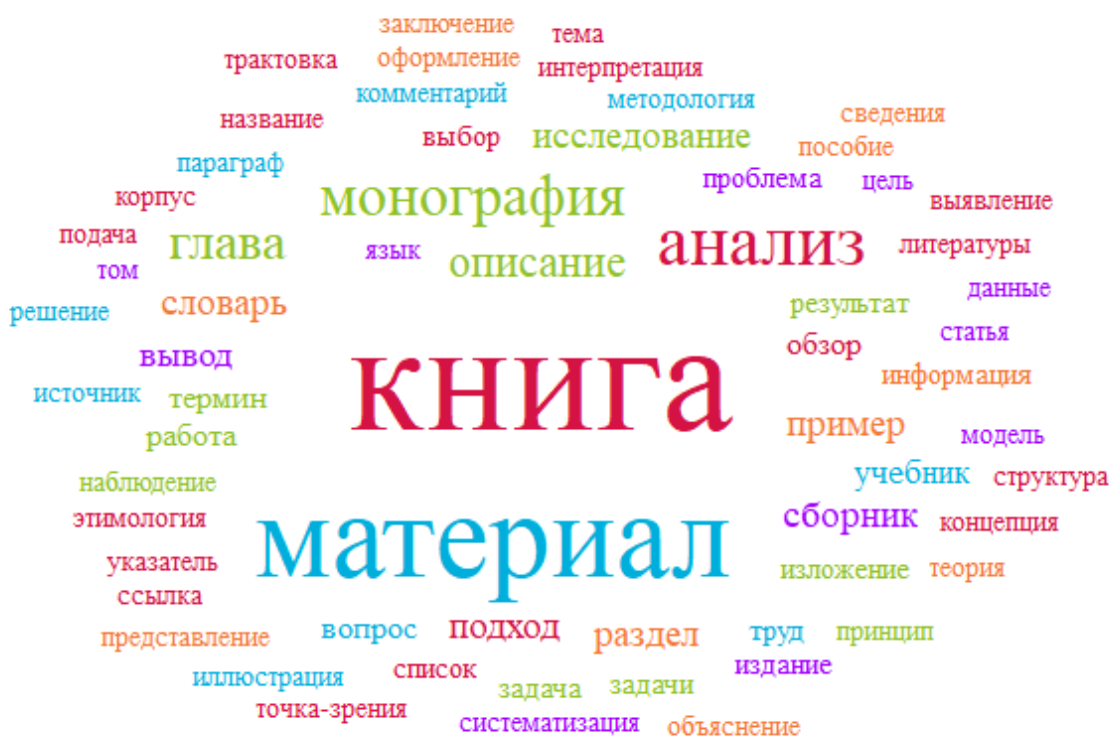
Figure 10 — Nominations of expert evaluation objects in German linguistic reviews.

Similar trends in the choice of labels for the objects of expert evaluation are also observed in the Russian subcorpus of the study. Vocabulary units referring the reader to the monograph under review in general are also frequent there: *книга*, *монография*, *исследование*, *сборник*, *словарь*, *учебник*, *работа* — 52, 27, 17, 17, 16, 14 and 12 usage cases in value-laden contexts (Figure 11). Nouns referring to the empirical material of the study and the work with it are widely used (*материал*, *анализ*, *данные* — 44, 32 and 7 uses in value-laden contexts). Quite common are the nouns associated with the structural parts of the monograph (*глава*, *раздел*, *параграф*, *обзор*, *список литературы*) and with the methodology of scientific work (*подход*, *вопрос*, *проблема*, *методология*). In addition, there are systematic nouns and phrases in the subcorpus that relate both to the result and to the process of the scholar's intellectual and communicative activity itself — *представление*, *наблюдение*,

систематизация, интерпретация; описание, изложение, точка зрения. The periphery consists of linguistic units that relate to the structural and formal characteristics of the work under review (*подача, оформление, язык, название, иллюстрация, указатели и др.*).

Figure 11 — Nominations of expert evaluation objects in Russian linguistic reviews.

Although the peripheral means of verbalising the objects of expert evaluation hardly affect the results of interpreting quantitative data, they are of interest for qualitative study. Thus, in a qualitative-oriented examination of the individual evaluation contexts, it is found that not only the formal and substantive indicators of the author's work can act as objects of evaluation, but also:

- the didactic value of the reviewed monograph:
  - (1) *Безусловно, велика дидактическая роль этой антологии. Почти половина из собранных С. Брендлером авторов предваряли свои статьи обзорами истории когнитивного направления вообще либо какого-то его отдельного концептуального фрагмента. Для научного чтения это, возможно, избыточная информация, но для педагогических целей она весьма полезна* (Vasilyeva 2017: 218–219).
- editor's work (relevant to collections of articles/collective monographs):

- (2) *Следует отметить, что противоречий в книге встречается очень мало и в целом заметна **тщательная работа редакторов** по приведению очень разнородных статей к общему знаменателю (Zubalov, Mazurova 2018: 161).*

2.7. Explicit evaluative qualifiers in German and Russian scientific expert discourses

Above we have discussed the characteristic linguistic means used in evaluation contexts in German and Russian to verbalise the subjects, addressees and objects of qualifying acts. As far as the grounds for expert evaluations in reviews are concerned, this will be examined in detail in Chapter 3, as it opens the horizon for interlingual and intercultural comparisons of evaluative actions. The purpose of this subsection is to describe the main lexical and grammatical means used to indicate the reviewer's rationally or emotionally motivated attitude towards what is being reported. Depending on the rational or emotional nature of the grounds motivating the evaluation, several semantic varieties of explicit evaluations can be distinguished, which will be discussed below: 1) (positive) general explicit rational evaluation; 2) private explicit rational evaluation (positive and negative polarized); 3) explicit emotional evaluation (positive and negative).

2.7.1. Means of explicit rational evaluation

It is generally accepted that the use of general evaluative tools is rather uncharacteristic of academic reviews, as the evaluations formulated in the text type under study refer to specific features of scientific work. At the same time, a qualitative context-semantic analysis of evaluation statements allowed us to identify the statements in which the monograph in question is qualified on a "good/bad" scale. At the same time, general evaluations show a clear tendency towards the pole of "good": negatively polarised general evaluative statements are not recorded in the texts of the research corpus:

- (1) *Kurz: ein Lehrbuch im **besten** Sinne und eine in jeder Hinsicht lohnenswerte Lektüre (Verrhein-Jarren 2016: 147).*
- (2) ***Positiv** anzumerken ist auch, dass das in der Variation- und Mehrsprachigkeitsforschung zuweilen implizit-ideologisch anzutreffende sprach(en)politische Engagement für Variation und Sprachenvielfalt im Band selten in Erscheinung tritt (Niehaus 2016: 229).*

- (3) *Trotz dieser **positiven** Aspekte weist das recht traditionell ausgerichtete Werk jedoch auch einige Schwächen auf, (2) die in einer Neuauflage behoben werden sollten* (Nowak 2016: 230).
- (4) *Mit diesem Band haben wir ein **exzellentes** Beispiel für eine essayistische und dabei streng wissenschaftlich fundierte Sprachkritik-Linguistik vor uns* (Fix 2017: 143).
- (5) *Эта статья **хорошо** отражает начальный этап обращения ономастологов к когнитивным исследованиям* (Vasilyeva 2017: 215).
- (6) *Особое внимание в рецензии уделяется разноаспектному анализу эргонимов, в ходе которого Т. В. Шмелева **успешно** сочетает лингвокультурологический, коммуникативный и социолингвистический подходы* (Sokolova 2018: 196).

As can be seen from the examples above, adjectives of positive and evaluative semantics in predicative and attributive usage, including the superlative — see (1), as well as adverbs are used as general evaluative means to qualify the work under review. In addition, the Russian subcorpus of the study documented meta-evaluative contexts in which linguistic units referring to values and the process of evaluation as such were used:

- (7) *А. И. Едличко, автор статьи о медиалингвистике в Германии, приводит **ценное** наблюдение о том, что границы между межличностным и массмедиаальным использованием языка, как отмечается в немецкоязычной научной литературе, очень быстро стираются, что приводит к возникновению гибридных коммуникативных форм* (Bogdanova 2019: 847).
- (8) ***Особой ценностью**, на наш взгляд, обладает предисловие к словарному описанию* (Golomidova 2016: 243).

Due to the aforementioned features of scientific expert communication, its focus on the criteria and norms regulating the process of creation and the result of scientific work, general evaluation is often used together with private evaluation (9) or is semantically close to it, subject to contextual modifications through the use of additional lexical and lexical-grammatical means:

- (9) *Vor einem solchen Hintergrund sollten Politolinguisten meines Erachtens mutiger Position beziehen, Vorschläge unterbreiten zu einem Mehr an partizipatorischer Demokratie und sich gegebenenfalls mit **guten, forschungsgesättigten** Argumenten der gesellschaftlichen Debatte stellen* (Vogel 2016: 157).
- (10) *Zudem thematisieren die Autor/-innen Fälle, bei denen der Konjunktiv II ambig ist zwischen Wiedergabebedeutung und irrealer Bedeutung. Diese schwierigen und oft in ihrer Interpretation kaum festzulegenden Fälle werden durch eine Reihe **gut ausgesuchter** Korpusbelege veranschaulicht* (Rapp 2019: 307).

- (11) На ярких, **прекрасно подобранных** текстах из «Бедноты», «Правды», «Крестьянской газеты» автор показывает, что эволюция языка и стиля отечественных газет определяется не только меняющимися экономическими и политико-идеологическими условиями функционирования СМИ, но и социальнопсихологическими параметрами той аудитории читателей, с которой журналист непосредственно вступает в информационно-мировоззренческий диалог (Polonskiy 2019: 853).

The most characteristic pattern of the axiological plane of the journal scientific review, a kind of repeated pattern — *Muster* in the terminology of S. Brommer [Brommer 2018], are undoubtedly specific-evaluative statements. In the text, explicit specific-evaluation acts are accompanied by specialized lexical-grammatical means. The markers of explicit rational valuation may include:

1) **adjectives:**

- positively polarised, referring to the criteria of: a) completeness: *aufschlussreich, ausführlich, detailliert, eloquent, ergiebig, informativ, systematisch, umfassend*; *богатый, внушительный, всесторонний, глубокий, исчерпывающий, масштабный, многогранный, многоплановый, многосторонний, обстоятельный, подробный, пространный, развёрнутый, репрезентативный, систематизированный, системный*; b) clarity and accuracy: *anschaulich, deutlich, knapp, konzise, lucide, prägnant, präzise, verständlich*; *выразительный, скрупулёзный, тщательный*; c) relevance: *bedeutsam, diskussionswürdig, hilfreich, relevant, solide, substantiell, wesentlich, wichtig*; *весомый, насыщенный, неоценимый, перспективный, плодотворный, серьёзный, фундаментальный*; d) novelty: *einzigartig, erstmalig, innovativ, neu, originell*; *актуальный, инновативный, нетривиальный, новаторский, оригинальный, уникальный*; e) appropriateness of the text type and communication parameters: *adäquat, angemessen*; *добротный, корректный, образцовый*; f) logicity and coherence: *konsequent, logisch, nachvollziehbar, schlüssig, stringent*; *непротиворечивый*; g) validity and credibility: *fundiert, repräsentativ*; *убедительный*;
- negatively polarised, referring to the criteria of: a) completeness: *knapp, kurz*; *аспективный, односторонний, поверхностный, скудный*; b) clarity and accuracy: *unübersichtlich, vage*; *непрозрачный*; c) relevance: *irrelevant*; *неплодотворный, несостоятельный, нецелесообразный*; d) novelty: *очевидный*; e) appropriateness of the text type and communication parameters: *salopp*; f) logicity and coherence: *konträr, kontrovers, problematisch*; *непоследовательный, неровный, парадоксальный*; g) validity and credibility: *случайный, спекулятивный, спорный, умозрительный, уязвимый*;

2) abstract nouns:

- positively polarised, referring to the criteria of: a) completeness: *Aspektreichtum, Dichte, Fülle; глубина, добросовестность, комплекс, насыщенность, обилие, подробность, полнота, разнообразие, широта, целостность*; b) clarity and accuracy: *Anschaulichkeit, Bildhaftigkeit, Genauigkeit, Klarheit, Transparenz, Verständlichkeit*; c) relevance: *Beitrag, Bereicherung, Nutzbarkeit, Praxisnähe, Relevanz, Verdienst (des Autors)*; *достоинство, заслуга, значение, продуктивность, прорыв, важность, ценность*; d) novelty: *Neue; новация, новизна, открытие, особенность, уникальность, своевременность*; e) appropriateness of the text type and communication parameters: *корректность*; f) logicity and coherence: *Kohärenz, Nachvollziehbarkeit, Schlüssigkeit, Stringenz; концептуальность, последовательность*; g) validity and credibility: *Fundament, Objektivität, Reflexion, Reliabilität, Reproduzierbarkeit, Stärke; достоверность, скрупулёзность, основательность, репрезентативность*;
- negatively polarised, referring to the criteria of: a) completeness: *Ausklammerung, Mangel, Nachholbedarf, Reduktionismus, Redundanz; лакуна, недостаток, нехватка, пробел*; b) clarity and accuracy: *(Tipp-, Grammatik- ...)Fehler, Monitum, Ungenauigkeit, Unschärfe; неоднозначность*; c) appropriateness of the text type and communication parameters: *небрежение*; d) logicity and coherence: *диссонанс, несбалансированность, неструктурированность*; e) validity and credibility: *Pauschalität, Schwäche, Schwachpunkt, Schwachstelle; спорность*;

3) verbs (and participles):

- positively polarised, referring to the criteria of: a) completeness: *berücksichtigen, erhellen, komprimiert; углублять, разработанный*; b) clarity and accuracy: *veranschaulichen, einleuchtend; облегчать (+ понимание/восприятие)*, c) relevance: *bereichern, ermöglichen, leisten; стимулировать (дальнейшее развитие научной дисциплины), позволять, способствовать, справиться, уловить*; d) appropriateness of the text type and communication parameters: *geeignet*; e) logicity and coherence: *выверенный*; f) validity and credibility: *plausibilisieren, durchdacht, überzeugend*;
- negatively polarised, referring to the criteria of: a) completeness: *aussparen, behindern, hapern, leiden, mangeln, schmälern, überbetonen, vernachlässigen mangelnd.; ausgeblendet, ausgeklammert, begrenzt; недоставать, перегруженный*; b) clarity and accuracy: *irreführend, schematisierend*; c) appropriateness of the text type and communication parameters: *störend*; d) logicity and coherence: *herausstechen; противоречить*;

4) **adverbs:**

- positively polarised, referring to the criteria of: a) completeness: *всесторонне, детально, кратко, подробно, тщательно*; b) clarity and accuracy: *доходчиво, корректно, наглядно, точно, чётко*; c) novelty: *впервые*; d) logicity and coherence: *логично, последовательно*; e) validity and credibility: *обоснованно, убедительно*;
- negatively polarised, referring to the criteria of: a) appropriateness of the text type and communication parameters: *нехарактерно*; b) logicity and coherence: *дисгармонично*.

In addition, a number of contexts shows the use of collocations to explicitly evaluate the work being reviewed. For example: *den roten Faden verlieren, ein Sahnehäubchen sein, sich wie aus einem Guss lesen; вносить лепту, дежурная цитата, проливать свет*.

Considering the means of constructing evaluability in reviews, we should note the fact that explicitly evaluative lexical units may be accompanied in contexts by grammatical markers which do not possess evaluative semantics in the language system, but in live speech initiate evaluative interpretation of contexts [Nefedov 2022: 1701]. On the material of the texts of research socio-communicative practice, S.T. Nefedov singles out such means in the category of *evaluation catalysts*, opposed to the category of *evaluation carriers* [Nefedov 2022: 1710]. The researcher analyses the use of *evaluation catalysts* in evaluative implicatures, which, however, does not exclude their occurrence in contexts with explicit evaluations. Thus, among the grammatical means peculiar to contexts with the inclusion of explicit rational evaluations in our corpus one can single out double conjunctions: *nicht nur, sondern auch; sowohl ... als auch; не только ... , но и; zwar... aber; (eben)so ... wie; как ... так и; ни ... ни*, and also the preposition *neben* and adverbs *zudem* и *außerdem*. The use of the listed units allows for the “layering” of evaluative characteristics in context, which increases the rhetorical impact on the recipient of the reviews:

- (12) ***Neben** vielen Beispielen rekapituliert der Autor auch einige empirische Studien* (Briese 2017: 319).
- (13) *Moderne Pragmatik. Grundbegriffe und Methoden ist eine umfassende Einführung in viele Aspekte der linguistischen Pragmatik, **welche nicht nur** verständlich ist, **sondern auch** die übergeordnete Thematik nicht aus den Augen verliert. Es kann damit **sowohl** Laien **als auch** geübten Lesern, die Inhalte der Pragmatik nahebringen* (Briese 2017: 322).
- (14) *Um ihren in den ersten fünf Kapiteln **zwar** überzeugend, **aber** doch zuweilen sehr abstrakt vorgestellten theoretischen Ansatz zu veranschaulichen, widmen sich Hausendorf et al. in den Kapiteln 6 bis 11 in Form von Beispielanalysen eingehender den von ihnen postulierten Lesbarkeitsmerkmalen* (Weidacher 2019: 32).

- (15) *Es folgt im dritten Teil eine **ebenso knappe wie prägnante** Darstellung der Rolle des Internet als „Infrastruktur der Vernetzung und Integration aller klassischen Medien“ (Fix 2017: 140).*
- (16) *Добавим, что **ни** в отдельных статьях (за исключением статьи Х.-М. Гертнера), **ни** в конце монографии нет списка сокращений и даже расшифровки глосс, многие из которых далеко не тривиальны (Panov 2018: 137).*
- (17) *Как и каждая книга Е. В. Падучевой, монография «Эгоцентрические единицы языка» отражает **не только** определенный этап ее научного творчества, **но и** целое направление в науке о языке (Kustova 2020: 128).*

2.7.2. Means of explicit emotional evaluation

Although rationally motivated explicit assessments predominate in our research corpus, emotional assessments nevertheless constitute a significant axiological layer in scientific expert texts. By attributing rational assessments to certain aspects of the scientific work in question, authors of reviews often express their psycho-emotional reactions — positive and negative impressions of the reception of the text under review:

- (18) *Dennoch gibt das Analysebeispiel einen **spannenden** Einblick in Geschichte und Debatte um die künftige Nutzung des Tempelhofer Feldes und führt die „Notwendigkeit des öffentlichen Diskurses“ vor (Römer 2017: 201).*
- (19) *Vor allem die umfassende theoretische Fundierung **beeindruckt** (Weidacher 2019: 33).*
- (20) *Меня **восхищает** беспримерный труд ученого, который сумел возглавить работу такого большого интернационального коллектива исследователей-энтузиастов и народных информантов (Romanova 2017: 237–238).*
- (21) *Перечень источников, на основании которых он [мстинский каталог] подготовлен, **впечатляет**: их более сотни (Shmeleva 2018: 265).*
- (22) *Zu vermuten ist, dass keine wirkliche Endredaktion der Arbeit erfolgte. Das ist **ausgesprochen schade** (Spieß 2016: 247).*
- (23) ***Verwunderlich** ist hingegen, dass die deutschsprachige Pragmatik (vgl. Rolf 2013) kaum und einige größere Theorieentwürfe (vgl. Brandom 2000) nur am Rande behandelt werden (Briese 2017: 323).*

(24) *И все же, даже не выходя за пределы теоретических вопросов, удивительно, что за рамками обзора осталась, например, французская антропологическая школа, представители которой много сделали для развития антропологической теории именованя (Goryaev, Spiridonov 2016: 206).*

(25) *Также приводятся прилагательные, образованные от названия населенного пункта, и именованя жителей. Это практически необходимый материал, хотя жаль, что нет ударений и грамматических помет (Королёва 2018: 253).*

According to the results of the context-semantic and structural-grammatical analysis, the following groups of lexical and grammatical means used for linguistic marking of emotional evaluation in the contexts of linguistic reviews in German and Russian can be identified:

1) **adjectives:**

- positively polarised, expressing: a) interest: *ansprechend, attraktiv, eindrucksvoll, interessant, kurios, spannend; интересный, забавный, привлекательный, впечатляющий, небезынтересный, увлекательный, заманчивый*; b) surprise: *erstaunlich*; c) joy, contentment: *phantastisch; приятный*;
- negatively polarised, expressing: a) regret: *bedauerlich; досадный, неутешительный*; b) surprise: *verwunderlich, seltsam, befremdlich, merkwürdig*; c) resentment/annoyance: *anstrengend*; d) helplessness: *ratlos*;

2) **nouns:**

- positively polarised, expressing: a) interest: *Interesse; интерес*; b) joy: *радость, удовольствие*;
- negatively polarised, expressing: a) regret: *сожаление*; b) resentment/annoyance: *Irritation*; c) anxiety: *Unruhe*;

3) **adverbs:**

- positively polarised, expressing: a) interest: *interessanterweise; любопытно, интересно*; b) surprise: *удивительно*; c) joy: *glücklicherweise*;
- negatively polarised, expressing: a) regret: *leider, schade, досадно*; b) surprise: *странно*; c) resentment/annoyance: *seltsamerweise*;

4) **verbs (and participles):**

- positively polarised, expressing: a) interest: *anregend*; b) joy, inspiration: *inspirierend, beeindruckend, faszinierend; радовать, восхищать; утешающий*;

- negatively polarised, expressing: a) regret: *enttäuschen*; *сожалеть*; b) surprise: *wundern*, *verwundern*, *befremden*, *удивлять*; c) resentment/annoyance: *irritieren*, *frappiert*, *frappierend*, *überrascht*, *verwirrend*, *verwirrt*, *überraschend*, *ermüdend*; *озадачивать*.

In a number of explicitly evaluative contexts, emotionality is signalled by collocations such as: *sich verwundert die Augen reiben*; *читаться на одном дыхании*, *заслуживать внимания*, *привлекать внимание*, *представлять интерес* etc. A collocation with the component *интерес*, as well as other means of verbalization of the reviewer's interest, can be functionally close to the sphere of discourse markers, which are designed to emphasize significant aspects of the work in question for the reviewer and to orient the reader in the text of the review. Thus, markers of the reviewer's interest are often found in text blocks aimed at recommending the monograph under review to a potential reader:

(26) *Das Buch erfüllt somit auch den Anspruch, als Einführung in ein für Studierende und eine allgemeinere Öffentlichkeit **interessantes** Thema zu dienen* (Marten 2019: 390).

(27) *Нет сомнений, что эти сведения будут **интересны** не только специалистам в области ономастики, но и широкому кругу дериватологов* (Golomidova 2016: 246).

2.8. Strategies of implicit evaluation in scientific expert texts in German and Russian

Researchers have already repeatedly noted the tendency of scientific reviews to operate with indirect evaluation strategies [Sager 1982; Nefedov 2018], to use statements whose evaluativity is constructed and revealed in the verbal, situational and socio-cultural context relevant for interpreting initially assertive units in an axiological way [Radbil 2011: 570]. Such statements implicitly appeal to the system of values shared by the authors and addressees of evaluations [Shaw 2004: 122–124]. At the same time, their implicit nature is intentional [Thomas 1995: 119] and has a communicative and functional potential.

In our description of the communicative varieties of indirect evaluation in the texts of our study, we rely on S. T. Nefedov's classification [Nefedov 2019]. In the article the author reconstructs the evaluation profile of the German review, provides quantitative data regarding the density of explicit and implicit expert evaluations of different polarity in texts and distinguishes such strategies of implicit expression of evaluations as: 1) implication of positive or negative evaluation by means of reporting information, statement of fact; 2) implication of positive evaluation by means of expressing agreement with the point of view of the author of the reviewed work; 3) implication of negative evaluation "by

contradiction”; 4) implication of negative evaluation by means of recommendation; 5) implication of positive evaluation by means of contrasting the author’s scientific result to that of predecessors [Nefedov 2019: 1876–1882].

The asymmetric polarity of evaluations implicitly actualised in the contexts of peer-evaluation communication is noteworthy. In the case of implicit assessments “by contradiction”, the dominance of negative polarity seems logical, as the reviewer states the absence of a significant element in the reviewed work — notes a deficiency in the literal sense of the word. However, with regard to evaluations implemented within the strategy of “agreement with the author”, one cannot exclude the possibility of implicit implementation of a negative evaluation — through the expression of disagreement with the author’s position. The possibility of implicit evaluations of both positive and negative polarity can also be assumed for other strategies of implicit implementation of evaluations [Kondratenko 2021: 52]. The conducted contextual-semantic and functional-pragmatic analysis allowed us to confirm these assumptions and, in addition to the already known strategies of indirect evaluation, to identify a number of new communicative strategies of evaluative implication (see Table 1):

Table 1 — Implicit expert evaluation strategies.

	Strategy	Polarity	
1	Implicit evaluation through statement of fact	+	–
2	Implicit evaluation by expressing agreement or disagreement with the author’s position	+	–
3	Implicit evaluation by means of a recommendation addressed to the author of the reviewed monograph		–
4	Implicit evaluation through a recommendation addressed to the recipient of the reviewed monograph	+	
5	Implicit evaluation “by contradiction”	+	–
6	Implicit assessment of the author’s contribution in comparison with previously published scientific results	+	–
7	Implicit assessment through direct or indirect questioning		–
8	An implicit evaluation of the monograph under review through an assessment of the professionalism of the reviewed work author	+	

9	Implicit evaluation included in expressions such as wishes, congratulations, thanks, etc.	+	
10	Macro-strategy of polarity compensation	+ → -	- → +

We also agree with S. T. Nefedov that cases of implicit-evaluative contexts with zero presence of verbal evaluation markers and comparison should be considered an extreme form of implicit content [Nefedov 2022: 1701]. The analysis of empirical material suggests that implicit assessments implemented within the framework of one or another strategy are, as a rule, still accompanied by means indicating the need to interpret the context as value-laden. Among such means we can distinguish the most characteristic of a particular strategy — for example, forms of the subjunctive mood in the evaluation realised through recommendation or explicitly and implicitly negative means in the evaluation “by contradiction”, etc. Such grammatical units, along with connectors, modal-epistemic components, modal verbs and pragmatic particles, S. T. Nefedov refers to *catalysts of evaluation*, whose use is dictated by the situation of comparison underlying evaluative actions [Nefedov 2022: 1706–1710].

2.8.1. Evaluation realised through statement of facts

As applied to cognitive evaluation in research socio-communicative practice, S. T. Nefedov notes cases of modalisation of statements. In the course of this process, the illocution of affirmative statements may undergo notable semantic-communicative changes: for example, assertive statements are endowed with the ability to demonstrate the degree of credibility with which the author reports certain information [Nefedov 2021: 766]. The analysis of the research data allows us to transfer the arguments about the modalisation of statements to scientific expert texts. In academic reviews, the assertion can also change its illocution towards positive or negative evaluativity. By means of a factual statement the author of the review can implicate a positive evaluation of aspects of the primary research paper:

- (28) *Höflichkeit wird hier verstanden als ein Element im Rahmen der Praktiken zur sozialen Konstruktion der Alltagswirklichkeit. Es wird deutlich, dass der Autor damit an wissenssoziologische und im weiteren Sinne konstruktivistische Begriffe von Kommunikation und von Höflichkeit anknüpft* (Ehrhardt 2017: 73).

- (29) *Diese — hier gekürzt vorgestellt — Aufzählung **arbeitet die wertenden Potentiale der Sprache heraus und demonstriert**, wie tief Wertungen in der Sprache verankert sind* (Ballstaedt 2020: 303).
- (30) *Заметим, что это, пожалуй, единственная глава в рецензируемой книге, автор которой **демонстрирует вполне основательное знакомство с российской ономастической теорией*** (Goryaev, Spiridonov 2016: 213).
- (31) *В центре исследовательских интересов авторов словаря **находятся наиболее острые проблемы современной науки*** (Bogdanova 2019: 847).

In the fragments cited, messages about the facts concerning the peer-reviewed papers receive an additional axiological dimension. Appreciation is constructed by the recipient of the review during the interpretation of the contexts: the perceiving subject is expected to be able to decode a coded implicit appeal to the principles and standards of research activity — the need to adhere to relevant theories and methods (28), (30); (31); clarity and accuracy (29). Despite the implicit nature of evaluation realised through the statement of a state of affairs, in a number of contexts it is possible to identify linguistic markers indicating the possibility of interpreting an assertive statement in an evaluative way. As such a marker, for example, we can consider the verb *demonstrieren* and its Russian equivalent *демонстрировать* in contexts (29) and (30). In the semantic structure of this verb there is a sense of clarity, which may correlate with the criterion of clarity and intelligibility, one of the typical bases for expert evaluations.

Other verbs used to describe the author's speech acts also have the potential to mark evaluative statements realised as a statement of fact — cf. *darstellen*, *entwickeln*, *benennen* in (32). In addition, in some contexts there is the use of grammatical devices typical of qualifying statements — see double conjunction *как, так и* in (33).

- (32) *Die Autorin **vermag** die wesentlichsten Themen verständlich **darzustellen, entwickelt Wechselbezüge, benennt** nach der Darstellung theoretischer Konzepte auch kritische Positionen dazu* (Heilmann 2019: 184–185).
- (33) *При анализе материала автор пользуется **как** имеющимися лингвистическими исследованиями, **так и** собственными этимологическими разработками, выполненными на высоком профессиональном лингвистическом уровне* (Smirnov 2017: 226).

As noted earlier, the expression of evaluation through statements of fact can be polarised both positively and negatively. Thus, in example (34), the reviewer implicitly qualifies the sample of interviewees in the study as insufficiently representative (explicitly reporting that the interviewees included primarily the author's colleagues and the "colleagues of colleagues"). In (35), the criterion of representativeness is applied to the research material, while in (36) an implicit evaluation is made of the

author's objects of reflection based on the criterion of relevance (explicitly stating that the works in question do not belong to the progressive currents of scientific thought).

- (34) *Die Befragten rekrutieren sich in erster Linie aus dem Netzwerk des Autors, das sich dieser in 30 Jahren intensiver Forschungstätigkeit aufgebaut hat. <...> Darüber hinaus wurden Forscher befragt, die von Kollegen als Gewährspersonen empfohlen wurden (Bülow 2016: 138).*
- (35) *Даже французские гуманисты, герои второй главы, попадают в поле зрения автора в той мере, в которой они вовлечены в культурную орбиту ренессансной Италии (Zholudeva 2018: 152).*
- (36) *Лингвистические сочинения, послужившие предметом исследования в главах 4 и 5, несомненно, весьма оригинальны, но на общем фоне выглядят скорее как боковая ветвь развития лингвистической мысли (Zholudeva 2018: 152).*

2.8.2. Implicit evaluation through the expression of (dis)agreement with the position of the reviewed work author

In our discussion of the parameters of scientific expert communication we have repeatedly pointed to dialogism as a recognizable characteristic of academic reviews. The multiple voices of the participants in scientific expert communication allow us to interpret the contexts in which the reviewer expresses his/her agreement or disagreement with the author's statements as value-laden.³⁷ By agreeing with the author of the reviewed work, the reviewer implicitly qualifies the points made by the author as relevant for the consideration of scientific issues:

- (37) ***Zu Recht** kann Wörgötter ihre Studie als mögliches allgemeingültiges Modell für eine sprachwissenschaftliche und literaturwissenschaftliche Analyse literarischer Texte deklarieren (Reinhardt 2018: 130).*
- (38) ***Zutreffend** merkt sie dazu an, dass der kreative Umgang mit und das Durchbrechen von (Textsorten-)Mustern (wofür gute wissenschaftlich Schreibende ja häufig gerühmt werden) eine Kenntnis gerade dieser Muster voraussetzen (Gruber 2020: 130).*
- (39) ***Соглашаясь** с автором предисловия, добавим, что такое небрежное отношение к науке о географических названиях порождает ложное впечатление, что изучением*

---

³⁷ On similar contexts in scholarly articles, as well as on the actualisation of the author's position against the background of criticism of verified knowledge, see [Kondratenko 2020: 264–265].

топонимии может успешно заниматься неспециалист, не обладающий навыками лингвистического анализа (Gein 2019: 13).

- (40) К примеру, *Nannerch* <...> возводится **совершенно резонно** к первоначальному *Nant Erch* <...>, и авторы приводят цепочку развития этой формы как *Nant Erch* > *Nanterch* > *Nannerch* (Falileyev 2020: 246).

The evaluation implemented within this strategy is mainly aimed at the authors' theoretical constructions (models, inferences, interpretations) — see (37), (40). In addition, there are contexts in which the reviewer expresses agreement with the author's views on aspects of research and text production: examples (38) and (39) are typical evidence of this.

Typical markers accompanying evaluation by expressing agreement with the author are lexical and grammatical units such as: lexeme *zu Recht*; adjective *zutreffend*; adverbs and adjectives with the semantics of justification, reasonableness — e.g. *резонно*, *разумно*, *справедливо*; verb *begrüßen*; performative verb *zustimmen* or its Russian equivalent *соглашаться*, indicating a speech act CONSENT. It is possible to contextually intensify the evaluations implemented within the strategy in question through additional lexical means, cf. *совершенно резонно* in (40).

Reinforcement of evaluation is also possible in the context of the negatively polarised qualification of the monograph being reviewed: thus, in example (41) to the performative verb *widersprechen* an adjective *energisch* is added, acting as a modal circumstance with a predicate:

- (41) ***Energisch widersprechen muss man allerdings*** der „Auffassung [...], dass es keine *nichtmediale Kommunikation* gibt“ (Krefeld 2018: 12).

Here are more examples of negative implicit evaluation through disagreement with authorial positions:

- (42) *Um die Bedeutungen zu erfassen, analysiert Wildfeuer satzübergreifende grammatische und semantische Relationen und Situationen, in welche die Sätze eingebettet sind. Solche Diskursrelationen würden innerhalb der Germanistik „wenig bis gar keine Beachtung“ (S. 396) finden. Dagegen **ist einzuwenden**, dass Diskursanalyse immer die Beziehungen zwischen Äußerungen und die Kontextbedingungen fokussiert* (Römer 2017: 197).

- (43) Однако аргумент, согласно которому «принятие» перспективы адресата неизбежно требовало бы замены пошьль на пришьль, представляется **спорным** (Petrukhin 2019: 158).

The object of the evaluation in (42) is the author's claim that there is insufficient consideration of grammatical relationships beyond the sentence in Germanic studies. The reviewer, who is familiar with the current context of discourse linguistics, justifiably disagrees with the author. On the surface of the

text, the expression of disagreement is accompanied by grammatical markers of other people's speech (conditionality form I and direct quotation), which allow the reviewer to increase the distance between his position and that of the reviewed author. The reviewer's disagreement is marked with the use of the performative verb *einwenden*, whereas the shared knowledge of the range of issues typical of discourse analysis by linguists is connected by the reviewer to the context without specific indication at the level of textual structures.

In (43), the evaluation is directed towards the author's arguments. The reviewer's disagreement is expressed using the adjective *спорный*. The use of inverted commas also serves as a textual representation of the distance between the reviewer's position and the author's reasoning.

Returning to example (42), we can see that the performative verb *einwenden*, used by the reviewer to explicitly mark their disagreement is integrated into the construct *sein + zu + Infinitiv* with the modal meaning of ought. The modality of oughtness can also accompany a positively polarised evaluation expressed through assent: in (41) it is achieved through the use of the verb *müssen*, whereas in (44) it is again derived from the construction *sein + zu + Infinitiv*, and in (45) — from the meaning of impersonal verb *следует*. Context (46) is an example of the realisation of another modality, the modality of possibility, which is expressed by the modal word *можно*. The reviewer's agreement and disagreement in the contexts below is marked with performative verbs *zustimmen*, *согласиться*, *спорить*:

- (44) *Der Verf. ist unbedingt zuzustimmen bei der Einschätzung, dass Liedtexte bisher recht selten Gegenstand der sprachwissenschaftlichen Forschung seien* (Lenk 2016: 129).
- (45) *Следует согласиться с исследовательницей по поводу отнесения вариантов имен Авдотья, Агафья, Аксинья и др. к числу канонических, несмотря на то, что они не отмечены в святцах* (Suprun 2017: 176).
- (46) *С отдельными этимологиями топонимов, которые при этом приводит автор, можно спорить, но в целом вывод об отсутствии субстратной топонимии обско-угорского происхождения в Восточной Европе представляется достаточно убедительным и согласуется с аналогичными выводами других исследователей* (Smirnov 2017: 228).

2.8.3. Evaluation through a recommendation addressed to the author of the reviewed work

The axiological potential in scientific expert texts is represented also by the fragments containing recommendations, which the reviewer addresses to the author of the monograph in question. Recommendations of this kind show a high degree of theoretical and empirical reflection of the reviewer on thematic and methodological alternatives, aspects of scientific text production, etc. variables of scientific text [Gloning 2018: 352]. Being an experienced researcher in the same field as the author of the assessed work, the reviewer suggests and comments on alternatives which, in his opinion, could improve the author's text.

Expert evaluations, expressed through a recommendation to the author, are characterised by a negative polarity. At the same time, in the contexts where the strategy of implicit evaluations is implemented, positively charged linguistic means (e. g. general evaluative adjectives) may be used (*gut*, *besser* and so on). However, attention should be drawn to the fact that positive evaluative units in such contexts are often used in the comparative degree and combined with conjunctive/explosive forms, which allow the reviewer to stage a "better" opportunity missed by the author. Thus, positively polarised evaluative elements turn out to be directed at objects conceived in an ideal situation that contrasts with the actual state of affairs:

- (47) *Gerade im Vergleich zur Analyse des Phänomens ‚Sprache-Bild-Kohärenz‘ erweist sich die Untersuchung eher als antizipierend; auch wenn sie wichtige Hinweise und Impulse liefern kann, **wäre** doch eine umfassendere Beschäftigung **wünschenswert** gewesen, **hätte** aber wahrscheinlich den Rahmen und die Konzeption des Buches gesprengt* (Markewitz 2018: 178).
- (48) *Die Diskussion **müsste** m. E. zumindest die Tatsache berücksichtigen, dass der Interviewer offensichtlich nicht ganz fließend Deutsch spricht und dass auch diese Tatsache Folgen für das Beziehungsmanagement und die Höflichkeit haben könnte* (Ehrhardt 2017: 75).
- (49) *Die vollzogenen Sprechakte (z. B. Selbstkorrektur vs. Fremdkorrektur, Einwand mit vs. Ohne Hedging) **wären** an vielen Stellen die **viel interessanteren** Items gewesen als die ausgezählten Wörter oder Grammatikstrukturen* (Bendel Larcher 2016: 33).
- (50) *На наш взгляд, **целесообразнее** помещать исследования однотипных онимов (в данном случае урбанонимов и виконимов) в отдельный специализированный раздел* (Gein 2019: 257).

- (51) *Термин [превращенные в названия «этикетные формулы»] и примеры Т. В. Шмелевой. **Корректнее было бы** говорить о «высказываниях-клише» (Sokolova 2018: 200).*
- (52) ***Как пожелание, хотелось бы** также увидеть анализ **более широкого** спектра лексики, указывающего на успешную и имущественную составляющую жизни российского общества (удача, успех, роскошь, богатство) (Zbenovich 2017: 930).*

The reference to a situation that “could have developed under a certain set of circumstances” is supported at the level of lexical units and grammatical structures. Thus, in the evaluations through the recommendation of the author of the reviewed monograph the forms of the passive voice conjunctive (often with modal verbs) in German and the subjunctive inclination in Russian are included: *wäre es... gewesen; hätten... werden können / müssen, хотелось бы*, etc. As well as adjectives and adverbs in the comparative degree (including analytical forms with *более*): *interessantere, целесообразнее, корректнее*, etc.

2.8.4. Evaluation through a recommendation to the recipient of the review

In addition to implicit evaluation through recommendation to the author, the corpus of research emphasises the strategy of implicit evaluation through recommendation to a potential recipient of a reviewed monograph. Taking into account the multidirectional nature of reviewing procedure, it should be clarified that the recommendation referred to in this subsection is directed not at the author or publisher of the monograph under review, but also at his colleagues, the specialized scientific community the author represents, and the scientific community as a whole. Here are some examples:

- (53) *Insgesamt handelt es sich um ein **äußerst empfehlenswertes** Studienbuch, das Lernenden helfen kann, das Themenfeld Argumentation zu verstehen, und in dem auch Wissenschaftskolleginnen und -kollegen Neues und Interessantes und neue Blickwinkel werden entdecken können (Heilmann 2019: 187–188).*
- (54) *Wer eine knappe und trotzdem sehr verständliche Zusammenfassung der wesentlichen Gedanken der CDST sucht, dem **sei dieses Kapitel wärmstens empfohlen** (Bülow 2016: 141).*
- (55) *Hierfür, aber noch viel mehr für die reflektierte Auseinandersetzung mit dem Konzept Stil und für seine Implementierung in die Textlinguistik **kann** die Einführung von Hoffmann **ohne***

Einschränkung empfohlen werden für Studierende aller Semester wie auch für Promovierende (Brommer 2019: 62).

- (56) В дидактическом отношении книга Нессета, по нашему мнению, превосходит все остальные доступные учебные пособия — и, несмотря на англоязычность, **может быть рекомендована** как базовый учебник по курсу исторической грамматики (Kozlov 2017: 130).
- (57) По охвату материалов, степени подробности и логическому разбиению данный раздел сборника не вызывает вопросов и **может быть рекомендован** как исчерпывающий список источников для всех интересующихся разноаспектным научным освещением географических названий (Gein 2019: 257).
- (58) В последней книге Е. В. Падучевой, как и в предыдущих ее трудах, **каждый читатель, несомненно, найдет** пищу для размышлений и стимулы для будущих исследований (Kustova 2020: 134).

Whereas evaluation through recommendation to the author tends to be negatively polarised, evaluation through recommendation to the recipient is exclusively recorded in a positively polarised version and is usually found in the final part of reviews. Fragments in which the reviewer recommends the work in question to the reader accompany, and in some cases complete, the reviewer's final evaluative summary.

The linguistic-axiological analysis allows us to distinguish among the grounds for evaluation such a criterion as the relevance of the reviewed monograph to the declared text type — see examples (53) and (56), which include explicit nominations of text types: *Studienbuch*, *учебник*. The emphasis on the didactic potential of the work in question is related to the needs of a wide range of recipients of the reviewed monograph, which may include students and young researchers.

Most of these examples show a tendency for assessments, realised as a recommendation to the reader, to be strengthened by the introduction of modal components: cf. adverb *несомненно* as an expression of the reviewer's confidence in what has been said (58), as well as the modality of oughtness expressed by the construction *es + sei(en) + Partizip II*, typical of academic texts (54).

2.8.5. Evaluation implemented as a proof by contradiction

Let us now turn to the evaluation mechanism “by contradiction”. In the course of evaluating the segment of new scientific knowledge expressed in the publication in question, the reviewer may note its compliance with the requirements imposed by the research community on scientific work. In this case, the assessment appears positively charged. However, in some contexts the reviewer may state the lack of the necessary attributes of an exemplary research paper in the monograph under review. In this case, a negatively polarised assessment is formulated. By analogy, the presence of undesirable features in the refereed work deserves a “-” mark, while the absence of an undesirable feature in the work may receive a positive reviewer’s assessment.

The latter should be taken into account when describing the special linguistic indicators characteristic of the strategy of evaluation “by contradiction” in scientific expert texts. Since this strategy emphasises the absence of any attribute in the reviewed work, its characteristic element will be negation expressed by explicitly and implicitly negative linguistic means. Note, however, that the presence of positively-polarized contexts in which the reviewer accentuates the absence of an undesirable feature in the work indicates that the negative semantics of lexical and grammatical markers of the strategy under study does not always build a perception framework for negative evaluations.

The structural-grammatical, contextual-semantic and functional-pragmatic analysis of German and Russian linguistic reviews revealed some explicit and implicit-negative linguistic means involved in the implementation of the strategy of implicit evaluation “by contradiction” [see also Kondratenko 2021: 92–94]:

1. means of negation at the level of word-forming morphemes: prefixes *un-*, *unter-*, *ne-*, *dis-* with negative meaning: a) in participles, adjectives and adverbs, for example, *unberücksichtig*, *unerwähnt*; *неоднородный*, *неясный*, *невыясненный*; *неудачно*, *неясно*, *дисгармонично*; b) in nouns: *Ungleichgewicht*, *Unterrepräsentation*; *диссонанс*, *неоднозначность*, *неточность*; c) in verbs: *недоставать*;
2. the means of negation at the morphological and syntactic linguistic level:
  - 2.1. negative particle *nicht*: a) as a general predicative negation (often combined with verbs and verbal nouns denoting speech acts and their results, cf. *etw. Wird nicht erörtert, vorgenommen*; *etw. Ist nicht zu finden, eine genaue Darstellung erfolgt nicht*); b) in the function of the specific negation, e.g., *etw. Ist nicht immer klar, deutlich*; negative particle *не* in Russian subcorpus: *не делают очевидной, не подтверждают*;
  - 2.2. *нет* in the predicative function: *вообще нет указаний на ч.-л.*;

- 2.3. negative particles: *вряд ли, едва ли*;
- 2.4. negative pronouns: *nichts, kein*;
- 2.5. negative adverb: *keineswegs*;
- 2.6. *ohne* in the function of a preposition in prepositional phrases (the Russian reviews show the use of *без* in this function) and as a conjunction in an infinitive with a negative connotation *ohne + zu: ohne explizite Definition anzugeben*;
3. Implicit-negative lexemes of different speech parts:
  - 3.1. verbs: *fehlen, fehlschlagen, irritieren, mangeln, vermissen, verstoßen gegen etw.; игнорировать, лишать; нарушаться, нуждаться* (e. g., *нуждается в пояснениях*), *отсутствовать, ограничиваться, противоречить, упускать (возможность)*;
  - 3.2. adverbs: *ограниченно, мало*;
  - 3.3. predicative and attributive participles: *vernachlässigt, mangelnd, fehlend*;
  - 3.4. nouns: *Ausklammerung, Lücke, Mangel, Vernachlässigung; пробел, отклонение, опущение*.

Moving from the classification of lexical and grammatical means — indicators of the evaluation strategy “by contradiction” to particular examples of the strategy in linguistic reviews in German and Russian, we note the predominance of negative-polarized evaluations implemented in accordance with the strategy discussed:

- (59) *Nähere Erläuterungen dazu, wie diese Kategorien [nichtsprachliche Kriterien, undeutliche Urteile, kurze Urteile, detaillierte Sprachurteile] gebildet worden sind und vor allem, wie in der Analyse die Zuordnung der einzelnen Kritiken zu einer dieser Kategorien erfolgt ist, **sind nicht zu finden*** (Schiewe 2016: 193).
- (60) *Es ist merkwürdig, dass der Autor den massiv abwertenden Sprechakt der Beschimpfung und die strafrechtliche Konsequenz der Beleidigung **nicht berücksichtigt. Nur am Rande** werden Phänomene wie Mobbing in Institutionen oder Dissens in sozialen Netzwerken angeführt* (Ballstaedt 2020: 302).
- (61) *Чего в этой части книги **нет**, так это демонстрации возможностей обратного словника гидронимов* (Shmeleva 2018: 270).
- (62) ***Без** внятного определения топоидеограммы предлагаемая автором «система выявления идеографической парадигматики <...> ономастических корней и основ» не сможет работать в указанных целях «сравнительно-исторического анализа на уровне лексических праформ»* (Gein 2019: 258).

In the examples given, the reviewers note: the arbitrary allocation of categories of analysis and the lack of justification of this allocation in the text (59); the author’s inattention to specific speech acts

when describing negative emotional-evaluation speech acts (60); the lack of description of a specific form of lexical unit organisation in the dictionary (61); the absence of a clear definition of the concept central to the author's theoretical constructions (62). With the help of heterogeneous linguistic indicators of evaluation “by contradiction” — the negative particle *nicht*, predicative *нет*, preposition *без*, prepositional-substantive word combinations with particles of restrictive semantics: *nur am Rande*, indicating peripheral consideration of significant issues — reviewers actualise in the context the violation of such criteria of scientific rationality as completeness, validity/logicality, precision/accuracy.

Compared to negative evaluations “by contradiction”, positively polarised contexts realised by the principle of “no undesirable feature” are rare. Nevertheless, they are seen in both the German and Russian subcorpora of the study:

(63) *Nur durch eine solche Explikation, die keineswegs **simplifizierend** ist, kann ein hohes Maß an intersubjektiver Nachvollziehbarkeit, die ja immer noch eine Art Kernkriterium wissenschaftlicher Güte für (diskurs)linguistisches Arbeiten ist, hergestellt werden* (Römer 2017: 201–202).

(64) *Как мы заметили раньше, Т. Нессета **нельзя обвинить в невнимании** к российским палеославистам и палеорусистам; учебник чаще всего отражает как новые эмпирические открытия, так и современные интерпретации данных* (Kozlov 2017: 131).

Whereas in (63) the reviewer positively assesses the author's presentation of the research results, which has nothing to do (it is implied that it should not) with simplification, in (64) the foreign author's attention to the achievements of Russian researchers is emphasised. An indirect assessment with a “+” sign appeals to such criteria of scientific presentation as clarity, objectivity, evidence and reproducibility (the latter is addressed directly by the reviewer using explicit nominations *Nachvollziehbarkeit*, *Kernkriterium*), as well as the need to be aware of the current context of the issue, not only within national linguistics, but also outside of it. The positive evaluation is reinforced by the use of the negative adverb *keineswegs* and multiple annihilating negations (double negation results in a valuation with a sign «+») — see the predicative *нельзя*, verb *обвинить* and a noun with a characteristic negative prefix *невнимание*.

To conclude the discussion of the strategy of evaluation “by contradiction”, let us note that its example once again (see observations of other researchers [Hunston 2011: 16; Danilevskaya 2013: 41]) proves and clearly demonstrates the tendency of evaluations to contextual implementation in clusters. Thus, in (60) the reviewer accompanies the rational implicit evaluation “by contradiction” with the expression of the negative emotion — surprise (*es ist merkwürdig*) about the absence of certain substantive aspects in the text. From the analysed corpus it follows that an even more characteristic

emotion accompanying the evaluation in the strategy “by contradiction” is regret for the missing features in the monograph in question:

- (65) *Leider mangelt es an einem expliziten Rahmentext, der nicht nur zur „Politolinguistik“ hinführt und den roten Faden erläutert, sondern vor allem auch Desiderata benennt (Vogel 2016: 155).*

In addition, the evaluation strategy “by contradiction” is often implemented in conjunction with the suggestion of alternative solutions that would improve the peer-reviewed monograph. The following example is intended to demonstrate the contextual interplay of three types of negative evaluation - implicit evaluation by recommending the author, implicit reverse evaluation and explicit emotional evaluation:

- (66) *Здесь очень уместными были бы указания на страницы книги, где подробно рассматриваются те или иные фамилии и прозвища, но, к сожалению, желательные в данном случае указатели ономастической лексики **отсутствуют** (Plotnikova 2020: 258).*

2.8.6. Assessment of author’s contribution in comparison with previously published scientific results

The evaluation of the author’s contribution in comparison with the achievements of his predecessors reflects the dichotomy of “their own and those of others”, which is relevant for scientific communication in general. The criterion of novelty and relevance of the research results serves as the basis for evaluations within the strategy under consideration:

- (67) *Bendel Larcher weitet ihr Modell auf die Ebene der Gesellschaft aus – ein Schritt, den **andere Diskurslinguisten** wie Niehr (2014) oder Spitzmüller und Warnke (2011) **nicht tun** (Senoner 2016: 238).*
- (68) *Die Verf. Legt ihrer Untersuchung ganz offenbar einen **in der Textsortenlinguistik seit langem überholten, sehr statischen** Begriff von Textsorte zu Grunde, für die eine feste Matrix „distinktiver Merkmale“ (S. 62) erstellbar sei (Lenk 2016: 125).*
- (69) *Schmitt stellt die These auf, dass die Linguistic Landscape in diesem Sinne ein eigenes Genre sei und somit einen eigenständigen Untersuchungsgegenstand in der Sprachwissenschaft*

darstelle. Die Gesetzmäßigkeiten von Sprache in der Öffentlichkeit erhalten damit zum ersten Mal die Aufmerksamkeit, die sie verdienen (Marten 2019: 387).

(70) *Новый, не имеющий аналогов словарь — бесценный дар языковедам, этимологам, уникальный вклад в мировую науку и культуру* (Romanova 2017: 238).

(71) *В работе показано разнообразие типов эхо-вопросов, которые прежде не всегда учитывались, но получают объяснение в рамках предложенного автором анализа* (Vilinbakhova, Markasova 2020: 154).

The above examples demonstrate the possibility of applying different evaluative tactics as part of the strategy of juxtaposing the author's results with the current scientific context. Thus, in (67) the reviewer forms a positive implicit evaluation against the background of an implicit negative evaluation “by contradiction”, referring to earlier models of discourse. Contextual antonyms — nominations of the author of the monograph in question (*Bendel Larcher*), the pronoun *andere*, accompanying reference to other discourse researchers, — provide support for the dichotomy of “their own” and “those of others”, at the level of textual structures. A similar tactic is implemented in example (71).

In (69) and (70) we see the use of words and expressions that actualise the meaning of novelty and uniqueness in context — see, for example, the expression *zum ersten Mal*, through which the reviewer presents the author of the monograph in question as a pioneer in the linguistic understanding of linguistic landscapes, or the expression *не имеющий аналогов*, accompanied by a positive explicit evaluation on the scale “novelty/repetition of what is already known”.

It should also be noted that the corpus of research has identified contexts in which the author's result becomes the object of negative evaluation. For example, in (68) the reviewer points out that the author's research is based on the model of text type as a static set of features. The reviewer qualifies this understanding of text type as long outdated. The use of irrelevant scientific information is interpreted here as non-compliance with the criterion of novelty of scientific work, which inevitably receives a negative assessment from the reviewer. The contextual reinforcement of the negative polarity of the evaluation statement is achieved by the adverb of intensity *sehr* and the collocation with temporal meaning *seit langem*.

2.8.7. Assessment by means of a direct or indirect question

Some features of the functioning of interrogative sentences have already been highlighted in the works of researchers of scientific communication. Thus, the communicative and functional potential of

the structures of interrogative semantics in scientific discourse is considered in detail by S.T. Nefedov [Nefedov 2015]. V. E. Chernyavskaya found on the material of scientific expert texts that interrogative structures may act as a means of expressing inconsistency and inconsistency in the author's reasoning, thereby creating a reference point for the reviewer's critical arguments [Chernyavskaya 1995: 18–19]. Studying metalanguage commentary as one of the manifestations of research reflexivity, N. V. Solovyova considers the issues concerning the choice of terms as a softened form of *commentary-criticism* — a negative evaluative metalanguage statement [Solovyova 2009: 49]. L. V. Krasilnikova notes that a reviewer “may act under the mask of a reader”, on whose behalf he formulates questions left unanswered by the author of the monograph. Against the background of the lack of required clarifications the reviewer's questions are perceived as negative-evaluative statements, the illocutionary force of which comes close to advice, according to the researcher [Krasilnikova 1999: 77–80]. However, in our opinion, the strategy of implication of negative expert evaluations by means of a question turns out to be closer to the strategy of implicit evaluation “by contradiction” as questions in the contexts of scientific reviews often ask for an alternative (one can even add to the question or, as if implied), express the reviewer's perplexity regarding the absence of significant elements of monograph structure, necessary links in logical chains of arguments, etc. Here are some examples:

- (72) *Entgegen den <...> Lieddefinitionen aus deutschsprachigen Lexika und aus polnischen Quellen (Wörterbüchern und Aufsätzen) reduziert sie [die Autorin] das Lied auf die gedruckte, schriftliche Form seines Textes (S. 75) <...>. Woher die analysierte Form der Korpus-texte genau stammt (von den CDBooklets? Von einem der zahlreichen Internetportale mit Songtexten? Aus einem gedruckten Songbuch?), bleibt indes unklar* (Lenk 2016: 124–125).
- (73) *Ob das Pragma-semiotische Viereck einen Kommunikationsbegriff ersetzen kann, sollte weiterhin überprüft und diskutiert werden* (Gansel 2020: 70–71).
- (74) *Wenn es um die kommunikative Praxis des Entscheidens geht und damit um Kommunikation, dann stellt sich die Frage, warum nicht ein Kommunikationsbegriff/-modell zugrunde gelegt wird, der/das die komplexe Struktur des „Pragma-semiotischen Vierecks“ weniger überfüllt erscheinen lässt und doch wenig über Kommunikation aussagt* (Gansel 2020: 70).
- (75) *К примеру, на с. 3 сообщается, что названия рек Флинтишера могут быть по происхождению кельтскими, бриттскими или древневаллийскими. Понятно, что бриттский, как и восходящий к нему (древне-)валлийский, относится к кельтским языкам, но что означает включение «кельтского» в эту своеобразную триаду?* (Falileyev 2020: 243).

- (76) *Затронутая проблематика настолько объемна, что заслуживает отдельного масштабного исследования. И в этом кроется одна из причин, по которым в отношении отдельных авторских версий и представленных в параграфе классификационных решений **возникают вопросы*** (Golomidova 2016: 246)
- (77) *Вообще нет указаний на «народную» терминологию: **неужели она совпадает с научной?*** (Shmeleva 2018: 265)

Examples (75) and (77) present instances of direct questions, while (73), (74) and (76) demonstrate the use of indirect questions as negative evaluative statements. In (72), direct questions meaningfully support the indirect question about the origin of the texts that made up the corpus of the author's study. From a rhetorical perspective, direct questions are perceived as aiming to sharpen the asynchronous dialogue between the subjects and addressees of expert evaluation.

It should also be noted that in a number of contexts the strategy in question is combined with other mechanisms of implication of expert evaluations. Thus, in (72) the sequence of questions indicating the narrowness of the author's definition of the song as a text type is accompanied by an explicit negative evaluation, which is expressed by an adverb with a negative prefix *un-* — *unklar*. In (74) and (77), the implicit realisation of evaluation by means of an indirect question is accompanied by a statement of the absence of the necessary attribute as part of the strategy “by contradiction”.

2.8.8. Evaluating the professionalism of the reviewed work author

When specifying extralinguistic parameters of expert evaluation at the beginning of the chapter, we emphasised the multi-vector nature of the evaluation, its focus on heterogeneous objects, which may include both formal and substantive characteristics of the evaluated monograph, as well as its author. As a rule, the assessment of the reviewer's professional competence is carried out indirectly, through the qualification of certain aspects of the author's work. However, in the texts of the Russian subcorpus the opposite tendency is also revealed: direct assessment actions of reviewers are turned to the figure of the author of the reviewed monograph. This implies that a positive assessment of the author's professional and personal qualities is transferred to the body of the author's work: it is often accompanied by explicit and implicit assessments aimed directly at the work in question.

- (78) ***Научная добросовестность** Э. В. Копыловой проявляется во всем: она проанализировала хранящиеся в Государственном архиве Астраханской области*

метрические книги 42 храмов Астрахани, 46 церквей, находящихся в Астраханском уезде, 33 — Енотаевского уезда, 18 — Красноярского, 16 — Царевского, 15 — Черноярского; рассчитала употребление имен с учетом частотности, гендерных характеристик, места обитания их носителей (город — село), сделала срезы по отдельным десятилетиям. Такой труд может быть назван научным подвигом (Suprun 2017: 175).

- (79) **Высокий научно-методологический и методический профессионализм авторов** позволяет просто и доступно продемонстрировать важность понятия внутренней речи для современной антропоцентрической лингвистики, показать динамику значения языковых единиц и факторы, определяющие ее, представить модели порождения и понимания речи (Shakhovsky 2017: 937).
- (80) Думаю, четвертый том «Субстратной топонимии Русского Севера» является поистине блестящим завершением творческого пути **великого ученого, прекрасного человека и Учителя**, Александра Константиновича Матвеева, и послужит еще поводом для многих продуктивных дискуссий и гипотез (Napolskikh 2016: 184–185).
- (81) Пользуясь случаем, мы не можем не выразить своей **признательности авторам** за глубокий интерес к обсуждаемым проблемам, научную увлеченность, тонкое чувство русского языка и остроумное его использование, а также глубокое знание русской словесности и любовь к ней (Krivnova 2019: 167).

In the above contexts, explicit nominations of positive qualities of the authors are used, cf. *добросовестность, профессионализм*. The author appears in the text as *великий учёный*, a keen researcher who demonstrates not only the depth and novelty of the concepts proposed, but also the thoroughness of the analytical work, the sense of language and the writing talent. As a consequence, the work presented by the author is also positively assessed: in (78) the study is praised as *научный подвиг*; in (79) the relevance of the concepts used by the author is emphasised; in (80) the explicit evaluative value expressed by the adjective *блестящий*, is used to emphasise the relevance and clarity of the author's work relevance, which is read by the recipient as a positive evaluation. In example (81) the evaluation of the professional and personal qualities of the authors of the reviewed monograph is included in the implementation of another expressive speech act — GRATITUDE (as evidenced by the use of explicit means marking the illocutionary power of the expressive — *выразить признательность*).³⁸

Contextual implementation of several varieties of positive evaluations simultaneously contributes to rhetorical reinforcement of positive evaluation of selected textual segments. At the same time, the qualification of personal and professional features of the author of the reviewed work is

³⁸ For more on the inclusion of evaluations in expressive speech acts, see point 2.9.1.

functionally aimed at maintaining the academic reputation of the reviewed author, at strengthening the contact between the subject and the recipient of expert evaluation as well as at self-presentation of the reviewer as a competent professional in his field, having necessary erudition to evaluate the author's contribution in the discursive dimension. Based on the above, the absence of negatively polarised assessments of the professionalism of the author of the reviewed work in the corpus of the study should be recognised as characteristic. In addition, attention should be paid to the fact that there is no assessment of professionalism and other qualities of the reviewed author in the German research subcorpus, as well as to the tendency to focus on the status of the monograph author as a recognised specialist in his field, identified in Russian reviews of other humanities disciplines [Chernyavskaya 2022: 1691]. Anticipating the content of the third chapter of the thesis, we should note that these observations add a lot of touches relevant for further cross-linguistic and -cultural comparison of scientific linguistic reviews.

2.9. Macro-strategies of implicit expert evaluation

As has been repeatedly demonstrated throughout this chapter, in a number of contexts it is possible to combine differently expressed evaluations: explicit and implicit, rational and emotional, implied through different strategies (for example, in contexts in which pointing out missing features of a quality scientific work is expectedly combined with an offer to correct further editions of the reviewed monograph). It should be recalled that the gravitation of evaluations towards heterogeneous distribution along the textual structure has been systematically noted by national and foreign scholars [Bazhenova 2016: 142; Danilevskaya 2013: 41; Hunston 2011: 16; Hood 2010: 21].

Based on the observations of other researchers, we identify *clusters* of evaluations within compositional and pragmatic segments, correlated with the cognitive and communicative actions of the authors [Chernyavskaya 2000]. The contextual-semantic and functional-pragmatic analysis carried out as part of this study allowed, firstly, to identify cases of inclusion of individual evaluations in expressive acts of other illocutionary force (GRATITUDE, CONGRATULATION, PRAISE/COMPLIMENT, WISH). Secondly, the results of the analysis describe a valuation mechanism such as *polarity compensation*.

2.9.1. Evaluation implemented through expressive speech acts ³⁹

If the previous section of this chapter dealt with evaluations that are contextually constructed on the basis of assertives in scientific and expert texts, this section will focus on the involvement of expressive speech acts in the implication of evaluative meanings. The qualitative processing of the Russian language material revealed textual segments in which evaluations in different formats are implemented within expressive speech acts, such as GRATITUDE (82), (83), CONGRATULATION (84), PRAISE (85) and WISH (86):

- (82) *Хочется поблагодарить Сильвио Брендлера за выбор жанра, который в данном случае подходит как нельзя лучше* (Vasilyeva 2017: 218).
- (83) *Уверен, что вся лингвистическая общественность и филологическое студенчество **очень благодарны** авторам этого, повторю, оригинального, фундаментального, насыщенного новейшими знаниями учебника* (Shakhovskiy 2017: 939).
- (84) *Научное сообщество языковедов и практиков, работающих со словом, **можно поздравить** с появлением фундаментального и социально значимого труда по лингвоэкологии эмоций, который, без сомнения, будет востребован и стимулирует новые работы в этой области* (Ionova 2016: 201).
- (85) ***Похвальных слов** заслуживает и нетривиальное оформление книги, подчеркивающее ее особую композицию, заданную оригинальной подачей материала* (Shakhovskiy 2017: 938).
- (86) *А потому, несмотря на справедливое замечание автора о невозможности собрать все существующие неофициальные антропимы (с. 18) и некоторое невнимание исследователей к такому роду работы, **желаем** автору продолжить начатое не только в виде словаря, но и многоаспектного монографического исследования* (Kuyurshunova, Semenova 2021: 278).

(82) and (83) use the linguistic means characteristic of acts of gratitude — the illocutionary verb *поблагодарить*, a related short adjective *благодарны*. The lexical-grammatical expressors of illocutionary force are also present in other examples: see verbs *поздравить* in (84) and *желать* in (86), as well as a combination of an adjective and a noun *похвальные слова* in (85). It is clear that the

³⁹ The authors of pragmalinguistic studies have not yet reached a consensus on the appropriateness of classifying evaluative statements as expressive acts — for more details see [Trofimova 2008: 17–28]. If we adhere to the position confirming the inclusion of evaluative actions among expressive acts, it is advisable to reword the title of the subsection as follows: “Appreciation implicit through expressive speech acts (GRATITUDE, CONGRATULATIONS, PRAISE and WISHES)”.

appraisals included in thanks, congratulations, compliments and wishes can be realised according to different strategies — e. g. in (84) explicit evaluation expressed by adjectives *фундаментальный*, *(социально) значимый*, are adjacent to implicit evaluation constructed from a statement of fact, see: implicit evaluation of a monograph based on the criteria of relevance: *будет востребован и стимулирует новые работы в этой области*.

The positively charged expressions presented here do not so much order individual evaluative actions, but rather reflect the disposition of the reviewer towards the author of the work under review, lay the foundation for personal, direct contact and make it possible to reduce the distance in the communicative relationship between the participants of the scientific expert communication. With respect to the contexts examined, it is also true to state their linguistic and cultural specificity. The inclusion of evaluation in expressive speech acts is observed only in the Russian subcorpus of the study, which is probably due to the greater tendency of Russian reviewers to make positive evaluative judgments about the works in question.

2.9.2. Macro-strategy of polarity compensation in evaluation clusters

While unipolar assessments implemented in the same context reinforce the positive or negative charge of the reviewer's statements, the interaction of heterogeneous assessments within textual segments can occur with different outcomes. Anticipating further considerations, let us point out that the combination of assessments with heterogeneous polarity in scientific communication contexts has already attracted the attention of researchers. Thus, E. S. Troyanskaya argues about the confrontation of positive and negative evaluation in the scientific exchange of arguments [Troyanskaya 1989: 44]. N. D. Arutyunova describes the strategy of argumentation according to the scheme “*yes... but*” and sees the interaction of differently polarised assessments as a tool of organising monological axiologically oriented texts [Arutyunova 1988: 74]. T. V. Bulygina and A. D. Shmelev reflect on the ways of “objection in the guise of agreement”, which are conventionalised in Russian [Bulygina, Shmelev 1997: 305–316]. Similar mechanisms of evaluation in academic reviews and scientific articles are considered in the works of L. V. Krasilnikova, L. V. Kulikova, S. T. Nefedov, H. Zou and K. Hyland, V. E. Chernyavskaya [Krasilnikova 1999: 55; Kulikova 2006: 318; Nefedov 2017: 602; Zou, Hyland 2020; Chernyavskaya 2022: 1693–1694]. Moreover, L. V. Kulikova emphasises the linguo-cultural specificity of the evaluative strategy “*yes... but*”, highlighting it among the typical manifestations of high polemics of the discourse of German-speaking researchers [Kulikova 2006: 318–319].

The principle of the strategies described by the authors, in which different assessments interact, can be compared to the so-called *sandwich model*, common in European business communication and education. This model involves balancing criticism by mentioning positive aspects of the work at the beginning and conclusion of the evaluation commentary [Bressler, v. Bergen 2014]. The strategy of interest functions in a similar, “balancing” way, which explains the choice of the terminological designation strategy of *polarity compensation* [for more details see Kondratenko 2022b: 532]. The macro-character of the described strategy, revealed by the results of the communicative-functional analysis, should be emphasised. In what follows, we will give examples which will demonstrate the connection of evaluations realised within the framework of various strategies to the macro-strategy of *polarity compensation*.

Two options for implementing the macro-strategy were identified in the course of the study. The first option entails the unfolding of the textual segment from a negative to a positive evaluation, following the scheme (– → +) — “Despite a number of shortcomings, the (undeniable) merits are worth noting”. Clusters of assessments following this pattern aim to reduce the reputational risks of the reviewed author. Such axiological clusters help to mitigate the negative impression of critical comments by shifting the emphasis to the positive aspects of the work. The second option is implemented according to the scheme (+ → –): “In spite of some positive aspects, there are (significant) drawbacks”. Evaluation conglomerates along these lines not only introduce individual criticisms into the review, but also act as a transition to a detailed critique of the work being reviewed — see, for example, the whole section *Kritische Würdigung* in K. Erhard’s review, specialised in the expression of criticism in the narrow sense (Ehrhardt 2017).

At the formal level, evaluative clusters following one of the variants of this strategy are characterised by the use of specific lexical-grammatical units which mark the involvement of aggregations of assessments in a situation of comparison, “outweighing” positive or negative arguments. Among the typical markers of the macro-strategy of *polarity compensation* we can refer to: 1) adjectives in the comparative degree; 2) antithetical conjunctions *aber, (je)doch, а, же, но, однако, тем не менее*; 3) adverbs — *allerdings* — and word groups — *всё же, в то же время, между тем* — with adversative semantics; 4) introductory words signaling opposition — *с одной стороны, с другой стороны* — and their equivalents — German adverbs *einerseits, andererseits*; 5) representatives of classes of conjunctions, prepositions and adverbs with the meaning of concession: conjunctions *zwar...aber, obwohl, wenn auch, правда, хотя*; prepositions: *trotz* и *при* — in their inappropriate use in constructions of concessive semantics⁴⁰, adverbs: *dabei, dennoch*. Direct lexical references to comparison situations are rare — see *im Vergleich* in (88), as well as deuteronomous clauses that introduce an additional evaluative action to the main action — see *подчёркивая* and meta-communicative *оценивая* in (91).

---

⁴⁰ Read more about the concessive meaning of prepositional constructions *при* in [Musatova 2016: 163].

The results of the linguistic-axiological analysis revealed the following variation in the macro-strategy of polar compensation in relation to the object of evaluation. In examples (87)–(89), both positive and negative assessments turn out to be directed at the same object (the structure of the reviewed work, research/book as a whole), whereas in (90) negative evaluation is subject to the theoretical perspective presented in the authors, while positive evaluation concerns the authors' descriptions of textual units. Note also the object of evaluation in (91), which is peculiar to Russian reviews and is not at all characteristic of the evaluation of German reviewers: here the macro-strategy of *polarity compensation* includes an evaluation of the author's professional competences. This evaluation is supported in the context of an explicit positive qualification of the research material. The reversal of polarity from "+" to "-" comes at the expense of an implicit evaluation through a recommendation concerning some of the author's interpretations, apparently insufficiently complete and accurate.

- (87) *Obwohl das Buch **sehr übersichtlich** gestaltet und aufgebaut ist, **vermisst** man ein Sachregister* (Senoner 2016: 239).
- (88) *Gerade im Vergleich zur Analyse des Phänomens ‚Sprache-Bild-Kohärenz‘ erweist sich die Untersuchung eher als antizipierend; **auch wenn** sie **wichtige** Hinweise und Impulse liefern kann, **wäre doch** eine **umfassendere** Beschäftigung **wünschenswert** gewesen, **hätte** aber wahrscheinlich den Rahmen und die Konzeption des Buches gesprengt* (Markewitz 2018: 178).
- (89) *Основной **недостаток** книги проистекает из её главного **достоинства**: она принципиально неполна* (Kozlov 2017: 130).
- (90) *Bewusst wird von den Autorinnen und Autoren eine größtenteils textinterne Perspektive eingenommen. Dies kann zu **Beschränkungen** in der Analyse führen; allerdings macht eine solche Eingrenzung Platz für die **umfassendere** Beschreibung textinterner Phänomene, die von den Autoren **ausführlich** sowie **anwendungsbezogen** aufgearbeitet werden* (Markewitz 2018: 179–178).
- (91) *Оценивая работу Э.В. Копыловой как **пример научной добросовестности** и **скрупулёзности**, подчёркивая **исчерпывающую огромность** исследуемого материала, автор рецензии всё же предлагает свои **коррективы** к толкованию некоторых имён* (Suprun 2017: 174).

The macro character of the *polarity compensation* strategy is supported by contexts in which implicit assessments are realised according to different strategies and are constructed by stating a fact, agreeing or disagreeing with the author of the reviewed work, recommending the author, comparing the author's contribution with the results obtained by his predecessors, etc.:

- (92) *Um die Bedeutungen zu erfassen, analysiert Wildfeuer satzübergreifende grammatische und semantische Relationen und Situationen, in welche die Sätze eingebettet sind. Solche*

*Diskursrelationen würden innerhalb der Germanistik „wenig bis gar keine Beachtung“ (S. 396) finden. **Dagegen ist einzuwenden**, dass Diskursanalyse immer die Beziehungen zwischen Äußerungen und die Kontextbedingungen fokussiert. **Zuzustimmen ist**, dass Beschreibungsmethoden, die ihren Ursprung in der formalen Semantik und Logik à la Frege, Montague Grammatik und Hans Kamp haben, in der germanistischen Diskursanalyse **kaum Anwendung finden** (Römer 2017: 197).*

- (93) **Обширный** <...> библиографический раздел **вызывает немало нареканий**. Текст книги содержит значительное количество ссылок на соответствующие работы в виде сокращений, эти же сокращения мы находим и в библиографии с дальнейшими ссылками на полное библиографическое описание той или иной работы. Подобное дублирование **нельзя рассматривать как продуктивное**, и сокращения с полным их раскрытием **можно было бы представить** в виде отдельной части библиографии (Falileyev 2020: 249).

Example (92) demonstrates a combination of assessments implicitly uttered through agreement and disagreement with the author (illocutionary verbs *zustimmen*, *einwenden*), and implemented “by contradiction” (the negative adverb characteristic of this strategy *kaum*) — in projection to the methodology of contemporary discursive research in Germanic Studies. The cluster numbered (93) shows the combined use of explicit evaluative qualifications and implicit evaluation through recommendation to the author (the context uses subjunctive forms: *можно было бы представить*).

Previously, we have already drawn the reader’s attention to L.V. Kulikova’s observation that polar compensation is characteristic of German-language academic discourse due to its predilection for categorical evaluation (and the need to mitigate this categoricity) [Kulikova 2006: 318–319]. This observation leads to the question of possible linguistic and cultural differences in the use of evaluative clusters with polar compensation in German and Russian academic reviews. We will summarise the results of the quantitative analysis, which continue the scientific search in this direction, in the next chapter.

Conclusions on the Chapter 2

The second chapter of the thesis presents the scientific review as an explicitly evaluative type of text in institutional scientific communication, specialised in acts of expert evaluation. The parameters of the specific communicative situation in which the participants of the expert discourse evaluate new results in science on the basis of confirmed, verified information and values shared by representatives of the professional scientific team are considered. The composition of the German and Russian research subcorpora is described, criteria of text selection are substantiated and text-typological features of reviews published in various scientific journals are listed.

In addition, the chapter analyses the content of the logical structure of evaluation in German and Russian science expert texts. On the basis of data the objects of evaluation — formal and substantive aspects of the refereed scientific work, as well as personal qualities and professional competences of its author — are clarified, and the characteristic means of verbalisation of the evaluation objects in texts are identified. The chapter contains a matrix of lexical and grammatical properties used for indication of reviewer's rational or emotional motivated attitude to the informative material. Contexts, in which evaluative meanings are constructed, are considered as polyaddressed, directed not only at author of reviewed work, directly interested in reviewing results, but also at scientific community in whole (what is proved by referring to collective values, regulating scientific activity) as well as to wide audience, including professional researchers community, teachers, students and other groups of persons interested in getting information. In the light of the multiple targeting of expert evaluation, the most common nominations of the author and addressee of evaluative statements in German and Russian reviews are considered.

In the texts of the two corpora, not only explicit assessments but also strategies of evaluative implication are identified and considered, such as: 1) evaluation realized through statement of facts; 2) evaluation implied through expression of (non)agreement with the position of the author of the reviewed work; 3) evaluation through recommendation addressed to the author of the reviewed work; 4) evaluation through recommendation addressed to the recipient of the review; 5) evaluation realized “by contradiction”; 6) evaluation of the author's contribution against previously published scientific results; 7) evaluation through direct or indirect question; 8) evaluation of professionalism of the reviewed work author. The lexical and grammatical means involved in the formulation of evaluation and characteristic of one or another evaluation strategy have been identified. The chapter concludes with a description of macro-strategies of evaluative implication. The cases of inclusion of assessments in expressive speech acts of a different illocutionary force are considered, and the functioning of the mechanism of polarity compensation in evaluative clusters is demonstrated.

CHAPTER 3. LINGUISTIC AND CULTURAL SPECIFICITY OF EVALUATION IN GERMAN AND RUSSIAN ACADEMIC EXPERT DISCOURSE

The final chapter of the thesis, devoted to the linguistic and cultural features of evaluation in German and Russian academic reviews, opens with a brief introduction into the tradition of comparative studies of science communication. The studies, which focus on the interlingual and intercultural aspects of the functioning of scientific texts, serve as additional arguments for the comparative study of the evaluation meanings in science communication in German and Russian. The theoretical review is followed by an analysis of the results obtained in the quantitative processing of the linguistic material. The analysis is used to establish and compare numerical values for parameters that are relevant for describing the specificity of evaluation in scientific expert discourse. This refers to the axiological polarity (positive or negative), the evaluative grounds (rational or emotional), and the contextual modifications (intensification or de-intensification) of the assessments. Various indicators of axiological density are inserted, calculated and interpreted.

3.1. Scientific communication in interlingual and intercultural comparison

A brief theoretical section on comparative studies of professional scientific communication at the crossroads of languages and cultures is based on two theses:

- 3) The study of communication in cross-lingual and cross-cultural juxtaposition, one of the significant vectors of modern communicative-oriented linguistics, turns out to be productive for the study of linguistic evaluation. This is because the norms and standards that motivate the evaluative judgments of the subjects of speech are conditioned by the socio-cultural context in which communicants interact.
- 4) Despite the universal nature of science as a social activity and, consequently, the universal nature of language expressions that enable the transfer of new scientific findings, it is axiomatic for many contemporary studies that there is not a language, but *languages* of science.

The first thesis relies on the idea of culture as a force that prescribes us forms and principles of social and communicative interaction, influencing the choice of possible actions and communicative decisions

[Kusse, Chernyavskaya 2019: 445] and standardising our speech activity within national and linguistic boundaries [Warnke 2007: 243]. Standardised processes of information exchange are reflected at the level of texts, which explains researchers' attention to the cross-cultural study of text types and repetitive textual elements (*Textmuster*) [Warnke 2007: 245]. The cultural connectedness of texts is responsible for the modern development of culturally oriented linguistics which, according to H. Kuße, describes language as a cultural phenomenon and culture as a linguistic phenomenon and applies the linguistic apparatus to investigate spheres of social activity [Kuße 2012: 13]. The interest of some authors in types of texts in cross-cultural and cross-linguistic comparison is supplemented by the study of the dependence of speech acts on cultural norms, values and presuppositions in the works of representatives of cross-cultural pragmatics [Wierzbicka 1996; Wierzbicka 2003: 61–62; 69; Bowe, Martin 2014: 16–18]. The idea that speech acts are linked to culturally specific values and norms seems to us to be important in the context of the study of evaluation. It should be reminded that the basis for comparative studies of evaluative meanings has already been established in classical publications devoted to axiological issues. In particular, E. M. Volf notes the peculiarities in the use of evaluation words, predicates which introduce evaluation in different languages [Volf 2002: 9–10].

The second thesis relies on the notion, shared by sociolinguists, that the language of science is in fact the language of academic communication.⁴¹ In modern Western European Linguistics of language variants [Ammon 2015] and scientific communication Linguistics [Ehlich 2006; Mittelstraß, Trabant 2016] this notion acquires an axiomatic status. It is believed that any scientific team has its own established cognitive style, which determines how members of a particular team perceive and comprehend objects of reality [Fleck 1980: 130]. It has been argued that the style that guides thinking and textual production within a collective varies in two directions: not only from discipline to discipline, but also from linguoculture to linguoculture [Zhao 2021: 38]. The notion of multiple cognitive styles underlying the professional activities of different academic teams in one way or another becomes a common reference point for the research of variability in academic communication, including at the junction of different linguocultures. And it has been noted that interest in studying the cultural specificities of scholarly communication is steadily growing⁴², especially against the background of increasing academic mobility and the involvement of more and more new participants in science [Fandrych 2018: 159]. In this light, the relevance of new comparative studies of specific discursive practices involving participants in professional scholarly communication is undeniable [Fandrych 2018: 160].

---

⁴¹ We remind readers of the sociolinguistic model of language variants described by H. Löffler [Löffler 2016: 79–153], as well as the characteristic title of H. Weinrich's famous monograph "Sprache, das heißt Sprachen" ("Language means languages") [Weinrich 2006].

⁴² A trend relevant for the period up to 2020.

Let us now turn to the tradition of cross-lingual and -cultural studies of scientific communication of interest in German, noting several important works. In this context, the well-known publication by J. Galtung [Galtung 1983] is inevitable. In it, the author builds a theory close to L. Fleck's concept of cognitive styles and identifies a number of culturally specific "intellectual" styles (*intellektuelle Stile*) peculiar to national cultures of academic communication — Saxon, Teutonic, Gallic and Nipponian. Despite the progressive nature of this differentiation for its time, J. Galtung's concept is vulnerable to criticism from the perspective of the current linguistic view of academic communication. The dimensions by which the author characterizes *intellectual styles* — paradigm analysis; description: formulation of theses; explanation: construction of theory, comments on other researchers [Galtung 1983: 308] — are described in the introduction to the article, but are not sufficiently substantiated. The emphasis in the text is mostly on describing the inter-subjective relations in academia and their projections onto scholarly texts in different linguistic cultures [Galtung 1983: 306–307]. In addition, when considering how description and explanation are related in scientific texts, the author pays almost no attention to the discussion of argumentation as one of the main textual functions of scientific works. Finally, the author does not focus on the subjective aspect of scholarly textual production, which is relevant for the study of academic communication and even less so for its axiological aspect.

Among the works of Russian researchers of linguocultural peculiarities of professional scientific communication it is necessary to highlight the monograph by L. V. Kulikova [Kulikova 2006]. It is interesting because the author proposes the concept of national communicative style as a set of culturally-mediated rules and norms of communication, which are manifested in the choice of language means, construction of meanings and "nationally marked communicative behavior of native speakers". [Kulikova 2006: 182]. Working with specific linguistic material, the researcher reconstructs the model of German national communicative style and emphasizes the confrontation of Russian and German styles of academic communication, noting the particular *directness* and *polemics* peculiar to German scientific discourse [Kulikova 2006: 317].

In 2006–2016 a number of works by German researchers on aspects of multilingualism in academia and the fate of languages of science in the English-speaking world were published. K. Ehlich advocates the preservation of multilingual scientific communication and criticises globalisation trends in science from cultural and political positions, arguing that the supposed transnational character of the processes deployed in fact turns out to follow the interests of the Anglo-Saxon world [Ehlich 2006: 32]. K. Hempel appeals to J. Galtung's concept of national styles and makes a comparative analysis in German-Italian language pair on the material of archaeological publications [Hempel 2006]. A. Breitkopf presents the results of a comparative study of the category of subjectivity in German and Russian-language sociology journal articles. Special attention is paid to the softening of categorical statements, hedging means and epistemic modality in scientific texts [Breitkopf 2006: 102–104].

H. Bassler compares Russian, German, and English abstracts of articles in sociology. First of all, the author is interested in such issues as the textual structure of annotations, explicit and implicit authorization in annotations, taking into account the interaction of different positions of actors of scientific discourse in texts, authorial positioning in relation to the views of other communicators [Baßler 2003: 191]. The publication of Baßler is also interesting from a methodological point of view: in addition to traditional linguistic methods, the study uses the method of sociological questionnaire research of native speakers/representatives of specific linguocultures under consideration.

A later joint publication by H. Baßler and P. Auer uncategorically challenges the thesis about the universal nature of scientific style, its independence from the peculiarities of communication in a particular linguistic culture [Auer, Baßler 2007: 27]. The authors come to the conclusion that the observance of the imperatives of scientific style (such as obligatory reception of other researchers' works), as well as the positioning strategies used by authors, the means of authorisation in texts, etc. turn out to be linguoculturally deterministic. At the same time, it is not so much a question of conditioning certain features of a scientific text by the culture of a particular nation, but rather the institutional culture of the relevant *academic space (kulturelle Wissenschaftsräume)* [Auer, Baßler 2007: 28].

A. Breilkopf together with I. Vasileva also discuss cultural differences in texts. The authors suggest that the interest in comparative studies of Western and Eastern European scientific styles is probably caused by the experience of differences, which in some situations may lead to misunderstanding and communicative failures [Breilkopf, Vassileva 2007: 211]. In the course of their analysis A. Breilkopf and I. Vassileva establish characteristic differences in the rhetorical structure/composition of scholarly articles in Russian [Breilkopf, Vassileva 2007: 212–214], pay attention to the specificity of metadiscursive markers in Russianlanguage texts [Breilkopf, Vassileva 2007: 215–216], examine how categories of subjectivity and politeness are expressed [Breilkopf, Vassileva 2007: 217–221, generalise peculiarities of Eastern-European oral communication [Breilkopf, Vassileva 2007: 221–223], and, at the same time, assume that the influence of the Anglo-American scientific style will increase and smooth out the differences existing at this stage [Breilkopf, Vassileva 2007: 224].

In addition to written communication, the oral communication of scholars is also in the focus of research. Thus, H. Kotthoff operates with discourse-analytical and linguistic-ethnographic approaches in comparing German and Russian reports at scientific conferences. The author's initial hypothesis combines the linguistic and the social: textotypological and stylistic differences are associated with the specifics of the organisation of scientific activity in Germany (and other Western cultures) and Russia (and, respectively, the cultures of the former Soviet Union) [Kotthoff 2013: 321]. The analysis reveals notable differences which, among other things, are presented in the text in a rather polemical manner (in full accordance with L. V. Kulikova's observation about the polemical nature of the German scientific style). H. Kotthoff notes the unstructured nature of the Russian-language papers and the lack of clear

segmentation of the structures of old and new knowledge. As a result, it is not always obvious where the presentation of the theoretical foundations of the research based on the predecessors ends and the author's contribution begins. In contrast, the speeches of German-speaking scholars show a clear structure and adequate marking of the dialectic of scientific discussion of the old and the new [Kotthoff 2013: 345].

It should be noted that not all researchers equally emphasise the linguistic and cultural specificity of scientific texts. In the works of some German linguists, e. g. Ch. Gansel, the universality of scientific communication comes to the fore. This article focuses on the productive aspect of researchers' communicative interactions: she is interested in how existing practices of scholarly communication are reproduced by German and Russian students in the texts of their graduate theses. In her discourse Ch. Gansel emphasizes the universal nature of scholarly text production, which is a prerequisite for any cultural differences [Gansel 2018: 75]. This thesis is justified from the position of the sociological theory of systems, in which text types are primarily determined by the functioning features of a particular social system, rather than by linguistic and cultural specificity [Gansel 2018: 76]. It is important to note that the author calls for cross-cultural and cross-linguistic comparisons based on one social system in comparable linguocultural communities. Quoting Ch. Gansel: "We do not compare cultures in a set of social subsystems. We select one functionally differentiated subsystem of society and make a comparative analysis of textual instances that correspond to the nuclear text types that ensure the existence and functioning of the chosen subsystem. It is on the basis of comparison of texts, which are characterized by non-specific, universal features, that we can discover culturally determined differences" [Gansel 2018: 78].

Among the relatively small number of publications reflecting the results of the cross-lingual and cross-cultural comparison of reviews and the assessments expressed in them, the works of M. Hutz and J. Zhao should be mentioned. By examining the expert texts of German and English academic discourses, M. Hutz identifies culturally specific differences in the expression of criticism. On the basis of a qualitative and quantitative analysis of 60 journal reviews in English and German from the humanities (linguistics and psychology) the author distinguishes evaluation as a specific textual feature within different macrostructural units: 1) in the introduction; 2) in the main body; 3) in the conclusion. With regard to culture-specific differences, the researcher manages to confirm the initial hypothesis that in the German-speaking cultural space evaluation is given more space. The critical attitude of German linguists to books under review is noted: reviewers rarely evaluate works positively, the texts of reviews often contain references to misprints and other typographical and other shortcomings [Hutz 2001: 119]. Criticism in German reviews is more direct: it is rarely accompanied by means of softening categoricity. At the same time, M. Hutz notes a tendency to express criticism through impersonal structures: in this way, the reviewer constructs a distance between the subjective interpretation and the object of evaluation in the text and gives critical statements a greater impartiality [Hutz 2001: 125].

From the point of view of linguistic and cultural specificity of evaluation, J. Zhao's work on evaluation in scientific articles of Chinese researchers is also interesting. The comparison allows the author to identify rather atypical cases of evaluative communication: in particular, the use of negatively polarised assessments in relation to one's own work in order to demonstrate the modesty of the researcher. In order to adequately interpret such evaluative statements, the recipient needs to incorporate the knowledge that modesty is perceived by the Chinese scholarly community as a discursive norm and an integral part of the researcher's image [Zhao 2015: 90–91].

The above allows us to consider theoretical modelling of culturally specific cognitive styles, the interest in which increased markedly in the 00s and 10s of our century, as a reliable basis for comparing the communication features of authors-researchers. Despite the fact that the universality of the basic standards of scientific communication is not to be questioned, we cannot but note the interest of a number of authors in contrasting Western and Eastern European scientific styles. The textual organisation of academic communication genres and strategies of polemical/non-categorical criticism are also relevant objects of comparison. In general, it is regrettable that the works of researchers who study academic communication from a comparative perspective rarely deal with the phenomenon of evaluation as such and the ways of its expression in the texts of private communicative practices. The existing publications more often consider the contextual construction of evaluative meanings as one of the many manifestations of the cognitive subject's intellectual activity; as a rule, the material for such consideration is scientific articles, less often scientific reports (and other primary genres of academic discourse), but not reviews.

3.2. Directions for a comparative quantitative analysis of assessments in German and Russian linguistic reviews

The combined content analysis methodology chosen for this study requires statistical calculations according to the analytical categories established for the object of study. In our opinion, evaluation in scientific reviews is best described by means of the following guides: 1) explicitness/implicitness; 2) positive/negative polarisation; 3) rationality/emotionality; 4) intensiveness (categoricalness)/deintensiveness (non-categoricalness). The choice of categories is due, on the one hand, to the already existing theoretical knowledge about peer review as summarised in the previous chapters. On the other hand, their reliability is supported empirically. The statistical calculations we made as part of a study supported by the grant No. 22-28-01024 of the RSF "Evaluation language in

scholarly humanities practices and discourses of Germany and Russia” show that other analytical parameters, such as the inclusion of means with a) epistemic modality; b) authorization; c) semantics of importance/centrality in evaluation statements are not above 2% of all textual predications in German and Russian linguistic reviews. This result again refers us to S. T. Nefedov’s article [Nefedov 2021] on variability in socio-communicative practices of academic communication and proves that for evaluation within scientific peer review practice it is not so much important to emphasise an attitude towards the reliability of reported knowledge, to profile directly the authorial self or to point directly at the relevance of reported information, as to qualify knowledge as meeting or not meeting requirements for a new scientific result.

Quantitative calculations, which will be discussed below, involve calculating the average density of various types of assessments. For example, the average density of emotional assessments in subcorpus is defined as the ratio of the number of predications that include emotional evaluations to the sum of evaluative-saturated predications. Similarly, the density of positively and negatively polarized assessments, the density of evaluations in cluster implementation, the density of assessments implemented using intensification and de-intensification, etc. are calculated.

In relation to the sum of the textual predications of the German subcorpus, 16% of the evaluation-saturated predications were identified. In the Russian subcorpus the numerical value for this indicator is 13%. For the sum of value-laden predications in the corpus of the study the following numerical values of the evaluation density according to selected parameters were obtained:

Table 2 — Average density of evaluation in the research corpus.

Average density	German reviews	Russian reviews
explicit evaluation	65%	65%
implicit evaluation	35%	35%
positive evaluation	54%	68%
negative evaluation	46%	32%
rational evaluation	89%	84%
emotional evaluation	11%	16%
— in clusters	69%	66%
— in isolated use	31%	34%
intensified evaluation	16%	17%
de-intensified evaluation	8%	5%
evaluation implemented without the use of intensification and de-intensification resources	76%	78%

The data presented (Table 2) suggests that there are both similarities and differences in the evaluation profile of German and Russian linguistic reviews.

3.3. Average density of explicit and implicit assessments

The average densities of explicit and implicit assessments in German and Russian academic review texts are identical: in both sub-corps 65% of explicit evaluative and 35% of implicit evaluative statements are recorded (per sum of textual predications with evaluation included). The obtained result generally confirms the explicitly evaluative nature of the text type “academic journal review”.

It should be noted, however, that the density of explicit and implicit assessments varies from text to text. The differences in the percentages can be explained both by the individual stylistic preferences of a particular reviewer and by the search for adequate means to express positively or negatively polarized evaluations. Tables 3 and 4 present the results of the density calculations of explicitly and implicitly realised evaluation for each text in the corpus. In addition, the percentage of positive and negative evaluative qualifications is specified within the set of implicit evaluative acts. The purpose of such counts is to test the initial assumption regarding implicit assessments. It was expected that evaluative implicatures would receive predominantly negative polarisation in reviews, as the direct expression of negative evaluation, criticism of unprotected knowledge could be perceived as a potential threat to the image of the direct recipient of the review.

Table 3 — Average density of explicit and implicit evaluation in German reviews.

No of the review in the corpus	Density of explicit assessments	Density of implicit assessments	Density of positive implicit evaluation	Density of negative implicit evaluation
1	90%	10%	100%	0%
2	63%	37%	6%	94%
3	80%	20%	67%	33%
4	58%	42%	57%	43%
5	36%	64%	31%	69%
6	44%	56%	90%	10%
7	56%	44%	55%	45%
8	60%	40%	21%	79%
9	69%	31%	0%	100%
10	33%	67%	100%	0%
11	59%	41%	29%	71%
12	62%	38%	63%	37%
13	33%	67%	33%	67%

14	88%	12%	50%	50%
15	50%	50%	18%	82%
16	50%	50%	38%	62%
17	66%	34%	0%	100%
18	39%	61%	4%	96%
19	29%	71%	8%	92%
20	68%	32%	13%	87%
21	71%	29%	50%	50%
22	88%	12%	100%	0%
23	66%	34%	29%	71%
24	61%	39%	21%	79%
25	85%	15%	50%	50%
26	70%	30%	38%	62%
27	67%	33%	7%	93%
28	63%	38%	67%	33%
29	65%	35%	25%	75%
30	89%	11%	67%	33%
31	89%	11%	60%	40%
32	78%	22%	100%	0%
33	72%	28%	0%	100%
34	67%	33%	100%	0%
35	38%	62%	0%	100%
36	55%	45%	0%	100%
37	81%	19%	0%	100%
38	73%	27%	45%	55%
39	100%	0%	0%	0%
40	100%	0%	0%	0%
41	61%	39%	33%	67%
42	69%	31%	50%	50%
43	50%	50%	100%	0%
44	62%	38%	500%	0%
45	100%	0%	0%	0%
46	60%	40%	100%	0%
47	86%	14%	0%	100%
48	48%	52%	0%	100%
49	44%	56%	40%	60%
50	58%	42%	18%	82%
Average value	65%	35%	49%	51%

Table 4 — Average density of explicit and implicit evaluation in Russian reviews.

№ of the review in the corpus	Density of explicit assessments	Density of implicit assessments	Density of positive implicit evaluation	Density of negative implicit evaluation
1	71%	29%	50%	50%
2	72%	28%	44%	56%
3	64%	36%	100%	0%

4	61%	39%	22%	78%
5	57%	43%	50%	50%
6	59%	41%	78%	22%
7	72%	28%	89%	11%
8	73%	27%	75%	25%
9	78%	22%	43%	57%
10	100%	0%	0%	0%
11	62%	38%	13%	88%
12	48%	52%	9%	91%
13	47%	53%	20%	80%
14	87%	13%	0%	100%
15	47%	53%	15%	85%
16	80%	20%	100%	0%
17	67%	33%	100%	0%
18	29%	71%	100%	0%
19	70%	30%	100%	0%
20	56%	44%	71%	29%
21	57%	43%	100%	0%
22	67%	33%	100%	0%
23	50%	50%	50%	50%
24	83%	17%	100%	0%
25	88%	13%	100%	0%
26	67%	33%	100%	0%
27	69%	31%	100%	0%
28	100%	0%	0%	0%
29	26%	74%	70%	30%
30	19%	81%	53%	47%
31	100%	0%	0%	0%
32	100%	0%	0%	0%
33	52%	48%	15%	85%
34	40%	60%	0%	100%
35	41%	59%	0%	100%
36	54%	46%	52%	48%
37	100%	0%	0%	0%
38	62%	38%	38%	63%
39	22%	78%	71%	29%
40	60%	40%	38%	63%
41	80%	20%	50%	50%
42	80%	20%	67%	33%
43	76%	24%	80%	20%
44	47%	53%	11%	89%
45	64%	36%	100%	0%
46	75%	25%	67%	33%
47	71%	29%	100%	0%
48	78%	22%	100%	0%
49	56%	44%	0%	100%
50	47%	53%	35%	65%

Average value	65%	35%	54%	46%
----------------------	-----	-----	-----	-----

Interestingly, the actual averages we obtained in our calculations only partially confirm the initial assumption of the dominance of negative-polarized implicit evaluation over positive-polarised implicit evaluative utterances. The expected state of affairs is observed in the German subcorpus: 49% of positive-polarised evaluative implicatures and 51% of negative-polarised evaluative implicatures are found there. However, the preponderance of negative implicit assessments is not so significant. Probably, the resulting frequency distribution can be explained by referring to the broad understanding of the evaluative in scientific reviews. If one assumes that assertions in expert evaluative texts are capable of experiencing a functional reorientation and are interpreted in context as indirect positive assessments, the results of the quantitative analysis in the German subcorpus start to seem quite reasonable. More interesting is the situation with the results obtained for the Russian subcorpus, where 54% of the implicit evaluation show a positive polarity and only 46% show a negative polarity. It seems to us that this frequency distribution reflects one of the culturally specific manifestations of Russian-language science-expert communication, namely the tendency to profile positive assessments in reviews and to “muffle” the critical voice of the reviewer. This feature of linguistic scientific reviews in Russian will be discussed below.

3.4. Average density of positive and negative assessments

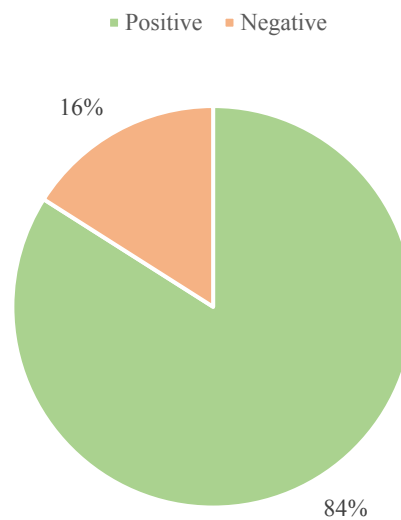
Notable differences between the German and Russian science review texts are found in the percentage ratio of positively and negatively polarised evaluation in both subcorpora. With an overall predominance of positive evaluation over negative evaluation, more negative assessments are recorded in the German reviews than in the Russian subcorpus texts, cf. 54 % positive and 46 % negative assessments in the German version, compared to 68 % positive and 32 % negative assessments in the Russian version. The statistical data obtained are interpreted as an indicator of a greater gravitation of German reviews towards the expression of criticism (in the narrow sense — as negative evaluation), a more pronounced polemic nature of German\linguistic reviews compared to Russian texts of a related topic.

This conclusion can be further supported by paying attention to the proportion of reviews with negative and positive *final evaluation* in the German and Russian subcorpora. The *final evaluation* is understood as a detailed qualifying comment, which is usually placed in the final summary of the reviewer, but is often reflected in the introductory part of the text. The object of the *final evaluation* is

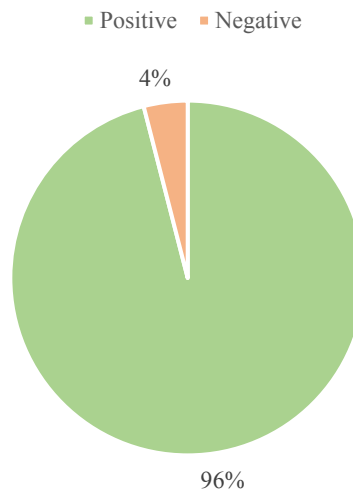
the reviewed work as a whole. From the point of view of the theory of argumentation, the *final evaluation* acts as a conclusion — a kind of answer to the controversial question of the compliance of the refereed work with the requirements for scientific research. In the text, the final evaluation is supported by numerous evaluative arguments. However, one cannot equate the *final evaluation* with the *summative evaluation*: the summative evaluation formulated by the reviewer is not necessarily derived from a set of evaluation quanta [Malrieu 1999: 134] — individual evaluation statements in the course of the review. In this way, the summative assessment can receive a polarity that is diametrically opposed to the polarity of most assessments in the text.

Figures 12 and 13 show the distribution of reviews with positive and negative final evaluation in the German and Russian subcorpora.

Figure 12 — Final evaluation in German reviews.

Figure 13 — Final evaluation in Russian reviews.

The illustrations show that the German subcorpus detects 84% of reviews with a positive final grade and 16% of reviews with a negative final grade. The figures obtained for the Russian subcorpus show a more pronounced discrepancy between the proportions of reviews with positive and negative final assessments: 96% and 4% of all texts are recorded, respectively. As noted above, the above data can support the observation about the propensity of Russian experts to express individual positive assessments and, moreover, take this observation to a new level. A comparison of the data from the quantitative analysis of evaluative polarity suggests that Russian-speaking authors are characterised by a tendency to write reviews with a predominantly positive outcome of expert qualification of new findings.

3.5. Average density of rational and emotional assessments

However, the linguistic and cultural peculiarities are most evident in comparing the axiological foundations that motivate expert evaluation in reviews in German and Russian. A number of stereotypes⁴³ of researchers writing in Russian suggests that the average density of emotional assessments in Russian reviews may be higher than the average density of emotional assessments in German reviews. To test this assumption, the following indicators are introduced:

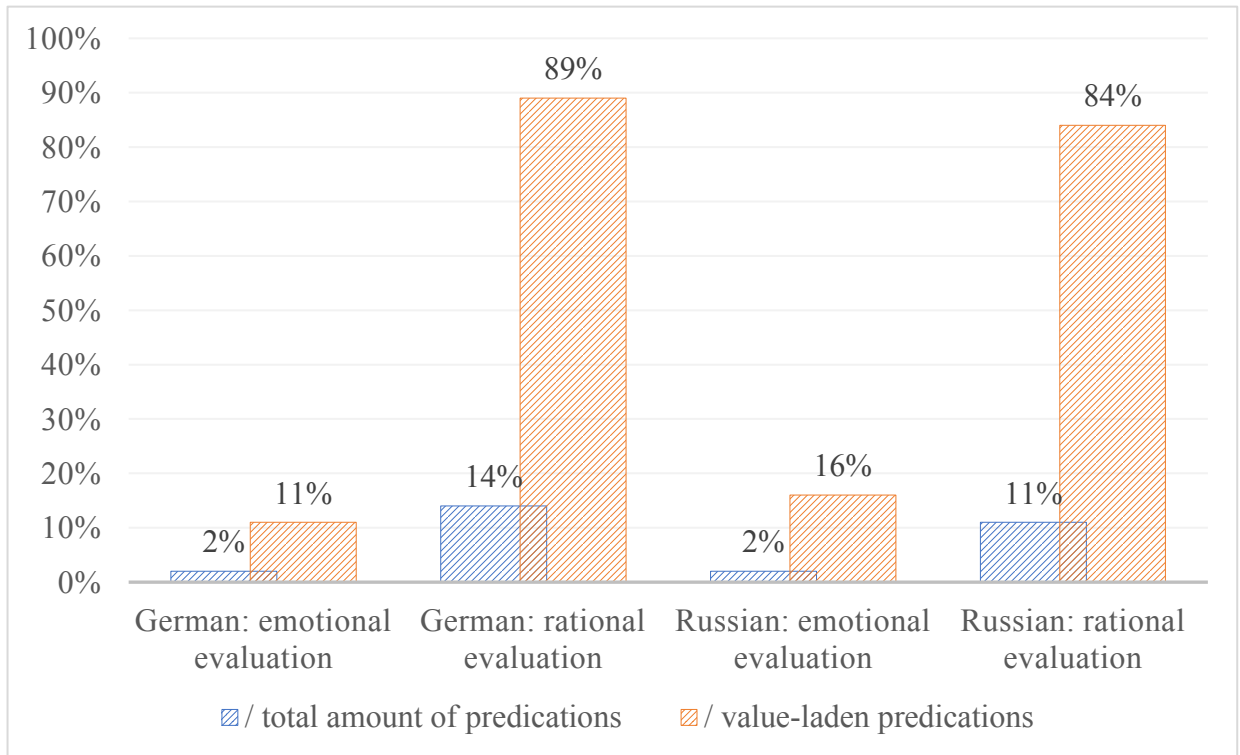
- 1) the average density of emotional assessments, calculated as: a) the ratio of the number of predications that include emotional assessments to the total sum of predications in the corpus texts; b) the ratio of the number of predications that include emotional assessments to the sum of value-laden predications;
- 2) the average density of rational assessments, calculated as: a) the ratio of the number of predications including rational evaluation to the total sum of predications in the corpus texts; b) the ratio of the number of predications including rational evaluations to the sum of value-laden predications.

The results of the calculations are shown in Figure 14:

---

⁴³ Reflected in particular in the work of H. Kotthoff [Kotthoff 2013].

Figure 14 — Average density of rational and emotional evaluation in the German and Russian subcorpora.

The expected result of the statistical processing of the material was the high proportion of rationally motivated evaluations in the German and Russian subcorpora: this in practice regulates the reasoning about the predominantly normocentric character of the expert evaluation uttered by reviewers. In the following we will highlight the rational axiological grounds typical for evaluations in German and Russian reviews, but for now we will focus on emotionally motivated evaluations. It is noteworthy that the percentage of emotional evaluations in Russian reviews is higher than in reviews by German authors (16% vs. 11%), but the gap between these figures is relatively small. This does not give us any reason to believe that Russian-speaking reviewers demonstrate a noticeably higher propensity to express emotional evaluations than the authors of German reviews. At the same time, we cannot rule out a situation in which the recorded difference in values acquires the character of a tendency.

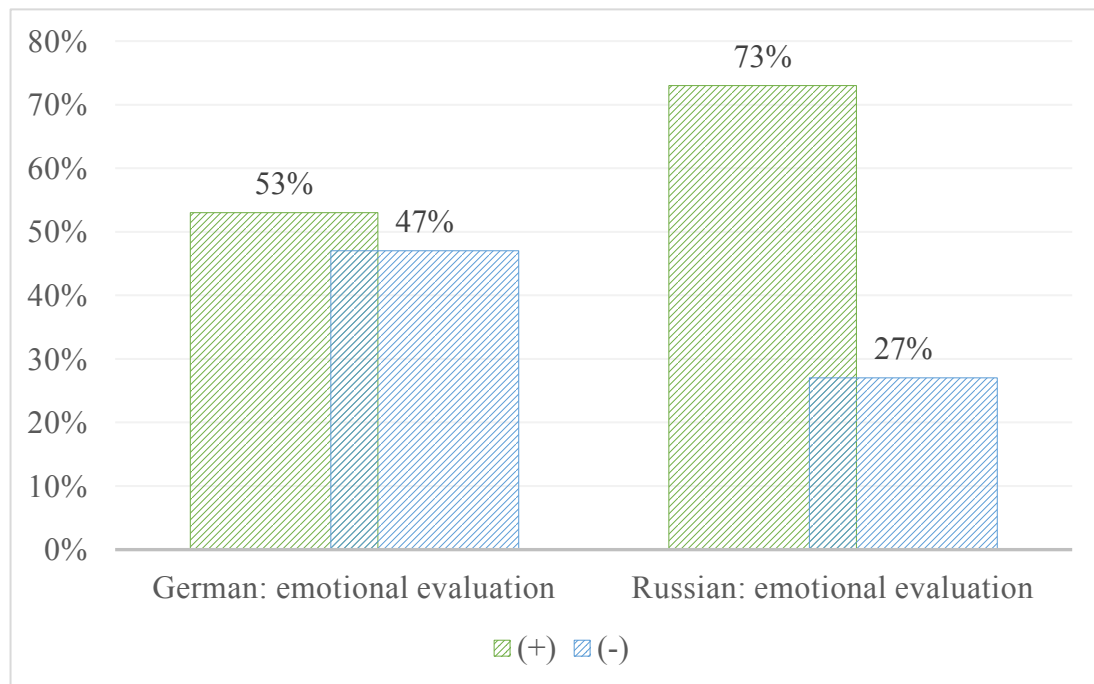
In order to test this assumption, however, a significant increase in the sample of empirical material would be required.

3.5.1. Average density of positive and negative emotional assessments

A much more significant characteristic of Russian scientific expert communication is the predominance of positive emotional evaluations over negative ones (see Figure 15):

Figure 15 — Average density of positive and negative emotional evaluation in the German and Russian subcorpora.

While the percentages of emotional evaluations with a "+" and "-" sign in the German subcorpus appear to be comparable (53% and 47% of emotional evaluative predicates respectively), in Russian reviews there is a significant gap between the share of positive (73%) and negative (27%) emotional evaluations. Thus, the results of the synchronous comparison of the two analytical parameters — emotionality and polarisation — contribute to modelling the culturally specific Russian style of scientific expert communication as emphasising “everything good” and covering “everything bad”.

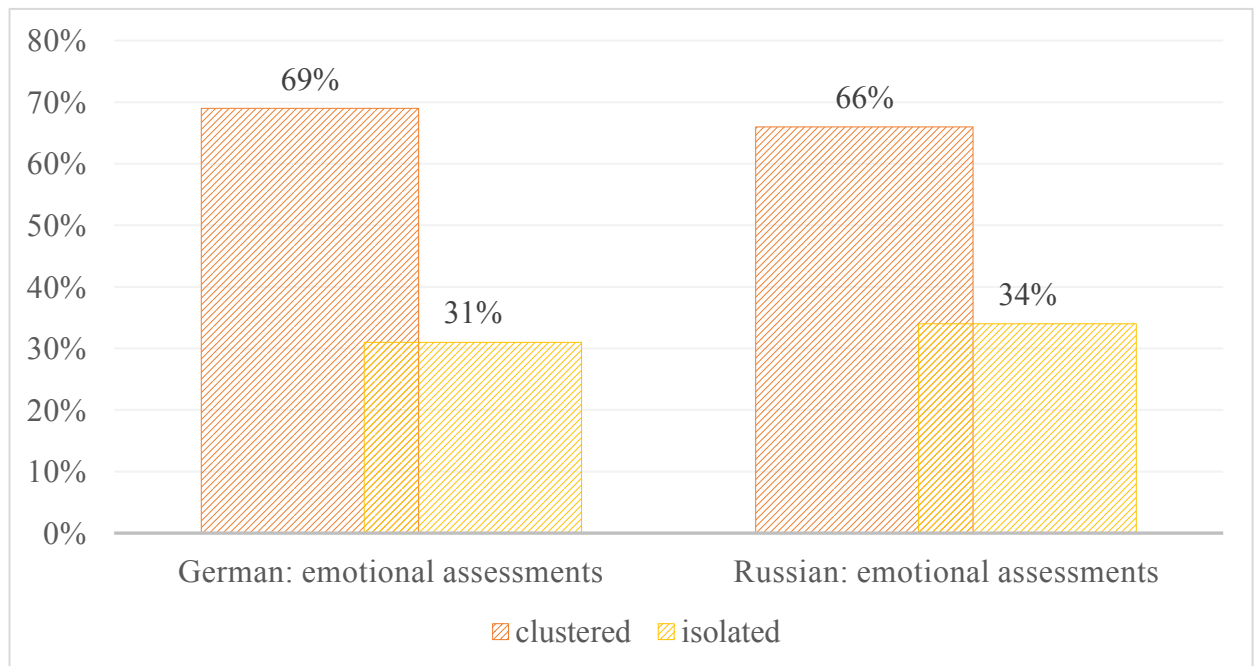
3.5.2. Average density of emotional assessments in cluster and isolated implementation

Qualitative analysis of contexts with the inclusion of emotional evaluations demonstrates the possibility of both isolated and clustered use of emotionally evaluative language units. When used

together with evaluation referring to the criteria of scientific rationality, expressions of the reviewer's psycho-emotional state can function as enhancers or modifiers of the impact of rational expert evaluation on the addressees of qualifying statements. Evaluation *clusters* are usually found in the introductory part of the review, which meaningfully echoes the final evaluation of the reviewer. In the main part of the academic review, emotional evaluations accompany rational evaluative segments and descriptive communication of the content of the work reviewed. The most important element of the structure of academic review, in which accumulations of heterogeneous evaluations are invariably observed, is the reviewer's conclusion, expressing the final evaluation of the reviewed work as a whole.

Since review is primarily focused on the normative requirements for new scientific results, it is expected that emotional evaluations are more likely to be co-used in context with rationally motivated evaluations. Calculating the average density of emotional assessments in clustered and isolated use allows us to fully confirm this assumption for both German and Russian reviews (see Figure 16):

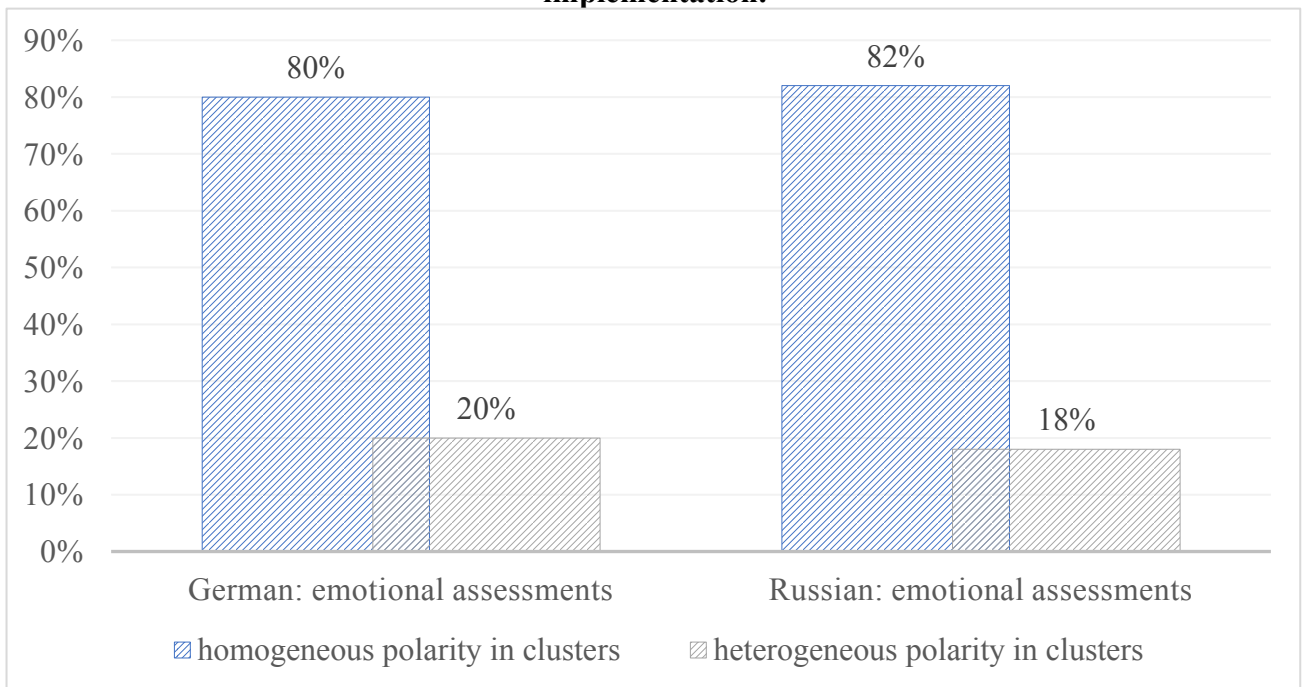
Figure 16 — Average density of emotional assessments in cluster and isolated implementation.

The next stage of the comparative quantitative analysis was the test for matching the polarities of emotional and rational evaluations in clusters, conducted to clarify the role of emotional evaluations in implementing the macro-strategy of polar compensation (see item 2.9.2.). To investigate the identified evaluation clusters for the discrepancy between the polarities of emotional and rational evaluations, the following calculations were made:

- 1) the ratio of the number of evaluation clusters with homogeneous polarity of emotional and rational evaluations to the total number of evaluation clusters in the German and Russian subcorpora;
- 2) the ratio of the number of evaluation clusters with heterogeneous polarity of emotional and rational evaluations to the total number of evaluation clusters in the German and Russian subcorpus.

Figure 17 — Homogeneous and heterogeneous polarity of assessments in a cluster implementation.

The above data (Figure 17) demonstrate that the emotional-rational axiological clusters are in most cases characterized by homogeneous polarity. Thus, it can be argued that the communicative and pragmatic function of emotional evaluations in evaluative clusters is reduced to reinforcing the polarity of rational evaluations in context and providing additional rhetorical impact on the recipients of scientific reviews.

Clusters in which emotional and rational evaluations are involved in the implementation of the macro-strategy of polarity compensation accounted for 20% and 18% in German and Russian reviews, respectively. Despite the relatively low proportion of heterogeneously polarised clusters, it should be noted that they were found in 29 out of 50 reviews, representing 58% of the total number of texts in each subcorpus. The result obtained was identical for both the German and the Russian subcorpora. Nevertheless, linguistic and cultural specificity is evident in the particular features of the distribution of the contexts involved in the implementation of the macro-strategy of polar compensation. Thus, while in German texts 62 clusters were recorded which implement this strategy, in Russian reviews the number

of such clusters reaches 81. The differences are also observed in the variants of this strategy implemented in clusters of emotional and rational evaluations with heterogeneous axiological polarity. Recall that the first variant of the polar compensation strategy follows the scheme ($- \rightarrow +$) and implies the author's thought moving from negative to positive evaluations, while the second variant, schematically denoted as ($+ \rightarrow -$), proceeds from positive evaluations and focuses on negative ones. In 22 clusters in German reviews the first variant is implemented, while in 40 clusters the second variant of the polar compensation strategy is implemented. For Russian reviews, other numerical indicators are derived: 41 clusters capture the first variant of the strategy under discussion, while 40 clusters are constructed according to the second variant of the strategy.

Summarizing the above data, we can conclude that the strategy of polar compensation is equally represented in both German and Russian subcorpora of the study. At the same time, the distribution of clusters according to the variants of this strategy demonstrates a clear linguistic and cultural specificity. The predominance of the second variant of the strategy ($+ \rightarrow -$) over the first one ($- \rightarrow +$) in German reviews can be regarded as a manifestation of greater polemical sharpening in comparison with reviews in Russian. It can be argued that the reviews of German-speaking authors to a greater extent emphasize the shortcomings of the reviewed works in order to further improve the quality of scientific results. At the same time, the texts of the Russian subcorpus demonstrate the reviewers' willingness to maintain a balance of criticism and praise in axiological clusters.

3.5.3. Frequently used markers of emotionality in German and Russian reviews

Let us now move on to a discussion of the specific linguistic means marking emotionality in reviews. Tables 5, 6 and 7 present the most frequently used markers of emotionality in linguistic reviews in German and Russian; in the column "Frequency" the number of predicates in which the markers of interest occur is given.

Table 5 — Frequent emotionality markers in linguistic reviews in German and Russian.

Frequency	Markers (German)	Emotion	Markers (Russian)	Frequency
40	Adjectives: <i>interessant</i> , <i>nicht uninteressant</i> , <i>attraktiv</i> ; причастия:	Interest (+)	Adjectives: <i>интересный</i> , <i>небезынтересный</i> , <i>нескучный</i> ,	93

	ansprechend, spannend, anregend; nouns: Interesse.		любопытный, увлекательный, привлекательный, захватывающий, заманчивый; nouns: интерес; verbs: увлечь; adverbs: интересно, любопытно.	
23	Adverbs: leider, schade; adjectives: bedauerlich; verbs: enttäuschen.	Regret/ disappointm ent	Introductory words: к сожалению, жаль; nouns: сожаление; adjectives: досадный, неутешительный; adverbs: досадно.	27
10	Verbs and participles: beeindrucken, beeindruckend, faszinierend; adjectives: eindrucksvoll.	Inspiration/ excitement	Adjectives: впечатляющий; verbs: впечатлять; visual-graphic means: (...!), (sic!).	7
6	Verbs: befremden; adjectives: befremdlich, seltsam kurios, seltsamerweise, merkwürdig.	Awareness	Adverbs: странно.	2

Table 6 — Frequent emotionality markers in Russian linguistic reviews.

Perplexity/frustration	Rhetorical questions; visual-graphic means: (sic!); verbs: упрекнуть.	8
Joy	Verbs and participles: радовать, утешающий; nouns: радость.	3

Table 7 — Frequent emotionality markers in German linguistic reviews.

Surprise (-)	Adjectives and adverbs: erstaunlich, verwunderlich; verbs and participles: erstaunen, überraschen, überraschend, verwundern, wundern, frappieren, frappierend.	14
Interest (-)	Adjectives and adverbs: interessant, interessanterweise.	6
Surprise (+)	Participles: überraschend.	5
Frustration/ annoyance	Verbs and participles: irritieren, verwirren, verwirrend; nouns: Irritationen.	4

From the data in Table 5 it follows that the spectrum of the most characteristic emotions motivating the evaluations of both German and Russian reviewers consists of such internal states of thought and speech as (positively coloured) interest towards the reported work, regret/disappointment, delight/excitement and awareness, apparently caused by the non-compliance of the reviewed work with a number of requirements/expectations of the reviewer. In both the German and Russian subcorpora, verbalisation of the reviewer's interest comes out on top in terms of frequency. This result is partly due to the fact that evaluations, emotionally motivated by the subject's interest, can serve as discursive markers in texts, helping the reader to navigate through the text of the review and the reviewer to emphasise important aspects of the publication in question.

It should be noted, however, that the number of textual predications with marked interest is higher in Russian reviews than in German texts. Adjectives and nouns are statistically more frequently used as language indicators of emotional evaluation. In Russian reviews the use of introductory words to express regret/disappointment is also noted.

While Table 5 presents the psycho-emotional states of the reviewer, which are statistically frequently emphasised in both German and Russian texts, Tables 6 and 7 summarise the emotional states characteristic of one research subcorpus and completely uncharacteristic of the other. According to the given data, it can be stated that the authors of linguistic reviews in Russian, unlike their German-speaking colleagues, more often express joy about what is being reported, as well as bewilderment bordering on discontent. Note in particular that the latter can be marked in context with a visual-graphic marking (*sic!*). The lexical-grammatical indicators of positive and negative surprise, negative-coloured interest as well as displeasure/displeasure were found in German reviews. In the context of arguments about the more explicitly critical nature of German reviews, the propensity of German reviewers to express surprise and interest as negative psycho-emotional reactions seems to be an important culture-specific characteristic.

The study found that emotionality can be marked by visual-graphic (typographic) means⁴⁴, which include the choice of typeface, bold or italics, underlining, etc. [Stöckl 2004: 12]. These analyses allow us to speak of specialised markings (...!) and (*sic!*) as a characteristic visual-graphic means of indicating positive (delight/excitement) and negative (frustration/annoyance) emotions in the texts of the Russian subcorpus — see example (94). In addition, a higher frequency of the use of brackets for emotional comments in Russian reviews is noted. In German reviews the use of italic typeface to actualize in the text an emotional attitude towards the reported message, e. g. to express regret about the lack of necessary theoretical foundations in the work in question, see (95). Note, however, that the statistical calculations carried out on the research material do not allow for italics to be classified as a frequent marker of the reviewer's psycho-emotional states.

(94) *Надо сказать, что разные темы изложены с разной степенью подробности. Некоторые аспекты, которые нельзя обойти в монографическом описании, но по поводу которых автор не собирается сообщать читателю принципиально новых сведений, изложены конспективно. Так, первые три главы, которые можно считать вступительными и которые называются <...>, содержат от одной до трёх (*sic!*) страниц каждая. Зато глава 6 «Генитив и отрицание» вместе с примыкающими к ней экскурсами изложена на 82 страницах (Boguslavskiy 2016: 121).*

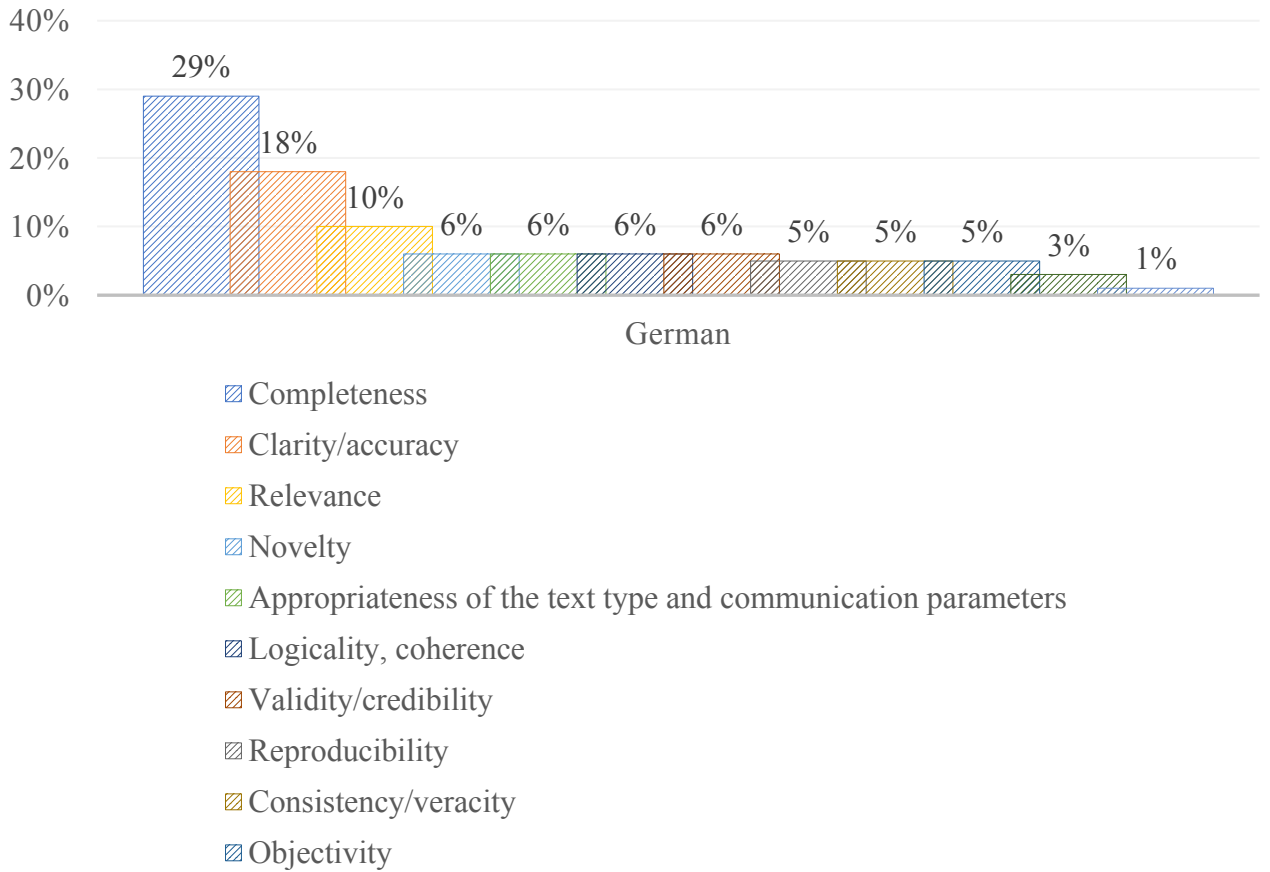
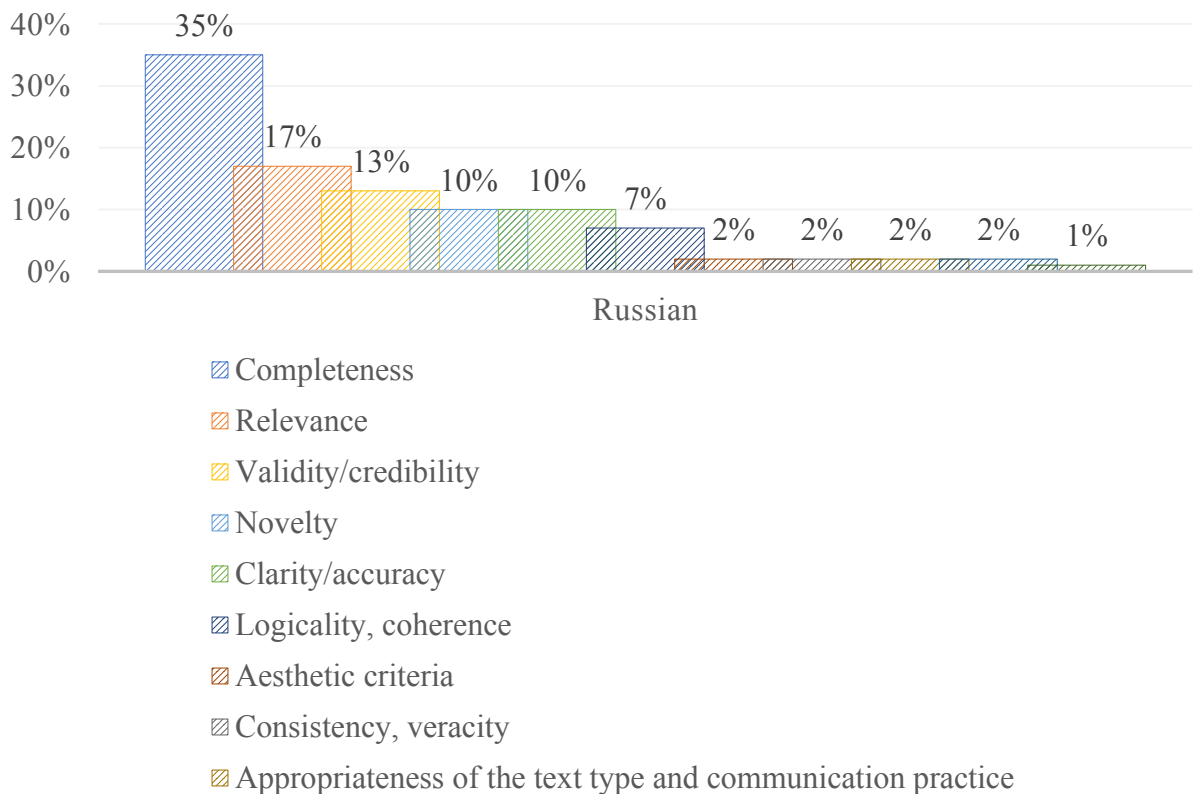
(95) Wer an einer soliden *theoretischen Fundierung* interessiert ist, wird in dem Buch leider nicht fündig (Imo 2018: 140).

3.5.4. Typical grounds for rational evaluation in German and Russian reviews

As might be expected, the linguistic and cultural specificity of evaluations in linguistic reviews in German and Russian is manifested not only in the difference in the percentage of varieties of evaluation and the marking of certain emotions of the evaluating subject, but also in the choice of scientific communication norms as the grounds for rationally evaluative statements. The following diagrams (Figures 18 and 19) show the frequency distribution of characteristic grounds for rationally motivated evaluations in reviews in the two languages.

---

⁴⁴ For more on the typographic markers of emotionality in expressing expert evaluation, see [Kondratenko 2022c: 102–115].

Figure 18 — Grounds for rationally motivated assessments in German reviews.**Figure 19 — Grounds for rationally motivated assessments in Russian reviews.**

The grounds identified in the analysis we correlate with the criteria of scientificity of knowledge in the concept of V. Ilyin: non-triviality (novelty), truthfulness (objectivity and reliability), criticism, logical organization (proof) and experiential validity [Ilyin 1989: 34–37].

The central criteria for German-language reviews appear to be the requirements of:

- 1) **completeness** (characteristic lexical-grammatical indicators: adjectives *detailliert, knapp, spärlich, umfangreich*; nouns: *Aspektreichtum, Fülle, Lücken*; verbs: *erläutern, fehlen, ignorieren, reduzieren*);
- 2) **clarity/accuracy** (adjectives: *deutlich, klar, präzise, stringent*; nouns: *Klarheit, Prägnanz, Ungenauigkeit, Unschärfe*; verbs: *veranschaulichen*);
- 3) **relevance** (adjectives: *bedeutsam, relevant, wesentlich*; nouns: *Beitrag, Relevanz, Wert*; verbs: *beitragen*).

In Russian reviews, the core axiological criteria form not only the requirements of completeness, clarity/accuracy and relevance, but also the requirements of:

- 1) **validity/credibility** (adjectives: *несостоятельный, обоснованный, спорный*; nouns: *достоверность, несостоятельность, основательность, спорность*; verbs: *спорить, убеждать*; adverbs: *обоснованно, резонно, сомнительно, справедливо*);
- 2) **novelty** (adjectives: *актуальный, инновативный, нетривиальный, уникальный*; nouns: *новация, новизна, прорыв*; adverbs: *впервые, консервативно*).

On the periphery of the axiological grounds in the German and Russian subcorpora are:

- 1) **aesthetic criteria** (adjectives, acting as lexico-grammatical indicators of aesthetic grounds: *elegant, выразительный, изящный, красивый, прекрасный*);
- 2) **text-typological requirements for the work to be reviewed** (adjectives used as markers: *adäquat, angemessen*; verbs: *sich eignen*; adverbs: *нехарактерно*);
- 3) **reproducibility** (adjectives: *nachvollziehbar*; nouns: *Nachvollziehbarkeit, Reproduzierbarkeit, надёжность*);
- 4) **consistency/veracity** (adjectives: *problematisch, widersprüchlich, непротиворечивый*; nouns: *Widerspruch, диссонанс, недоразумение*; verbs: *verstellen, подменять*);
- 5) **objectivity** (adjectives: *assoziativ, eigenwillig, künstlich, willkürlich, субъективный*; nouns: *Objektivität, Selektivität*; adverbs: *правдоподобно*).

The results of the comparative analysis of the distribution of rational evaluative grounds in the texts of the two subcorpora of the study prove the possibility to identify statistically verifiable linguistic and cultural differences in the preference for certain axiological grounds by German and Russian reviewers.

It should be noted that in Russian reviews there are no evaluative statements that qualify the critical approach of the author of the primary text to the material and methodology of research, as well as to the theories and results presented in the publications of other scientists. Meanwhile, in German texts, 1% of evaluative statements have been identified that are based on the criterion of the author's critical attitude towards the objects of scientific examination (adjectives are used as typical markers): *kritisch* and verbs: *hinterfragen, problematisieren*). However, the main result of the comparison of dominants in the field structure of review axiological grounds was the identification of two types (models) of reviewing — “result-oriented” (German) and “process-oriented” (Russian) [Kondratenko 2022a: 72]. While German reviewers appeal, first of all, to the criteria of completeness, clarity/accuracy and relevance, thus referring to the authorial result and the way it is presented in the reviewed work, Russian-speaking reviewers emphasize the place of the authorial result in the existing scientific context. This is the effect of appealing to the criterion of novelty, which is dominant in Russian reviews. The process orientation inherent in the Russian model of reviewing is also supported by the central role of the criterion of validity/credibility, which is correlated with the procedures of obtaining a new scientific result.

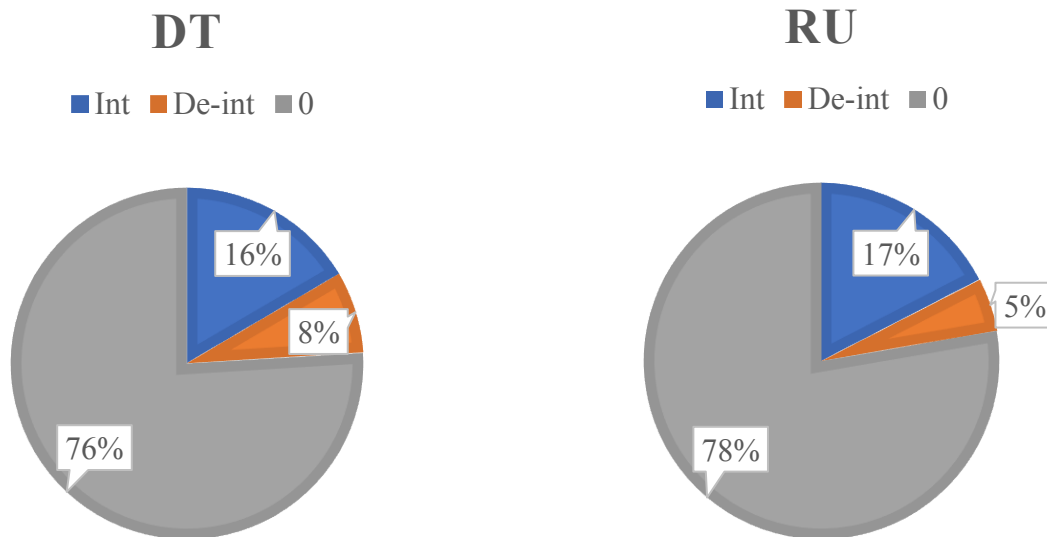
3.6. Average density of intensified and de-intensified assessments

To conclude, let us consider the results of comparing evaluations in German and Russian linguistic reviews according to the parameter *intensification/de-intensification*. The inclusion of this parameter in the system of content analysis directions is explained by the fact that the means of contextual intensification and mitigation of evaluations have a communicative and pragmatic function. This is especially true for the means of mitigating the categoricalness of negative evaluative statements, which have already attracted the attention of researchers. So, S. T. Nefedov points out that means of softening categorical evaluation meet the criteria of negative politeness, the task of which is to avoid intrusion into the personal sphere of the addressee of evaluative statements [Nefedov 2022: 1711]. V. E. Chernyavskaya's work summarises the ways of de-intensifying evaluations, which include: the use of “scientific euphemisms” (for example, the inclusion of the noun *considerations* in a negative evaluation context instead of a *remark*); the use of litotes that help to reduce the scale of the shortcoming to which the evaluating subject points; the use of subjunctive constructions with the meaning of wish or recommendation; the inclusion of units with the possibility modality and the semantics of doubt [Chernyavskaya 2022: 1691–1692] in contexts with a negative evaluation context.

The objectives of a quantitative study of the intensification and deintensification features of evaluative utterances included: 1) determining the density of contexts with the inclusion of evaluation intensifiers; 2) determining the density of contexts with the inclusion of evaluation de-intensifiers; 3) determining the density of contexts without the use of (de)intensification and intensification;⁴⁵ 4) study the relationship between the polarity of evaluative statements and the use of axiological (de)intensification; 5) identification of central and peripheral lexical and grammatical means used for rhetorical amplification and mitigation of evaluations.

The solution to the first three specific tasks is shown in the following diagram (Figure 20):

Figure 20 — Density of contexts with intensifiers/de-intensifiers of evaluation in the study corpus.

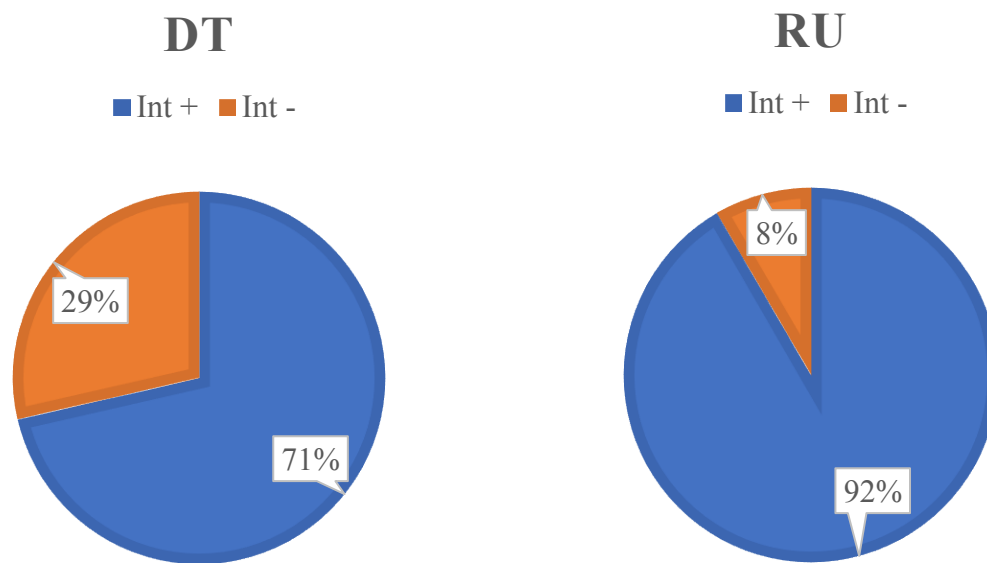
The analysis reveals that in German and Russian texts assessments are most often implemented without the use of means of intensification or de-intensification of evaluative meanings (76% and 78% of textual predicates with the inclusion of evaluations). It is evident that the use of evaluation (de)intensification shows similar trends in German and Russian reviews. At the same time, slight linguocultural differences emerge. It can be observed that German reviewers slightly more frequently resort to de-intensification means to mitigate the absolute nature of negative value judgments (cf. 8% in German-language texts versus 5% in the Russian-language subcorpus). It seems that the choice of additional linguistic means to reduce categorical evaluation is aimed at maintaining both the reputation

⁴⁵ In the diagrams, the markings on the indicators described correspond to *int*, *de-int* and *0*.

of the reviewer — a competent researcher, who admits alternative points of view on the reviewed text, and the reputation of the author of the work in question.

A more explicit linguistic and cultural specificity of (de)intensification of expert evaluations can be seen by comparing the density of intensified and de-intensified evaluations of different polarities.

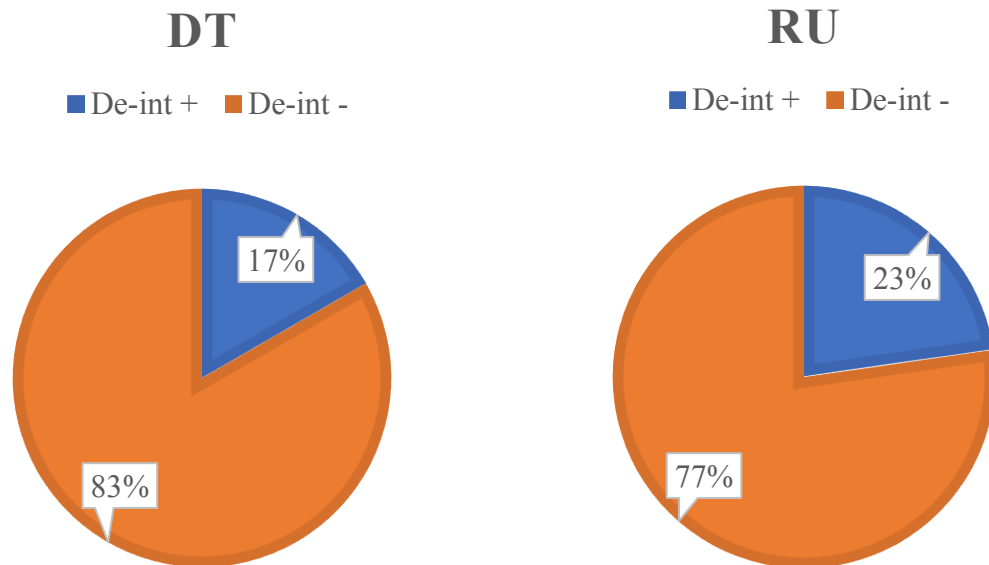
Figure 21 — Combination of evaluation intensifiers with positively and negatively polarised evaluative statements.

It can be seen in Figure 21 that lexical-grammatical units of evaluation intensifiers are statistically more frequently used together with positively polarised evaluative statements. This observation is true for both German- and Russian-language reviews. At the same time, it becomes apparent that German reviewers use intensifiers in negative evaluative contexts more often than Russian reviewers (cf. 29% of intensified negative evaluations in the German subcorpus with 8% in the Russian subcorpus of the study). The results indicate that evaluation intensifiers can act in German scientific expert discourse not only as contextual amplifiers of the reviewer's approval expressed in positive-evaluation statements, but also as catalysts of discussion in a dialogue between new and old knowledge.

Let us now look at the combination of axiological de-intensification means with positive and negative evaluation (see Figure 22).

Figure 22 — Combination of assessment de-intensifiers with positively and negatively polarised evaluation.

On the one hand, the results of the comparison of the indicators of differently polarised assessments with the inclusion of de-intensifiers are expected to show that softening tools are more frequently used to mitigate the reviewer's critical comments. At the same time, the slight divergence in the numerical density of positively polarised de-intensified evaluations seems interesting. While for the German subcorpus the share of such evaluations is 17%, in Russian-language reviews it is as high as 23%. It turns out that two tendencies of evaluative (de)intensification can be detected in reviews of the Russian subcorpus: on the one hand, positive evaluations are intensified more often than negative ones (dominant strategy). On the other hand, some positive evaluations may be accompanied by means of deintensification (recessive strategy). The operation of de-intensifiers in such cases is probably related to the reviewers' desire to maintain a balance between a (very) high evaluation of a scientific result and the requirements of impartiality and objectivity.

Let us now discuss frequent means of rhetorical intensification and reduction of categorical evaluations in German and Russian reviews. The function of axiological (de)intensifiers can be performed by linguistic units of different speech parts — adjectives, pronouns, particles, etc. Table 8 shows the intensification and de-intensification means of evaluative statements that are relevant for reviews in German.

Table 8 — Frequency of intensifying and de-intensifying means in German subcorpus texts.

Intensifiers	Frequency (%)	De-intensifiers	Frequency (%)
gerade	11%	wenig	22%
insbesondere	9%	einige	18%
auch	9%	nicht (immer)	13%
alle	6%	etwas	12%
äußerst	6%	kaum	11%
überhaupt (nicht)	6%	teilweise	8%
lediglich	5%	weitgehend	7%
sicher	4%	relativ	4%
sicherlich	4%	recht	2%
zudem	4%	manchmal	1%
alles	4%	vollauf	1%
offenbar	3%	nicht wenig	1%
sogar	3%		
weitestgehend	3%		
allzu, zu	3%		
zweifellos	3%		
völlig	3%		
durchweg	2%		
all	2%		
außerordentlich	2%		
ohne jeden Zweifel	1%		
offensichtlich	1%		
vollkommen	1%		
bestens	1%		
ausnahmslos	1%		
unbestreitbar	1%		
offenkundig	1%		
überaus	1%		
ganz	1%		
uneingeschränkt	1%		
jede	1%		

Different frequency indices calculated for specific means of intensifying and weakening evaluation allow us to present the category of axiological (de)intensification as a field structure with a centre and a periphery. The central intensifiers of evaluation in German reviews should include, first of all, the focusing particle *gerade*, and also adverbs *insbesondere*, *äußerst*, *lediglich*, *auch*, *überhaupt* (often in combination with units of negative semantics) and pronoun *alle*, increasing the absoluteness of a statement. Interestingly, lexical-grammatical units of epistemic modality used to reinforce assessments (e.g. adverbs and adjectives *sicher*, *sicherlich*, *zweifellos*, *unbestreitbar* et al.) or evidentiality markers (adverbs and adjectives *offenbar*, *offensichtlich*, *offenkundig*) are on the periphery of the means of intensification. Thus, it can be argued that the dominant strategy for intensifying evaluations in German scientific evaluative communicative practice consists in emphasising the evaluative components that are significant for the reviewer, as well as in generalising evaluative utterances.

A parallel trend can be observed among the means of de-intensification of evaluations central to German linguistic reviews. The core of de-intensifiers is formed by pronouns *wenig*, *einige*, *etwas*. The use of such units reduces the degree of generalisation of the statement and allows the reported state of affairs to be presented as more particular. It should also be noted that there is a fairly active use of lexical modifiers aimed at softening negation — see, for example, the combination of the negative particle *nicht* and adverb *immer*; negative adverb *kaum*, less categorical than the functionally synonymous particle *nicht*. As G. N. Eichbaum rightly observes, in contexts where *nicht* is used together with modifiers such as *immer*, *viel*, *ganz* etc. *nicht* “incompletely crosses out the nominative content of word X, but modifies its quantitative aspect in the direction of weakening/enhancing” [Eichbaum 1982: 60]. It is noticeable that the matrix of means of evaluative de-intensification in German reviews demonstrates greater semantic homogeneity than a similar matrix of axiological intensification means. Thus, among the peripheral means we also find adjectives and adverbs aimed at reducing the degree of generalisation of statements (e.g. *teilweise*, *weitgehend*, *relativ*, *manchmal* et al.), as well as lexical modifiers of negation (*nicht* coupled with *wenig*).

Now consider the frequent means of intensifying and de-intensifying evaluation in Russian reviews.

Table 9 — Frequency of intensification and de-intensification means in Russian subcorpus texts.

Intensifiers	Frequency (%)	De-intensifiers	Frequency (%)
очень	13%	несколько	12%
весьма	12%	достаточно	11%
весь	9%	многий	10%
вполне	7%	некоторый	9%
несомненно	6%	не всегда	8%

особенно	4%	кажется	7%
наиболее	4%	часто	7%
безусловно	3%	пожалуй	7%
самый	3%	довольно	6%
каждый	3%	своего рода	5%
несомненный	2%	сравнительно	3%
действительно	2%	немало	3%
большинство	2%	так или иначе	2%
чрезвычайно	2%	во многом	2%
исключительно, исключительный	2%	зачастую	2%
нельзя не	2%	(как) кажется	2%
совершенно	2%	(как) представляется	1%
крайне	2%	почти все	1%
существенно	2%	едва ли	1%
явно	2%	мне кажется	1%
далеко не	2%		
без сомнения	1%		
бесспорный	1%		
поистине	1%		
очевидно	1%		
особый	1%		
предельно	1%		
конечно	1%		
целый	1%		
вне всякого сомнения	1%		
бесспорно	1%		
ничего не	1%		
ни в коей мере	1%		
новейший	1%		
важнейший	1%		

The centre of the field structure here is formed by the adverbs *очень*⁴⁶ and *весьма*, followed by units such as the pronoun adverb *весь* and adverb *вполне*, as well as an adverb of epistemic modality *несомненно*. The highlighted means indicate that the dominant strategies of intensification of evaluative meanings in Russian reviews are the indication of the maximum degree of expression of a feature of the work in question, generalization of the statement, as well as the actualization of the subject of thought and speech confidence in what is reported. Other lexical-grammatical units of epistemic modality (adjectives *несомненный*, adverbs *безусловно*), including words and expressions with negative components (*бесспорно*, *без сомнения*, *вне всякого сомнения*, *ни в коей мере* et al.), evidentiality means (adverbs *действительно*, *явно*, *очевидно*), units that emphasise the importance, the particularity of what is being communicated (pronoun *самый*, adjectives *особый*, *несомненный*, adverb *несомненно*), lexical modifiers that give the statement a more general character (noun *большинство*, determinative pronoun *каждый*), as well as adjectives in the superlative degree (*новейший*, *важнейший*), referring to the criteria of scientificity, etc.

The nuclear inventory of means of de-intensification typical of Russian reviews is made up of the numeral *несколько* with the semantics of a small and indefinite set, adverb *достаточно* and adjective *многий*. The use of these units allows reviewers to reduce the universality of evaluative statements (according to the principle “many but not all”) and to formulate positive evaluations in moderation (cf. *достаточно убедительный* and *крайне убедительный*). Peripheral de-intensifiers include means of expressing authorial subjectivity, e. g. verbs *представляться* and *казаться* in the impersonal form (including in introductory clauses) — *как представляется*, *как кажется* — and in combination with an expletive-authenticating first person singular personal pronoun: *мне кажется*); introductory word *пожалуй* as an exponent of the modality of possibility; word combination *так или иначе, своего рода*, “blurring” the clarity of evaluative summaries; the word combination of concessive semantics *едва ли*, and also adverbs *почти*, *часто*, *всегда* (in couple with the negative particle *не*) et al. These tools peripherally support the dominant strategy of axiological deintensification in Russian reviews, which boils down to presenting the evaluative statement as more private, relative and therefore less categorical.

Conclusions on the Chapter 3

The third chapter of the thesis briefly presents the theoretical context of the comparative cross-linguistic and cross-cultural study of professional scientific communication. It is shown that despite the

---

⁴⁶ An unexpected result for us was the lack of an equivalent adverb *sehr* as an evaluation intensifier in German reviews.

universal nature, linguistic and cultural specificity can appear in the communication of researchers. Central for many publications, the idea of cultural variability of the language of science becomes the starting point for speculations about specific cognitive and communicative styles, typical for representatives of a particular scientific discipline within a particular linguoculture.

The results of the quantitative analysis presented in this chapter do not contradict the notion that academic communication can be characterised by culturally specific characteristics. The indicators of the average density of explicit and implicit, positive and negative, rational and emotional, intensified and de-intensified evaluation, on the one hand, reveal a number of symptomatic similarities and, on the other hand, allow reconstructing two culture-specific models of expert evaluation.

Both German and Russian models are equally characterised by: 1) gravitation towards explicit evaluation, conditioned by text-typological properties of academic reviews; 2) prevalence of rational evaluative grounds over emotional evaluative ones; 3) prevalence of assessments implemented without (de)intensification means over evaluative statements with (de)intensifiers; 4) use of not only language proper, but also visual and graphic (typographic) markers of evaluative emotionality.

At the same time, the German expert evaluation model is characterised by: 1) even distribution of positive and negative implicit evaluation; 2) higher density of negative assessments in comparison with Russian reviews (with general prevalence of positive evaluation); 3) higher percentage of reviews with negative final evaluation; 4) equilibrium of positive and negative emotional assessments; 5) tendency to focus faults in axiological clusters with heterogeneous polarity 6) use of markers of not only positively coloured, but also negative interest, surprise with a "—" sign, irritation and dissatisfaction; 7) appeal to the criteria of completeness, clarity/accuracy and relevance as rational evaluative grounds; 8) more frequent use of intensifiers in negatively evaluative contexts; 9) emphasising significant aspects of the reviewed work and generalisation of evaluative statements as dominant (de)intensification strategies.

The Russian expert evaluation model differs from the German model: 1) higher share of positive implicit evaluations; 2) higher density of positive evaluations; 3) lower percentage of reviews with negative final evaluations; 4) significant predominance of positively polarised emotional evaluations over negatively polarised expressions of reviewer's emotions; 5) equal distribution of statements focusing on the shortcomings of the work in question and positive evaluations within the macro-strategy of polar compensation; 6) tendency to mark emotions such as joy and bewilderment (not recorded in the German subcorpus); 7) the central role of the criteria of completeness, clarity/accuracy, relevance as well as validity/credibility and novelty/relevance as rational evaluative grounds; 8) the more frequent use of intensifiers and deintensifiers in positive evaluative contexts; 9) operating intensification strategies, such as pointing to the maximum degree of expression of a feature of the reviewed work, generalising the statement and expressing the reviewer's confidence in what is being reported, as well as presenting the evaluation statement as more relative, as a central strategy of deintensification.

In general, the German model of expert evaluation is more characterised by the tendency to express both positive and negative evaluations; the use of lexical and grammatical means aimed at polemical sharpening of scientific discussion; the focus on the result of scientific research and its presentation in the reviewed texts. At the same time, the Russian model of expert evaluation is characterized by a clear predominance of positive evaluations, an effort to balance the positive and negative qualities of the reviewed work, an orientation to the process of producing of new disciplinary knowledge.

CONCLUSION

The thesis reflects the tradition of studying linguistic evaluation from different positions: in the framework of functional-semantic, text centered, socio-communicative and discourse-linguistic approaches. Against the general background, a significant advantage of the discursive direction of axiological research is noted: unlike more conservative approaches, modern studies of evaluation in the discursive perspective allow taking into account the parameters of communicative situations within specific socio-communicative practices and involve statistical methods of processing empirical material to consider the features of expression and functioning of valuation. This explains the effectiveness of socio-communicative and linguistic discursive methodology for considering evaluations within the particular communicative practice of academic discourse — scientific expert communication.

The effectiveness is confirmed in practice: thus, based on the parameters of communicative interaction of expert discourse participants, the abstract structure of expert evaluations and specific means and ways of their contextual embodiment in journal scientific reviews in linguistics are specified. Journal scientific review has been studied as a central explicitly evaluative text type of scientific expert communication, specialised on qualification of formal and substantial aspects of primary text (and, indirectly, professional competences of the author of the reviewed work), demonstrating such properties as multi-vectorality, dialogism and polyaddressivity. The assessments realised in scientific reviews are reconstructed mainly as norm-centred, but, at the same time, not devoid of intellectual expression, reflecting the psycho-cognitive activity of the evaluating subject. In accordance with the objectives set, in the texts of the corpus, eight types of evaluative implicatures were identified and described (evaluation realized by stating the facts, evaluation implied by (dis)agreement with the position of the reviewed author, evaluation through the recommendation addressed to the author of the work under review, evaluation through the recommendation addressed to the recipient of the review, evaluation realized within the strategy “by contradiction”, evaluation of the authors’ contribution to the current disciplinary background).

The statistically confirmed differences in the choice of means and methods of evaluation by German and Russian reviewers allowed us to consider the language of evaluation in the light of current ideas about intercultural variability of the language of science. As a result, two culturally specific models of expert evaluation were reconstructed — German (result-oriented, with a tendency to sharpen the polemical interaction of old and new scientific knowledge) and Russian (process-oriented, with a tendency to focus on the most advantageous and “retouch” the not most successful aspects of the reviewed work).

The results of the study fully confirm the initial assumptions. The identified specificity of the linguistic expression of expert evaluations turns out to be in full compliance with the goals and intentions

of the participants in the scientific-expert socio-communicative practice: it refers to the norms of conducting scientific activities and the standards of presentation of scientific results. The differences in the density of evaluations, which are differently realised in German and Russian reviews (positive and negative, rational and emotional evaluation), as well as the asymmetry of the inventory of evaluative implication strategies in the texts in two languages allow to verify the hypothesis of linguistic and cultural specificity of expert evaluations. The visible results obtained from the processing of the authentic linguistic material prove in favor of their application in the training courses in functional Stylistics, Pragmalinguistics and Academic Communication in German and Russian. At the same time, the numerical coefficients obtained for the most frequent lexical and grammatical means suggest the possibility of applying the results of the study to machine learning algorithms.

Possible perspectives for the further development of the theme can be grouped into several main vectors. The first vector implies the continuation of the study of evaluative language in scientific discourse and its varieties — research and educational academic discourse. It is productive to investigate the specifics of the implementation of various evaluation strategies in scientific articles, monographs, textbooks and manuals. This promising area of research is already being developed in the framework of a project № 22-28-01024 “Evaluation language in scholarly humanities practices and discourses of Germany and Russia” supported by the Russian Science Foundation.

The second vector for future research is the identification of the features of the use of evaluative meanings in written and oral scientific communication. This direction is based on the notion, shared by some linguists, that oral speech is subject to specific grammatical rules that differ from the rules of traditional grammar, which gravitate towards the written text.

A third vector of further development of the thesis topic aims to increase the representativeness of the linguistic material by involving scientific expert texts from other humanities disciplines (sociology, philosophy or psychology) in the research.

The fourth vector, which defines the direction of further research on evaluation, is the transfer of the knowledge about evaluation tools and strategies to communicative practices that take place outside of professional academic communication.

The fifth vector continues the discourse on the strong subjective connectedness of evaluation and suggests refocusing the study of expert evaluations per se on the study of individual evaluation language determined by the personal style of a particular reviewer. Consideration of evaluative meanings in this way could contribute to the further study of the relation between the social/normative and the individual in academic texts.

The fifth vector is complemented by the sixth (final) vector and implies a multidimensional study of evaluation in reviews involving the primary text and reviews of different authors on the same source work. The indicated line of research activity will continue to distinguish between more general text-

typological characteristics of evaluative acts in reviews and private, more subject-dependent ones, and will allow to emphasise the role of evaluation in establishing intertextual links and relationships between different segments of scientific knowledge — object-oriented (in the source work) and methodological (in reviews).

REFERENCES

1. Admoni V.G. Syntax of modern German: a system of relations and a system of construction / V.G. Admoni. — Leningrad: Nauka, 1973. — 366 p.
2. Admoni V.G. Theoretical grammar of German language. The structure of modern German / V.G. Admoni. — Moscow: Prosveshchenie, 1986. — 336 p.
3. Alekseeva A.A. The classification of appraisals by their semantic bases: new wine into new wineskins? /A.A. Alekseeva// Tomsk State University Journal. — 2019. — N 449. — Pp. 5–15. DOI: 10.17223/15617793/449/1
4. Arutyunova N.D. The sentence and its sense: Logical and semantic problems / N.D. Arutyunova. — Moscow: Nauka, 1976. — 383 p.
5. Arutyunova N.D. Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact. /N.D.Arutyunova. — Moscow: Nauka, 1988. — 338 p.
6. Bazhenova E.A. The category of evaluation /E.A. Bazhenova// Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language. — Moscow: Flinta: Nauka, 2016. — Pp. 139–146.
7. Bazhenova E.A. «The old knowledge» in the structure of scientific communication /E.A. Bazhenova// International scientific conference on science in public dialogue: values, communications, organisation. Conference proceedings. — Saint Petersburg: SPPU Publishing, 2017. — Pp. 6–7.
8. Bazhenova E.A., Kotyurova M.P. Genres of scientific literature /E.A. Bazhenova, M.P. Kotyurova// Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language. — Moscow: Flinta: Nauka, 2016. — Pp. 57–67.
9. Bazhenova E.A. The structure of new knowledge in a scientific text /E.A. Bazhenova// Tomsk State Pedagogical University Bulletin. — 2020. — N 4 (210). — Pp. 144–151. DOI 10.23951/1609-624X-2020-4-144-151
10. Baturin N.A. The psychology of evaluation: general ideas, differentiation of concepts and fields of study /N.A. Baturin// Psychology. Psychophysiology. — 2008. — N 31. — Pp. 17–31.
11. Bakhtin M.M. The problem of speech genres / M.M. Bakhtin // The aesthetics of verbal creativity. — Moscow: Iskusstvo, 1986. — Pp. 250–297.
12. Biryulin L.A., Kordi E.E. Basic types of modal meanings traced in linguistic literature /L.A. Biryulin, E.E.Kordi// Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. — Leningrad: Nauka, 1990. — Pp. 67–72.
13. Bondarko A.V. Introductory remarks. Chapter II. Modality /A.V. Bondarko// Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. — Leningrad: Nauka, 1990. — Pp. 59–67.

14. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Linguistic conceptualization of the world (viewed through the Russian grammar) /T.V. Bulygina, A.D. Shmelev. — Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997. — 576 p.
15. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Cognition /A. Vezhbitskaya. — Moscow: Russkiye slovari, 1996. — 416 p.
16. Voevodin A.P. Aesthetic evaluation /A.P. Voevodin// Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology. — 2010. — Vol. 23 (62). — N 2. — Pp. 32–37.
17. Voloshinov V.N. Marxism and philosophy of language. The main problems of the sociological method in language science /V.N. Voloshinov. — The Hague, Paris: Mouton, 1972. — 157 p.
18. Volf E.M. Functional Semantics of evaluation /E.M. Volf. — Moscow: URSS, 2002. — 260 p.
19. Problems of Onomastics: international academic journal: website. Information for Authors. — Ekaterinburg, 2012. — URL: <http://www.onomastics.ru/content/voprosy-onomastiki> (accessed on: 25.08.2022).
20. Topics in the study of language: academic journal: website. For authors. — Moscow. — URL: <https://vja.ruslang.ru/?ysclid=lcopao0la3483601019> (accessed on: 25.08.2022).
21. Vorobyeva M.B. Peculiarities of the realisation of evaluative meanings in a scientific text /M.B. Vorobyeva// Science Literature. Language, style, genres. — Moscow: Nauka, 1985. — Pp. 47–56.
22. Vyboyshchik I.V. The evaluation style and its psychological content: diss. ... Ph. Cand. Psychol. Sciences: 19.00.01 / I.V. Vyboyshchik. — Ekaterinburg, 2003. — 22 p.
23. Danilevskaya N.V. The role of evaluation in the deployment of scientific text /N.V. Danilevskaya. — Perm: Perm University Publishing, 2005. — 360 p.
24. Danilevskaya N.V. Scientific text as dynamics assessment actions /N.V. Danilevskaya// Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. — 2009. — N 2. — Pp. 20–28.
25. Danilevskaya N.V. On specific status of evaluation in scientific text /N.V. Danilevskaya// Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. — 2013. — N 2 (22). — Pp. 37–43.
26. Dmitrieva D.Yu., Samigullina A.S. A linguo-cognitive approach to the problem of categorisation of human intellectual capacity (in English) / D.Yu. Dmitrieva, A.S. Samigullina. — Krasnodar: Publishing house «HORS», 2018. — 152 p.
27. Ivin A.A. The basics of the evaluative Logics /A.A. Ivin. — Moscow: Moscow University Press, 1970. — 229 p.
28. Ivin A.A. Axiology/A.A. Ivin. — Moscow: Vysshaya shkola, 2006. — 389 p.
29. Ivin A.A. The logic of evaluations and norms. Philosophical, methodological and applied aspects /A.A. Ivin. — Moscow: Prospekt, 2016. — 320 p.

30. Ilyin V.V. Criteria of scientific knowledge/ V.V. Ilyin. — Moscow: Vysshaya shkola, 1989. — 128 pp.
31. Kondratenko P.I. Communicative-pragmatic potential of utterances with verified knowledge markers in German linguistic discourse /P.I. Kondratenko// Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. — 2020. —17(2). — Pp. 254–270. DOI:10.21638/spbu09.2020.206
32. Kondratenko P.I. Implicit expert evaluation “by contradiction” in German linguistic reviews /P.I. Kondratenko// German Studies in the Contemporary Academic Arena. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference. — Krasnodar: Kuban State University, 2021. — Pp. 89–98.
33. Kondratenko P.I. On strategies of implicit expert evaluation in German linguistic reviews /P.I. Kondratenko// Tomsk State Pedagogical University Bulletin. — 2021. — Iss. 6 (218). — Pp. 49–59. DOI:10.23951/1609-624X-2021-6-49-59
34. Kondratenko P.I. Linguistic and cultural features of evaluation in academic expert communication (based on German and Russian academic reviews in Linguistics) /P.I. Kondratenko// Terra Linguistica. — 2022a. — Vol. 13. — Iss. 2. — Pp. 66–74. DOI: 10.18721/JHSS.13207
35. Kondratenko P.I. Typographical markers of emotionality used in expression of expert evaluation in German and Russian reviews in Linguistics /P.I. Kondratenko// German Philology at the St. Petersburg State University. — 2022c. — Vol. 12. — Pp. 102–115. DOI:10.21638/spbu33.2022.105
36. Kondratenko P.I. “The main drawback of the book originates from its main advantage”: the evaluation strategy of polarity compensation in the reviews of German and Russian linguists /P.I. Kondratenko// Neophilology. — 2022b. — Vol. 8 (3). — Pp. 530–539. DOI:10.20310/2587-6953-2022-8-3-530-539
37. Kotyurova M.P, Bazhenova E.A. Scientific speech culture: Text and its editing /M.P. Kotyurova, E.A. Bazhenova. — Moscow: Flinta: Nauka, 2008. — 280 p.
38. Krasilnikova L.V. The genre of academic review: semantics and pragmatics /L.V. Krasilnikova. — Moscow: Dialog-MSU, 1999. — 138 p.
39. Kulikova L.V. Communicative style in an intercultural paradigm /L.V. Kulikova. — Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni V.P. Astafyeva, 2006. — 392 p.
40. Kuße H., Chernyavskaya V.E. Culture: Towards its explanatory charge in discourse linguistics /H. Kuße, V.E. Chernyavskaya// Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. — 2019. — N 16 (3). — Pp. 444–462. DOI: 10.21638/spbu09.2019.307
41. Luhmann N. Truth. Knowledge. Science as a system /N. Luhmann. — Moscow: Logos, 2016. — 410 p.
42. Maslennikov E.V. Expert Knowledge: The Integration Approach and its Application in Sociological Research /E.V. Maslennikov. — Moscow: Nauka, 2001. — 228 p.

43. Mikeslina L.A. Philosophy of Science: Modern Epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research /L.A. Mikeslina. — Moscow: Progress-Traditsiya, MPSI, Flinta, 2005. — 464 p.
44. Mikeslina L.A. Epistemology of values /L.A. Mikeslina. — Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007. — 439 p.
45. Mirskiy E.M. Science as a social institution /E.M. Mirskiy// Vyshee obrazovanie v Rossii. — 2004. — N 8. — Pp. 89–108.
46. Molodychenko E.N. Axiological dimension in the discourse of consumerism: the role of evaluative language in the lifestyle genre /E.N. Molodychenko// Tomsk State University Journal of Philology. — 2015. — N 6 (38). — Pp. 55–66.
47. Molodychenko E.N. The Concept of Value in Textual and Discourse Analysis: towards Linguistic Axiology /E.N. Молодыченко // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series “Pedagogy and Psychology” — 2015. — N 3(19). — Pp. 90–97.
48. Molodychenko E.N. Values and evaluation in discourse of consumerism: a pragmalinguistic analysis /E.N. Molodychenko// Vestnik SAFU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki. — 2016. — N 3. — Pp. 122–130.
49. Musatova G.A. Structural and semantic features of simple sentences used with concessive words such as “in spite of”, “despite”, “while” /G.A. Musatova// Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki. — 2016. — Vol. 3 (107). — Pp. 158–165.
50. Naiman E.A. Semiotic mechanisms of social meaning formation in language /E.A. Naiman// Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. — 2021. — N 59. — Pp. 87–100. DOI: 10.17223/1998863X/59/9
51. Nefedov S.T. The prototypical text model as the basis of text typological knowledge (based on the author’s preface to scientific monograph) /S.T. Nefedov// Vestnik of the Saint Petersburg State University, Series 9. Philology, Asian Studies, Journalism. — 2013. — N 3. — Pp. 197–203.
52. Nefedov S.T. The intertextual dimensions of the authorial preface /S.T. Nefedov// German Philology at the St. Petersburg State University. Iss. IV: Text and text elements. — Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2014a. — Pp. 32–48.
53. Nefedov S.T. The imperatives of the linguistic discourse /S.T. Nefedov// Nauchnoe mnenie. — 2014b. — N 5. — Pp. 58–64.
54. Nefedov S.T. On functional potential of interrogative structures in academic linguistic discourse /S.T. Nefedov// Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. — 2015. — Vol. 28. — N 4. — Pp. 65–74. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.4.8

55. Nefedov S.T. Restrictive argumentation: modal words of doubt and shared knowledge in academic linguistic writings /S.T. Nefedov// Vestnik SPbSU. Language and Literature. — 2017. — Vol. 14. — N 4. — Pp. 599–610. DOI:10.21638/11701/spbu09.2017.408
56. Nefedov S.T. Genre prototype of the scientific review on Germanistics /S.T. Nefedov// German Philology at the St. Petersburg State University. Iss. VIII. Linguistic and genre characteristics of scientific communication texts. — Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2018. — Pp. 105–123.
57. Nefedov S.T. Dialogue between existing and new knowledge: strategies of precedent scientific knowledge operation /S.T. Nefedov// German Philology at the St. Petersburg State University. Iss. IX. — Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2019. — Pp. 68–90.
58. Nefedov S.T. Socio-communicative dimension of evaluation /S.T. Nefedov// German Studies in the Contemporary Academic Arena. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference — Krasnodar: Kuban State University, 2020. — Pp. 122–128.
59. Nefedov S.T., Chernyavskaya V.E. Context in linguistics: pragmatic and discourse analytical dimensions /S.T. Nefedov, V.E. Chernyavskaya// Tomsk State University Journal of Philology. — 2020. — N 63. — Pp. 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5
60. Nefedov S.T. The variety of evaluation in communicative practices of academic discourse /S.T. Nefedov// Vestnik of Saint Petersburg State University. Language and Literature. — 2021. — N 18 (4). — Pp. 760–778. DOI:10.21638/spbu09.2021.408
61. Ponomareva T.V. Etiquette in German language scientific texts. /T.V. Ponomareva// German Philology at the St. Petersburg State University. Iss. VIII. Linguistic and genre characteristics of scientific communication texts. — Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2018. — Pp. 123–133.
62. Radbil T.B. «Language of values» in modern russian speech and the ways of its calculation /T.B. Radbil// Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Filologiya. — 2011. — N 6 (2). — Pp. 569–573.
63. Ryabtseva N.K. Theoretical and lexicographic description of scholarly narrative: an interlingual aspect. Scientific report on published works, submitted for the defence of the degree of Doctor of Philology: 10.02.19/Н.К. Рябцева. — Moscow, 1996. — 112 pp.
64. Ryabtseva N.K. Scientific speech in English = English for scientific purposes: A guide to the scientific presentation: Vocabulary /N.K. Ryabtseva. — Moscow: Flinta: Nauka, 1999. — 598 pp.
65. Sitnikova D.L. The role of scientific expertise in the dynamics of complex systems /D.L. Sitnikova// Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Politology. — 2012. — N 4 (20). — Iss. 1. — Pp. 86–90.

66. Solovyeva N.V. Peculiarities of the reflexive and evaluative activity of the author in scientific texts /N.V. Solovyeva// *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov.* Perm State University. — 2009. — Vol. 13. — Pp. 47–53.
67. Teliya V.N. Expressivity as a manifestation of the subjective factor in the language and its pragmatic orientation/ V.N. Teliya. *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti.* — Moscow: Nauka, 1991. — Pp. 5–35.
68. Titscher S., Meyer M. Text and discourse analysis methods /S. Titscher, M. Meyer, R. Wodak, E. Vetter. — Khar'kov: Gumanitarnyy Tsentr Publishing, 2009. — 356 p.
69. Trofimova N.A. Expressive speech acts in dialogic discourse /N.A. Trofimova. — Saint Petersburg: Publishing of VVM, 2008. — 376 p.
70. Troyanskaya E.S. A scientific work in the reviewer's assessment (on the specificity of scientific literature genres) /E.S. Troyanskaya// *Science literature: language, style, genres.* — Moscow: Nauka, 1985. — Pp. 67–81.
71. Troyanskaya E.S. Teaching how to read scientific literature. Help for the foreign language teacher /E.S. Troyanskaya. — Moscow: Nauka, 1989. — 271 p.
72. Filippov K.A. Text Linguistics and Modern Analysis of Speech: Textbook /K.A. Filippov. — Saint Petersburg: SPSU Press, 2016. — 228 p.
73. Chernykh A.I. Expert knowledge and public expertise /A.I. Chernykh. — Moscow: HSE, 2010. — 29 p.
74. Chernyavskaya V.E. Intertextual interplay of basic and derivative texts in a scientific-critical text (on the material of modern German-language scientific reviews): thesis abstract... diss. candidate of philology science. 10.02.04/V.E. Chernyavskaya — Saint Petersburg: 1995. — 27 p.
75. Chernyavskaya V.E. Intertextuality as a text-forming category in scientific communication: (In German): autoref. D-r in Philology.: 10.02.04 /V.E. Chernyavskaya. — Saint Petersburg, 2000. — 49 p.
76. Chernyavskaya V.E. Text Linguistics: Polycodality, intertextuality, interdiscursivity /V.E. Chernyavskaya. — Moscow, 2009. — 245 p.
77. Chernyavskaya V.E. Interpreting a scholarly text. Training manual /V.E. Chernyavskaya. — Moscow, 2010. — 127 p.
78. Chernyavskaya V.E. Scientific knowledge as an object of assessment /V.E. Chernyavskaya// *Epistemologiya i filosofiya nauki.* — 2012. — Vol. 34. — N 4. — Pp. 165–178.
79. Chernyavskaya V.E. Scientific result in research paper in linguistics /V.E. Chernyavskaya// *Speech genres.* — 2016. — N 1. — Pp. 56–64. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64

80. Chernyavskaya V.E. Social meaning in the mirror of political correctness /V.E. Chernyavskaya// Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. — 2021. — N 18 (2). — Pp. 383–399. DOI:10.21638/spbu09.2021.208
81. Shchipitsyna A.A. Evaluation of human actions in science news: an analysis based on the appraisal model /A.A. Shchipitsyna// Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — 2019. — N 1. — Pp. 38–43.
82. Eichbaum G.N. On the meaning of sentences with negative words /G.N. Eichbaum// Sintaksicheskaya semantika i pragmatika. Mezhvuzovskiy tematicheskiy sbornik. Kalinin: Kalininskiy gosudarstvennyy universitet. — 1982. — Pp. 55–65.
83. Agha A. Language and Social Relations /A. Agha. — New York: Cambridge University Press, 2007. — 427 p.
84. Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt /U. Ammon. — Berlin/München/Boston: Walter de Gruyter, 2015. — 1295 S.
85. Arendt B., Kiesendahl J. Sprachkritische Kommentare in der Forenkommunikation. Form, Funktion und Wirkung /B. Arendt, J. Kiesendahl. Perspektiven linguistischer Sprachkritik. — Stuttgart, 2015. — S. 159–198.
86. Arendt B., Schäfer P. Bewertungen im Wissenschaftsdiskurs Eine Analyse von Review-Kommentaren als Aushandlungspraxis normativer Erwartungen /B. Arendt, P. Schäfer// Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. — 2015. — 45. Jg. — № 177. — S. 103–124.
87. Auer P., Baßler H. Der Stil der Wissenschaft /P. Auer, H. Baßler// Reden und Schreiben in der Wissenschaft. — Frankfurt / New York: Campus Verlag, 2007. — S. 9–31.
88. Baßler H. Russische, deutsche und angloamerikanische Zeitschriftenabstracts der Soziologie: Worin unterscheiden sie sich? / H. Baßler// Sprache und politischer Wandel (=sprache im kontext; 20). — Frankfurt/M. et al: Lang, 2003. — S. 189–212.
89. Beaugrande de R.-A., Dressler W. Introduction to Text Linguistics /R.-A. de Beaugrande, W. Dressler. — London / New York: Longman, 1981. — 270 p.
90. Bhatia V. K. A Generic View of Academic Discourse /V. K. A. Bhatia. Academic Discourse. — London / New York: Routledge, 2013. — Pp. 21–40.
91. Birnkraut G. Evaluation im Kulturbetrieb /G. Birnkraut. — Wiesbaden: Springer, 2019. — 129 S.
92. Bowe H., Martin K., Manns H. Communication across Cultures. Mutual Understanding in a Global World /H. Bowe, K. Martin, H. Manns. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — 240 p.
93. Breitkopf A. Wissenschaftsstile im Vergleich: Subjektivität in deutschen und russischen Zeitschriftenartikeln der Soziologie /A. Breitkopf. Freiburger Dissertationsreihe. Band 11. Philologie. — Freiburg im Breisgau: Rombach, 2006. — 197 S.

94. Breitkopf A., Vassileva I. Osteuropäischer Wissenschaftsstil /A. Breitkopf, I. Vassileva// Reden und Schreiben in der Wissenschaft. — Frankfurt / New York: Campus Verlag, 2007. — S. 211–225.
95. Bressler M., von Bergen C., Campbell K. The Sandwich Feedback Method: not very tasty // Journal of Behavioral Studies in Business. — 2014. — Vol. 7. — URL: <https://www.aabri.com/manuscripts/141831.pdf> (accessed on: 14.05.2022).
96. Brommer S. Sprachliche Muster: eine induktive korpuslinguistische Analyse wissenschaftlicher Texte /S. Brommer. — Zürich: Universität Zürich, 2018. — 422 S.
97. Bublitz W. Englische Pragmatik. Eine Einführung /W. Bublitz. — Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2009. — 304 S.
98. Busse D. Linguistische Diskursanalyse. Die Macht der Sprache und die soziale Konstruktion der Wirklichkeit aus der Perspektive einer linguistischen Epistemologie /D. Busse. Diskurs. Sprache. Wissen. Interdisziplinäre Beiträge zum Verhältnis von Sprache und Wissen in der Diskursforschung. — Wiesbaden: Springer, 2013. — S. 50–77. DOI:10.1007/978-3-658-00493-4
99. Chernyavskaya V., Nefedov S. Zur Konstruktion der sozialen Indexikalität der Sprache: von „Kollektiv“ zu „Team“. Und via Coronavirus-Pandemie zurück? /V. Chernyavskaya, S. Nefedov// Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi — Studien zur deutschen Sprache und Literatur. — 2021. — N 46. — S. 1–21. DOI: 10.26650/sdsl2021-990815
100. Chernyavskaya V.E. Negative evaluation in Russian academic book review: across critical reflection and ritual genre (based on reviews of monographs on sociology in 2015–2022) /V.E. Chernyavskaya// J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., — 2022. — 15(11). — Pp. 1680–1698. DOI: 10.17516/1997-1370-0944.
101. Diani G. Reporting and Evaluation in English Book Review Articles: A Cross-Disciplinary Study /G. Diani// Academic Evaluation. — London: Palgrave Macmillan, 2009. — Pp. 87–105.
102. Diaz-Bone R. Sozio-Episteme und Sozio-Kognition. Epistemologische Zugänge zum Verhältnis von Diskurs und Wissen /R. Diaz-Bone. Diskurs. Sprache. Wissen. Interdisziplinäre Beiträge zum Verhältnis von Sprache und Wissen in der Diskursforschung. — Wiesbaden: Springer, 2013. — S. 78–96. DOI:10.1007/978-3-658-00493-4
103. Dijk van T.A. Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach /T.A. van Dijk. — Cambridge University Press, 2014. — 400 p.
104. Du Bois J.W. The stance triangle /J.W. Du Bois// Stancetaking in Discourse. Subjectivity, evaluation, interaction. — Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. — Pp. 139–182.
105. Ehlich K. Mehrsprachigkeit in der Wissenschaftskommunikation — Illusion oder Notwendigkeit? /K. Ehlich. Die Wissenschaft und ihre Sprachen. — Bern: Peter Lang, 2006. — S. 17–39.

106. Erpenbeck J. Wertungen, Werte — Das Buch der Grundlagen für Bildung und Organisationsentwicklung /J. Erpenbeck. Berlin: Springer, 2018. — 259 S.
107. Fandrych Ch. Wissenschaftskommunikation /Ch. Fandrych. Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext. — Berlin, Boston: De Gruyter, 2018. — S. 143–167. DOI: 10.1515/9783110538601
108. Feilke H. Die pragmatische Wende in der Textlinguistik /H. Feilke. Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 1. Halbband. — Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2000. — S. 64–82.
109. Fleck L. Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache. Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv /L. Fleck. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1980. — 190 S.
110. Fløttum K. Academic voices in the research article /K. Fløttum // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Perspectives on Academic Discourse. — 2009. — Pp. 109–122.
111. Fløttum K. Variation of Stance and Voice across Cultures /K. Fløttum// Stance and Voice in Written Academic Genres. — Palgrave, Macmillan, 2012. — Pp. 218–232.
112. Galtung J. Struktur, Kultur und intellektueller Stil: Ein vergleichender Essay über sachsenische, teutonische, gallische und nipponische Wissenschaft /J. Galtung// Leviathan. —1983. — Vol. 11. — № 3. — S. 303–338.
113. Gansel Ch., Jürgens F. Textlinguistik und Textgrammatik. Eine Einführung /Ch. Gansel, F. Jürgens. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. — 270 S.
114. Gansel Ch. Wissenschaftliches Schreiben im russisch-deutschen Sprachtransfer: Kompetenzen, Metakommunikation, Konventionen und Traditionen /Ch. Gansel. Wissenschaftliches Schreiben interkulturell: Kontrastive Perspektiven. — Berlin: Lang, 2018. — S. 73–100.
115. Giannoni D.S. Negotiating Research Values across Review Genres: A Case Study in Applied Linguistics /D.S. Giannoni. Academic Evaluation. — London: Palgrave Macmillan, 2009. — Pp. 17–34.
116. Gloning Th. Wissensorganisation und Kommunikation in den Wissenschaften /Th. Gloning. Handbuch Text und Gespräch. Berlin/Boston: De Gruyter, 2018. — S. 344–371.
117. Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior /E. Goffman. — New York: Doubleday, 1967. — 270 p.
118. Graefen G., Thielmann W. Der wissenschaftliche Artikel /G. Graefen, W. Thielmann// Reden und Schreiben in der Wissenschaft. — Frankfurt/New York: Campus Verlag, 2007. — S. 67–99.
119. Gray B., Biber D. Current Conceptions of Stance /B. Gray, D. Biber// Stance and Voice in Written Academic Genres. — London/New York: Palgrave Macmillan, 2012. — Pp. 15–34.

120. Groom N. *Phraseology and Epistemology in Academic Book Reviews: A Corpus-Driven Analysis of Two Humanities Disciplines* /N. Groom// *Academic Evaluation*. — 2009. — Pp. 122–143.
121. Gumperz J.J. *Sharing Common Ground* /J.J. Gumperz// *Soziale Welten und kommunikative Stile. Festschrift für Werner Kallmeyer zum 60. Geburtstag*. — Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2002. — S. 47–55.
122. Günthner S., König K. *Kommunikative Gattungen in der Interaktion: Kulturelle und grammatische Praktiken im Gebrauch*. / S. Günthner, K. König// *Sprachliche und kommunikative Praktiken*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. — S. 177–203. DOI:10.1515/9783110451542-008.
123. Halliday M.A.K. *Language as a Social Semiotic. The social interpretation of language and meaning* /M.A.K. Halliday. — London: Edward Arnold, 1978. — 257 p.
124. Hannappel H., Melenk H. *Pragmatik der Wertbegriffe // Pragmatik. Theorie und Praxis. Amsterdamer Beiträge zur Neueren Germanistik. Band 13-1981*. Hg.: Wolfgang Frier. Amsterdam: Rodopi, 1981. — S. 209–237.
125. Hausendorf H., Kesselheim W., Kato H., Breitholz M. *Textkommunikation* /H. Hausendorf, W. Kesselheim. — Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2017. — 428 S.
126. Heinemann W. *Textsorte — Textmuster — Texttyp* /W. Heinemann. *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft (HSK)*. Bd. 16.1. *Text- und Gesprächslinguistik*. — Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2000a. — S. 507–523.
127. Heinemann M. *Textsorten des Bereichs Hochschule und Wissenschaft* /M. Heinemann. *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft (HSK)*. Bd. 16.1. *Text- und Gesprächslinguistik*. — Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2000b. — S. 702–709.
128. Heinemann M., Heinemann W. *Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion — Text — Diskurs*. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. — 281 S.
129. Hempel K.G. *Nationalstile in archäologischen Fachtexten. Bemerkungen zu „Stilbeschreibungen“ im Deutschen und im Italienischen* /K.G. Hempel. *Die Wissenschaft und ihre Sprachen*. — Bern: Peter Lang, 2006. — S. 255–275.
130. Hermanns F. *Schlüssel-, Schlag- und Fahnenwörter. Zu Begrifflichkeit und Theorie der lexikalischen „politischen Semantik“* /F. Hermanns. *Arbeiten aus dem Sonderforschungsbereich 245 „Sprache und Situation“*. — Heidelberg, Mannheim: Institut für deutsche Sprache. — 59 S.
131. Hood S. *Appraising Research. Evaluation in Academic Writing* /S. Hood. — London: Palgrave Macmillan, 2010. — 227 p.
132. Hood S. *Voice and Stance as Appraisal: Persuading and Positioning in Research Writing across Intellectual Fields* /S. Hood. — London/New York: Palgrave Macmillan, 2012. — Pp. 51–69.

133. Hood S. Systemic functional linguistics and EAP /S. Hood. *The Routledge Handbook of English for Academic Purposes*. — New York: Routledge, 2016. — Pp. 193–206.
134. Hunston S. Evaluation and organization in a sample of written academic discourse /S. Hunston. *Advances in Written Text Analysis*. — London, New York: Routledge, 1994. — Pp. 191–219.
135. Hunston S., Thompson G. Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse /S. Hunston, G. Thompson. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 225 p.
136. Hunston S. *Corpus Approaches to Evaluation. Phraseology and Evaluative Language* /S. Hunston. — New York/London. Routledge, 2011. — 212 p.
137. Hutz M. „Insgesamt muss ich leider zu einem ungünstigen Urteil kommen.“ Zur Kulturspezifik wissenschaftlicher Rezensionen im Deutschen und Englischen /M. Hutz// *Zur Kulturspezifik von Textsorten*. — Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr, 2001. — S. 109–130.
138. Hyland K. Engagement and Disciplinarity: the other side of evaluation /K. Hyland. *Academic Discourse: new insights into Evaluation*. — Amsterdam: Peter Lang, 2004. — Pp. 13–30.
139. Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing* /K. Hyland. — London/New York: Continuum, 2005. — 230 p.
140. Hyland K., Tse P. *Discipline and Gender: Constructing Rhetorical Identity in Book Reviews* /K. Hyland, P. Tse. *Academic Evaluation*. — New York: Palgrave Macmillan, 2009. — Pp. 105–122.
141. Hyland K., Jiang F. “In this paper we suggest”: Changing patterns of disciplinary metadiscourse /K. Hyland, F. Jiang// *English for Specific Purposes*. — 2018. — Vol. 51. — Pp. 18–30. DOI:10.1016/j.esp.2018.02.001
142. Jaffe A. Introduction: The Sociolinguistics of Stance /A. Jaffe// *Stance: Sociolinguistic Perspectives*. — Oxford: Oxford University Press, 2009. — Pp. 3–29. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195331646.001.0001
143. Jahr S. *Emotionen und Emotionsstrukturen in Sachtexten: Ein interdisziplinärer Ansatz zur qualitativen und quantitativen Beschreibung der Emotionalität von Texten* /S. Jahr. — Berlin: De Gruyter, 2000. — 268 S.
144. Kotthoff H. *Vortragsstile im Kulturvergleich: Zu einigen deutsch-russischen Unterschieden* /H. Kotthoff// *Perspektiven auf Stil*. — Berlin, Boston: Max Niemeyer Verlag, 2013. — S. 321–350. <https://doi.org/10.1515/9783110941524.321>
145. Krause D. *Luhmann-Lexikon: Eine Einführung in das Gesamtwerk von Niklas Luhmann* /D. Krause. — Stuttgart: UTB, 2005. — 335 S.
146. Leech G. *Semantics. The Study of Meaning* /G. Leech. — Harmondsworth: Penguin Books, 1981. — 383 p.
147. Liedtke F. *Moderne Pragmatik. Grundbegriffe und Methoden* /F. Liedtke. — Tübingen: Narr Francke Attempto, 2016. — 238 S.

148. Löffler H. Germanistische Soziolinguistik /H. Löffler. — Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2016. — 222 S.
149. Longino H.E. Science as Social Knowledge /H.E. Longino. — Princeton: Princeton University Press, 1990. — 280 p.
150. Malrieu J.P. Evaluative Semantics. Cognition, language and ideology /J.P. Malrieu. — London/New York: Routledge Frontiers of Cognitive Science, 1999. — 328 p.
151. Martin J.R., White P.R.R. The Language of Evaluation. Appraisal in English /J.R. Martin, P.R.R. White. — Hampshire/New York: Palgrave Macmillan, 2005. — 278 p.
152. Meibauer J. What is a context? Theoretical and empirical evidence /J. Meibauer. What is a Context? Linguistic approaches and challenges. — Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012. — Pp. 9–33.
153. Mittelstraß J., Trabant J., Fröhlicher P. Wissenschaftssprache: Ein Plädoyer für Mehrsprachigkeit in der Wissenschaft /J. Mittelstraß, J. Trabant, P. Fröhlicher. — Stuttgart: J.B. Metzler/Springer Verlag, 2016. — 50 S.
154. Moschonas S. Ideology and Language (Ιδεολογία και γλώσσα) /S. Moschonas. — Athens: Patakis, 2005. — 338 p.
155. Nefedov S.T. Towards Evaluation in Scientific Reviews (Based on German Linguistics) /S.T. Nefedov // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. — 2019. — N 12 (10). — Pp. 1868–1886. DOI:10.17516/1997–1370–0494.
156. Nefedov S.T., Chernyavskaya V.E. Analyzing social meaning: How words matter in social contexts (based on German communicative practice) /S.T. Nefedov, V.E. Chernyavskaya// J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. — 2021. — N 14 (10). — Pp. 1556–1566. DOI: 10.17516/1997-1370-0839
157. Nefedov, S.T. Evaluation catalysts: how to recognize evaluative meanings /S.T. Nefedov// J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. — 2022. — N 15(11). — Pp. 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945.
158. Paltridge B. The discourse of peer review. Reviewing Submissions to Academic Journals /B. Paltridge. — London: Palgrave Macmillan, 2017. — 235 p.
159. Ripfel M. Wörterbuchkritik. Eine empirische Analyse von Wörterbuchrezensionen /M. Ripfel. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1989. — 357 S.
160. Russian Journal of Linguistics: website. Terms for authors. — Moscow, 2016. — URL: <https://journals.rudn.ru/linguistics/index> (accessed on: 25.08.2022).
161. Sager S.F. Sind Bewertungen Handlungen? /S.F. Sager// Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 1982. — Vol. 10. — N 1. — S. 38–57.

162. Schweickard W. Die sprachwissenschaftliche Rezension als Forschungsgegenstand (am Beispiel rumänistischer Rezensionen des 19. Jahrhunderts) /W. Schweickard. Beiträge zur rumänischen Sprache im 19. Jahrhundert. Akten des Kolloquiums „Die rumänische Sprache im 19. Jahrhundert“, Regensburg 26.–28. April 1990. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. — S. 361–369.
163. Shaw Ph. How do we recognize implicit evaluation in academic book reviews? /Ph. Shaw// Academic Discourse: Linguistic Insights into Evaluation. — Bern: Peter Lang, 2004. — Pp. 121–140.
164. Shaw Ph. The Lexis and Grammar of Explicit Evaluation in Academic Book Reviews, 1913 and 1993 /Ph. Shaw// Academic Evaluation. — London: Palgrave Macmillan, 2009. — Pp. 217–236.
165. Spitzmüller J. „Sprache“ – „Metasprache“ – „Metapragmatik“: Sprache und sprachliches Handeln als Gegenstand sozialer Reflexion /J. Spitzmüller// Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit (Handbuch Sprachwissen 10). — Berlin/Boston: De Gruyter, 2019. — S. 11–30. DOI:10.1515/9783110296150-002
166. Starfield S., Paltridge B. Understanding the language of evaluation in examiners' reports on doctoral theses /S. Starfield, B. Paltridge// Linguistics and Education. — 2015. — N 31. — Pp. 130–144.
167. Stöckl H. Typographie: Gewand und Körper des Textes — Linguistische Überlegungen zu typographischer Gestaltung /H. Stöckl// Zeitschrift für Angewandte Linguistik. — 2004. — N 41. — S. 5–48.
168. Stockmann R., Meyer W. Evaluation. Eine Einführung /R. Stockmann, W. Meyer. — Opladen & Bloomfield Hills: Verlag Barbara Budrich, 2010. — 295 S.
169. Swales J.M. Genre Analysis. English in academic and research settings /J.M. Swales. — New York/Port Chester/Melbourne/Sydney: Cambridge University Press, 1990. — 260 p.
170. Swales J.M. Evaluation in Academic Speech: First Forays /J.M. Swales// Academic Discourse: new insights into Evaluation. — Amsterdam: Peter Lang, 2004. — Pp. 31–53.
171. Szurawitzki M. Linguistische Untersuchungen zur evaluativen Sprache von Rezensionen aus der Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur /M. Szurawitzki// Moderna Sprak. — 2011. — Vol. 105. — N 1. — Pp. 74–100.
172. Thomas J. Meaning in Interaction. An Introduction to Pragmatics /J. Thomas. — London: Longman, 1995. — 224 p.
173. Thomas D.P., Thomas A.A. Evaluative stance in high achieving Year 3 persuasive texts /D.P. Thomas, A.A. Thomas// Linguistics and Education. — 2015. — N 30. — Pp. 26–41.
174. Wang Y., Nelson M.E. Discursive Construction of Authorial Voice in English Book Reviews: A Contrastive Analysis /Y. Wang, M.E. Nelson// Hong Kong Journal of Applied Linguistics. — 2012. — N 14 (1). — Pp. 1–24.

175. Warnke I. Intrakulturell versus interkulturell — zur kulturellen Bedingtheit von Textmustern /I. Warnke// Zur Kulturspezifik von Textsorten. — Tübingen: Stauffenburg, Verlag Brigitte Narr, 2007. — S. 241–255.
176. Warnke I., Spitzmüller J. Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik: Grundlagen und Verfahren einer Sprachwissenschaft jenseits textueller Grenzen /I. Warnke, J. Spitzmüller// Methoden der Diskurslinguistik: Sprachwissenschaftliche Zugänge zur transtextuellen Ebene. — Berlin/ New York: de Gruyter, 2008. — S. 3–54.
177. Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache /H. Weinrich// Jahrbuch. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. — 1989. — S. 119–159.
178. Weinrich H. Sprachen, das heißt Sprachen /H. Weinrich. — Tübingen: Narr, 2006. — 413 S.
179. Widmer Th. Qualität der Evaluation. Wenn Wissenschaft zur praktischen Kunst wird /Th. Widmer// Evaluationsforschung. Sozialwissenschaftliche Evaluationsforschung, Vol. 1. — Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2000. — S. 78–102. DOI:10.1007/978-3-322-92229-8_4
180. Widmer Th., De Rocchi Th. Evaluation. Grundlagen, Ansätze und Anwendungen /Th. Widmer, Th. De Rocchi. — Zürich/Chur: Rüegger Verlag, 2012. — 188 S.
181. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction /A. Wierzbicka. — Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. — 502 p.
182. Xu X., Nesi H. Evaluation in research article introductions: A comparison of the strategies used by Chinese and British authors /X. Xu, H. Nesi// Text&Talk. — 2019. — Pp. 1–22. DOI: 10.1515/text-2019-2046.
183. Zeitschrift für Angewandte Linguistik (ZfAL). Hinweise für AutorInnen. — Berlin: De Gruyter. — URL: <https://www.degruyter.com/journal/key/zfal/html?lang=en> (accessed on: 25.08.2022).
184. Zeitschrift für Rezensionen (ZRS). Hinweise für Autor_innen. — Berlin: De Gruyter. — URL: <https://www.degruyter.com/journal/key/zrs/html> (accessed on: 25.08.2022).
185. Zeitschrift für Sprachwissenschaft (ZfS). Hinweise für Autorinnen und Autoren. — Berlin: De Gruyter. — URL: <https://www.degruyter.com/journal/key/zfsw/html?lang=de> (accessed on: 25.08.2022).
186. Zhao J. Bewertung in chinesischen wissenschaftlichen Zeitschriftenartikeln: Wandel und Kontinuität /J. Zhao// Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. — 2015. — 45. Jg. — N 177. — S. 86–102.
187. Zhao J. Wissenschaftliche Texte: universell oder kulturspezifisch? /J. Zhao// Interkulturelles Forum der deutsch-chinesischen Kommunikation. — 2021. — Vol. 1. — N 1. — S. 22–40. DOI:10.1515/ifdck-2021-2001

188. Zou H., Hyland K. Managing evaluation: Criticism in two academic review genres /H. Zou, K. Hyland// *English for Specific Purposes*. — 2020. — Vol. 60. — Pp. 98–112. DOI:10.1016/j.esp.2020.03.004

SOURCE MATERIAL REGISTER

Research corpus data

1. Abdrakhmanova O.R. Rets. na: Kinodialog. Obraz-smysl. Pervod. Kollektivnaya monografiya pod obshch. red. prof. V.E. Gorshkovoy. — V.E. Gorshkova, E.A. Kolodina, E.V. Kremnev, I.P. Fedotova, E.O. Firsova. — Irkutsk: MGLU EALI, 2014. — 367 p. // Russian Journal of Linguistics. 2016. 20 (3). Pp. 260–262.
2. Bogdanova L.I. Review of the reference dictionary “Media Linguistics in Terms and Concepts”, ed. L.R. Duskeyeva. Moscow: Flinta, 2018. 440 p. // Russian Journal of Linguistics. 2019. 23 (3). Pp. 845–851.
3. Boguslavskiy I.M. Review of E.V. Paducheva. Russian negative sentence. M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013. // Topics in the study of language. 2016. № 2. Pp. 121–127.
4. Vasilyeva N.V. Cognitive Onomastics: A Look from Europe Review of the book: Brendler, S. (Ed.). (2016). Cognitive Onomastics: A Reader. Hamburg: Baar, 2016. — 204 p. // Problems of Onomastics. 2017. 14 (3). Pp. 210–221.
5. Vilinbakhova E.L., Markasova E.V. Review of: R. Finkbeiner, U. Freywald (eds.). Exact repetition in grammar and discourse. Berlin: De Gruyter Mouton, 2018. viii + 394 p. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, 323.) // Topics in the study of language. 2020. № 3. Pp. 147–160.
6. Gein K.A. Toponymy in Focus. Review of the book: Barandeev, A. V. (Ed.). (2018). Voprosy geografii. Sb. 146. Aktualnye problemy toponimiki [Problems of Geography. 146. Topical Issues in Toponomastics]. Moscow: Codex. 2018. — 312 p. // Problems of Onomastics. 2019. 16 (4). Pp. 252–259.
7. Golikova D.M. Proper Names and Named Entities Recognition in the Automatic Text Processing. Review of the book: Nouvel, D., Ehrmann, M., & Rosset, S. (2016). Named Entities for Computational Linguistics. London; Hoboken: ISTE Ltd; John Wiley & Sons, Inc., 2016. — 170 p. // Problems of Onomastics. 2018. 15 (1). Pp. 207–215.
8. Golomidova M.V. Urban Everyday Life in the Mirror of Unofficial Oikonymy. Review of the book: Akhmetova, M. V. (2015). Ot A-Ata do Iarska: slovar' neofitsial'nykh nazvanii naseleennykh punktov [From A-At to Yarsk: A Dictionary of Unofficial Settlement Names]. Moscow: FORUM, 2015. — 496 p. // Problems of Onomastics. 2016. 13 (1). Pp. 241–249.
9. Goryaev S.O., Spiridonov D.V. Results and Perspectives in the Study of Names: A Look from Oxford. Review of the book: Hough, C., & Izdebska, D. (Eds.). (2016). The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford: Oxford University Press., 2016. — xxiii + 771 p. // Problems of Onomastics. 2016. 13 (2). Pp. 190–218.

10. Gusev V. Yu. Review of: A.Y. Aikhenvald, R.M.W. Dixon (eds.). *Commands: A crosslinguistic typology*. Oxford: Oxford University Press, 2017. // *Topics in the study of language*. 2019. № 5. Pp. 151–153.
11. Zholudeva L.I. Review of: Yu. I. Ivanova, M.V. Shumilin (eds.) *Language and text studies in Europe from the 14th to the 16th c. M.*: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS, 2016. 632 p. // *Topics in the study of language*. 2018. № 3. Pp. 147–153.
12. Zhornik D.O. Review of: M.C. Jones, D. Mooney (eds.). *Creating orthographies for endangered languages*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017. ix, 333 p. // *Topics in the study of language*. 2018. № 5. Pp. 162–168.
13. Zbenovich C. Review of I.A.Sedakova (Ed.) *Evolution of Values in Languages and Cultures*. — M. Probel-2000, 2011. — 240 p. // *Russian Journal of Linguistics*. 2017. 21 (3). Pp. 927–933.
14. Zirka V.V. Review of Remchukova E.N., Strakhova A.V. (2016). *Advertising through the Looking-Glass in Russia and France. Linguocreative and Gender Aspects*. Moscow. 216 p. // *Russian Journal of Linguistics*. 2017. 21 (1). Pp. 221–223.
15. Zubalov D. Yu., Mazurova Yu. V. Review of: Smakman, P. Heinrich (eds.). *Urban sociolinguistics: The city as a linguistic process and experience*. London: Routledge, 2018. 242 p. // *The topics in the study of language*. 2018. № 4. Pp. 155–161.
16. Ionova S.V. Rets. na: *Diskursivnye emotsii: kooperatsiya i dissonans. Shakhovskoy V.I. Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, yazyk, emotsii (monografiya)*. — Volgograd: Izd-vo «IP Polikarpov I.L.», 2016. — 504 p. // *Russian Journal of Linguistics*. 2016. 20 (4). Pp. 197–201.
17. Karasik V.I. Review of: O.A. Leontovich, M.A. Gulyaeva, O.V. Lunyova, M.S. Sokolova. 2019. *Positive communication*. Moscow: Gnosis. 295 p. // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. 24 (4). Pp. 1055–1061.
18. Kachalkova Yu.A. On Sociology of Urbanonymy. Review of the book: Vlahova-Angelova, M. (2013). *Ulitsite na Sofiia: kartografirane na gradskata identichnost [Streets of Sofia: Mapping the City Identity]*. Sophia: IBL», 2013. — 327 p. // *Problems of Onomastics*. 2016. 13 (1). Pp. 233–240.
19. Kozlov A.A. Review of: T. Nessel. *How Russian came to be the way it is: A student's guide to the history of the Russian language*. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2015 // *Topics in the study of language*. 2017. № 3. Pp. 125–133.
20. Konitskaya E.M. Review of: N.R. Dobrushina. *Subjunctive mood in Russian: A study of grammatical semantics*. Praha: Animedia Company, 2016. // *Topics in the study of language*. 2017. № 6. Pp. 115–122.
21. Koroleva I.A. *Toponymy of Kalmykia in Historical, Geographical and Linguistic Perspectives* Review of the book: Kichikova, N. A., Mandzhieva, E. B., & Suprun, V. I. (2017). *Toponimicheskii*

- slovar' Respubliki Kalmykiia [Toponymic Dictionary of the Republic of Kalmykia]. Elista: Dzhangar. — 272 p. // *Problems of Onomastics*. 2018. 15 (3). Pp. 250–257.
22. Kostylev Yu. S. Cultural Studies of Stone: Stones and Mountains in Folklore, Rites, and Toponymy
Review of the book: Ageeva, R. A. (2019). *Kamen' i gory v narodnoi kul'ture* [Stone and Mountains in Popular Culture]. Moscow: Maska. 250 p. // *Problems of Onomastics*. 2021. 18 (2). Pp. 260–270.
  23. Krivnova O.F. Review of: A.V. Pavlova, N. D. Svetozarova. Phrasal accent in phonetic, functional and semantic aspects. M.: Flinta, Nauka, 2018. 664 p. // *Topics in the study of language*. 2019. № 2. Pp. 160–168.
  24. Kuznetsov V.G. Review of: C. Forel, T. Robert (éds.). *Saussure: Une source d'inspiration intacte*. Genève: MētisPresses, 2017. 320 p. // *Topics in the study of language*. 2018. № 4. Pp. 162–167.
  25. Kustova G.I. Review of: E. V. Paducheva. *Egocentric language units*. M: YaSK Publishing House, 2019. 440 p. // *Topics in the study of language*. 2020. № 2. Pp. 128–135.
  26. Kyurshunova I.A, Semenova O.V. Problems of the Lexicography of Modern Regional Nicknames
Review of the book: Bobrova, M. V. (2020). *Materialy dlia slovaria sovremennykh prozvischch zhitel'ei Permskogo kraia* [Materials for the Dictionary of Modern Nicknames of the Residents of the Perm Region]. St Petersburg: RHGA. 195 p. // *Problems of Onomastics*. 2021. 18 (2). Pp. 271–280.
  27. Maslova V.A. Review of V.V. Feshhenko (ed.) (2016). *Linguistics and Semiotics of Cultural Transfer: Methods, Principles, Technology*. Moscow: Kul'turnaja revoljucija Publ, 2016. — 500 p. // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. 22 (2). Pp. 474–479.
  28. Mokienko V.M. Review of: S.G. Shulezhkova, A.A. Osipova (eds.). *Give peace a chance! Dictionary of Russian and German political slogans*. Magnitogorsk: Magnitogorskiy Dom pečati; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016 // *Topics in the study of language*. 2017. № 6. C. 150–158.
  29. Napol'skikh V.V. A Breakthrough in the Study of the Merya Problem. Review of the book: Matveyev, A.K. (2015). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vol. 4). Ekaterinburg: Ural University Press., 2015. — 313 p. // *Problems of Onomastics*. 2016. 13 (2). Pp. 177–189.
  30. Nechvolodov G.S. Review of: E. Velmezova (éd.). *L'École sémiotique de Moscou-Tartu*. Tartu-Moscou. Histoire. Épistémologie. Actualité. *Slavica Occitania*. Vol. 40. Toulouse: Université de Toulouse, 2015. // *Topics in the study of language*. 2016. № 6. Pp. 128–130.
  31. Novikova M.G. *New Trends in Modern Translation Studies*. Review of Mishkurov E.N., 2018. "Hermeneutics of Translation" (Theoretical and Methodological Standard). Moscow, 299 p. // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. 23 (2). Pp. 562–568.
  32. Ovchinnikova I.G., Akhutina T.V. Review of: A.A. Kibrik, A.D. Koshelev (comps. and eds.). A.V. Kravchenko, Yu. V. Mazurova, O.V. Fedorova (eds.). *Language and thought: Contemporary*

- cognitive linguistics. M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015. // Topics in the study of language. 2016. № 3. Pp. 131–140.
33. Panov V.A. Review of: J. Bayer, V. Struckmeier (eds.). Discourse particles: Formal approaches to their syntax and semantics. Berlin: De Gruyter Mouton, 2017 // Topics in the study of language. 2018. № 2. Pp. 132–139.
34. Panchenko N.N. Rets. na: Karasik V. I. Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy: monografiya / V.I. Karasik. — Volgograd: Paradigma, 2015. — 432 p. // Russian Journal of Linguistics. 2016. 20 (2). Pp. 142–145.
35. Patroeva N.V. Рец. на: Review of Boris Norman. 2020. Language categories in the consciousness and creativity of the Russian poet. Berlin: Peter Lang. // Russian Journal of Linguistics. 2021. 25 (1). Pp. 278–283.
36. Petrova O.V. Review of Shlepnyev D.N., 2019. General Theory of Translation: Beginnings. Job Introduction Part II. Nizhny Novgorod: NGLU, 354 p. // Russian Journal of Linguistics. 2019. 23 (2). Pp. 569–574.
37. Petrukhin P.V. Review of: S. Dekker. Old Russian birchbark letters: A pragmatic approach. Leiden: Rodopi, 2018. 200 p. // Topics in the study of language. 2019. № 4. Pp. 155–160.
38. Plotnikova A.A. Old Believers' Personal Names in a Foreign Language Environment Review of the book: Ziółkowska-Mówka, M. System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce [Anthroponymic System of Old Believers Living in Poland]. Toruń: EIKON, 2018. — 469 s. // Problems of Onomastics. 2020. 17 (1). Pp. 253–261.
39. Podlesskaya V.I. Review of: O. Yu. Inkova (ed.). Semantics of connectives: A contrastive study, 2018. 368 p. // Topics in the study of language. 2019. № 5. Pp. 146–150.
40. Polonskiy A.V. Review of I.P. Lysakova (2019). Sociolinguistic Study of Soviet Press: Theory and Practice. St. Petersburg, RGPU Publisher, 335 p. // Russian Journal of Linguistics. 2019. 23 (3). Pp. 852–855.
41. Romanova T.P. An All-Slavic Dictionary of Folk Zoonymy Review of the book: Warchoł, S. (2007–2016). Słownik etymologiczno-motywacyjny słowiańskiej zoonimii ludowej [The Etymological and Motivational Dictionary of Slavic Folk Zoonyms] (Vols. 1–5). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej., 2007–2016. // Problems of Onomastics. 2017. 14 (3). Pp. 233–240.
42. Smirnov O.V. “A Time to Gather Stones...”: On the Birth of a New Science Review of the book: Napolskikh, V. V. (2015). Ocherki po etnicheskoj istorii [An Outline of Ethnic History]. Kazan: Kazanskaia nedvizhimost', 2015. — 648 p. // Problems of Onomastics. 2017. 14 (3). Pp. 222–232.
43. Sokolova T.P. The Problems of Urban Place Names Description. Review of the books: Shmeleva, T. V. (2014). Onomastikon rossiiskogo goroda [Onomasticon of a Russian City]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing; Shmeleva, T. V. (2016). Novgorodskaya slovesnost': ucheb.

- posobie [Novgorod Philology: A Handbook]. Veliky Novgorod: Yaroslavthe-Wise Novgorod State University, 2014. — 137 p. // Problems of Onomastics. 2018. 15 (1). Pp. 196–206.
44. Suprun V.I. Astrakhan's Anthroponymy over Time. Review of the book: Kopylova, E. V. (2016). *Imia i vremia: dva veka istorii imen astrakhantsev (1800–2000 gg.)* [Name and Time: Two Centuries in the History of Astrakhan Citizens' Names (1800–2000)]. Moscow: KnoRus; Astrakhan: Astrakhan University Press, 2016. — 448 c. // Problems of Onomastics. 2017. 14 (2). Pp. 174–182.
45. Falileyev A.I. Geographic Names of Flintshire, Wales Review of the book: Owen, H. W., & Gruffydd, K. L. *Place-names in Flintshire*. Cardiff: University of Wales Press, 2017. — 272 p. // Problems of Onomastics. 2020. 17 (1). Pp. 241–252.
46. Kharlamova T.V. Review of T.V. Dubrovskaya, E.K. Reva, E.A. Kozhemyakin, Ya.F. Yaroslavtseva, D.V. Arekhina (2017). *Political, legal and mass media discourse in terms of discursive construction of Russia's international and interethnic relations*. Moscow: Flinta: Nauka Publ, 248 pp. // Russian Journal of Linguistics. 2018. 22 (2). Pp. 480–488.
47. Zimmerling A.V. Review of: Steven Franks. *Syntax and Spell-Out in Slavic*. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2017. 346 p. // Topics in the study of language. 2019. № 6. Pp. 145–155.
48. Chulkina N.N. Review of I.A. Bubnova, V.I. Zykova, V.V. Krasnykh, N.V. Ufimtseva (2017). *(Neo)psycholinguistics and (psycho)linguoculturology: new sciences about Homo loquens*, Moscow: Gnosis, 390 p. // Russian Journal of Linguistics. 2018. 22 (1). Pp. 200–209.
49. Shakhovsky V.I. Review of V.A. Pishchalnikova and A.G. Sonin's textbook "General Linguistics". Moscow: R.Valent. 480 p. // Russian Journal of Linguistics. 2017. 21 (3). Pp. 934–940.
50. Shmeleva T.V. *New Advances in the Study of Hydronymy*. Review of the book: Vasilyev, V. L. *Gidronimiia basseina reki Msty: svod nazvanii i analiz mikrosistem* [The Hydronymy of the Msta River Basin: Nomenclature and Analysis of Microsystems]. Moscow: Izdatel'skii dom IaSK, 2017. — 344 p. // Problems of Onomastics. 2018. 15 (2). Pp. 263–272.
51. Adamzik K. Rez. auf: Heiko Hausendorf, Reinhold Schmitt & Wolfgang Kesselheim (Hg.). 2016. *Interaktionsarchitektur, Sozialtopographie und Interaktionsraum (Studien zur deutschen Sprache 72)*. Tübingen: Narr/Francke/Attempto. 448 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2017. 9 (1–2). S. 176–182.
52. Arendt B., Vollmer M. Rez. auf: Elin Fredstedt, Robert Langhanke & Astrid Westergaard (Hg.) 2015. *Modernisierung in kleinen und regionalen Sprachen (Kleine und regionale Sprachen: KURS 1)*. Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms. 197 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 153–159.
53. Ballstaedt S.-P. Rez. auf: Klotz, Peter. 2019. *Werten. Zur Praxis mentaler, pragmatischer und sprachlicher Orientierung*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 230 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2020. 73. S. 301–305.

54. Bendel Larcher S. Rez. auf: Liv Andresen. 2015. Persönlichkeitsspezifische Sprachvariation. Eine empirische Untersuchung zum Zusammenhang von Extraversion und Nähesprachlichkeit (Germanistische Linguistik – Monographien 31). Hildesheim u. a.: Georg Olms. 177 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 30–35.
55. Böhnert K. Rez. auf: Kiesendahl, Jana & Ott, Christine. 2015. Linguistik und Schulbuchforschung. Gegenstände – Methoden – Perspektiven. Göttingen: V&R unipress. 346 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2016. 65. S. 189–196.
56. Briese J. Rez. auf: Frank Liedtke: Moderne Pragmatik. Grundbegriffe und Methoden. Tübingen: Narr Francke Attempto 2016 (Narr Studienbücher). IV +238 S. // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2017. 36 (2). S. 319–325.
57. Brommer S. Rez. auf: Michael Hoffmann. 2017. Stil und Text. Eine Einführung (Narr Studienbücher). Tübingen: Narr/Francke/Attempto. 267 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2019. 11 (1–2). S. 59–63.
58. Bülow L. Rez. auf: de Bot, Kees. 2015. A History of Applied Linguistics. From 1980 to the present. London: Routledge. 154 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2016. 64. S. 137–143.
59. Busch F. Rez. auf: Wagner, Franc & Kleinberger, Ulla (Hrsg.). 2014. Sprachbasierte Medienkompetenz von Kindern und Jugendlichen. Bern u.a.: Peter Lang (Sprache in Kommunikation und Medien, Band 5). 252 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2016. 65. S. 197–204.
60. Ehrhardt C. Rez. auf: Tatsuhiko Yoshida. 2016. Höflichkeit als Ressource zur interkulturellen Kommunikation. Theorie und Praxis zur gesprächsanalytischen Höflichkeitsforschung. München: Iudicium. 289 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2017. 9 (1–2). S. 72–77.
61. Fiehler R. Rez. auf: Leonardi, Simona, Thüne, Eva-Maria & Betten, Anne (Hrsg.) (2016). Emotionsausdruck und Erzählstrategien in narrativen Interviews. Analysen zu Gesprächsaufnahmen mit jüdischen Emigranten. Würzburg: Königshausen & Neumann. 388 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2018. 68. S. 159–166.
62. Fix U. Rez. auf: Jürgen Schiewe (Hg.). 2016. Angemessenheit. Einsichten in Sprachgebräuche (Valerio 18). Göttingen: Wallstein. 180 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2017. 9 (1–2). S. 136–143.
63. Fuhrhop N. Rez. auf: Hans-Georg Müller. 2016. Der Majuskelgebrauch im Deutschen. Groß- und Kleinschreibung. Theoretisch, empirisch, ontogenetisch (Germanistische Linguistik 305). Berlin, Boston: De Gruyter. 418 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2017. 9 (1–2). S. 128–132.
64. Gansel Ch. Rez. auf: Katharina Jacob. 2017. Linguistik des Entscheidens. Eine kommunikative Praxis in funktionalpragmatischer und diskurslinguistischer Perspektive. Berlin, Boston: De Gruyter. 489 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2020. 12 (1–2). S. 69–74.

65. Gredel E. Rez. auf: Sylvia Bendel Larcher. 2015. Linguistische Diskursanalyse. Ein Lehr- und Arbeitsbuch. Tübingen: Gunter Narr. 256 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 131–135.
66. Gredig A. Rez. auf: Dimitrios Meletis. 2015. Graphetik. Form und Materialität von Schrift. Glückstadt: Verlag Werner Hülsbusch. 225 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 119–123.
67. Gruber H. Rez. auf: Sarah Brommer. 2018. Sprachliche Muster. Eine induktive korpuslinguistische Analyse wissenschaftlicher Texte (Empirische Linguistik/Empirical Linguistics Band 10). Berlin, Boston: de Gruyter. xvi, 423 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2020. 12 (1–2). S. 126–131.
68. Heilmann Ch. M. Rez. auf: Hannken-Illjes, Kati. 2018. Argumentation. Einführung in die Theorie und Analyse der Argumentation. Tübingen: Narr Studienbücher. 193 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2019. 70. S. 183–189.
69. Heinz T. Rez. auf: Kersten Sven Roth, Jürgen Spitzmüller, Birte Arendt & Jana Kiesendahl (Hg.). 2015. Sprache, Universität, Öffentlichkeit. Festschrift für Jürgen Schiewe. Bremen: Hempen. 261 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 48–52.
70. Imo W. Rez. auf: Elizabeth Couper-Kuhlen & Margret Selting. 2018. Interactional Linguistics. Studying Language in Social Interaction. Cambridge: Cambridge University Press. 617 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2018. 10 (1–2). S. 138–144.
71. Knobloch C. Rez. auf: Hansjakob Seiler (Hrsg.): Das Konzept der Objektrelation und das Kontinuum ihrer Varianten: Ein muttersprachlicher Zugang. München: LINCOM Europa 2015 (LINCOM Studies in Theoretical Linguistics 57). 146 S. // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2016. 35 (2). S. 223–229.
72. Krefeld Th. Rez. auf: Helmuth Feilke & Mathilde Hennig (Hg.). 2016. Zur Karriere von ‚Nähe und Distanz‘. Rezeption und Diskussion des Koch-Oesterreicher-Modells (Germanistische Linguistik 306). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton. vii, 415 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2018. 10 (1–2). S. 8–14.
73. Lenk H. Rez. auf: Agnieszka Marta Kurzyńska. 2015. Das deutsche Poplied als Textsorte. Eine Studie über neuere deutsche Liedertexte aus textuell-stilistischer Sicht (Danziger Beiträge zur Germanistik 49). Frankfurt a. M. u. a.: Peter Lang. 177 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 124–130.
74. Liedtke F. Rez. auf: Peter Klotz. 2017. Modifizieren. Aspekte pragmatischer und sprachlicher Textgestaltung. Berlin: Erich Schmidt. 214 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2018. 10 (1–2). S. 231–235.

75. Markewitz F. Rez. auf: Greule, Albrecht & Reimann, Sandra. 2015. Basiswissen Textgrammatik. Tübingen: A. Francke Verlag. 105 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2018. 68. S. 173–180.
76. Marten H. F. Rez. auf: Schmitt, Holger. 2018. Language in the Public Space. An Introduction to the Linguistic Landscape. Printed in Wroclaw by Amazon Fulfilment. 205 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2019. 71. S. 385–393.
77. Munske H. H. Rez. auf: Jürg Fleischer. 2017. Geschichte, Anlage und Durchführung der Fragebogen-Erhebungen von Georg Wenkers 40 Sätzen. Dokumentation, Entdeckungen und Neubewertungen (DDG 123). Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms. XII + 199 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2019. 11 (1–2). S. 216–218.
78. Niehaus K. Rez. auf: Fredsted, Elin, Langhanke, Robert & Westergaard, Astrid (Hgg.). 2015. Modernisierung in kleinen und regionalen Sprachen. Hildesheim/Zürich/New York: Georg Olms. 200 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2016. 65. S. 223–231.
79. Niehr Th. Rez. auf: Pappert, Steffen & Michel, Sascha (Hgg.). 2018. Multimodale Kommunikation in öffentlichen Räumen. Texte und Textsorten zwischen Tradition und Innovation. Stuttgart: ibidem (= Perspektiven Germanistischer Linguistik 14). 236 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2019. 70. S. 207–211.
80. Nowak J. Rez. auf: Eugen Hill: Einführung in die historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft 2013. 159 S. // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2016. 35 (2). S. 230–233.
81. Oberdorfer G. Rez. auf: Eva Neuland. 2016. Deutsche Schülersprache. Sprachgebrauch und Spracheinstellungen Jugendlicher in Deutschland. Unter Mitarbeit von Daniel Buchenauer, geb. Schubert (Sprache – Kommunikation – Kultur 20). Frankfurt a. M. u. a.: Peter Lang. 334 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2017. 9 (1–2). S. 88–92.
82. Rapp I. Rez. auf: Cathrine Fabricius-Hansen/Kåre Solfeld/Anneliese Pitz: Der Konjunktiv. Formen und Spielräume. Staufenburg Linguistik 100. Tübingen: Staufenburg, 2018, XVI + 270 S. // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2019. 38 (2). S. 305–309.
83. Reinhardt M. Rez. auf: Martina Wörgötter: Poetik und Linguistik. Die literarische Sprache Marie-Thérèse Kerschbaumers. Freiburg, Berlin, Wien: Rombach 2016 (Litterae 214). 445 S. // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2018. 37 (1). S. 129–130.
84. Rohde A. Rez. auf: Gebele, Diana & Zepter, Alexandra L. 2016. Inklusion: Sprachdidaktische Perspektiven – Theorie, Empirie, Praxis. KöBeS (11) 2016. Duisburg: Gilles & Francke. 405 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2017. 67. S. 185–191.

85. Römer D. Rez. auf: Siefkes, Martin & Doris Schöps. 2013. Neue Methoden der Diskursanalyse. Themenheft Zeitschrift für Semiotik, Band 35, Heft 3–4. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 332 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2017. 67. S. 193–203.
86. Schiewe J. Rez. auf: Nicole Kaminski. 2015. Literaturkritik ohne Sprachkritik? Theodor Fontane, Alfred Kerr, Karlheinz Deschner, Marcel Reich-Ranicki und Kollegen (Frankfurter Forschungen zur Kultur und Sprachwissenschaft 20). Frankfurt a. M. u. a.: Peter Lang. 291 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 191–197.
87. Schmitt H. Rez. auf: Marten, Heiko F. & Saagpakk, Maris (Hgg.). 2017. Linguistic Landscapes und Spot German an der Schnittstelle von Sprachwissenschaft und Deutschdidaktik. München: IUDICIUM. 190 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2019. 70. S. 228–233.
88. Schmitz U. Rez. auf: Dürscheid, Christa & Frick, Karina. 2016. Schreiben digital. Wie das Internet unsere Alltagskommunikation verändert. Stuttgart: Kröner (Einsichten, Band 3). 156 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2017. 67. S. 215–217.
89. Senoner D. Rez. auf: Bendel Larcher, Sylvia. 2015. Linguistische Diskursanalyse. Ein Lehr- und Arbeitsbuch. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag. 256 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2016. 65. S. 233–240.
90. Shim A.-F. Rez. auf: Marx, Konstanze & Simon Meier (Hrsg.). 2018. Sprachliches Handeln und Kognition. Theoretische Grundlagen und empirische Analysen (Linguistik – Impulse & Tendenzen 75). Berlin & Boston: de Gruyter. 236 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2020. 73. S. 307–312.
91. Spieß C. Rez. auf: Stopfner, Maria. 2013. Streitkultur im Parlament. Linguistische Analyse der Zwischenrufe im österreichischen Nationalrat. Tübingen: Narr. 332 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2016. 65. S. 241–248.
92. Staffeldt S. Rez. auf: Liedtke, Frank. 2016. Moderne Pragmatik. Grundbegriffe und Methoden (narr Studienbücher). Tübingen: Narr/Francke/Attempto. 238 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2018. 69. S. 143–153.
93. Ubl M.-O. Rez. auf: Albert, Georg & Sabine Diao-Klaeger (Hrsg.). 2018. Mündlicher Sprachgebrauch. Zwischen Normorientierung und pragmatischen Spielräumen (Stauffenburg Linguistik, Band 101). Tübingen: Stauffenburg Verlag. 316 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2020. 73. S. 341–348.
94. Verhein-Jarren A. Rez. auf: Göpferich, Susanne. 2015. Text Competence and Academic Multiliteracy. From Text Linguistics to Literacy Development. Tübingen: Narr (Europäische Studien zur Textlinguistik, 16). 299 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2016. 64. S. 145–148.

95. Vogel F. Rez. auf: Niehr, Thomas. 2014. Einführung in die Politolinguistik. Göttingen: UTB. 191 S. Klein, Josef. 2014. Grundlagen der Politolinguistik. Ausgewählte Aufsätze. Berlin: Frank & Timme. 392 S. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2016. 64. S. 153–158.
96. Völker H. Rez. auf: Gessinger, Joachim, Angelika Redder & Ulrich Schmitz (Hrsg.). 2018. Korpuslinguistik (Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST) Heft 92/2018). Duisburg: Universitätsverlag Rhein-Ruhr. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2020. 73. S. 349–355.
97. Walczak G. Rez. auf: Sebastian Löbner: Understanding Semantics. 2nd edition. London & New York: Routledge 2013 (Understanding Language Series). XI + 379 S. // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2016. 35 (2). S. 234–236.
98. Weidacher G. Rez. auf: Heiko Hausendorf, Wolfgang Kesselheim, Hiloko Kato & Martina Breitholz. 2017. Textkommunikation. Ein textlinguistischer Neuansatz zur Theorie und Empirie der Kommunikation mit und durch Schrift. (Reihe Germanistische Linguistik). Berlin, Boston: De Gruyter. 414 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2019. 11 (1–2). S. 28–33.
99. Ziem A. Rez. auf: Marcus Müller. 2015. Sprachliches Rollenverhalten. Korpuspragmatische Studien zu divergenten Kontextualisierungen in Mündlichkeit und Schriftlichkeit (Sprache und Wissen 19). Berlin, Boston: De Gruyter. 377 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 103–107.
100. Zifonun G. Rez. auf: Martin Pfeiffer. 2015. Selbstreparaturen im Deutschen. Syntaktische und interaktionale Analysen. (Linguistik – Impulse & Tendenzen 68). Berlin, Boston: De Gruyter. 433 S. Laura Di Venanzio. 2016. Die Syntax von Selbstreparaturen. Sprach- und erwerbsspezifische Reparaturorganisation im Deutschen und Spanischen. (Linguistik – Impulse & Tendenzen 67). Berlin, Boston: De Gruyter. 639 S. // Zeitschrift für Rezensionen. 2016. 8 (1–2). S. 204–211.